

КУЛЬТУРНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО 1870-1900-х гг. ХРЕСТОМАТИЯ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КУЛЬТУРНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

1870-1900-х гг.

Хрестоматия

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2016

УДК 323.32(47+57)
ББК 60.51(2Рос)52
К 90

*В оформлении обложки использована
репродукция картины Г. Г. Мясоедова «Земство обедает»*

**К 90 Культурное народничество 1870-1900-х гг. : хрестоматия / составление, вступительная статья и примечания Г. Н. Мокшина ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2016. – 376 с.
ISBN 978-5-9273-2337-1**

В хрестоматию включены программные документы, публицистические статьи и письма теоретиков культурного народничества 1870-1900-х гг. Связывающим звеном между текстами служит проблема интеллигенции и ее места и роли в общественной жизни пореформенной России. Каждая из представленных публикаций раскрывает одну из ее сторон: определение понятия «интеллигенция», ее происхождение и положение в обществе, отношение к капитализму, общине, земству, кооперации, пути преодоления раскола с народом.

Для научных работников, магистров, студентов и всех интересующихся историей русской общественной мысли.

УДК 323.32(47+57)
ББК 60.51(2Рос)52

ISBN 978-5-9273-2337-1

© Мокшин Г. Н., составление, 2016
© Воронежский государственный
университет, 2016
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Раздел I. Вторая половина 1870-х – начало 1880-х гг.	
<i>Червинский П. П.</i> Отчего безжизненна наша литература?.....	14
<i>Воронцов В. П.</i> По вопросу об условиях революции в России.....	24
<i>Каблиц И. И.</i> Интеллигенция и народ.....	35
<i>Каблиц И. И.</i> Личность и общественные формы.....	43
<i>Каблиц И. И.</i> Что такое народничество?.....	50
<i>Оболенский Л. Е.</i> Народники и г. Достоевский бичующие либералов...58	
<i>Оболенский Л. Е.</i> Возможно ли работать только для прогресса?.....	64
<i>Энгельгардт А. Н.</i> «Письма из деревни». Письмо десятое.....	76
<i>Оболенский Л. Е.</i> Первое марта 1881 года. Куда идти теперь?.....	90
<i>Кривенко С. Н.</i> Кого считать интеллигенцией.....	98
<i>Кривенко С. Н.</i> Искание интеллигенцией связи с народом.....	104
<i>Воронцов В. П.</i> Предисловие к книге «Судьбы капитализма в России»	112
Раздел II. Середина 1880-х – первая половина 1890-х гг.	
<i>Златовратский Н. Н.</i> Основные тезисы народничества.....	119
<i>Гайдебуров П. А.</i> От редакции газеты «Неделя».....	127
<i>Оболенский Л. Е.</i> Письмо к Н.К. Михайловскому.....	128
<i>Абрамов Я. В.</i> Правда ли, что нет дела?.....	133
<i>Бирюкович В. В.</i> Вопрос о переселении интеллигенции из городских центров в деревни.....	139
<i>Приклонский С. А.</i> Интеллигенция на земской службе.....	143
<i>Абрамов Я. В.</i> Наш капитализм.....	161
<i>Пругавин В. С.</i> К вопросу об общественных запашках.....	164
<i>Абрамов Я. В.</i> Мрачные и светлые явления.....	172
<i>Лаврский К. В.</i> Сомнения относительно «своего труда». (Письмо деревенского жителя)	176
<i>Абрамов Я. В.</i> Тяготение к земле.....	187
<i>Воронцов В. П.</i> Попытки обоснования народничества.....	194
<i>Ан-ский С. А.</i> Очерки народной литературы.....	206
<i>Кривенко С. Н.</i> По поводу культурных одиночек.....	213
<i>Абрамов Я. В.</i> Геройство и безделье.....	225
Раздел III. Вторая половина 1890-х – середина 1900-х гг.	
<i>Воронцов В. П.</i> Кризис идей семидесятых годов.....	230
<i>Пругавин А. С.</i> Частная инициатива в деле народного образования (К вопросу о расплате с народом).....	242
<i>Абрамов Я. В.</i> Малые и великие дела.....	256
<i>Кривенко С. Н.</i> К характеристике нашего времени.....	264
<i>Воронцов В. П.</i> Идеи неомарксизма и русская действительность.....	269
<i>Соколовский П. А.</i> О союзах кооперативных обществ.....	279
<i>Оболенский Л. Е.</i> Народники и марксисты (Критическая заметка)...288	

<i>Кривенко С. Н.</i> Крестьянское дело и канцелярское творчество.....	300
<i>Оболенский Л. Е.</i> Что я пережил в провинции в дни смуты.....	311
<i>Воронцов В. П.</i> Заключительные строки к книге «От семидесятих годов к девятистам».....	319
<i>Максимов Е. Д.</i> Несколько слов о культурной работе.....	325
Примечания	331
Сведения об авторах	346
Список сокращений	355
Именной указатель	356
Предметный указатель	360
Библиография	372

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая половина XIX – начало XX в. – особый период в истории русской общественности. Отмена крепостного права и вызванная ею цепная реакция реформ призвали русское общество к активной деятельности на пользу освобожденного народа. Тогда же главной движущей силой общественного движения становится так называемая «передовая» русская интеллигенция¹, дворянско-разночинная по происхождению, и радикально-демократическая, *народническая* по исповедуемым идеалам и стремлениям.

Вера интеллигенции в особое историческое предназначение русского народа как творца нового, более справедливого общественного устройства действительно сделала его знаменем нового этапа российского освободительного движения. «Вся программа настоящего времени, – писал в 1876 г. подлинный властитель дум тогдашней интеллигенции Н. К. Михайловский², – все его стремления, желания и цели, все их *profession de foi*³ может быть исчерпано двумя словами: русский народ»⁴.

Современные исследователи рассматривают русское народничество прежде всего как способ самоидентификации маргинальной пореформенной интеллигенции через идею служения трудовому народу, который ее кормит и поит, но ничего за это не получает. Народ, по словам историка В. Г. Хороса, играл роль того «икса», «при подстановке которого все миропонимание народнической молодежи обретало стройность и законченность». При этом интеллигенция исходила не столько из объективных качеств и нужд основного населения страны, сколько из внутренней потребности найти опору своей жизнедеятельности⁵. Но означает ли это, что отстаиваемая народниками доктрина самобытной (некапиталистической) модернизации страны не соответствовала объективным потребностям ее развития и защищала интересы не реального, а воображаемого народа? Конечно, однозначного ответа на этот вопрос нет и быть не может.

Главное отличие народничества от других общественных течений пореформенного периода – понимание русской жизни как антагонистической дихотомии: «народ – не народ». «Народ» – это физически трудящиеся классы, «не народ» – все остальные, находящиеся в привилегированном положении (включая интеллигенцию). Такой подход позволил народникам сделать три принципиально важных вывода: 1) «народ» беден (по сравнению с «не народом»), 2) причина народ-

ной бедности – его угнетение тем же «не народом», 3) необходимость избавления народа от бедности и угнетения путем построения социально и культурно однородного (социалистического) общества.

Современному читателю подобные рассуждения могут показаться голой абстракцией. Но в XVIII – начале XX в. социокультурный раскол России на «образованное» общество, усвоившее плоды европейской культуры, и простой народ, сохранявший культурные традиции Московской Руси, – это исторический факт, печальное последствие начавшейся еще при Петре I вестернизации страны. К сожалению, народники избрали самый радикальный способ сближения «культурного» общества с народом (на основе теории общинного социализма). Но это не отменяло объективной потребности в гармонизации русской жизни, в том числе и ее демократизации.

Русское народничество довлело над сознанием отечественной интеллигенции более полувека: от 1860-х до 1920-х гг. (до тех пор, пока сохранялась крестьянская община). За это время оно успело разбиться на множество непримиримых направлений и течений. Но обычно в нем выделяют два главных рукава: революционное и легально-реформаторское народничество.

Данная хрестоматия посвящена представителям правого крыла легального народничества, которое в современной историографии все чаще обозначается как «культурное» или «культурническое» народничество⁶. «Народники-культурники» И. И. Каблиц-Юзов, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов, В. В. Воронцов, С. Н. Кривенко, Е. Д. Максимов призывали русскую демократическую интеллигенцию отказаться от начатой народовольцами борьбы за политическую демократизацию страны и идти в деревню на так называемую «культурную работу» – так в последней трети XIX – начале XX в. называли культурно-просветительскую деятельность земских и сельских учителей, врачей, агрономов и др.

В марксистской историографии понятия «культурник» и производное от него «культурничество» употреблялись в уничижительном, почти что бранном значении. Культурник – это деятель, который «мелко плавает», а культурная работа «бесплодна, как песок в пустыне», потому что совершенно оторвана от «политики»⁷. Не случайно советские народниковеды старались этих терминов не употреблять, растворяя культурников в «либеральном» народничестве⁸.

Первым исследователем, который вернул теоретикам и практикам культурно-народнического направления более подходящее для них

название «культурное/культурническое народничество», был В. И. Харламов. Это произошло на рубеже 1970–1880-х гг.⁹ Затем данный подход получил развитие в исследованиях уже российских историков В. В. Зверева и Г. Н. Мокшина, попытавшихся реабилитировать культурническую программу и тактику общественных преобразований¹⁰.

Отказ народников 1880-х годов от попыток осуществления в стране революционного переворота долгое время объяснялся «реакционной» политикой Александра III. На самом деле почвой для широкого распространения в обществе культурнических идей послужило разочарование русской интеллигенции в возможности решить проблему народа «одним махом», путем свержения самодержавия. Неудачный опыт революционных народников показал невозможность «внешнего» освобождения народа до тех пор, пока для этого не будут созданы необходимые «внутренние» предпосылки, включая изменение политического мирозерцания крестьянства. А этого невозможно было достигнуть, минуя кропотливую работу по общему подъему материального и духовного уровня развития простого народа.

Ядро «культурного» народничества составляло примерно три-четыре десятка видных его теоретиков, в основном профессиональных литераторов (экономистов, социологов, публицистов, беллетристов). При этом многие из них когда-то работали врачами, учителями, юристами, земскими статистиками, а кое-кто продолжал совмещать и то и другое занятие.

Группировались народники-культурники вокруг нескольких столичных и провинциальных периодических изданий. Главные из них – газета «Неделя»¹¹ и журнал «Русское богатство»¹² (в период его редактирования сначала Л. Е. Оболенским, а потом С. Н. Кривенко). На страницах этих изданий велась теоретическая и практическая разработка ряда важных для всей народнической интеллигенции вопросов (о русском капитализме, крестьянской общине, взаимоотношениях власти, общества и народа и т.п.).

Иными словами, «культурное» народничество – это, прежде всего, *литературно-общественное течение*, разбитое на множество фракций, иногда даже внутри одного издания. Это объясняет тот факт, что у народников-культурников не было ни общепризнанного лидера, ни общей программы действий. Более того, сами «культурники» никогда так себя не называли¹³, вели между собой постоянную словесную войну, «разоблачая» своих оппонентов как представителей «враждебного» лагеря. На этой основе возникло «народничество

Юзова» (литературный псевдоним Каблиця), «народничество В. С. Пругавина», «народничество В. В.» (В. П. Воронцова), «народничество Н. Н. Златовратского» и др.

И все-таки мы вправе объединить всех этих теоретиков в одно культурно-народническое направление.

Во-первых, первопричинами экономической и культурной отсталости России все народники-культурники считали не отсутствие в стране политических свобод, а невежество и бедность основного ее населения. И в этом было их главное отличие от народников-политиков (левого фланга легального народничества). Цель «культурной работы» как раз и заключалась в подъеме общего уровня жизни простого народа, в развитии его самостоятельности и инициативы. Вооружив крестьянство «культурными средствами» борьбы за существование (образование, новейшая техника, интенсивное хозяйство), народники надеялись привести его к такому состоянию, когда оно само будет в силах справиться со своими материальными и моральными «болезнями» и нуждами.

Во-вторых, «культурники» действовали на легальной основе, а потому их программы преобразований, как правило, держались на трех китах: печать, земство и кооперация. В молодости многие из них были связаны с революционным движением, но потом сумели «образумиться», преодолеть свой юношеский максимализм и выработать более трезвое отношение к русской жизни и ее задачам.

В-третьих, все главные теоретики культурного народничества сохранили веру в социалистические идеалы своей юности. Однако они не считали возможным *непосредственный* переход к более «совершенному» общественному строю, олицетворявшему тогда высшую стадию развития человеческой культуры. Крестьянская Россия к этому была не готова. А насильственный переворот вопреки желаниям большинства мог привести к власти интеллигентское правительство, еще более деспотичное, чем самодержавное.

Идея «просвещения» народа как средства его приобщения к идеалам интеллигенции зародилась в народничестве еще в 1860-е гг. под влиянием реформ Александра II. Тогда же начинается и первый этап «движения в народ», которое изначально носило вполне мирный, культурно-просветительский характер. «...Мы идем не бунты затевать, не волновать народ... – говорил один из героев романа Даниила Мордовцева «Знаменья времени» (1869 г.). – Мы просто идем слиться с народом: мы бросаем себя в землю, как бросают зерно, чтоб зерно это

взошло и уродило от сам-пять до сам-сто, как египетская пшеница»¹⁴. По своей популярности у молодежи «Знамения времени» почти не уступали знаменитому роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Большинство молодых народников были уверены, что «мужик» — их меньший брат, который сочувствует идеалам интеллигенции и ждет от нее «верного слова». На самом деле это была только *идея* народа — «социалиста по инстинкту». Да и само так называемое «раннее» народничество, — по справедливому замечанию Н. Н. Златовратского, — это скорее «настроение», сформировавшееся под влиянием известного учения о долге интеллигенции перед народом¹⁵.

Массовый «поход» в деревню «крестоносцев социализма» 1874–1875 гг. открыл «передовой» интеллигенции горькую правду: народ не революционер, а консерватор и монархист. Он живет не своим умом, а преданиями и предрассудками. И от интеллигенции ничего не ждет. Для многих тогдашних народников это была настоящая катастрофа, кризис самоидентификации. И преодоление этого кризиса, как показала дальнейшая история народнического движения, оказалось возможным только в двух формах: или переход к политической борьбе с самодержавием («народовольчество») или культурно-просветительская работа в народе на почве существующих общественных порядков («неделизм»).

Культурно-народническое течение начинает складываться во второй половине 1870-х гг. вокруг газеты «Неделя». Одна из ключевых его идей: восстановление культурной самобытности народа-пахаря — как залога его дальнейшего самостоятельного развития, была озвучена еще в 1875 г. в статьях П. П. Червинского¹⁶. Однако первым «сложившимся» идеологом народников-культурников по праву считается И. И. Каблиц-Юзов. В 1880-е гг. он не только поставит вопрос «Что такое народничество?», но и предложит собственную его интерпретацию, разделившую тогдашних народников на два лагеря: «юзовцев» и «антиюзовцев». Истинное народничество, по Каблицу, заключалось в том, чтобы смотреть на задачи русской жизни «глазами мужика», т.е. помочь ему осуществить то, что он сам желает. А вот навязывать народу свою волю (как, по его мнению, делали «народовольцы») — это «лженародничество». Следуя таким путем, интеллигенция рискует превратиться в худшего и опаснейшего врага народа, каким до сих пор являлась царская бюрократия¹⁷.

Чисто культурнических идей у Иосифа Каблицы не так уж и много. В основном все сводится к требованию развития «культурной са-

мобытности» народа. Только теперь эта идея получила более развернутое, чем у Петра Червинского, теоретическое обоснование, с многочисленными ссылками на труды известных зарубежных ученых. При этом интеллигенции отводилась сугубо служебная роль (что-то вроде акушерки, няньки и наперсницы в одном лице). Разумеется, народничество Каблица было встречено в штыки и с начала 1880-х гг. многие народники перестали так себя называть, чтобы их не обвинили в принадлежности к «юзовцам». Каблиц-Юзов, чрезмерно идеализирующий крестьянство, и вправду представлял лишь крайне правый фланг русского народничества, сближавший его с почвенниками.

Следующий важный шаг в развитии культурно-народнического течения в середине 1880-х гг. сделал Я. В. Абрамов – ведущий публицист газеты «Неделя», сменивший на этом посту слишком прямолинейного Каблица. Как известно, в это время большинство прежних народнических идеологов находились в состоянии «идейной растерянности», вызванной разгромом правительством движения революционных народников. «Культурники» воспользовались возрождением в обществе аполитизма¹⁸ и предложили собственную программу преодоления очередного идейно-организационного кризиса в русском народничестве.

Прежде всего Абрамов реабилитирует понятие «интеллигенция», которое после 1 марта 1881 г. действительно будет ассоциироваться с врагами русского народа, посягнувшими на его царя-освободителя. Настоящая интеллигенция – это не «бомбисты», а «люди специального знания, имеющие определенные профессиональные обязанности». Это народные врачи и учителя, агрономы и земские статистики, которые своим трудом помогают простому народу справиться с двумя главными его недугами – бедностью и невежеством¹⁹.

В 1885 г. Абрамов начнет на страницах «Недели» агитационную кампанию по переселению «умственного пролетариата» (безработной городской интеллигенции) в деревню, что со временем выльется в так называемое «третье хождение интеллигенции в народ», но на этот раз не для революционной пропаганды, а на «культурную работу». Он же разработает практическую программу деятельности в народе «трудо-вой» интеллигенции. Противники назовут эту деятельность «малыми делами», а сам Абрамов – «великой культурной работой»²⁰.

Принято считать, что именно Абрамов является автором популярной в 1880-е гг. народнической теории «малых дел»²¹ (на тот момент ядра культурнической доктрины). В литературе даже существу-

ет второе ее название – «абрамовщина». Однако это не более чем историографический миф²². Над социологическим, экономическим и политическим обоснованием необходимости первоочередного удовлетворения практических нужд деревни еще на рубеже 1870–1880-х гг. работали И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, В. П. Воронцов и другие «пионеры» рассматриваемой теории. В трудах Абрамова она лишь приняла законченный вид.

Репутацию главного теоретика «малых дел» Якову Абрамову создал Н. В. Шелгунов²³, активно полемизировавший с ним на рубеже 1880–1890-х гг. Ему же принадлежит и само выражение «теория “малых/маленьких дел”»²⁴. Использовано оно в сугубо негативном смысле, как попытка (!) «людей восьмидесятых годов» возвести в «теорию» занятия «маленькими делами», которые, по справедливому замечанию публициста, не могли иметь самостоятельного значения.

В начале 1890-х гг., когда русскую деревню охватит голод, и все чаще будут раздаваться голоса о том, что интеллигенция занимается паллиативами, а нужны «большие» дела (борьба за изменение существующего строя), с теорией «органической культурной работы» выступит С. Н. Кривенко. Данная теория – это существенный шаг в развитии идеологии культурного народничества, поскольку она была призвана объединить сторонников «малых» и «больших» дел на основе концепции социально-политических преобразований страны. По убеждению Кривенко и его последователей, глубинный смысл «культурной работы» заключался в подготовке нового народно-социалистического строя *параллельно* с разрушением старого – буржуазного. Поэтому общественные деятели, боровшиеся за утверждение в стране новых общественных учреждений, не должны были препятствовать тем, кто стремился к частным улучшениям народной жизни²⁵.

Однако примирить «культурников» и «политиков» Сергею Кривенко не удалось. В 1894 г. в редакции журнала «Русское богатство», где он состоял вместе со своим лучшим другом Н. К. Михайловским (убежденным противником теории «малых дел»), произошел окончательный и бесповоротный раскол. Друзья расстались навсегда. Народники-политики в будущем стали эсерами и энесами, т.е. продолжили борьбу за свободу народа, а народники-культурники в условиях нового общественного подъема, который приведет страну к революции 1905 года, оказались на обочине русского освободительного движения.

Почему в народническом движении конца XIX – начала XX в. «политика» взяла верх над «культурнической практикой»? Прежде

всего по причине отсутствия у данной работы, важность и почтенность которой никем не отрицалась, видимых результатов (для подъема народной культуры требовались десятилетия) и неизбежного торжества в культурной деятельности «практичности» над «идейностью». А отодвинув на второй план идею радикальных общественных преобразований, культурническая интеллигенция теряла свою «народническую» физиономию, выражаясь языком марксистов, «расплывалась в либерализме». С этим, кстати говоря, в свое время столкнулись революционные культурники – участники землевольческих поселений, возникших в ходе «второго хождения в народ» (1877–1879 гг.).

Все это, однако, не умаляет весомости вклада, внесенного культурниками в развитие идеологии и движения народнической интеллигенции. Во-первых, это признание факта неготовности русского народа к радикальному социальному и политическому перевороту и обоснование необходимости предварительного подъема общего уровня его развития и, соответственно, отказ от идеи *насилия* как движущей силы общественных преобразований, так как в конечном итоге его жертвой мог стать сам народ. Во-вторых, сосредоточив свое внимание на изучении насущных проблем пореформенного развития России (прежде всего, конечно, социально-экономических) многие народники-культурники стали настоящими экспертами в этой области. Их труды (а это сотни томов) оказали существенное влияние на умонастроение русского общества, постоянно будируя споры о судьбах русского капитализма и народного производства, об интеллигенции и народе, о путях примирения власти и общества и т.д. В-третьих, народники-культурники во многом помогли пореформенной интеллигенции преодолеть застарелый комплекс «нигилистов», «отщепенцев», «лишних людей» и внести свой посильный вклад в дело цивилизации России; именно они включили в понятие «интеллигенция» весь так называемый «умственный пролетариат»: учителей, врачей, инженеров, технологов, агрономов и др. (ранее интеллигент – это только «критически мыслящая личность»), а затем сумели направить известную часть этой многотысячной «трудовой армии» из столиц и губернских центров (где ее ожидала безработица) в земства, в деревню на «культурную работу».

В данной хрестоматии собраны наиболее важные и характерные программные документы, публицистические статьи и письма народников-культурников, позволяющие проследить основные этапы и направления развития истории культурного народничества. Тексты даются в порядке их написания и публикации в печати. Первый раздел

хрестоматии – это период становления культурно-народнического направления, второй – эволюции его идеологии и практики, третий – эпоха идейного кризиса и распада культурного народничества.

Связывающим звеном между текстами служит проблема интеллигенции и ее места и роли в общественной жизни пореформенной России. Каждая из представленных публикаций раскрывает одну из ее сторон: определение понятия «интеллигенция», ее происхождение и положение в обществе, отношение к капитализму, общине, земству, кооперации, пути преодоления раскола с народом и т.д.

Ряд текстов отражает полемику народников-культурников между собой (например, между Каблицем и Воронцовым, олицетворяющими правый и левый фланги данного направления) и с представителями других народнических течений (прежде всего, с народниками-политиками), а также с почвенниками, либералами и русскими марксистами. Все это позволяет более четко представить различные течения культурнической мысли. Особенно те из них, что стояли в стороне от «генеральной» линии ее эволюции: Каблиц–Абрамов–Кривенко. Это народники-коммуитарии – члены интеллигентских земледельческих общин, в основном последователей Н. А. Энгельгардта. На особое место среди народников-культурников, по крайней мере, в первой половине 1880-х гг., претендовал издатель журналов «Мысль» и «Русское богатство» Л. Е. Оболенский – идеолог так называемого «синтетического» народничества²⁶. Собственной программы преодоления идейного кризиса народнической интеллигенции середины 1880-х гг. придерживался также московский кружок Н. Н. Златовратского.

Тексты воспроизводятся в соответствии с ныне действующими правилами орфографии, но с сохранением исторической авторской пунктуации. Примечания внутри публикаций сделаны самими авторами. Затекстовые примечания принадлежат составителю хрестоматии.

Пропуски и сокращения слов в текстах и примечаниях раскрыты в квадратных скобках. Сокращения основного текста публикаций обозначены угловыми скобками.

Для удобства работы с хрестоматией в приложении к ней даются именной и предметный указатели, а также биографические сведения об авторах текстов и краткий перечень их главных сочинений.

Библиография включает обобщающие и специальные труды по идеологии и истории культурного народничества, о его главных течениях и отдельных представителях, кружках и органах печати.

Раздел I

Вторая половина 1870-х – начало 1880-х гг.

П. П. Червинский

Отчего безжизненна наша литература?¹

Ach! wenn man so in sein Museum gebannt ist,
Und sient die Welt kaum einen Feiertag,
Kaum durch ein Fernglas, nur von weiten,
Wie soll man sie durch Überredung leiten?²

Wagner

Не помню кто, кажется, г. Михайловский, приводил однажды свой разговор с одним французом, – разговор очень выразительный. Дело в том, что приезжему французу предложили написать статью для «Отеч[ественных] Зап[исок]»³. Он сначала и взялся было, но потом стал отказываться. Не могу, говорит: как же так писать, не зная для кого, не зная потребностей и интересов общества? – Да мало ли, возражают ему, есть вопросов общеинтересных; вот об каком-нибудь из них и напишите. А француз все свое: нет, даже и об них не могу. Так и не сговорились. – Факт, повторяю, очень выразительный, и над ним стоило бы призадуматься. Странно, в самом деле! Разве вопросы о первобытной культуре, о строении земной внутренности, о микроцефалах, о Контовской классификации наук и т.п. не интересуют всех так называемых образованных людей без различия? А между тем француз не взялся писать об них. И все это, видите ли, потому, что он не связан кровно с жизнью того общества, к которому ему предлагали обратиться с поучением. То же самое сделал бы на его месте решительно всякий, у кого представление о неразрывной связи литературы с обществом действительно проникло в плоть и кровь. Француз сказал: не могу; и англичанин, и немец, и американец, поставленный в подобное же положение, тоже скажет: не могу.

Но разве большинство наших литераторов по профессии не в подобном же положении? Кто из них, положа руку на сердце, скажет, что он руководится в своем писательстве теми вопросами и задачами, которые действительно ставятся русской жизнью, – что его направление вызвано потребностями этой жизни, развилось и окрепло под ее влиянием? Пусть он попытается ответить на подобные вопросы не

в печати, где часто человек многое хоронит от других, старается казаться, — а для себя, перед судом своей совести. Найдется ли такой, который с полным правом мог бы ответить утвердительно? — Сомневаюсь. При подобных условиях француз не мог написать одной статьи; а у нас почти при тех же условиях печатаются книги, издаются журналы, газеты; и это тянется не год, не два... Стоит перебрать наши наиболее выдающиеся органы, задавшись вопросом: какими потребностями русской жизни вызваны их направления? — и увидишь странные вещи. Вот издания консервативные, охранительные или как там их еще назвать. Спрашивается, что они собственно охраняют? Крепостное право? Нет, потому что ведь его уже не существует. Земство, новый суд, вообще последние реформы? — Нет; под эти реформы они всего охотнее готовы подкопаться, из самых благонамеренных побуждений, разумеется. Русскую общину — этот палладиум⁴, на котором написано: «сим победише», открытый заезжим немцем⁵? О нет! ее всего менее. Так что же такое они охраняют? Да как бы это сказать... Они, видите ли, охраняют какие-то особые привилегии «культурного слоя», никогда не существовавшие и теперь несуществующие — задача поистине тяжелая, даже невозможная, если отнестись к ней искренно. Более бойкие из названных органов очень развязно выпутываются из этой невозможности помощью нелитературных средств; а «Гражданин»⁶, как наиболее простодушный и искренний, постоянно попадает в положение комически-неловкое, — неловкое до жалости... Охранять несуществующее, — где на всем земном шаре, кроме России, возможна подобная странность? В какой-нибудь Англии, где ленд-лор[д]ство сложилось исторически и постоянно дает себя чувствовать, совершенно понятны литературные органы, поддерживающие его интересы. Можно относиться к ним как угодно, — считать, что они отстаивают явление, задерживающее правильное развитие общества и заведомо осужденное со временем исчезнуть. Но самое существование подобных органов вполне естественно и ни для кого неудивительно: оно имеет свой *raison d'être*⁷. Но какой *raison d'être* есть, напр., у «Гражданина»? А между тем он тянет свою канитель вот уже несколько лет с упорством, достойным лучшего дела. Опять-таки спрошу: где можно встретить подобную оторванность, эмансипацию печатного слова от требований жизни? И что всего поразительнее в упомянутом явлении — так это то, что оно никого не поражает именно этой своей стороной. Уж очень привыкли, значит! — В других органах замечается подобная же особенность, хотя в мень-

шей степени и не в такой странной форме. Существует, напр., у нас «толстый» журнал, который едва ли не с первого своего появления тянет на разные лады одну незатейливую песню в минорном тоне. Переберите статьи этого журнала, в которых наиболее сказывается его направление; что представляют они собою? Почти механическое сопоставление наиболее темных или курьезных фактов из прошлого и настоящего, приправленных причитываниями на тему: *épitaphe, épitaphe, tout est épitaphe*,⁸ – без идеи, без одушевления, даже без раздражения. Тут голое, сплошное отрицание превратилось в специальность, ремесло. Не говоря уже об том, что такое направление

Ist unerquicklich, wie der Nebelwind,

*Der herbstlich durch die dürrn Blätter säuselt,*⁹

что от него веет холодом могилы, – взглянем на дело с другой стороны. Ведь подобное «направление», безусловно, невозможно там, где литература неразрывно связана с жизнью и служит выражением ее стремлений. Как бы ни были стеснены движения общества, оно всегда чего-нибудь желает, домогается; еще никогда и нигде его задачи не сводились на пение отходной самому себе. У человека, глубоко проникнутого этими задачами и бьющегося над их разрешением, может накопиться много желчи, много ожесточения, но у него всегда есть и отдаленные идеалы и ближайшие цели, к осуществлению которых он стремится; это невольно сказывается в его речи; а потому в самом его отрицании, как бы беспощадно оно ни было, всегда слышатся иные ноты, нравственно освежающие и не имеющие ничего общего с тем мертвящим, разлагающим впечатлением, которое производит отрицание по ремеслу.

Или другой «толстый» же журнал. В нем, несомненно, больше жизни, но, тем не менее, на что сводится его главная задача? По поводу русского перевода книги о «Капитале» сама редакция формулировала свою задачу приблизительно в таком виде: она остерегает Россию от того скользкого пути, который причинил столько бедствий Европе. Другими словами, она при всяком удобном случае говорит: не ступите сюда, ибо здесь не хорошо. Но ведь жизнь постоянно движется; она должна «ступать», а ей преподносят чисто отрицательные указания. Этим я вовсе не хочу сказать, что литература обязана давать практические наставления, как поступать в каждом данном случае. Совсем нет. Но разве идеал, даже самый широкий, может не сквозить при подобных указаниях, раз он действительно имеется в наличности? А главное, может ли в наше время иметь глубокое жиз-

ненное значение идеал, составленный без кровного родства с русской жизнью, — по иностранным книжкам? Да, наконец, если сказать откровенно, по совести, разве сами эти «не ступите» действительно вырабатывались под впечатлениями явлений русской жизни, а не вычитаны сначала из книг, писанных для иных условий быта, и уже потом к ним пристегнуты по мере надобности разрозненные факты домашнего происхождения?

В том-то и заключается самая резкая особенность почти всех наших направлений, что они сложились не путем обобщения явлений и задатков, представляемых русским бытом, а большею частью по иностранным книжкам. Только этим обстоятельством и можно объяснить множество явлений, по-видимому, совершенно непостижимых. Сколько, напр., у нас писали, горячились о так называемом рабочем вопросе, — перевели десятки книг, посвященных его рассмотрению, очевидно полагая, что этот вопрос имеет кровное значение для России. И только под конец кое-кто догадался (да и то далеко не все), что этого вопроса у нас не существует в западноевропейском смысле, по той простой причине, что нет работников, *как класса*, и что как бы ни было плохо положение нашего крестьянства, — условия его благосостояния и средства к поднятию этого благосостояния не имеют ничего общего с решением европейского рабочего вопроса. Или история с артельными сыроварнями. Пишут, сочувствуют, делают доклады, земства назначают пособия, — образовалось почти нечто в роде агитации в пользу сыроварен, иные даже прогрессивность земств стали мерить величиною сумм, пожертвованных на сыроварни. Со стороны подумаешь, — и в самом деле вопрос-то тесно связан с настоятельными потребностями крестьянства, и все эти деятели наблюдением убедились в его практической важности. А что же вышло на проверку? Г. Энгельгардт, случайно попавший в деревню, разъяснил, в чем суть дела. На первое время поднялся, конечно, шум задетых самолюбий, затем все смолкло; и вот уж несколько лет как о появлении новых сыроварен ничего не слышно: образованное общество к ним сразу охладело. Что же выдвинуло этот вопрос на первый план: потребности русской жизни или книжные теории? Всего интереснее, что «Отеч[ественные] Записки», поместившие статью г. Энгельгардта¹⁰, почти непосредственно перед нею напечатали другую о том же вопросе (кажется, под заглавием: «Исторический очерк кооперативного движения в России»¹¹), в которой проводилась мысль, что артельные сыроварни именно потому и заслуживают исключительно-

го сочувствия и предпочтения, что они – ассоциации производительные; тогда как потребительные, ссудо-сберегательные и др. товарищества не меняют положения крестьянина, как производителя. Между тем практика решила совсем обратно: артельные сыроварни заглохли, а ссудо-сберегательные товарищества развиваются с каждым годом, потому что действительно соответствуют нуждам крестьянства. Вот что значит сочувствовать по книгам! Я нарочно остановился на этом факте, потому что он имеет глубокое значение; в нем сказывается не личный промах журнала, а самая характерная черта всей нашей литературы. Помнится, в свое время кое-кто колол глаза «Отеч[ественным] Запискам» их непоследовательностью; но это были мелкие, личные счеты. Никто не оценил факта во всем объеме, полном грустного смысла. Отбросив лицемерие и всякое «кивание на Петра», нужно с горечью сознаться, что не одни «Отеч[ественные] Зап[иски]», а почти все наши литераторы по профессии – книжники, книжники с головы до пяток, с идеалами и стремлениями, сложившимися исключительно по иностранным книгам. И этим-то людям, созерцающим Россию издали – многие из них никогда не жили в провинции – через заграничные очки, приходится быть руководителями общественного мнения, давать ответы на запросы русской жизни!

Wie soll man durch Überredung leiten?¹²

Немудрено, что при подобных условиях печать теряет доверие общества, ее значение и влияние постепенно падают. Напрасно говорить, что теперь читают больше, что в целом журналистика сделалась «и серьезнее и прогрессивнее». Все так; но вместе с тем несомненно, что теперь она не имеет и десятой доли того глубокого и освежающего влияния, каким пользовалась в сороковых и шестидесятых годах. Причина этого упадка – оторванность от жизни, книжность идеалов и стремлений.

Но разве литература в самые бойкие периоды – при Полевом, Белинском, в шестидесятых годах – не вдохновлялась теми же западными идеалами, разве основа всех тогдашних воззрений не черпалась из «заграничных книжек»? Отчего же она тогда имела глубокое, кровное значение для русской жизни, а теперь его не имеет?

Оттого, отвечу, что времена переменились. Задачи общества в разные эпохи бывают различны, и что некогда имело жизненное, передовое значение, то может сделаться в виду новых народившихся требований пошлым и ничтожным. Люди чуткие и восприимчивые всегда умеют уловить перемену центра тяжести прогресса; но боль-

шинство и при изменившихся условиях продолжает тянуть свою старую песню, сделавшуюся уже мертвым словом, пока его, наконец, не перестанут слушать. В статье «Наша национальная особенность» («Неделя» № 31)¹³ было показано, что Россия, по коренным основам своего быта, могла развиваться самостоятельно только на почве свободного крестьянства, черпая свою силу и вдохновение из деревни, из Земли. Поэтому с наступлением крепостного периода самобытное развитие ее сделалось решительно невозможным. У нас не существовало города, который при подобных условиях мог бы сделаться носителем и производителем прогресса, как случилось на Западе; после того, как русский народ нравственно и умственно заснул, опутанный крепостным строем, — нам оставалось одно из двух: или полный застой или движение на буксире у Европы; так в то время ставилась задача. — Наступил подражательный период. Влияние европейской культуры, как более развитой в иных отношениях, хотя и чуждой нам по типу, делалось неизбежным по мере нашего географического продвижения на Запад; рано ли, поздно ли, но оно наступило бы само собой без прямых понуканий правительства и даже вопреки им. Иное дело — полное культурное порабощение, которое, несомненно, наступило; для него не было никакой внешней неизбежности. Оно обусловливалось не географическим сближением, не превосходством Запада, а единственно и исключительно нашим крепостным строем. Наше закрепощение Европе было прямым, неотразимым последствием закрепощения народа внутри страны. Поэтому истинными виновниками подражательного периода были еще те московские правители, которые наиболее способствовали введению крепостных порядков, хотя они всего менее думали о подражании Европе. В сущности, вопрос о нашей культурной самостоятельности был решен еще мерами Годунова, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича; Петр же причастен к нему лишь настолько, насколько он способствовал окончательному утверждению этих порядков, т.е. в сравнительно слабой степени. Большинство рассуждавших об этом предмете видело только одни результаты и положительно не понимало причин, — чем и объясняется странное мнение, будто подчинил нас Европе главным образом Петр В[еликий]. Повторяю, роль его в этом деле — второстепенная, хотя действительно при нем впервые резко проявились результаты. Да, наконец, если уж и говорить тут о роли Петра по существу, то все-таки она выразилась никак не в прямых, непосредственных заимствованиях. Он подчинял нас Европе вовсе не тогда, когда

приказывал брить бороды и одеваться в чужеземные кафтаны, не тогда, когда вводил табель о рангах, даже не тогда, когда портил русский язык; он подчинял нас Европе, раздавая крестьян в собственность, вводя подушное и рекрутчину. Впрочем, это *en passant*¹⁴. Важен собственно результат: с тех пор как крепостной строй утвердился окончательно, — мы должны были пойти за Европой, не как нация, продолжающая развиваться на собственных началах и заимствующая у других только ей пригодное, — а как школьники, силящиеся перенять все без разбора. Хотя вследствие такой постановки дела к нам было пересажено много совершенно чуждых элементов (вспомним на первый раз хоть бюрократию), но все-таки в целом влияние Европы было чрезвычайно благотворно. К величайшему счастью, оно стало серьезно отражаться на нас именно около того времени, как в самой Европе уже чуялись в воздухе те великие освободительные идеи, которые под конец привели ее к уничтожению порядков, до некоторой степени сходных с нашими крепостными. Таким образом, русская печать, вдохновляясь западными идеями и с жаром их проповедуя, делала чисто народное дело. Нужды нет, что литература сороковых и шестидесятых годов выписывала свои идеалы и направления из заграницы, нужды нет, что она распространялась среди небольшого круга; это, конечно, суживало сферу ее влияния, но несколько не изменяло сути задачи — расчистить дорогу к самобытному развитию народа. В этом заключается жизненный и исторический смысл подражательного периода. Можно, конечно, жалеть, что только таким окольным путем мы могли возвратить себе собственную культурную физиономию; но необходимо понять, что в то время и при тех условиях другого пути не было, или, по крайней мере, он вышел бы длинный, очень длинный. Странно, право, тогда ставилась задача; нужно было, если позволительно так выразиться, отдалиться от России, чтобы придти к ней. Литература, наравне с прочими сторонами жизни, была захвачена этим обходным движением. Давала ли она себе ясный отчет в своеобразности положения или нет — это, разумеется, безразлично. Важно, что подобное положение *в то время* было неизбежно, что именно только при нем литература могла иметь действительно благотворное влияние на общество, на жизнь, — быть движущей силой. Литература сороковых и шестидесятых годов глубоко верила и, прибавим, имела полное право верить в великое значение своих европейских идеалов для России, верила до конца, без

раздумья, без оглядки; и из этой веры вытекала та внутренняя сила, которая одна способна делать нравственные завоевания.

Теперь физиономия дела изменилась или, по крайней мере, начала меняться; суть этого изменения для нашей цели достаточно охарактеризовать одной фразой – явилась возможность и потребность самобытного развития. Неизбежность перелома в этом направлении уже чувствуется в воздухе; теперь проповедование по выписанным книгам потеряло свое прежнее глубоко жизненное значение и становится делом предания, рутины. Без преувеличения можно сказать, что теперь наступает самый серьезный, торжественный момент русской истории, – момент возрождения культурной самобытности народа.

Нашлось ли в литературе достаточно восприимчивости и чуткости, чтоб отозваться на это явление? Сумела ли она уловить и понять те разрозненные знамения времени, которые кое-где сказываются в жизни и изредка проскальзывают в печать? Пока нет. Но, тем не менее, эти знамения не прошли вовсе бесследно; они отразились на литературе, и даже довольно сильно, но только одной невыгодной стороной, именно они лишили ее прежней веры в заграничные идеалы, – не больше. Теперь у всякого мало-мальски живого человека закралось предчувствие, что в этих идеалах не все обстоит благополучно, что нам нужно нечто *иное*, – предчувствие обыкновенно смутное, неопределенное; но и его вполне достаточно, чтоб улетела вера в свое дело, а с нею и сила слова. Везде замечается какая-то внутренняя тревога, неуверенность, раздвоение; об чем бы теперь ни писалось, везде слышится присутствие странной ноты. Железные дороги расширяются, банки растут, как грибы. С каким цельным восторгом прославлялось бы это лет двадцать, напр., назад! А теперь даже среди одобрения как будто прорывается: хорошо-то оно хорошо, *но*... И об чем бы теперь ни заговорили и кто бы ни заговорил, – везде вкрадется это фатальное «но». Разве только какой-нибудь яснолобый либерал пустится разглагольствовать об успехах нашей промышленности; но и тот подчас сконфузится и смолкнет среди своего деланного одушевления. Да, что бы там ни говорили, а теперь пошатнулась вера в выписные идеалы; все чувствуют, хотя и смутно, что не Европа скажет то новое слово, которое нам нужно. Литература потеряла прежнюю опору, поставлявшуюся Западом, – изверилась в нее; а нового устоя, новой опоры своим идеалам и стремлениям еще не нашла. Она, так сказать, уже отстала или, по крайней мере, начала отставать от одно-

го берега, но еще не пристала к другому. И именно в этом промежуточном положении и заключается, по моему мнению, коренная причина ее нынешнего бессилия и бесцветности; вот откуда истекают разные «но», все эти колебания и почесывания в затылке. И до тех пор, пока не будет найден и выяснен этот новый устой, – всякое слово литературы останется вяло и ничтожно, как бы ни улучшилось ее внешнее положение и сколько бы ни проявилось молодых талантов, потому что «не вливают вино новое в мехи старые». Повторяю, самый жизненный вопрос для литературы в том, чтоб найти другой берег, – и только тогда может раздаться слово со властью. Но по крайней мере выяснила ли себе литература, где искать эту *terram incognitam*?¹⁵ Опять-таки: пока нет.

Где? Мы не должны и не можем идти по пути Западной Европы; это, несомненно. Приходится прокладывать свой собственный путь, который должен вытекать из коренных основ русского быта. Но в чем эти основы? А главное: как приурочить к ним и связать с их сущностью действительно здоровые стороны европейской цивилизации? Ответить на эти вопросы с полным правом и авторитетом может, конечно, только все русское общество, взятое в целом, – вся Россия; и пройдет не один десяток лет прежде чем окончательно выяснятся и определятся эти ответы. Но, тем не менее, литература, как представительница живых стремлений общества, должна бы, кажется, раньше других почувствовать новую постановку вопросов и по мере сил способствовать их выяснению, не трепать свои заграничные формулы, которые давно уже пора бросить. Слова нет, нынешняя задача литературы – самая трудная из всех, с какими ей приходилось до сих пор иметь дело.

Прежде наши направления менялись по западному барометру; источник их при всех переменах оставался один и тот же – Европа. Теперь впервые таким источником должна сделаться русская жизнь со своими бытовыми особенностями, которых «еще ни один немец в книгу не вписал». Уже один этот скачек сам по себе очень труден; но есть много посторонних обстоятельств, еще более затрудняющих дело. Придется, напр., бороться с застарелым мнением, доставшимся в наследство от подражательного периода, будто Россия только отстала от Запада, отличается от него единственно *степенью* развития; тогда как центр тяжести вопроса не в степени, а в *типе*, в характере развития; а он у России всегда был и вперед будет иной. Затем не ма-

ловажную помеху представляет сосредоточение наших литературных деятелей в столицах; многие из них, можно сказать, никогда не выезжали из Петербурга. При тех задачах, которые ставились литературе подражательного периода, — это еще куда ни шло; но что могут выразить подобные господа при новых требованиях жизни? Словом, перелом для нашей литературы очень, очень труден; но только он один может возратить ей жизнь. Лично я убежден, что, если только нам суждено скоро услышать «надлежащее слово» — его скажут люди деревни, а не города и уж всего меньше Петербурга. Да, — скажет его деревня, как бы презрительно ни думали об ней книжники! Хотелось бы выяснить, что под «деревней» подразумевается единица, олицетворяющая собою принцип солидарности, нравственной связи в противоположность принципу крайнего индивидуализма и нравственной разобщенности, выразителем которого был и есть европейский город... Но это завело бы нас слишком далеко от содержания настоящей статьи. Позволю себе только одно замечание. У нас все привыкли считать деревню идеалом неподвижности, застоя, чем-то в роде гири, тормозящей всякое движение. На чем, спрашивается, основано подобное мнение? Единственно на примере Западной Европы; *в ней* действительно было так. Но это нисколько не решает вопроса о превосходстве города или деревни по существу^{а)}. Не нужно забывать, что на Западе город и деревня исторически были поставлены далеко не в одинаковые условия. Горожане сделались вполне свободными людьми еще в между XII и XIV ст., тогда как над деревней тяготело крепостное право вплоть до начала XIX ст., а в Австрии даже до 1848 г. С одной стороны был свободный человек, а с другой — деревня из рабов и господ. Немудрено, что при таких условиях город долго был единственным прогрессирующим элементом и, можно сказать, один сделал новейшую цивилизацию Европы. У нас же в России экономический город только теперь нарождается, и отношения его к деревне совсем обратные европейским: у нас город является элементом регрессивным.

^{а)} Термины эти здесь употреблены в экономическом смысле; поэтому европейского города не следует смешивать с городом, напр., древней Греции, где он имел не экономическое, а чисто военное, оборонительное значение.

По вопросу об условиях революции в России¹⁶

На знамени современной русской молодежи написано: социальная революция через посредство народа. Знамя это выкинуто ею всего 2–3 года тому назад; а этого времени было недостаточно для такой разработки соответствующей программы, чтобы деятельность партии приобрела должную основательность и целесообразность... Партия, претендующая на серьезное значение, должна вырабатывать свою программу двояким путем: жизненным опытом и изучением общества в его прогрессивном развитии и современном состоянии. Но опыт дается временем; поэтому первоначальной программе деятельности партии, выкинувшей вышеуказанное знамя, предстояло основаться на научном изучении общественных явлений. Такое изучение последних с точки зрения основного начала партии – социальная революция через посредство народа – не могло, однако, еще осуществиться, потому что начало это овладело сознанием молодежи лишь в самое последнее время. <...>

Я остановился на факте появления в русской молодежи идеи социал-революции через посредство народа. Эта идея застала нашу молодежь врасплох. Та ее часть, которая признавала высокое значение науки, не решалась воспользоваться всем тем, что может дать последняя для построений программы действий, ибо рисковала приготовить ее к своей смерти; воспользоваться же ею, при отсутствии свободы печати, могла лишь небольшая группа лиц. Эта часть молодежи ограничилась поэтому составлением наскоро главных пунктов программы, с которыми можно было бы приступить к практической деятельности, предоставляя себе понемногу развивать эту программу впоследствии. Остальная же часть молодежи о программе особенно не заботилась; дело было для нее очень простым: есть несколько ходячих представлений, которыми она и воспользовалась. «Так, очевидно, говорят, напр., что каждый народ, будучи недоволен существующим общественным строем, готов к революции; русский же народ очень ясно выказал эту готовность, ибо кроме двух больших восстаний, он произвел еще множество маленьких. Наше дело поэтому объединить возможные восстания и произвести всеобщий взрыв». Исходя из этой мысли, считают необходимым рассеяться среди народа, приобрести над ним влияние..., а что дальше – об этом умалчивается. Другие считают целесообразнее взволновать одну местность, за кото-

рой якобы поднимется и остальная Россия. Третьи воспользовались той ходячей идеей, что революция есть воспитательное средство и думают бунтовать народ во что бы то ни стало, и что бы из этого ни вышло. Везде есть свои формалисты, почему им не быть и у революции!

Если бы были надежды получить удовлетворительный ответ, то этим фракциям можно бы задать такие вопросы. Если каждый народ готов к восстанию, то почему он так редко показывает эту готовность? Если у русского народа дело стоит за объединением, то почему же он сам не объединяется? Если для всеобщего восстания достаточно поднять одну местность, то почему не было всеобщего восстания при Разине и Пугачеве? Если для победы достаточно восстать, то почему наши два больших восстания не окончились победою народа? Не зависит ли это от характера самого восстания и не подрывается ли этим уверенность в том, что народ готов к революции? Если революция есть воспитательное средство, то не воспитывает ли оно и правительства; или западные правительства по недоразумению стремятся по временам вызвать восстание своих подданных?

Для ответа на эти вопросы, очевидно, необходимо обратиться к соответствующим фактам, к изучению народных движений... Если исследования покажут, что революция неизбежна и близка, то этим самым определяется деятельность партии: она должна приобрести в разных местностях влияние на народ; члены ее должны стараться удержаться на своих местах до взрыва, дабы руководить восстанием; должны употреблять все усилия не попадаться, как мухи в щи, из-за слова либо книжки. Если же исследования покажут, что бывшие до сих пор большие движения русского народа являлись только как историческая случайность, что по их характеру и победа могла быть только случайною, что она была даже невозможною – в таком случае и деятельность партии должна быть иною; она должна направляться на то, чтобы сделать революцию (я говорю не о формальной ее стороне) неизбежной; изменять те условия, которые делали ее случайной и придали прежним восстаниям характер, невыгодный для успеха, и создавать новые, способные поставить революционный вопрос на почву, независимую от различных местных, исторических особенностей. Для решения этих вопросов весьма *полезно* изучить европейские народные движения, *необходимо* же хорошо знать движения русские. Это, мне кажется, должен делать всякий, желающий трезво смотреть на вещи. Я хочу здесь передать, какие ответы на высказанные вопросы получил я, изучая наши народные движения.

Характерная черта русских народных движений, наложившая свою печать чуть ли не на все их детали, состоит в том, что они совершались во имя царской власти. Это можно было бы предсказать заранее, зная только историю русского народа. Со времени образования Московского государства вмешательство народа в общественную жизнь постоянно уменьшалось, увеличивалась же власть царского правительства. Наблюдая общественную жизнь, русский человек видел, что всякое ее явление санкционировалось царской властью и что все изменения совершались ею же; следовательно, заключал он, царская власть есть общественная сила. Дальнейшие наблюдения приводили его к тому, что многое делается вопреки царским повелениям, влиянием боярства; следовательно, и за последним должен был он признать общественную силу. Объединение государства и военные подвиги, льстящие народному самолюбию, совершенные под знаменем царской власти, укрепили за ней в сознании народа высокий характер; религия, проповедовавшая ее божественное происхождение, придавала ей высшее право. Таким образом, в сознании русского народа установилось понятие о наличности в русском обществе двух сил: правомерной – царской, самой могущественной, неправоммерной, узурпаторской и более слабой – дворянской.

Как ни странно, но нужно признать, что неудовлетворительное экономическое положение народа, ближайшим образом эксплуатируемого наместником, становым, помещиком, не только возвышало в сознании крестьянина царскую власть, но и придавало ей благодетельный характер: если из двух сил одна угнетает, то для собственного успокоения, для того, чтобы была надежда, без которой человек не может жить, нужно ожидать защиты от другой, представлять ее силой благодетельной. Таким образом, даже то, что на первый взгляд должно было подорвать кредит царской власти, послужило ее возвышению.

Вот какое понятие об общественных силах должен был вынести русский народ из наблюдения окружавших его явлений. Но в этих явлениях нет места народу как *силе*, а только как *материалу*. В удельно-вечевой период народ был действительной силой, и в первое время Московского государства в нем должно было еще сохраняться сознание этого. Соборы, куда призывался народ, где выслушивались иногда оправдания царя, где его избирали, – до некоторой степени поддерживал[и] подобное сознание. И действительно, еще в XVI–XVII веках мы встречаем факты, указывающие на сознание народом своих прав и силы. При Борисе Годунове из Северщины на Москву двину-

лась шайка Хлопко Косолапого, грозя истребить престол, бояр и пр. При Алексее Михайловиче жители Москвы обращались к царю с положительными требованиями, а он к ним – с просьбою простить виновного вельможу. Восставший Новгород избрал свое народное представительство; он – так же, как и Псков, – решил бороться с царем. Но чем дальше, тем больше народ терял общественное значение, и тем больше устанавливалась власть государственная, так что, наконец, в общественной жизни народ оказался в «нетях»; в «нетях» он оказался и в своем сознании. Такому направлению народного сознания могла противодействовать только развитая критическая мысль, но таковая явилась поздно и подвергнулась гонению. Как быстро свободные идеи, не поддержанные умственным развитием, забываются народом, можно видеть на примере малороссов, чуть ли не самого революционного народа. Теперь они отличаются от великороссов разве только более свободными инстинктами. Прочтите у Кулиша (Записки о южной России [СПб., 1856. Т. 1]) жалобы кобзарей на то, что народ не хочет слушать песен времен казачества, песен, в которых запечатлено все геройство народа. Сотни лет достаточно для умственного изуродования народа, если он не живет умственной жизнью, т.е. если в нем нет развитой интеллигенции (как хранительницы орудия прогресса). <...>

Итак, силы государства в настоящее время значительно возросли, народные же уменьшились; след[овательно] восстание, если оно произойдет, будет в настоящее время подавлено гораздо легче, нежели прежде. Это в случае, если оно произойдет, но может ли оно произойти? – Мы видели, что народ восстает с появлением самозванца и в той области, которую тот сам отвоюет. Отвоевать же он может, разбивши царские войска, для чего должен иметь свои. Казачество, которое прежде было готово к его услугам, теперь, во-первых, служит правительству, – во-вторых, не представляет уже прежней силы, в виду значения, которое приобрело регулярное войско. Следовательно, самозванец не будет иметь своей армии, не будет иметь возможности заявить о своем существовании народу; последний чуть ли не навсегда лишился возможности поднять свое старое революционное знамя.

Таковы условия революции в настоящее время в России. Как же после этого отнестись к различным фракциям нашей революционной партии?

Те люди, которые считают своей задачей объединение отдельных народных восстаний, тем самым показывают, что не имеют ясного представления о смысле народных восстаний вообще и наших в частности. Они знают, что на Руси народ волнуется; слышали, что на

Западе волнениями достигались известные результаты, и сообразили, что между нашими волнениями и западными разница лишь в том, что наши разрознены, а те — нет. Следовательно, выводят они, нашим стоит лишь объединиться для получения желательных результатов. Они не сообразили, что наши волнения и западные революции несколько различны по значению; что наши направлены не против политических основ государства, а против некоторых его неустройств; что нападающие и обороняющиеся стоят у нас на одной политической точке зрения, но различно оценивают события. Если крестьяне не принимают, напр., уставных грамот, то от уверенности, что помещики скрыли настоящую волю, а выставили ложную; если они не позволяют полиции продавать за недоимки свое имущество, то от убеждения, что становые берут больше, нежели приказано царем и т.д. Такие волнения имеют значение для наблюдателя, но не для прогрессивного деятеля; на них можно основать некоторые выводы, а не программу деятельности. Эти волнения имеют общего с революцией только форму. На них, след[овательно], нельзя основать чего-либо прочного. И затем, как объединить отдельные наши волнения? Если под их объединением разумеет достижение их одновременности, то это невозможно, ибо волнения в такой форме происходят не в силу расчета, а под влиянием страсти, чувства, и обусловлены настолько же местными, частными условиями, настолько и общими, а эти частные условия и суть причины их разновременности. Но и достигнув такого объединения, мы в сущности ничего серьезного не сделаем, ибо волнений этих вовсе не так много, чтобы они могли доставить серьезное затруднение правительству. Если же под объединением многих волнений разумеет придание им одной идеи, то, оставаясь при этом на старой почве, мы могли бы достигнуть этого соблюдением условий, о которых говорили выше (выставив самозванца); если же думают объединить их новой идеей социальной революции, то следовало бы предварительно забраться именно в те местности, где должны произойти волнения, что, разумеется, невозможно сделать заранее; остается, след[овательно], рассеяться в народе для пропаганды. Объединение же из программы исчезает.

Те, которые хотят поднять одну местность, рассчитывая, что за нею встанет вся Россия, делают двойную ошибку: думают без сильного самозванца поднять часть народа и ожидают отзыва от остального в случае такого поднятия. Поэтому они могут дважды промахнуться и на практике; либо не подымут части народа, либо подымут,

но не получают поддержки со стороны остальной России; мы видели, при каких условиях можно поднять часть народа самозванцем и насколько это возможно в настоящее время. А если удастся взволновать какую-либо местность во имя новой идеи (разумеется, после долгой пропаганды), то этим не уничтожаются еще причины, мешающие восстанию сделаться общим.

Теперь несколько слов революционерам-формалистам. Они считают народные волнения воспитательным средством и потому решаются их вызывать, во что бы то ни стало. Если бы они были люди основательные и с высоким нравственным уровнем, то прежде, чем решиться ставить народ под пушки, не для непосредственных благоприятных результатов, которых они и не ожидают, а ради каких-то вероятных косвенных влияний бунта, они должны были бы изучить значение бунтов и характер нашего народа. Они узнали бы, что рус[ский] народ вовсе не нуждается в возбуждающих средствах, что он восстает очень легко и что ему недостает, главным образом, *идеи*.

Какие же положительные заключения можем мы вывести из вышеизложенного?

Если неудачи наших народных движений обуславливались, главным образом, отсталым мирозерцанием народа, то дело социальной революции требует изменения последнего; след[овательно], все силы партии должны быть направлены именно на это дело, не развлекаясь бунтами и заговорами.

Выполнение этой задачи не так просто, как может показаться с первого взгляда. Нам не раз приходилось слышать, что русский народ настолько подготовлен своим положением к восприятию революционных идей, и последние, с другой стороны, так просты, что достаточно чуть ли не одной беседы с крестьянином, чтобы сделать из него революционера в новом духе, т.е. чтобы убедить его в том, что народ имеет право и возможность собственными силами изменить существующий порядок, невзирая ни на какие религиозные и светские авторитеты, и что поэтому пропагандистом может быть всякий, усвоивший эту идею, а партия на эту исключительно социалистическую и притом чисто революционную пропаганду и должна обратить все свои силы. Допускается отрицательное или, по крайней мере, индифферентное отношение к пропаганде более широкой, пропаганде просветительных идей вообще.

Такое положение не может, мне кажется, быть допущено даже на первый раз, и вот на каком основании. Если бы количественно и ка-

чественно силы нашей революционной партии были настолько значительны, что она могла бы подчинить влиянию своей пропаганды весь народ или, по крайней мере, значительную его часть и таким образом сама совершить революцию, тогда это положение могло бы быть принято. Но в своем настоящем составе эта партия не может взяться за такую задачу: силы ее, во 1-х, незначительны количественно, во 2-х, идут вразброд и отличаются неумелостью взяться за дело. Взять на себя при таких условиях задачу произвести социальную революцию, в виду отсутствия в народе элементарных для этого условий, она не может. Следов[ательно], ее задача сводится на то, чтобы положить начало умственной переорганизации народа. Но и это дело распространения революционных идей в народе партия интеллигентов не может взять исключительно на себя; она должна допустить распространение этих идей в среде самого народа от одного его члена к другому и надеяться лишь на это распространение. Пока мы не имеем и данных, на основании коих могли бы определить продолжительность этого предварительного периода в развитии социальной революции; может быть, переменится несколько поколений, прежде чем она вступит в следующий фазис своего развития. Если это так, то вопрос о распространении в народе революционных идей осложняется вопросом о том, могут ли эти идеи сохраниться в народе в течение столь долгого времени?

Идеи появляются и сохраняются, как известно, двояким путем: влиянием жизни и работою мысли. В пример влияния жизни мы приведем наших малороссов. Обе отрасли русского племени, до своего расхождения по различным дорогам, имели одинаковое политическое миросозерцание, в котором сам народ играл не последнюю роль. Великороссы, с течением истории, заменили его миросозерцанием монархическим; малороссы же продолжали развивать его в социально-демократическом направлении. И то и другое произошло под влиянием жизни. В Малороссии казачество, боровшееся с правительством за свои экономические и политические права, соединилось с народом, предлагало ему добиваться казачины, т.е. политической свободы и экономической независимости от помещиков. И хотя малорусская интеллигенция, находясь под влиянием польской образованности, неблагосклонно смотрела на экономические тенденции народа, но влияние обстоятельств было так сильно, что и она должна была подать ему руку. Затем обстоятельства изменяются. Страна подпадает под московское владычество, подчиняется новым для нее

государственным порядкам, – тем самым, которые изуродовали мирозерцание великороссов, и плод этого влияния у всех налицо. Народные рапсоды¹⁷, еще живо проникнутые старой вольностью, чуть не сами участвовавшие в борьбе за нее, уже не находят сочувствия в новых поколениях своих современников. Народ уже позабыл свое прошлое, потерял вместе со свободой и революционные идеи.

Из этого мы можем вывести такое заключение: идеи, антагонистические известному общественному строю, не находящие в нем себе подтверждения и не поддерживаемые критически развитой мыслью, не могут бороться с окружающими, забивающими их влияниями и погибают. Мы предлагаем теперь русскому народу то, что дала когда-то жизнь одной его части: мы хотим указать ему ту же идею, какую малороссам дала жизнь. Если малороссы потеряли эту идею, столкнувшись с государственным порядком, то почему же мы думаем, что теперь со всем русским народом не случится того же? Мы можем надеяться на это лишь при соблюдении двух условий: если критическая мысль в нашей интеллигенции будет постоянно воспроизводиться и развиваться далее и если мы сумеем возбудить критическую мысль в народе.

В самом деле, представим, что идеал некоторых осуществляется: наша молодежь навеки отстранится от науки. Тогда она не будет иметь в критической способности мысли противовеса одуряющему и забивающему влиянию жизни. Критическая способность мысли, не развиваемая образованием, понизится в своем достоинстве; содержание ее, постоянно насилуемое безобразными явлениями окружающего, уступит ему шаг за шагом свои прежние завоевания и обратится сначала в либерализм, затем в консерватизм. Коль скоро критическая мысль не имеет материала для деятельности – она неминуемо регрессирует. Это – закон не умственной только, а всякой деятельности организма. Посмотрите, что сделалось с нашим обществом после 1825 г.! Из него была извлечена только сотня лиц, цвет нашей интеллигенции, те именно, которые давали направление нашей общественной мысли! И этого оказалось достаточно, чтобы затормозить на 20 лет развитие последней. Лучшие люди только в 40-х годах дошли до того, на чем остановились их несчастные предшественники в 20-х годах.

Итак, основательное образование для членов социально-революционной партии необходимо не только для успешного хода ее дела (как это разъяснялось в первом томе журнала «Вперед»¹⁸), но и для самого существования партии в будущем. Но партия не может дело

социальной революции взвалить исключительно на свои плечи. Социальный вопрос поставлен теперь так категорически, противоположность интересов и невозможность сделок между экономическими группами привилегированных классов и рабочих настолько выяснена, что лицо, принадлежащее к первым и основательно образованное, должно или отречься от своего положения, или сделаться врагом народного развития. Почвы для появления искренних либералов-буржуа теперь не существует, а между тем таковые немало способствовали развитию рабочего движения на Западе. Поэтому социально-революционная партия, как состоящая из лиц, отличных по своему положению от народа, никогда не будет велика; препятствия же для ее деятельности, с выяснением ее задач и политическим развитием привилегированных классов (чему немало будет способствовать конституция), будут возрастать. Поэтому очень важно, если быстро совершится слияние этой партии с народом, как это случилось на Западе, т.е. если народ возьмет знамя в свои руки, если будет давать из *своей среды* пропагандистов; если, словом, он выйдет из-под зависимости от привилегированной интеллигенции, если наличность последней перестанет быть полнейшей для него необходимостью. Это случится тогда, когда в народе создастся собственная интеллигенция, когда народ будет давать из своей среды образованных рабочих, стоящих по своему развитию в уровень с веком. К этому и должна стремиться наша интеллигентская социально-революционная партия; идеалом ее должно быть *самоуничтожение*.

В самом деле, ведь основной принцип наш – тот, что только сам народ может радикально изменить свое положение, что только с выступлением на общественную арену народа история пойдет неуклонно прогрессивным путем. Выйти же на общественную арену народ может, только овладев просвещением. Сколько раз он пытался захватить в свои руки руль истории, на минуту это и удавалось ему, но тотчас же он его и выпускал, а более умная и развитая буржуазия подхватывала. Даже Пугачев понимал это общественное значение просвещения, когда говорил, что царем он и не думал сделаться, ибо по безграмотности своей не считал себя к этому способным.

Задача наша поэтому должна заключаться в проведении просвещения в народ; этим путем мы дадим возможность самому народу, вооруженному знанием, выступить общественной деятельности уже самостоятельно, не оглядываясь по сторонам для отыскания нужного человека – будет ли то беглый солдат, Пугачев или Луи Блан. Итак,

главной задачей партии *народной* не в смысле цели только, а и средства должна быть пропаганда народу просветительных идей; развитие его критической способности. Не нужно понимать меня таким образом, что я предлагаю обратить все силы на распространение грамотности и т.п., хотя грамотность я считаю важным условием успешной пропаганды. Это – путь, весьма невыгодный для нашей цели. Нигде почти критическая мысль не развивалась исключительно официальным, так сказать, путем; менее всего это возможно в народе, у которого существует масса неудовлетворенных потребностей; при первой возможности на это удовлетворение и обратилась бы его критическая мысль. Почему же и нам не сделать того же? Критическая мысль может развиваться на разнообразном материале, хотя всестороннее ее развитие всего выгоднее.

Народ имеет религиозные, космологические, общественные и др. понятия, радикально противоположные соответствующим взглядам развитой интеллигенции. Последняя выработала свои понятия критическим отношением к традициям на основании истин, добытых наукой (в смысле знания вообще, а не только систематического). Эта выработка шла постепенно и в известной последовательности, не только вследствие психологических условий организма, но и в силу известной последовательности в развитии знаний. В наших руках находится теперь вся совокупность знаний; мы можем, поэтому, развивать народную критическую мысль в той последовательности, какую найдем необходимой в психологическом и практическом отношениях. Практическая необходимость служит причиной того, что народная партия в различные исторические моменты должна иметь различную окраску. Так как цель ее – благо народа, то она не должна забывать и того, чтобы попутно главной своей задаче способствовать ослаблению народных страданий, насколько она в силах это сделать. Для этого она должна развивать критическую народную мысль преимущественно в известном направлении. Так, напр., в настоящее время экономически народ не обеспечен; на почве экономической будут произведены ближайшие важные реформы. Следовательно, нужно налечь преимущественно на общественно-экономическое мирозерцание народа, развивать его критическую мысль главным образом в этом направлении; но только главным образом, а не исключительно.

Следовательно, прогрессивное значение социально-революционной партии обуславливается не столько ее общественно-практическими задачами, по необходимости временными, как ее общей зада-

чей: сделать народ самостоятельным агентом общественной жизни, не нуждающимся ни в какой партии для устройства своих дел. Мне могут возразить, что в настоящее время эта задача невыполнима, ибо экономическое положение народа столь плохо, что он не может откликнуться на наше пробуждение его мысли; что ему не до просвещения, не до критики — лучше, мол, направить свои усилия на эту экономическую язву и, таким образом, расчистить дорогу и для более свободного умственного развития.

Такое направление в постановке социально-революционного вопроса способно надолго затормозить дело прогрессивного развития народа. Дело в том, что каждое поколение найдет очень важные неурядицы в общественной жизни, на которые, по его мнению, и нужно обратить исключительное внимание. Двадцать лет назад первым шагом, который нужно было сделать, считалось уничтожение крепостного права; теперь считается передача земли в руки народа, а вслед за этим потребуют: кто — участия народа в управлении страной, кто — разрушения государства. Таким образом, одно зло уничтожается за другим, а народ оставляется все так же безграмотным, все так же принужденным смотреть вверх, выискивать благодетелей, которые направили бы его силу в ту или другую сторону. При таком образе действий мы тормозим развитие народа и отдаляем осуществление и тех практических задач, какие непосредственно себе ставим. Не распространяясь об этом, замечу, что я говорил выше об опасности гибели всякой единичной, голой идеи в нашем народе; и теперешнее направление партии — действовать через посредство народа — вытекает именно из этого убеждения, что лучшую услугу, какую она может оказать народу, это — сделать его независимым от нее, передать ему в руки то оружие, которым до сих пор пользовались только его эксплуататоры.

Если же экономическое положение народа заглушает в нем возможность развития всякой мысли, то и идея социальной революции не выдержит борьбы со всем общественным строем, как это я старался показать выше, и придется обратиться для изменения экономического положения не к народу, а к другим общественным факторам, поступать так, как поступали, например, противники крепостного права. К счастью, эта мысль неверна. Тоже самое говорилось относительно фабричного населения Запада, но оно своею деятельностью доказало противное; доказало, что экономическое положение не может служить непреодолимой преградой для умственного развития;

что раз возбужденная критическая мысль народа даже не ограничивается социальным устройством, а затрагивает и нравственность, и философию, и религию.

Как ни молода наша социально-революционная партия, но и она добыла результаты, говорящие в пользу этой мысли. Оказалось, во-первых, что народ не интересуется исключительно своим экономическим положением, требует ответа и на другие вопросы; и, во-вторых, что раз возбужденная в нем мысль дорабатывается до таких результатов, о которых пропагандист и не думал в своих с ним сношениях, напр., до отрицания религии. Следовательно, народ способен критически мыслить и при теперешнем своем экономическом положении и требует от нас мысли вообще, а не одной только социально-революционной.

Сделаю еще одно замечание – собственно для особ, очень уж мнительных. Положения, развиваемые в настоящей статье, не предполагают при своем осуществлении непременно спокойного развития общественной жизни, не исключают возможности революционных взрывов, более или менее удачных. Ибо эти взрывы суть способы осуществления желаний народа, при сильном сопротивлении извне. По мере того, как выясняются желания, являются и требования в мирной или бурной форме. Положения, развиваемые нами, не исключают пропаганды вопросов дня, пропаганды идей, считавшихся до сих пор необходимыми, а расширяет программу этих вопросов, этих идей. Они, следовательно, не могут затормозить революцию, а сделают ее более осмысленной и целесообразной¹⁹.

И. И. Каблиц

Интеллигенция и народ²⁰

Глубокая рознь, существующая между интеллигенцией и народом, их полное незнание и непонимание друг друга, тяжело отзываясь на сердце русского человека. Эта рознь, – горькое наследие прошлых времен рабства, – еще долго будет смущать нашу интеллигенцию, если она не поймет, что в этом главным образом виновата она сама. Нечего удивляться, что народ совершенно ею не интересуется и не знает ее. Ведь она, по преимуществу, сосредотачивается в городах и если завязывает сношения с мужиком, то не ради его само-

го и его нужд, а имеет в виду свои собственные интересы. Представителями интеллигенции мужик видит у себя помещика, сдающего ему землю в аренду или загоняющего его скот, станового пристава, взыскивающего подати, судебного пристава, продающего его пожитки по иску того же помещика или же его соседа деревенского кулака, и т.д., и т.д. Все эти сношения – чисто формального свойства, в которых мужику достается пассивная, страдательная роль. И так было сотни лет. Взгляд мужика сложился и успел окрепнуть до полного, несокрушимого убеждения именно под влиянием этих отношений. А что сделала интеллигенция, чтобы внести больше искренности, больше любви и понимания в свои отношения к мужику? Ровно ничего. Если она и пыталась в последнее время помочь нуждам мужика, то, благодаря вековой розни и полному незнанию его быта, эти попытки оставались бесплодны. Мужик, праву говоря, их и не заметил. Да и трудно было заметить эту тонкую струйку среди сильного противоположного течения. Для мужика вся интеллигенция окрашена в один цвет, одним миром мазана. Как светляк, сидящий где-нибудь под кустом, не превращает глубокой ночи в светлый день, так разные Верещагины и Кошелевы, со всеми своими затеями, имеющими целью облагодетельствовать мужика, не могут изменить его взгляда на интеллигенцию. Что значат их усилия в сравнении с усилиями целой интеллигентной массы? Да и давно ли появились попытки сломить ту вековую стену недоверия, которая разделяет нас от народа?

Кроме того, нужно сознаться, первые опыты облагодетельствовать были вполне неудачны. В гордой уверенности относительно своего умственного и нравственного превосходства над мужиком, – уверенности, полученной нами в наследство от наших отцов, а не явившейся, как результат изучения мужика, – мы и не подумали обратиться к нему с вопросом, что собственно ему нужно. Мы сами решили, что ему нужны ссудо-сберегательные кассы, артельные сыроварни, школы и т.п. Много и долго шумели мы по поводу всех этих касс и сыроварен, – наконец, они с успехом насаждены среди неприглядных мужицких деревень. Мы ждем не дождемся результатов нашей деятельности и в умиление проливаем слезы, читая в газетах известие о «счастливом событии» – открытии нового ссудо-сберегательного товарищества. Мы уверены, что осчастливили мужика, что он, наконец, поймет своих благодетелей, уверует в их превосходство над ним и скажет: за вами в огонь и в воду. Но, увы, ничего подобного не произошло. Вместо мужика, мы увидели пред собою кланяющуюся и

благодарящую толстую, лоснящуюся фигуру деревенского кулака, на которого, оказалось, мы усердно работали, заводя ссудо-сберегательные товарищества.

С сыроварнями вышло не лучше. Наши ликования и восторги по поводу их распространения были прерваны жестоким воплем крестьянских ребятишек. Единственная питательная для детского организма пища, прежде имевшаяся в крестьянских семьях, – благодаря отсутствию сбыта, – теперь пошла на сыроварни. О, жестокие, безжалостные отцы! закричали было мы, но... вдруг притихли, узнав, что деньги за молоко идут на пополнение недоимок.

Все эти неудачи не привели нас в унынье; школа нас выручит, твердили мы и... ошиблись. Наши иллюзии о школе (правильнее было бы сказать школьные иллюзии) также быстро поблекли, как и другие. Мы вообразили, что грамотность делает человека умнее и нравственнее. Понятно, что обучить грамоте мало-помалу у нас сделалось синонимом: нравственно перевоспитать. При такой постановке вопроса, грамотность абсолютно полезна всегда и везде. И стали мы обучать ребятишек и взрослых, мечтая при этом найти в них усердных помощников своей деятельности. Но, увы, из наших ребятишек выходили писаря, обирающие безграмотный народ, лавочники и приказчики, обмеривающие и обвешивающие как нас, так и тот же народ. Только тогда мы поняли, что грамотность есть только орудие, инструмент, и ничего больше. В честных руках это орудие – полезно, в кулацких – вредно. Грамотный среди неграмотных, это – человек лучше других вооруженный в борьбе за существование. Наделять этим орудием одних, лишая возможности приобрести его остальным, это значит помогать первым одолеть в борьбе за существование последних. ореол святости был снят с орудия, которое в одно и то же время служит и филантропии, и эксплуатации человека, и распространению просвещения, и распространению суеверия и невежества. Сильное охлаждение к школе последовало за этим открытием. Но школа, все-таки удержала в наших глазах хоть несколько прежнее свое значение, как орудие распространения знаний, столь необходимых нашему крестьянству; мы только поняли, что не в ней пока центр тяжести дальнейшего нашего прогресса. Если грамотностью кулаки воспользуются для отягчения судьбы своих соседей, думаем мы, то легко может быть, что ею же воспользуется и какой-нибудь мирской человек для защиты эксплуатируемых от этого кулака. Кулак и без нас сумеет овладеть этим орудием, – полезность его вполне

понятна ему; так поможем же другим не отставать от кулака в этом отношении. Таким образом, в вопросе о школе мы потерпели поражение только отчасти, — вопрос был чересчур элементарен, чтобы потерпеть полное фиаско.

Причин этих неудач, разумеется, много; но основная заключается в презрении к коллективной мысли своего народа. Мы не сумели понять, что коллективная мысль в области общественных вопросов имеет громадное преимущество над индивидуальной. Увлекаясь успехом индивидуума в области изучения природы, давшим ему возможность, с полным сознанием своей правоты, пренебрежительно относится к понятиям толпы, мы вообразили, что тоже право остается за ними и в области общественных наук. Мы позабыли, что общественные формы должны соответствовать мыслям и чувствам народа, а кто сумеет лучше определить их, как не он сам? Мы вообразили, что общественные явления подчинены каким-то «естественным законам», которые откроют ученые, и тогда по ним заживут народы в мире и счастье; что эти законы достаточно будет узнать, чтобы уверовать в их ценность; что батокуды, англичане и русские с одинаковым жаром и пониманием кинутся насаждать у себя эти «научные» общественные формы. Для открытия этих «научных» форм общежития не нужно изучать миросозерцание русского мужика, — оно ведь наполнено разными ненаучными понятиями, предназначенными нами к уничтожению и замене вновь открытыми нами, на основании изучения не русского и англичанина, а вообще человека «в полном смысле этого слова» Но к счастью, мы скоро заметили, что добытые нами «научные» формы годятся *только* для человека «в полном смысле этого слова», а так как таковых оказалось весьма и весьма немного даже среди нас, то и сели наши изобретения на мель, где остаются и до сих пор.

Необходимость ознакомиться с тем, кого хотелось осчастливить, была очевидна. Мы знали только внешнюю сторону жизни мужика и не знали его души, его сокровенных чувств и мыслей. Нам были известны ширина его избы, число его лошадей, коров и даже кур; мы знали, что он ест в обед и ужин, сколько у него рубашек и лаптей, но не знали одного — мужицкой души. Вековая рознь мешала нам заглянуть в эту душу; она была закрыта для нас тяжелым прошлым. Закрытой остается она и до сих пор для громаднейшего большинства из нас. Особенно печально в этом случае то, что мы совсем не сознаем своего полного незнания мужицкой души и смело рассуждаем о ней и

вкривь, и вкось. Мы не сознаем, что вековая рознь заставила ее спрятаться, подобно улитке, в раковину, и что никакие наши причитания не выведут ее наружу. Нелегко справиться с тем, что создавалось в течение веков нашими же собственными руками!

Рознь между интеллигенцией и народом служит характерной чертой русской жизни вот уже почти два столетия. Такой резкой розни мы не встречаем нигде на Западе. Интеллигенция в западноевропейских государствах народилась сама собою, вследствие естественных потребностей народа. Государство пользовалось ее силами наравне с другими и нигде не сумело заставить ее служить в свою исключительную пользу. Интеллигенция, по-преимуществу, принадлежала к третьему сословию и помогла ему занять то высокое значение, которое оно имеет теперь. Вместе они зачались в городах и вместе вышли на арену истории. Ни интеллигенция, ни третье сословие никогда не теряли своей связи с народом и даже очень долго считались преимущественными его представителями. Так думал и сам народ. Интеллигенция и до сих пор не потеряла своего влияния, хотя и скомпрометирована в глазах народа своею тесною связью с третьим сословием, в последнее время вполне дифференцировавшимся. Она может служить беспрепятственным посредником, который необходим для примирения двух враждующих сторон, не желающих знать требований друг друга. Интересы всех требуют этого.

История нашей интеллигенции совершенно своеобразна. Первые ее зачатки были внесены вместе с христианством из Византии. Апостолы христианства имели быстрый и, можно сказать, небывалый успех, потому что орудием своей проповеди избрали славянскую письменность, а, следовательно, первые положили основание нашей русской науке. В глазах наших предков христианство и наука были одно и то же; единственным представителем интеллигенции было духовенство. С распространением христианства по всем уголкам русской земли, с увеличением туземного элемента в среде духовенства, церковные порядки мало-помалу вполне обрусели. Удельно-вечевая Русь внесла свой вольнолюбивый дух и в русскую церковь. Отношения народа к духовенству были вполне свободны; «мир» сам выбирал себе духовных руководителей и считал священника в числе своих выборных общинных должностных лиц. Понятно, что священники старались приобрести нравственное влияние на своих прихожан, — иначе они не могли бы удержаться на местах, — а потому тесная связь духовенства с народом была результатом этих свободных отношений.

Но такие порядки были не согласны с общим строем вновь нарождавшейся Московской Руси. Патриарх Никон задумал преобразовать эти отношения и успел в этом. Приходское духовенство было изъято из-под власти «миров»; связь между ними была порвана. Вместе с тем зависимость низших церковных членов от высших была усилена и приход становится, по словам г. Андреева, «чем-то в роде духовно-правительственного участка»²¹. Результатом этих преобразований было постепенное падение нравственного авторитета духовенства и образование особенного замкнутого духовного сословия. Эта замкнутость отчасти нарушена только в нынешнее царствование.

Такова история духовной интеллигенции. Посмотрим теперь на судьбы светской. Зачатки ее можно найти, разумеется, и в удельно-вечевой Руси, и в Московской. Но мы не сделаем большой натяжки, если начнем ее историю с Петра Великого. Он особенно заботился о насаждении на русской почве разных западноевропейских учреждений и порядков, в том числе и науки.

Главной и, можно сказать, единственной целью Петра было сделать Россию могущественной военной державой, как сухопутной, так и морской. Он ясно видел, что достигнуть этого нельзя без помощи науки и ее представителей – интеллигенции. Нужно ли построить корабль, вылить пушку, устроить фабрику солдатского сукна и т.п., везде нужна помощь интеллигенции, везде нужно знание «цифирных» и других наук. И вот наш преобразователь со свойственной ему железной энергией стал насаждать благодетельное семя науки. Но не наука, не интересы просвещения были его целью, а могущество русского государства. Эта цель и определила надолго характер русской интеллигенции. Она была создана с целью служить государству, но государство Петра стало во враждебные отношения к народной русской жизни, а вместе с ним и интеллигенция. Интеллигенция сделалась исключительно слугою государства и никогда не имела связей с народом. Рекрутировалась она, почти исключительно, из дворянского сословия, успевшего к этому времени обособиться от остальных классов. Заимствованные из Запада одежда, обычаи и привычки еще более закрепили образовавшуюся рознь. Рознь умственная поддерживалась сословной и еще более усиливалась рознью обычаев и привычек.

Понятие об интеллигенции в умах людей из народа сливалось, да и до сих пор сливается, с понятием о дворянстве, чиновничестве, с понятием чего-то внешнего, постороннего, «немецкого». Интелли-

генция не только не заботилась о сближении с народом, но, напротив, кичилась этой рознью, видела в ней залог дальнейшего прогресса, т.е. дальнейшего движения в хвосте западноевропейской цивилизации, с *механическим* заимствованием устаревших европейских форм жизни. Таким образом, своеобразное происхождение нашей интеллигенции отразилось на ее последующей судьбе тем, что вполне оторвало ее от народа. Почти полтора столетия дело шло таким образом.

Освобождение крестьян изменило положение, как интеллигенции, так и народа. 19 февраля 1861 года можно считать поворотным пунктом к сближению двух, разрозненных историей сил русской земли. Положение интеллигенции стало изменяться; она понадобилась не только государству, которое и теперь осталось главным ее потребителем, но и вообще русскому обществу. Таким образом, интеллигенция, хотя несколько эмансипировалась от государства, и сделала шаг к тому, чтобы сделаться интеллигенцией общенародной. Так называемое «общество» стало быстро развиваться у нас только под условиями последнего времени, — до нынешнего царствования его, можно сказать, не существовало. Вместе с обществом развивается и получает более или менее самостоятельное значение и интеллигенция. Как самостоятельная сила, хотя и очень малых пока размеров, она выступила только в нынешнее царствование; сила ее растет не по дням, а по часам, и, надо думать, она скоро займет должное место среди других элементов русской жизни.

Но кому многое дается, с того много и спросится. Пока интеллигенция была только слугою государства и не имела самостоятельного значения, она могла довольствоваться в своей деятельности тем поверхностным знанием народа, которое она имела; но для положения, занимаемого ею теперь, это знание не достаточно. Многим из нас крестьянин представляется каким-то дикарем, которого представления, понятия и чувства — совершенно первобытны. Какой-нибудь факт, в роде сожжения колдуньи или убийства колдуна, радостно подхватывается и с ним носятся, по истине, как дурни с писаной торбой. Никто не хочет исследовать вблизи этого явления; оно осуждается, как народный предрассудок, просто на основании невозможности существования факта «колдовства». Только благодаря *смелости* г. Беллюстина²², эта сторона народной жизни, хотя несколько, разъяснилась русской интеллигенции. Оказалось, что колдуны очень сильно смахивают на отравителей. Народ горьким опытом убедился в реальной силе «колдунских чар», а потому и боится их. Пользуясь

этим, они «охальничают»²³ над крестьянами и эксплуатируют их. Колдуны, поневоле, не только угрожают, но и приводят угрозы в исполнение, – иначе им перестанут повиноваться. Прикрывшись «колдовством», как надежным щитом, от кар закона, они свободно отравляют кого хотят. Вздумай крестьяне жаловаться, – интеллигенция только обхохочет их и станет доказывать, что никакого «колдовства» не может быть. Ну, и что же остается делать крестьянам?

Полнейшее незнание интеллигенцией умственных и нравственных качеств своего народа – не единственный результат розни. Состоя на службе у государства, интеллигенция привыкла не обращать никакого внимания на мнения народа о том или другом необходимом нововведении. Эта привычка мало-помалу превратилась в убеждение, что народ имеет только предрассудки, с которыми бороться предстоит интеллигенции. Все живое содержание жизни должно быть внесено ею, и понятно, что она стала искать его там, где привыкла находить все нужное для своего прежнего патрона, т.е. на Западе. Заимствуя свои идеалы от европейцев, она думала, что они всецело могут быть перенесены на русскую почву. Но если подобные опыты удавались государству, то интеллигенция должна помнить, что ее сила совершенно другого характера: что народ, уступая давлению государства, вместе с тем может не пожелать уступить той духовной власти, которой одной может и *должна* владеть интеллигенция.

В качестве независимой силы русской жизни, не владеющей вместе с тем средствами принуждения, интеллигенция, по необходимости, должна бросить прежние привычки и заняться изучением народа, так как только знание его даст возможность успешного воздействия. Она может заимствовать свои идеалы откуда хочет, но практические меры для осуществления этого идеала должны быть основаны на знакомстве с условиями русской жизни, а, следовательно, главным образом, с понятиями и чувствами народа; иначе голос интеллигенции будет голосом вопиющего в пустыне. Душа русского крестьянина не грифельная доска, на которой всякий может писать, что вздумает, легко стирая написанное предшественниками. Понятия и чувства народа должны служить исходной точкой для дальнейшего общественного развития; поэтому рознь интеллигенции и народа служит очень сильным тормозом для этого развития. Все что будет сделано помимо той исходной точки, о которой мы говорили, будет больше фразой и фейерверком, нежели настоящим делом. Разумеется, что интеллигенция может иметь свои потребности и стремиться к

их удовлетворению, – в этих случаях ей нечего справляться с мнениями и чувствами народа, – это будет ее личное дело. Но все то, что будет делаться во имя народа, должно иметь в основании понятия самого народа. Пора нам с любовью и *уважением* отнестись к тому, о котором мы так много хлопочем (по крайней мере, на словах); это поможет нам загладить следы дел Никона, Петра и вообще наших предков. Поднятие значения *личности* – задача нашего времени, а *она неисполнима при том презрении, которое питает интеллигенция к народу*, т.е. к громаднейшему большинству личностей.

И. И. Каблиц

Личность и общественные формы²⁴

«По Сеньке шапка» – вот краткая, но выразительная формула мнений многих об отношении между личностью и общественными формами. Нельзя не признать, что в этом мнении есть известная доля правды: – оно признает ту несомненную истину, что общественные формы зависят от свойств личностей, входящих в их состав; но, вместе с тем, оно и ложно, так как мы нигде не замечаем полнейшей гармонии между ними. Общественные формы всегда остаются позади личности, стесняя ее движение по пути дальнейшего развития. Это явление вполне понятно: благодаря многим условиям нашей прошедшей и современной жизни – или лучше сказать, благодаря многим некрасивым свойствам личностей, населяющих земной шар, – люди должны были соединяться в крупные общества, способные отстоять благосостояние своих членов. Общественные формы, регулирующие жизнь таких крупных групп личностей, не могут быть легко изменяемы, а потому и отстают от развития личности. Все общественные движения можно свести к усилиям облегчить развитие общественных форм и поставить их в непосредственную зависимость от личности и ее развития. Но пока еще ни одно цивилизованное общество не достигло такого состояния, при котором общественные формы могли бы изменяться наряду с изменением личности. Везде этой последней приходится довольно долго выносить стеснения и лишения, пока, наконец, она не преобразует общественные формы сообразно своим желаниям; но вместе с тем у нее развиваются другие требования, которые не могут быть удовлетворены только что созданным строем, а потому и побуждают к дальнейшим попыткам

изменения. Ясно, что счастье личности стоит в прямой зависимости от облегчения воплощения ее желаний в общественные формы, т.е. *облегчения общественной трансформации*. Отсюда же видно и то, что применение поговорицы: «по Сеньке – шапка» к отношениям между личностью и общественными формами вполне неправильно, так как шапка оказывается всегда несколько тесновата для Сеньки.

Многие юристы и экономисты придерживаются так называемой органической теории общественного развития. По их мнению, одна общественная форма заменяется другою не вследствие желаний личности, а сама собою, вследствие внутреннего органического процесса (вроде метаморфоз у насекомых). Личность в этом случае играет роль какого-то кирпича, из которого невидимый архитектор строит и перестраивает здания разных форм, или, лучше сказать, этот архитектор вложил в самые здания способность видоизменяться и совершенствоваться помимо кирпичей. Личность, по их мнению, остается только пассивным материалом, извне формируемым какою-то силою, которая обретается в общественных формах. Эта чисто метафизическая идея предполагает самостоятельное существование общественных форм, как известных реальностей, помимо существования ее содержания – личности. Социологи-метафизики не замечают, что общественные формы суть только *отношения* между личностями, а потому и не имеют никакого самостоятельного существования. В природе существуют личности и их отношения, но нет общественных форм, т.е. иначе сказать, в ней не существуют какие-то самостоятельные реальности в виде общественных форм, а только отношения между личностями, которые мы и называем общественными формами. На этом основании мы должны признать, что не может произойти никаких изменений в общественных формах без изменения в личностях, хотя понятно, что общественные формы, как *отношения между личностями*, влияют, в свою очередь, на личность. В этом случае мы имеем дело не с каким-либо самостоятельным влиянием, а только с тою же единственною общественною силою – личностью; только здесь совокупность личностей, находящихся в известных отношениях, подвергаясь сама влиянию отдельной личности, в свою очередь, видоизменяет и ее деятельность.

Указывают, например, на то положение К. Маркса, в котором он утверждает, что нынешний капиталистический способ производства Западной Европы имеет внутреннюю тенденцию к саморазрушению. Это саморазрушение произойдет будто бы от того, что этот род про-

изводства стремится концентрировать капиталы все в меньшем и меньшем круге лиц, что и приведет ее к падению и замене другою; из этого заключают, что одна общественная форма логически сменяется другою, помимо влияния личности. Но достаточно сделать предположение, что личность перестала стремиться к изменению капиталистической формы производства, чтобы увидеть всю нелепость предположений о саморазрушении. Ведь капиталистическое производство с одной стороны концентрирует капиталы, а с другой – скучивает пролетариат в одну плотную, враждебно-настроенную ему массу. Если мы устраним второй элемент, т.е. элемент воздействия личности на общественную форму, то, понятно, этот процесс может привести только к тому, что когда-нибудь все капиталы окажутся в руках одного лица... и только. Никакого саморазрушения не произойдет и произойти не может. Маркс, говоря о саморазрушении, придает ему совершенно не тот смысл, какой часто придают его идеям у нас. Он ясно указывает только на то, что капиталистические отношения, господствующие в Западной Европе, имеют свойство развивать в личности такие наклонности и способности, которые побудят ее к исканию выхода из этих отношений. Под способностью капиталистического производства к саморазрушению он понимает только свойства этого производства увеличивать количество своих врагов, развивать в них солидарность для борьбы с собою (благодаря скучиванию их в одном месте) и способствовать развитию в личности тех свойств, которые необходимы ей для устройства производства на более справедливых основаниях.

Итак, мы вправе сказать, что органическая теория развития общественных форм не выдерживает никакой критики. Общественные формы суть только формы отношений между личностями, а потому все их изменения могут быть только результатом изменений в личностях. Если мы замечаем, что формы известного типа постоянно сменяются другими, соответственными типами, то это происходит не вследствие связи между самими формами, а от более или менее своеобразного развития личности, создающей эти формы.

Хотя личность является единственным фактором общественных форм, но из этого еще не следует, чтобы общественная форма какой-либо данной группы всегда соответствовала желаниям личностей, ее составляющих. Мы уже говорили о некоторой необходимой задержке в полном соответствии общественных форм с желаниями личностей; но, кроме того, существуют и многие другие причины, влияющие на

образование этого несоответствия. Так, например, хищническое племя, способное выносить строгую военную дисциплину и централизацию, легко завоевывает другое, мирное и децентрализованное племя. Завоеватели могут быть малочисленны, но, благодаря известным свойствам своим, дают вновь образовавшемуся обществу форму, соответственную своим желаниям и свойствам. Разумеется, что и завоеванное племя некоторым образом участвует в этом факте, хотя участвует пассивно; можно сказать, что оно само виновато в том, что вновь созданная общественная форма не соответствует его желаниям, так как несомненно, что его неспособность к централизации и мирные наклонности были одною из причин, породившей нежелательную для них общественную форму. Спенсер²⁵ смотрит на дело именно с этой точки зрения, утверждая, что «самое существование сословия, пользующегося монополиею власти, возможно только вследствие известного настроения и образа мыслей всей общины»^{a)}. Но эта точка зрения – ничего больше, как ловкий софизм. Ирландцы сами виноваты, что терпят англичан и их порядки, должен сказать Спенсер; и он будет прав отчасти, так как будь ирландцы, все, поголовно, героями, англичане не распоряжались бы у них. Но речь ведь идет только о том, что общественные формы могут быть несоответственны *желаниям* большинства.

Таким образом, мы видим, что общественная форма может не соответствовать желаниям большинства личностей, составляющих общество. Эта форма может складываться под влиянием представителей меньшинства, т.е. разного рода вождей, которым удалось организовать это меньшинство. При обнаружении этого несоответствия, выдвигается вопрос о влиянии общественных форм на личность, так как они могут быть или ниже средней личности общественной группы, или в уровень с ней, или даже, в самых редких случаях, выше ее.

Если общественная форма создана меньшинством личностей, стоящих ниже среднего умственного и нравственного развития, то она будет иметь развращающее влияние на все общество; это будет тормоз общественного развития. Только ассимиляция большинством меньшинства, которая рано или поздно уравнивает всю группу, способна прекратить это ненормальное явление. Примером регрессивно-

^{a)} Гер[берт] Спенсер. [Научные, политические и философские] Опыты. т. 1-й, вып. 2 и 3, [СПб., 1866] стр. 416.

го движения общественных форм может служить переход удельно-вечевой Руси в московскую, сделанный под прямым и косвенным влиянием татарского племени. Вся последующая история России заключается в стремлении большинства ассимилировать вновь образовавшееся меньшинство. Эта ассимиляция была, впрочем, сильно затруднена реформами Петра, принявшего на свою службу толпы немцев, введенных этим путем в среду меньшинства и увеличивших прежнюю его рознь с большинством. Только в последнее царствование стали замечаться резкие и отчетливые признаки этой вековой ассимиляции.

Бывают случаи, что общественная форма оказывается выше средней личности. Для примера укажем на попытку, сделанную одною из наших сект, известную под именем «общие». Они, под влиянием своего коновода Акинфия Попова, сумевшего возбудить в них нравственные чувства до степени энтузиазма, устроили свою жизнь на коммунистических началах. Но такая жизнь продолжалась недолго. Попов был сослан, энтузиазм мало-помалу остыл; тогда оказалось, что созданный строй не соответствует их нравственным чувствам, в их обыкновенном, невозбужденном состоянии, и «общие» возвратились почти к первобытному своему строю. Другими примерами подобного несоответствия общественного строя средней личности может служить Франция в конце прошлого столетия и Англия в правление Кромвеля.

Общественные формы, стоящие выше средней личности, никогда не могут быть устойчивы, так как они основаны или на временном настроении общества как у «общих», или же на насилии, как во Франции, объявившей принцип «единой и нераздельной республики», а потому и считавшей себя вправе облить кровью поля Нормандии. Но насильно навязывать благодеяние, это – такое самопротиворечие, которое не может долго держаться; насильно навязываемое благодеяние ничем не отличается вообще от насилия и, как таковое, должно вызывать у всякого, не потерявшего образ человеческий, только сопротивление. Насильно делать людей более нравственными – немыслимо, так как только добровольная деятельность может вести к этой цели. Мы вправе сказать, что общественные формы, созданные меньшинством, если они являются более нравственными, чем средняя личность, не приносят никакой пользы, так как или быстро вырождаются в формы, более соответствующие средней личности, или поддерживаются только насилием, т.е. являются развращающим

элементом в жизни народа. Если есть надобность, говорил Спенсер, в доказательстве того, что самые тщательно составленные уложения не имеют никакой цены, если не представляют воплощения народного характера, — если есть надобность в доказательстве того, что правительственные распоряжения, по духу своему опережающие век, на деле непременно отстанут и пойдут вровень с ним, — то подобными доказательствами изобилует современная хроника предприятий, основанных на ассоциации капиталов. В том виде, в каком утверждает акт парламента, администрация наших общественных компаний имеет почти чисто демократический характер. На деле же директора не только не думают считать себя служителями акционеров, но возмущаются против всякого указания с их стороны и часто придают желанию сделать какую-нибудь поправку в предложенной мере за выражение недоверия к ним^{а)}.

Таким образом, единственно нормальным можно считать только тот ход общественных явлений, когда общественная форма соответствует уровню умственного и нравственного развития личностей, составляющих общество²⁶. Этим прямо разрешается вопрос, задаваемый многими: что должно предшествовать — развитие ли личности, или развитие общественной формы? Так как личности должны быть единственным фактором общественной формы, их объединяющей, то понятно, что развитие ее является результатом развития личностей. Но мы не должны забывать, что существуют общества, где общественная форма ниже среднего развития личностей; там очередь за общественными формами, стесняющими дальнейший ход прогресса. Но общественная форма, вместе с тем, не должна забегать чересчур вперед, — критериум для определения нормального хода развития общественных форм, таким образом, может быть найден только в понятиях и чувствах личностей, составляющих общество.

Тут мы сталкиваемся с вопросом об отношении большинства к меньшинству, но не привилегированному меньшинству, а к тому, которое бывает в демократических обществах. «Когда большинство управляется меньшинством, мы называем такой порядок тиранией; но управление большинства по отношению к меньшинству — точно также тирания; вся разница в степени». «Достоинство демократического управления заключается только в том, что она нарушает права

^{а)} Гер[берт] Спенсер. Нравственность и политика железных дорог [Спенсер Г. Научные, политические и философские опыты. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1866. С. 226].

меньшего числа»^{а)}. Образчиком отношений большинства к меньшинству может служить Франция в 1871 году, – желания Парижа и многих других городов были подавлены большинством деревенской Франции. Долгая и тяжелая борьба большинства с привилегированным меньшинством приучила его смотреть на себя, как на альфу и омегу мудрости и справедливости. Если когда-то Людовик XIV говорил «L'état c'est moi»²⁷, то теперь то же самое повторяет, не с большим правом, большинство. Благодаря тому, что когда-то во Франции знамя большинства было знаменем прогресса, наука и литература приучили умы смотреть на желание большинства, как на нечто святое и непогрешимое. В борьбе с привилегированным меньшинством это орудие было вполне целесообразно и справедливо, но не таковым является, когда враг побежден, и приходится иметь дело с меньшинством непривилегированным. Здесь оно фигурирует в качестве такого же насилия, от которого избавилось само очень недавно. Бороться против насилия большинства немислимо меньшинству; из этого ясно, что в новом фазисе общественного развития должны употребляться другие средства борьбы против насилия, а не те, которые употреблялись прежде. Там на насилие отвечали насилием, здесь это невозможно, – остается одно нравственное воздействие с целью убедить большинство не злоупотреблять своей силой. Рассеять ореол святости, окружающий решения большинства, – вот единственный путь для этого. Необходимо, чтобы личность прониклась мыслью, что насилие, в какой бы форме оно ни проявлялось – в форме ли большинства, или в форме меньшинства – всегда и всюду остается только насилием, т.е. безнравственностью. Мы видим, что в Австрии парламентское большинство сопротивлялось наделению славянских племен правами, которыми пользуются немцы и венгерцы; Англия коверкает жизнь Ирландии и т.д., и т.д. И все это делается под прикрытием решений большинства. «Общее начало, на основании которого возможно правильное управление корпорацией, – говорит Спенсер, – заключается в том, что члены ее уславливаются друг с другом подчиняться воле большинства *во всех делах, касающихся достижения тех целей, для которых они составили корпорацию, но не в других*»^{б)}.

^{а)} Гер[берт] Спенсер. Социальная статика [Изложение социальных законов, обуславливающих счастье человечества. СПб., 1872. С. 212–213].

^{б)} Гер[берт] Спенсер. Нравственность и политика железных дорог. [С. 261–262].

И. И. Каблиц
Что такое народничество?²⁸

В последнее время у нас часто повторяют, что в России нет и не может быть никаких партий. Действительно, если под этим словом подразумевать то, что считает партией англичанин или француз, то нужно согласиться, что у нас никаких партий нет. Но вместе с тем нельзя не видеть, что у нас существуют зачатки партий, – так сказать, куколки партий, могущие превратиться в настоящие партии. И нет сомнения, что день превращения этих куколок в бабочки будет днем разочарования для многих мечтателей, днем освобождения от страха измен в собственном лагере культурного класса у многих охранителей. Куколки имеют то неудобство, что при поверхностном осмотре трудно отличить голубой цвет от серого или красного; очень часто все они идут за красных и пугают напрасно робких людей. Теплый солнечный луч, который превратит эту серую массу куколок в бабочек, тем и хорош, что выяснит настоящие цвета и избавит нас от тщетных надежд и напрасных страхов. Ночью, говорят, все кошки серы; ночью не разберешь, кто друг и кто враг. Некоторым кажется, что такое положение особенно удобно, но это только доказывает их слабую веру в себя, в свою правоту, в свои убеждения. Ясное и резкое выделение своих мнений и убеждений из всей остальной массы мнений есть обязанность всякого, кто верит в силу и правоту своих мнений. Подобное выделение необходимо для того, чтобы общество остановило свое внимание на этой категории мнений, а раз это сделано – задача исполнена, истина возьмет свое, поскольку она истина и поскольку общество способно воспринимать истину. Светильник должен стоять на виду, не смешиваясь с остальными; смешение всегда только вредно, хотя им и прельщаются весьма часто, имея в виду единство света вообще, как средства борьбы с тьмою. При этом забывают, что столкновение света в области мысли дает часто такие же результаты, как и столкновение света, изучаемого физиками, а именно темноту. Физики называют это явление интерференцией света; в области мысли оно носит название неясности, неопределенности убеждений и мыслей, пенкоснимательства.

Отчетливое выделение известной категории мнений из всех остальных особенно необходимо у нас, где эти мнения являются только в виде куколок, часто старающихся ради самосохранения походить на других, менее неприятных для глаз «наблюдателей». Тут, очевид-

но, инстинкт самосохранения брал верх над естественным стремлением показать себя со всеми своими отличиями, явиться во всем разнообразии своих красок. В этом случае ради дальнейшего прозябания жертвовали многими сторонами своих мнений, и нам кажется, что трудно порицать литературных деятелей за эту уловку. Она навязана им внешними условиями и уничтожится вместе с ними; они стремятся выйти из этого ложного положения и при первом удобном случае делают это, так или иначе.

Естественное стремление к выделению каждого мнения из всех остальных, ему родственных, должно быть особенно поощряемо и потому, что у нас (благодаря тому, что интеллигенция имеет возможность только теоретически обсуждать общественные вопросы) господствует ужасный хаос в наименованиях разно образных категорий мнений. Человек называет себя народником, а по понятиям оказывается либералом, или наоборот; консерваторы очень часто называют себя, то народниками, то либералами; вообще тут господствует полная путаница. Для примера приведем недавний казус с «Русским Богатством». Один из его сотрудников, как видно, выражающей мнение самой редакции, торжественно заявил: «Мы, народники, мы, последовательные общинники, мы, которых преимущественно зовут (?) народолюбцами, — мы заявляем, что прежде “народного вопроса” должен быть разрешен “вопрос интеллигенции”: вопрос об элементарнейших правах умственного и образовательного ценза. Только свободная интеллигенция, во всеоружии своих прав и свободной мысли, может слить свои интересы с интересами народа и смело и плодотворно взяться за решение задач, логически-неизбежно назревших для нашего поколения». «Народный вопрос» был и есть у нас «вопрос интеллигенции». В этом вся суть. Обойти это положение невозможно. Только свобода и признание прав интеллигенции могут быть гарантией быстрого и плодотворного решения «Народного вопроса»²⁹. — По поводу этого торжественного заявления «преимущественных народолюбцев» чистокровнейший либерал г. Л. Полонский³⁰ в газете «Страна» говорит: «Давно бы так. Но если народный вопрос был и есть у нас вопрос интеллигенции, вопрос о всеоружии прав и свободной мысли свободной интеллигенции, то напрасно было отрицать то, что было главной задачей либеральной печати доселе, напрасно было отсылать ее к искомым еще народным идеалам. Ведь не из деревни же мы получим разрешение вопроса о свободной интеллигенции и добудем для нее всеоружие прав». Далее, говоря о заяв-

лении народников «Русского Богатства», г. Полонский продолжает: «Правда, по форме это несколько похоже на манифест дон-Карлоса»³¹. Но по сущности это – не более и не менее, чем, правда, та правда, которой держались мы сами. Итак, наши народники, последовательные общинники, преимущественные народолюбцы – вместе с нами, по крайней мере, в настоящее время – либералы и больше ничего. Нашего полку прибыло»³².

Нельзя не признать, что г. Полонский вполне прав, записав народников «Русского Богатства» в свой либеральный полк. Мы чувствуем, что это сильно не понравится новым рекрутам либерализма, и думаем, что они с гневом юного задора накинутся на представителя современного либерализма и вообще на всех тех, кто откровенно им скажет им: да, вы либералы, и больше ничего. Но что же делать? Ведь только либералы могут сводить многосторонний, всеобъемлющий «народный вопрос» на вопрос о правах интеллигенции, т.е. лучше сказать, о правах «Нового Времени», «Голоса» «Молвы», «Страны», «Русского Богатства» и т.д. и т.д. Народ ждет от нас удовлетворения своих нужд, а мы говорим ему: отстань, не до тебя! Дай прежде возможность гг. Полонскому, Краевскому и др. стать на страже... общественной безопасности и здравых идей. Или вы, гг. «преимущественные народники», может быть, скажете, что вы хотите совсем не этого? Но разве у вас будут спрашивать, чего именно вы хотите? Ведь вы заботитесь, вместе с поименованной выше компанией, *только* о правах интеллигенции, а раз интеллигенция получит эти права, ее поведением будете руководить не вы, а она сама; вы же останетесь с длинным носом.

Мы не хотим сказать всем этим, что интеллигенция не должна заботиться о расширении своих прав, – это было бы вполне противоестественно. Каждый труженик заботится об улучшении орудий своего производства, – орудиями же труда интеллигенции служит слово, знание; понятно, что она старается дать наибольший простор этим силам. Только с расширением значения этих сил, влияние интеллигенции на жизнь народа увеличивается и распространяется, что и составляет заветную цель всякой интеллигенции. Сами же мы сочувствуем расширению значения слова и знания большего всего потому, что считаем его в числе задач, поставленных и народною жизнью. Вопрос о свободе слова не есть только вопрос интеллигенции, это вместе с тем и вопрос вполне народный; мы утверждаем это, хотя такое утверждение и может показаться с первого взгляда парадоксальным. Дело в том, что свобода слова, свобода печати есть необходи-

мое условие духовной свободы вообще, а, следовательно, и религиозной в частности. А свобода вероисповедания составляет одно из требований всего русского народа, – в этом, кажется, теперь уже непозволительно сомневаться. В России существует от 13 до 14 миллионов разного рода раскольников; думать, что они являются противниками свободы вероисповедания – абсурд. Всякий исследователь раскола знает, что одним из основных требований всех сект есть свобода веры; они постоянно указывают на ненормальность вмешательства гражданских властей в эту область и требуют устранения всякого рода стеснений пропаганде религиозных идей. Религиозное брожение особенно усилилось от толчка, данного духовной жизни народа освобождением от крепостного состояния. Всякое религиозное брожение прежде всего стремится к распространению, к пропаганде устным и письменным словом. Свобода слова – необходимое орудие всякой религиозной пропаганды; правда, она очень часто обходится и без свободы слова, но в таком положении бывают и вообще всякого рода идеи. Они прокладывают себе дорогу сквозь те многочисленные и невидимые щели, которые не в силах законопатить никакое государство; но никогда подобная контрабандная пропаганда не удовлетворяет пропагандистов и их слушателей; всегда они стремятся выйти из этого положения на широкую и безопасную дорогу свободного распространения своих идей, всегда свобода слова является главным требованием народонаселения во время религиозных брожений. Разумеется, нельзя сказать, чтобы свобода вероисповедания была главным желанием русского народа, – есть у него более настоятельные и более *общие* желания и требования, но, несомненно, все-таки и то, что свобода веры находится в числе первых его нужд. Если наш народ стремится прежде всего удовлетворить своим материальным потребностям, то это вполне понятно; без этого немыслимо удовлетворение каких бы то ни было нравственных потребностей. Но вместе с тем он стремится и к духовному возрождению, к духовной жизни, – это доказывается лучше всего, как мы уже говорили, тем религиозным брожением, которое охватило Россию.

Стремление удовлетворить духовную жажду приводит обыкновенно нашего крестьянина к тем невидимым, скрытым от глаз официального мира, ключам, которые издавна питали духовную жизнь русского народа. Но удовлетворять открыто свою духовную жажду, он до сих пор не смеет, – это, как известно, очень строго наказывается. Тут-то он и познает все неудобства от отсутствия свободы рас-

пространения идей, с этой минуты он является противником стесненной этой свободы. Он основывает тайные типографии, в тысячах экземплярах рукописных копий распространяет свои «цветники», т.е. нечто вроде наших бывших альманахов; он страстной словесной речью, раздающейся где-нибудь в мужицкой хате, приучает своих слушателей к свободной критике всего окружающего. Думать, что все это делается инстинктивно, без мысли о свободе слова, о ее необходимости, о ее справедливости, могут только те, кто с озлобленным упорством решил видеть в нашем крестьянине скота, а не человека. Нет, стремление к религиозной пропаганде необходимо наталкивает на мысль о свободе слова и печати. Правда, какой-нибудь немоляк или штундист совершенно не заботится о запрещении «Русской Правды» или о приостановке печатания объявлений в «Голосе», но тут только долг платежом красен. Много ли наша печать заботилась и заботится об интересах раскольников? Да и знает ли она вообще, что такое раскол? Когда она заговаривает о свободе слова, то, несомненно, думает в это время только о себе и о своей великой миссии; она – представительница идей культурного класса, а не народа вообще. Неудивительно, что и интеллигенция народа, также равнодушно, с тем же презрением, относится к ней и не знает ее. Тут происходит обоюдное непонимание, обоюдное игнорирование. Но было бы вполне несправедливо выводить из этого факта, что раскольник индифферентно относится к свободе печати вообще, как несправедливо обвинять наших литераторов в равнодушии к свободе распространения идей, основываясь на их полном равнодушии к распространению религиозных идей в среде народа. Как народная интеллигенция – раскольники, – так и интеллигенция культурного класса одинаково стремятся к свободе слова и идей; они товарищи по своей задаче, хотя и не знающие и игнорирующие друг друга. Это печальное недоразумение – результат нашей истории и не может быть уничтожено по нашему желанию; пройдет, может быть, несколько лет, пока оба элемента поймут друг друга. А пока нам пора понять, что свобода идей, требуемая в настоящее время народом, самым тесным образом связана с свободой идей вообще, и что, работая на эту свободу, мы делаем вполне народное дело, хотя и не первостепенное, так как несомненно, что на первом плане стоит у народа не этот вопрос, а земельный. Таким образом, вопрос о свободе слова, будучи первостепенным с точки зрения интеллигенции культурного класса, является второстепенным, хотя вполне современным, с точки зрения

народа. Превратить этот вопрос в единственно современный вопрос, это значит *подменить* народные требования своими культурно-интеллигентными, чем обыкновенно и занимаются либералы. «Русское Богатство», к сожалению, пошло по этому ложному и скользкому пути и по справедливости было зачислено в либеральный полк. Для того чтобы быть народником, недостаточно кричать: мы – истинные народники, мы – преимущественные народолюбцы, мы – последовательные общинники, и в тоже время забывать о самых кровных нуждах народа, ставить весь прогресс русской жизни в зависимость от прав интеллигенции, которая никогда и нигде не отождествляла свои интересы с народными, а, наоборот, всегда заменяла народные интересы своими. Если часть ее и действовала по другим основаниям, так это именно благодаря твердому убеждению, что эгоистические интересы всегда руководят интеллигентной массой и что поэтому и права ее никогда не должны предпочитаться общественным.

В чем же состоит истинное народничество? Прежде всего, мы должны сказать, что напрасно смешивают народничество и народолюбие. Если всякий народник – народолюбец, то не всякий народолюбец – народник. Любовь к народу, если верить словесным и печатным заявлениям, сильно распространена в нашей интеллигенции, но нельзя этого сказать про народничество. Подчас любовь к народу бывает очень своеобразна; так, например, она часто смахивает на любовь к собакам, лошадям и т.п. В этом случае чувство любви смешано с презрением, с желанием покровительствовать и господствовать. Объект любви считается невежественным и безнравственным скотом, не имеющим никакого понятия об истинных своих нуждах и потребностях, но... этот скот, видите ли, несчастен, а потому нежное сердце интеллигентного человека сжимается от тоскливого чувства и он готов снизойти к нему для руководства его мыслью, чувством и деятельностью. Таких народолюбцев у нас очень и очень много; но – они не народники. Народник любит народ не потому только, что он несчастен, а вообще в силу способности любить людей; он уважает народ, как коллективную единицу, воплощающую в себе самый высокий, для нашего времени, уровень справедливости и человечности. Отдельные личности могут быть глупы и безнравственны, но коллективная мысль и чувство народа, в области общественных вопросов, всегда несоизмеримо выше отдельных мнений и чувств. Главное положение народничества следующее: только коллективная мысль народа может безошибочно определить, что должно считаться практи-

ческой общественной задачей нашего времени и каково должно быть ее разрешение. К этому положению народники пришли путем долгого и упорного труда при разрешении общественных вопросов. Много надежд, много разочарований нужно было пережить для того, чтобы отрешиться от самонадеянности, так присущей интеллигентным людям. Сколько мер, затеянных интеллигенцией для облагодетельствования мужика, погибло бесследно и осуждено теперь ею самою! Двадцать лет толклись на одном месте, и где же, в конце концов, нашли выход? Он именно в том, на что давно указывала коллективная мысль народа – в необходимости разрешения земельного вопроса и связанных с ним платежей. Правительственные комиссии и ученые исследования ясно доказали нам, что центр тяжести современной общественной задачи русской жизни – именно там, и нигде больше. Все, что будет сделано помимо разрешения этого вопроса, может веселить сердце интеллигентного человека и даже, пожалуй, удовлетворить некоторым второстепенным желаниям народа, но все это вместе с тем может в корне подрывать народное благосостояние. Время не ждет и делает свое дело, т.е. все больше и больше превращается народ в западноевропейского пролетария. Говорить в такое время о правах интеллигенции, как *главной* современной задаче, может только бездушный либерал, у которого интересы прессы вытеснили из головы интересы народа. Пресса у этих людей превращается в самодовлеющее божество, на алтаре которого они готовы заклать самые животрепещущие общественные вопросы. Неужели же так трудно совместить желание простора для слова и знания с желанием разрешения поземельного вопроса? Почему одно желание должно исключать другое? Впрочем, если бы даже было необходимо делать выбор, то народник, следуя за коллективной мыслью народа, должен предпочесть вопрос земельный.

Характерная черта народника – предпочтение коллективной мысли перед индивидуальной. Разумеется, мы говорим только об области общественных вопросов; только здесь коллективная мысль является лучшим и единственным *практическим* мерилom истинно необходимого. При исследованиях природы индивидуальный ум является пионером знания и истины; благодаря этому, интеллигенция привыкла смотреть на индивидуальный ум, как на лучшее орудие в исканиях истины вообще, и перенесла это понятие и в практическую область общественных задач. Но тут она должна была потерпеть неудачу. Дело в том, что истины социологии совершенно иного характера,

нежели истины естествознания; эти последние гораздо меньше зависят от субъективных особенностей людей, нежели первые. Галилей, исследовав вопрос о вращении земли и решив его, сделал это на основании таких данных, которые способны привести всякого человека, обладающего теми же познаниями к тому же выводу. Другое дело, если мы имеем социальную задачу. Возьмем следующий пример: нужно решить вопрос о пользе введения общинного владения землей в какой-нибудь деревне, владеющей ею до сих пор на правах частной собственности. Для решения этой задачи исследователю мало знать выгоды и невыгоды общинного владения и частной собственности, а необходимо знать мирозерцание и характер жителей деревни. Это последнее необходимо потому, что преимущества общинного владения могут превратиться в ничто и даже послужить только к бесконечным ссорам и распрям, если значительная часть жителей будет по своему характеру больше индивидуалисты, нежели общинники. Сколько же лет труда должно быть ухлопано исследователем для решения вопроса о маленькой деревне? Не короче ли решить его путем коллективного обсуждения этой задачи жителями всей деревни? Коллективное решение, как результат столкновения всех разнообразных характеров и мнений, и будет искомой истиной.

В разрешении практических общественных задач не может быть объективных истин, равно годных для всякой общественной группы, именно потому, что субъективность играет здесь бóльшую роль, нежели в других областях. Мера, вполне годная для одной общественной группы, никуда не годится для другой. В одной общине не делят лугов, а сообща косят сено и уже это последнее делят между собою; следует ли из этого, что все общины могут делать то же самое, так как это, несомненно, выгоднее? Нет, в других местах эта же мера, если бы она была введена помимо желания крестьян, могла бы быть только невыгодной, благодаря недоверию их друг к другу, лености на общественной работе и т.п. Кто же может скорее и вернее решить годность или негодность известной меры, как не сама община? Известная общественная форма может быть сама по себе прекрасна, но коллективная мысль может отвергнуть ее, как вредную при данных условиях; она может ясно видеть, что умственный или нравственный уровень развития личностей, входящих в ее состав, не допустит существования этой формы, или извратит ее до неузнаваемости. Коллективное решение, следовательно, является лучшим мерилom практической годности общественной формы.

Народник ценит коллективную мысль именно потому, что убедился в ее согласии с своими собственными идеалами. Горе тем идеалам, которые не найдут этого согласия! Они – лживы и непременно погибнут. Задача интеллигенции состоит в том, чтобы возвести в принципы те желания и стремления народа, которые с точки зрения ее идеала оказываются прогрессивным явлением народной жизни. Эти принципы она делает своим знаменем, борется за их осуществление и только тогда она может считать себя народной интеллигенцией, хотя бы народ и не знал о ее существовании. Дело не в формальной ее связи с народом, а в действительном, фактическом служении его желаниям. Только люди этого направления и имеют право на название «народников».

Л. Е. Оболенский

Народники и г. Достоевский бичующие либералов³³

В русской интеллигенции замечается одно поразительное явление: за неимением живого дела и действительных политических партий, т.е. таких партий, которые бы являлись реальными деятелями текущей действительности, у нас мнения, взгляды, даже слова и речи принимаются за дело, рассматриваются, как исторические факты, возбуждая такую же вражду, озлобление, вызывая такой же переполох и оппозицию, как реальные события истории. <...> Решетки, отделяющие мысль от жизненной работы, прочны по-прежнему, жизнь остается также мертвенна и неподвижна, как прежде, а мысль все растет и, в конце концов, в своей душной келье, принимает себя самою за жизнь, – свои представления и идеи за реальные факты, свои фантазии – за действительность, свою бесплодную, чисто словесную борьбу за историю. <...>

...Насколько наша «словесная война» есть, действительно, плод перзрелой мысли, видно, например, из курьезной, но грустной истории одного нового журнала, объявившего себя *«преимущественным народником»*. В этом маленьком журнале с большим апломбом выступило несколько молодых публицистов и прямо бросилось в борьбу со всеми и со вся <...>. Они провозгласили, что открывают в нашей литературе новую Америку, т.е. пополняют в ней пробел, состоящий в отсутствии истинно народнического органа. <...> После этого явилась длинная статья, озаглавленная специально громким титулом:

«Народный вопрос». Она тянулась в трех книжках. Автор в течение всей статьи занимался так же, как и его предшественники, подходом к вопросу, все расчищал место, отмежевывая себя от других партий, <...> все натуживался сказать что-то свое собственное, новое, *преимущественное*. Вдруг, трах! Статья кончилась, и автор от себя сказал лишь в конце три строчки: оказалось, что «народный вопрос есть вопрос интеллигенции, а потому интеллигенция должна прежде решить свой вопрос, а уж затем народный»³⁴. Таким образом, большое крыльцо, выстроенное автором, заставлявшее ожидать и соответственно большого дворца, к которому бы вело оно, привело <...> к маленькой конурке <...> обыкновенного нашего либерализма, от которой и он сам давно отрекся... <...>

...В самом деле, из-за чего было огород городить и размежевывать себя так долго и старательно с либералами, когда, в конце концов, оказалось, что цели и стремления тех и других совершенно одинаковы: решить сперва вопрос интеллигенции, а потом приступить к народному вопросу. Это есть столь же заветная мечта либералов, как и журнальца «преимущественных» народников. Но такие либералы, как «Страна» далеко ушли от такого узкого либерализма и гораздо ближе стоят к народничеству, чем *преимущественные* народники, как это выяснилось из полемики «Страны» с другим публицистом, выступившим в «Неделе» на смену поверженному «Страной» журнальцу³⁵. Новый боец, к которому мы чувствуем глубочайшую симпатию, как к одному из честных, даровитых и мыслящих публицистов последнего времени, этот новый боец потерпел однако также фиаско <...>. Он совершенно правильно отделил народников от народолюбцев, доказав, что народолюбцы могут быть и либералами, т.е. желать сперва решить вопрос интеллигенции, а затем уже вести народ за собою, но народники – другое, мол, дело. <...>

«Народник ценит коллективную мысль именно потому, что убедился в ее согласии с своими собственными идеалами. Горе тем идеалам, которые не найдут этого согласия! Они – лживы и непременно погибнут. *Задача интеллигенции состоит в том, чтобы возвести в принципы те желания и стремления народа, которые с точки зрения ее идеала оказываются прогрессивным явлением народной жизни*»³⁶. Итак, оказывается из этого, что народники должны делать выбор из желаний и стремлений народа, примыкая только к тем, которые «с точки зрения идеала самой интеллигенции оказываются прогрессивным явлением народной жизни». Вот те и раз. Этого

мы уж никак не ожидали. Ведь, если народнику приходится выбирать желания и стремления народа, с точки зрения интеллигентного идеала, то может оказаться что из всей массы стремлений и желаний народа к этому подойдут два-три стремления, с которыми согласны и либералы, а все остальное окажется враждебным интеллигентному прогрессивному идеалу. Но какое же это народничество! «Что у тебя мне нравится, я возьму, а что не нравится, с тем ты проваливай дальше и добивайся этого сам, как знаешь!» Но, если логически развивать мысли почтенного автора, изложенные до этого рокового пункта, то, ведь, окажется страшное противоречие: там говорилось, что коллективная мысль выше индивидуальной, что она *безошибочна*, что она лучшее и *единственное* мерило и т.д., а здесь индивидуальная мысль интеллигенции выставляется критериумом, позволяющим выбирать сообразно своему идеалу те или другие идеи и стремления народа. Да как же это примирить с началом? При чем же оно, в таком случае? Дело то в том, что вывод из всего этого ясен как день; пока вопрос ставится чисто теоретически, философски, такое деление на партии как либералы, народники кажется весьма простым и ясным, но едва вопрос сводится на почву практического дела, (хотя бы даже только литературного, т.е. чисто словесного) и партии рассеиваются, как дым по той простой причине, что они не партии живой общественной работы, а партии или чисто субъективного чувства или метафизически отвлеченной, пленной мысли. Только теоретически они различны, практически же, сама жизнь клонит всех к одному пути, к одной узенькой дорожке. И не потому, чтобы «молодцу все иные пути были заказаны», о, далеко нет. А потому, что «молодец», т.е. наша интеллигенция, по самой натуре своей, едва дойдет дело до практики, невольно должна свернуть на эту дорогу. Тут дело лежит в натуре русского интеллигента. В самом деле, если мы обратимся к той формуле, которая выставлена почтенным народником «Недели» и спросим его, действительно ли, положив руку на сердце, он мог бы пойти за народом всюду, куда бы тот его не повел, почтенный автор должен будет согласиться, что он не пойдет за народом почти ни на один из путей его, кроме двух-трех. Он в этом глубоко искренен. На остальные пути он не пойдет уже по тому одному, что он европеец и, непременно, в конце концов, либерал, ибо иначе быть не может. Конечно, он в этом даже себе не сознается, а если сознается, то только всмотревшись долго и пристально в свою душу и перебрав все пути, на которые его может повести за собою

народ, конечно, если понимать народ конкретный, а не отвлеченную идею, не абстракцию некоторых его свойств и исторических стремлений, которые симпатичны одинаково и народнику и либералу. В том то и дело, что когда вопрос идет о народе, как теоретическом понятии, то его симпатичные стороны и стремления весьма легко выделить мыслью из всех других его свойств и из этих симпатичных сторон создать народный образ. Но на практике дело приходится иметь с народом конкретным, и тут тотчас окажутся и такие стороны, которые для интеллигентного русского ума, черпнувшего и европейских идей, и европейского либерализма, решительно не возможны, не мыслимы, скажем больше, ненавистны. Мы знаем, что нам на это возразят народники-либералы; они скажут: народ не виноват в этих чертах, они к нему привиты и проч. Прекрасно, допустим, это так: тем не менее, эти черты – факт, через который не перескочишь, а этого факта вы никогда не полюбите, за ним никогда не пойдете, в свои руководящие принципы его не возьмете. Как же вы можете говорить, что народ может быть вашим поводырем? Не народ конкретный, скажете вы, а его идеи, которые нам по душе. Так, это значит те идеи, которые *вам* нравятся, т.е. *ваши же* идеи. Вы скажите народу: веди нас, но только по дороге тех идей, которые наши (хотя они есть и у тебя), но не воображай вести нас по тому пути, который нам не нравится, хотя нравится тебе. Не ясно ли, что здесь народ явится только фиктивным поводырем, а вернее, вовсе не явится никаким, ибо вы за ним никогда не пойдете, просто потому, что конкретный народ никогда не согласится, да это и немыслимо, распластать себя на два народа, один вам симпатичный, а другой народ – враждебный народникам. Такое распластывание возможно только теоретически да и то для мысли пленной, которая имеет дело не с фактами жизни, а с своими идеями, принятыми за факты. Конкретный же человек не делим. Уж это-то, кажется, ясно, как день.

Таким образом, народник «Недели», в конце концов, должен будет сознаться, едва только он станет на практическую почву, что он народник лишь в смысле философской абстракции, а на самом деле, он тоже либерал, желающий вести народ по своим идеям, хотя и не могущий или не умеющий себе сознаться в этом, ибо он выдумал удобную лазейку для выхода. Различие между ним и либералами окажется чисто метафизическим, философским. De facto он хочет того же, чего и либералы, но только метафизический принцип, на котором он основывается, у него иной, чем у либералов. Либералы ста-

вят принцип ближайший, европейский, ему же приятнее думать, что он все свои идеи взял или находит у самого народа, как источника всего. Кто прав в этой чисто-метафизической части дела, мы не будем решать. Нам важно было показать, что борьба то была вовсе не из-за живой сущности дела, а из-за метафизики, – что читателю будет совершенно понятно, если он припомнит начало нашей статьи. Будь у людей живое дело, не вращайся они только в области своих идей и представлений, и разногласия метафизические не имели бы для них того значения, которое они приобретают теперь. Итак, этого рода разногласия не могут считаться существенными. Но есть народники иного сорта, народники более последовательные и вот здесь-то разделение партий оказывается, по-видимому, решительно непримиримым. Представителем этого сорта народников является г. Достоевский³⁷. Он тем и отличается от народников-западников или от народников-либералов, что берет народ конкретный, как он есть, со всем, что в нем симпатично и несимпатично западноевропейскому либерализму и этот конкретный народ ставит идеалом для интеллигенции. Этого мало: те стороны этого конкретно народа, которые менее симпатичны европейски-развитой интеллигентской мысли, он выставляет как самую существенную идеальную сторону народа, противопоставляя эту сторону европейской цивилизации не только как высшее достоинство, но и как лекарство, как спасение, долженствующее смягчить и излечить всемирные язвы. Уже с первого взгляда видно, что хотя народ г. Достоевского более конкретен, чем народ либералов-народников, однако и этот народ – не вполне реальный, а несколько идеализированный, у которого усилены, или сильнее освещены путем чисто-философским, а отчасти художественным, те его стороны, которые противопоставляются Европе, как идеал и лекарство. В свою очередь и Европа, так сказать, оскотлена, т.е. из нее берутся черты, не представляющие вовсе всецелой полноты ее жизни, а лишь выражающие некоторые общие принципы ее данного исторического момента, каков, например, принцип современной буржуазии: «Каждый за себя и Бог за всех». Этот-то именно принцип и олицетворяет для господина Достоевского всю Европу и европейскую цивилизацию, но едва ли многие согласятся с тем, что это справедливо. Если бы попытаться принцип нашего народа русского вывести из принципов наших купцов, кулаков и так называемой буржуазии, то г. Достоевский вряд ли поставил бы этот народ идеалом всей Европе и целому свету. В этом радикальная ошибка

г. Достоевского. У нашего народа он извлекает наиболее симпатичные ему черты и берет их у народа-работника. Говоря о Европе, он берет наименее симпатичные классы, а у этих классов наименее симпатичные принципы. Но подобное возражение можно бы сделать г. Достоевскому, если бы его статьи и речи рассматривать как живую, насущную программу живой политической партии. <...> Полагаем, что без известного идеала, без веры в свой народ, в его прекрасное назначение, хотя бы и в грядущем, трудно, тяжело, почти невыносимо жить на свете. Мы думаем, что такой идеал, если только его в состоянии иметь общество, значительно влияет на жизнедеятельность его членов в хорошем, прогрессивном смысле и даже такой идеал, какой дан г. Достоевский. Этого мало, мы убеждены, что для нашего общества, взяв народ конкретным, каков он есть, нам и не удастся дать иного идеала, по крайней мере, для нашего поколения. Идеалы меняются, исправляются, уясняются, но важно то, чтобы идеал вмещал в себя *все* черты конкретного народа и указывал их исход в более светлом, великом, плодотворном грядущем. Повторяем, если на идеалы г. Достоевского смотреть не как на политическую программу, а как на формулу, удовлетворяющую, главным образом, *чувству* или вернее потребности чувства, а именно чувства любви и уважения к своей родине, к своему народу, то это — почти единственный идеал, возможный для нашего времени. <...>

Многими из своих сторон народ нам действительно чужой и враждебный народ, и великая заслуга Достоевского в том, что он стремится, наоборот, показать нам, хотя и в идеале, что несимпатичные либеральному уму черты народа, вовсе не так антипатичны, как кажутся с европейской точки зрения. Его великая заслуга, как и многих писателей 40-х годов, все одна и та же, это — примирение нашей интеллигенции с народом. Если бы эта попытка ему удалась, если бы, хотя в идеале, мы в состоянии были полюбить в нашем народе то, что считалось до сих пор печатью отвержения, мы иначе смотрели бы на наше грядущее, на наш будущий прогресс, на свои обязанности относительно народа. <...> Не закрывайте глаз на истину: мы не любим народ тайно, бессознательно, мы все, даже те, которые думают, что они готовы положить жизнь за него, и даже те, которые кладут за него жизнь. Тут иллюзия: они положат жизнь и кладут ее не за конкретный живой народ, которого они ни разу не видели в действии, но за отвлеченный, *свой* народ. Живой же народ, т.е. народ реальный они не любят, не подозревая этого, потому что не любят некоторые

идеи и стремления, большинство идей и стремлений, носителем которых является народ. Но на это они закрывают глаза, не хотят этого видеть. Тут опять действует мираж, причины которого объяснены выше. Разочарование и отчаяние тотчас наступает, едва люди выходят из области мысли в область живой жизни, от теоретического народа к народу живому и конкретному. <...>

...Обожание народа обуславливается врожденною потребностью каждого любить свою родину. Но там, где эта потребность удовлетворяется естественно и просто, там нет места фанатическому обожанию. <...> Отсутствие возможности делать для народа живое, практическое дело, которое удовлетворяло бы общественным потребностям и нравственному чувству сердца, одним словом, невозможность выйти из области представлений, мыслей и чувств о народе, — делают естественное чувство фанатическим, мистически-религиозным. Отсюда понятна теоретичность, отвлеченность, а затем и возведение идеи, умственного образа, представления в бога, в метафизическую сущность, поклонение ей, как реальности. <...>

...В деле общежития, в вопросах общественности мало одних идей, нужно воспитывать и развивать чувства, нужно усовершенствовать личность. Любовь, братство, христианство, равенство и прочие прекрасные вещи, если они живут в уме только, а не в сердце и в привычках, останутся еще долго пустыми звуками. А чем же мы воспитаем эти чувства? Чем воспитаем и большую терпимость, и большую реальность наших отношений к жизни? Только одним: соответственными учреждениями, расширяющими область действительного соприкосновения с жизнью. <...>

Л. Е. Оболенский

Возможно ли работать только для прогресса?³⁸

Наша статья о беллетристике 1880 года³⁹ вызвала несколько замечаний, показывающих нам, что бывают времена, когда каждое слово надо говорить с оговорками.

Некогда Добролюбов писал:

Мое презренье

Меня далеко оттолкнет

От тех кружков, где словопренье

Опять права свои возьмет...⁴⁰

Тогда его понимали, умели понимать, а теперь попробуйте-ка сказать слово против либерального *фразерства* и вам скажут, что вы враг либералов; попробуйте сказать слово против либеральных пессимистов и вам скажут, что вы самодовольный оптимист, — что вы проповедуете застой, успокоение... Чутье общества, различавшее прежде фразу от дела, маску от живого лица, притупилось до такой степени, что на фразы, на маски нападать стало опасно, ибо для нас как-то совсем все равно: действительно ли под маской и фразой что-либо скрывается. Станный факт, но, пожалуй, вполне естественный. У нас замечаются два явления, по-видимому, совершенно противоположных: с одной стороны крайняя нетерпимость к мнениям, до такой степени крайняя, что достаточно сказать фразу, противную либеральному кодексу, чтобы вас стали считать чуть-чуть не извергом. С другой стороны можно быть настоящим извергом-людоедом и вас будут считать прекрасным человеком, если вы говорите только либеральные фразы и притом никогда не поперхнетесь. С первого взгляда кажется, что между тем и другим настроением нет ничего общего. Но мы прежде всего постараемся доказать, что оба направления — плоть от плоти и кость от кости друг друга. Всякая нетерпимость, будь она политическая или религиозная, в конце концов, замыкает живое дело живых идей в одну внешнюю, мертвую формальность. Христианство, которое когда-то говорило: вера без дел мертва, — понимается теперь многими формальными приверженцами великого учения только в том смысле, что нам нужно внешним формальным образом исполнять все обряды, а там хоть трава не расти. И человек, только что обобравший сотни бедняков, какой-нибудь ростовщик, или хлебный торговец, набавивший баснословные цены на хлеб, может считаться христианином, если он ходит в церковь, крестится и ставит пудовые свечи. То же самое и со всякой идеей, если люди не столько берут ее сущность, сколько ее формальную сторону. Например, либерализм, как учение, как идея, как направление, требует наибольшей свободы всех проявлений человеческой самодеятельности. Но раз оно выдвинуло нетерпимость, оно ставит рожон против самого себя и обращается в сухую мертвую форму. А раз оно дошло до этого, то очень понятно, что всякий плут, если только он усердно ставит свои либеральные свечи и отвешивает земные поклоны либеральному направлению, будет считаться правоверным либералом. Пусть на его совести лежат самые ужасные грехи, пусть, если это редактор большой газеты, все общество знает, что он своей жадностью и корыстолюбием

погубил силы не одного талантливейшего писателя земли русской; пусть, если он барин, все общество знает, что этот барин жмет последние соки из своих временнообязанных, и пр. и пр., какое кому теперь до этого дело! Лишь бы он ставил пудовые либеральные свечи и мы его сделаем своим патриархом! Итак, мы видим, что нетерпимость всегда должна идти об руку с отсутствием чутья, отличающего фразы от дела; причина этого, как мы видим, прямо кроется в том, что известные живые, прогрессивные идеи мало-помалу обращаются среди неразвитого большинства в мертвое поклонение, в формальный культ, а живое содержание этих идей забывается. Однако это совершается только с большинством. В меньшинстве идеи остаются живы и невредимы, они сохраняют ту живую сущность, которая лежала в их основании, они растут, прогрессируются, видоизменяются. Но тут начинается новое горе, горе, конечно, для тех, кто сохранил идеи в их живой форме, способной к дальнейшему росту и развитию: таких людей называют еретиками, раскольниками, отщепенцами. И эта история повторяется века. Она вечно нова, хотя и вековечно стара!

В прошлый раз мы осмелились задеть пессимистов, в роде г. Тверского⁴¹, мы позволили себе показать, что этот пессимист, по-видимому, такой либеральный, есть жрец «либеральной формы», есть лишь — вера без дел или пудовая свеча, т.е. фраза без содержания. Мы показали, что такой пессимизм отбивает людей от насущного живого дела и может создать только Юханцевых. На это мы слышим возражения: нет, не одних Юханцевых, а и таких людей, которые, увидев невозможность сделать что-либо полезное на существующей почве, постараются прежде всего приложить свои силы к лучшему изменению самых условий общественного труда.

Итак, вопрос, как видите, может быть поставлен совсем на иную почву. Оказывается, что гг. Тверские не только не могут кого-либо оттолкнуть от народа, но, наоборот, могут вдохнуть в людей живую душу для истинно-производительной, именно для прогрессивной работы. Они оттолкнут только от работы бесплодной, работы для существующего status quo⁴², которая невозможна, потому что невыносимо трудна. Не говорю уже о том, что кроется замечательное противоречие, когда говорят, что в обществе, где невозможна работа для status quo, возможна работа для прогресса. Если человек доказывает, что всякую работу для status quo нужно бросить, потому что она невыносимо трудна, он не может этим путем доказывать, что следует отдаваться работе прогрессивной, ибо эта последняя должна быть

еще труднее, еще невозможнее, при данных условиях. А так как подобный человек оценивает работу по ее легкости или трудности, а не почему-либо другому, то очевидно, что говоря о необходимости бросить работу для status quo, он этим самым говорит, что прогрессивную работу следует бросить тем более, так как она, понятное дело, еще труднее.

Но, чтобы понять это, чтобы понять, что же скрывается за прелестной либеральной маской, – кроется ли за ней проповедь необходимости прогрессивного общественного труда или необходимости стать всем Юханцевыми, для этого необходимо поднять уголок либеральной маски, а это-то нам и не нравится, если мы видим, что замаскированный поэт, по-видимому, в нашу дудку и оказывает и оказывает все формы уважения к нашему излюбленному божеству. До какой степени это нам не нравится, видно, например, из заметки газеты «Неделя» по поводу наших строк, относящихся к Щедрину⁴³. Во-первых, «Неделя» нашла, что мы «жестоко обрушились» на г. Щедрина; и, во-вторых, что в следующей своей сатире, он, как нарочно, подчеркнул те места, из которых ясно было видно и ранее его большее расположение к мальчику без штанов (русскому), чем к мальчику в штанах (немцу). Во-первых, на г. Щедрина мы не думали *жестоко* обрушиваться. Мы выразили ему наше полнейшее уважение и только «осмелились заметить», что чересчур унижать народ, даже не читающий его сатир, не вполне удобно. Мы даже оговорились, что это произошло у г. Щедрина в жару полемики, под влиянием крайней фельетонности его последних произведений, хотя тут же указали, что и в других его произведениях не встречается того освещения народной души, какое мы имели даже в произведениях Толстого⁴⁴ и Тургенева. Вот и все. Мы могли быть неправы, хотя этого не думаем, ибо, очевидно, если г. Щедрину понадобилось в следующей же сатире подчеркнуть те словечки, которые выражали его симпатии к народу, то это было сделано им не без причины. Стало быть, если это понадобилось сделать, он сам чувствовал двусмысленность своей первой сатиры в этом смысле. А это нам и требовалось доказать. Мы не можем залезать в чужую душу и справляться, как думает автор в своем кабинете о том или другом явлении, мы обсуждаем то, что он преподносит всем, столько же сколько и нам; мы судим не цели автора, а то влияние, какое может иметь на публику его исполнение этих, быть может, и благих целей. Если г. Щедрину понадобилось в следующей же книжке оправдывать и подчеркивать свои благие цели, значит, он

сам увидел, что они были недостаточно ясны. Итак, упрекать нас в ошибочном суждении о сатире «Мальчик в Штанах» крайне наивно, в виду того, что и сам ее автор, как видно, ею не доволен и в том же самом смысле, как и мы, стало быть, сходится с нами во взгляде на эту сатиру. Заподозрить нас в желании унижить г. Щедрина «Неделя» не могла, как в виду наших заявлений в той же статье, так и в виду целой большой статьи, посвященной нами г. Щедрина в прошлом году. Спрашивается, из-за чего же сыр-бор загорелся? А только оттого, что мы не легли перед Щедриным в растяжку и не поставили ему пудовой свечи. Совершенно тоже случилось с нашей статьей о пушкинском празднестве, когда мы по-своему пытались объяснить тот взрыв восторга и упоения, которые пережили лица, посетившие этот праздник, слушая речь Достоевского. Тогда на нас накинута другая либеральный органчик, объявив, что мы устроили в своей статье фейерверк патриотизма. Эти люди готовы лучше публично признать себя детьми или дураками, восторгавшимися и вдохновлявшимися тем, что они потом сами начинают топтать в грязь, чем признать, что человек, не молящийся их богу, мог сказать хотя бы крупицу правды.

Не тоже ли самое мы видим в области всякой фанатической, формальной веры: если ты христианин, то для еврея-фанатика ты можешь говорить только ложь, если, наоборот, ты еврей, то для христианина-фанатика в твоих словах не может быть правды: «что может быть доброго из Назарета!»⁴⁵. Зато человек той же веры, хотя бы он свои дома построил на костях праведников той же веры, не вызовет ни малейшего противоречия! Эх, люди, люди!

Но вздыхать об этом смешно. Лучше будем разъяснять, ибо все эти недоразумения – плоды умственной темноты, неразвитости, узости взглядов. Вернемся опять к г. Тверскому. Чтобы доказать, что такие господа действительно только либеральные фразеры, чтобы доказать, что я не ошибся в них, я не буду ходить далеко. Я из его же статьи (из второй ее половины), возьму две-три короткие цитаты и докажу ими, что такое делал для общества и народа сам этот барин, так разочаровавшийся в возможности работать. Доказав это, я перейду к другому, более важному вопросу, основному вопросу этой статьи: возможна ли прогрессивная работа без работы для status quo?

Итак, посмотрим, что сделал для народа сам г. Тверской, influential член земства, по его же собственным словам? А вот что: «делая сходу какое-нибудь предложение, или разъясняя ему какое-нибудь недоразумение, я обыкновенно *долго и горячо говорил*, выяс-

нял, сопоставлял выгоды и не выгоды; — молча слушали меня мужики... иногда *два или три часа* подряд (заметьте, читатель) казалось, все соглашались с моими доводами — но, как только я кончал их, мужики выбирались из помещения правления, и там, на улице, открывали самостоятельное заседание (этакие, ведь негодяи! Им бы так, без рассуждений следовало принять все предложения благодетеля-оратора) причем о моих выводах, о моих доказательствах являлись у них по делу собственные соображения, новые стороны, которые, на *мой взгляд*, не имели никакого отношения к разбираемому вопросу...»⁴⁶.

Ну, кончалось тем, что сход решал совершенно противоположно предложению красnobая! Скажите?! И как же тут не возмущаться, как не исполниться глубочайшим пессимизмом, как не убедиться, что мужик это «стадо баранов, с которым не справится целый университет, но которое загоняет пастух или собака». (Там же). Как вы полагаете, читатель, в виду последней фразы, точно ли г. Тверской находит невозможной только работу для status quo? Полагаю, университет работал бы и не для одного status quo, если бы его послать в деревню.

И вот, причина разочарования этого либерала: он бесплодно ораторствовал по два часа подряд... и как, вероятно, ораторствовал!

Экий труженик какой!

Но, посмотрите, каков этот современный герой пессимизма, когда нужно делать действительное дело, а не болтать только, услаждая свой собственный слух, да моря людей по три часа своим ораторским искусством. Вот вам образец, рассказываемый самим же автором.

Видите ли, он приехал к учительнице Беловой и нашел, она на печи, в такой холодной избе, где у нее вода ночью мерзла, а ученики не могли заниматься. Она целую неделю от холода даже не переодевалась и не умывалась. У него в валенках ноги замерзли. «В избе было, вероятно, не более 2–3° градусов; только около недавно истопленной печки было потеплее, но зато от нее сильно несло угаром. Как она может сидеть на печи, где угар, вероятно, еще чувствительнее!»⁴⁷.

И что же? Кто виноват в этом? Кто виноват, что эта несчастная девушка имела пред собою дилемму — или умереть от угара и воспаления легких, или убежать?^{a)} Кто виноват! Он же, единственно он, этот самый либеральный г. Тверской! Вы не верите? Читайте:

^{a)} Нам достоверно известен случай такой смерти, происшедший в одном из уездов Костромской губернии. Учительница С-ва была переведена в школу, где зимой окна были выбиты и двойные рамы не вставлены. На третий день своего приезда она заболела воспалением легких и через неделю умерла на руках ста-

«Мне случалось и раньше заезжать к Беловой: но все *эти посещения приходились летом или осенью*; тогда в избушке было не угарно и тепло (еще бы!) и я *никогда не ожидал встретить ничего подобного*... Она никогда не жаловалась на свое житье!»⁴⁸.

Заметьте, читатель, что Белова живет в этой избе уж третий год. Либерал-Земец, на прямой и юридической, и нравственной обязанности которого лежит экономическая сторона земской школы, который получает за это с уезда и народа (о бедности которого плачет), вероятно, не менее 2–3 тысяч в год, этот-то краснобай не узнал в три года, что учителя в его уезде умирают от угара и холода! Он этого не знал, *потому что зимой ни разу в школы не ездил*, вероятно, оттого, что зимой ездить холодно: иное дело летом или осенью, когда кругом красоты природы и благораствор воздухов, соловьи, вальдшнепы, а в избе у учительницы тепло и уютно!

Вы, конечно, спросите, что же он мог сделать, если бы все это даже знал? А хотя бы то, что ему сказала эта несчастная Белова: «когда еще раз вздумаете приехать ко мне, велите кучеру дров в сани положить. У вас, вероятно, хорошие, сухие». Она могла бы прибавить: «привезите также и куль муки, у вас ее немало», но она этого не сказала, а упомянула только, что за неимением у крестьян муки, она питается только одними овсяными блинами.

Вы, конечно, возмутитесь на меня, мой либеральный читатель? Вы скажите, что положить в сани сухих дров или мешок муки, это – благотворительность, паллиативы, – что, наконец, глава земского самоуправления вовсе не обязан быть филантропом и жертвовать для школ своими дровами и мукой: достаточно того, что он жертвует своим горлом? Я очень хорошо знаю, читатель, что слово «обязан» можно по произволу растягивать и суживать как угодно. Один считает себя обязанным отделываться от вопросов только охами, сожалениями, да либеральным красноречием, другой и этого не считает нужным делать, как г. Пущин, а есть и такие, которые считают своею обязанностью на эту же Белову, умирающую с голода и холода, сделать донос училищному совету, как тот инспектор, которого описывает г. Тверской. Конечно, между этими людьми есть разница, и г. Тверского, который, если не делает пользы, то и зла прямого не совершает, нельзя поставить на одну доску с таким господином, как этот инспектор. Но, разве этого достаточно? Разве достаточно, чтобы

рухи матери, которую поддерживала своим скудным жалованием. Между тем, в том же земстве больницы стоят тысячи, а земские дома имеют паркет.

человек не ел сальных свечей и не утирался стеклом, чтобы уж его считать порядочным? А разве одно сочувствие, одни либеральные охи, да вздохи чем-нибудь выше достоинства, которое запечатлено выражением: «стеклом не утирается?». Я между ними разницы не вижу, ибо человек, который в виду народных бедствий даже и вздыхать не умеет, который еще их деятельно увеличивает, это и есть человек, который утирается стеклом. Но, согласитесь сами, что отличаться лишь тем, что стеклом не утираешься, что умеешь в виду страдания, вздохнуть и ахнуть, да поговорить либерально, – что это не заслуга; все эти воздыхатели, не давая ровно ничего, живут на земские деньги, получают доход и жалованья, проживаемые совершенно непроизводительно. Пусть не воображают, что мы от них требуем геройства! О, это было бы даже неприлично и просто глупо! Нет, мы требуем от них того, что делал бы каждый англичанин, каждый американец, каждый немец, не считающий себя никоим образом выше среднего уровня толпы. Что же делает этот иностранец? Он делает вещь очень простую: во-первых, действительно работает, а не ораторствует, во-2-х он, если видит, что средств народных или правительственных не хватает на какое-нибудь общепольное дело, складывается с другими, имеющими средства, устраивает общества, взносы и поддерживает полезное дело средствами частного общества. Но прежде всего, взявшись за общественное дело, иностранец не игнорировал бы его так, как это сделал г. Тверской, не заглянувший три года в школу. Понятно, что если он раньше не бывал в ней зимой, он не мог и на мысль набрести о необходимости частной инициативы для поддержки хотя бы народной школы. Неужели это общество благородных интеллигентов, среди которых он вращается, не могло бы отделить хоть десятый процент от того, что оно ежедневно пропивает на шампанском, проигрывает в карты, платит за разные глупейшие зрелища? Посмотрите на факты: во многих губернских городах существуют музыкальные общества, существуют клубы с роскошной обстановкой, с оборотами в десятки тысяч! На это есть деньги. Но, спрашивается, кто же может пробудить в обществе сознание необходимости направить избыток своих средств на общепольное дело, как не эти же господа Тверские? Они видят школы, видят (вернее не видят) положение их, они избраны целыми уездами, значит, – люди влиятельные, пользующиеся известным положением в обществе. Вздор, что они не могут ничего сделать! Мы знаем хорошо провинциальную жизнь: она полна апатии и застоя, но зато в ней есть

и жажда выбиться из этой апатии. Достаточно, чтобы живая и энергичная личность (непременно, впрочем, влиятельная или чиновная) начала какое-нибудь живое дело, и у нее найдется масса помощниц и помощников, частью по побуждениям чисто честолюбивым, частью от скуки. Ну, что ж! Пусть и эта скука, и это честолюбие приносят пользу стране. Хуже, когда они приносят вред. Но теперь, указывают все на одну, да на одну сторону дела. «Попробуй-ка, говорят, устрой школу, хлопот не оберешься! Еще в подозрение попадешь!»! Вот эта страшная, рабская трусость, наряду с либеральным фразерством и возмущает больше всего. Мы понимаем, что все героями быть не могут, что эгоизм всегда преобладает в людях над стремлением к общественной пользе. Но зачем у нашей интеллигенции и здесь дело доводится до крайностей? Между геройством и нашей ужасной трусостью, ведь целая неизмеримая пропасть. Зачем эгоизм свой доводить до такой непомерной трусости, что бояться помочь, напр., делу народной школы, потому что кто-то что-то подумает! Господи, да ведь, есть же у этих трусов языки! Неужели так-таки они не сумеют выяснить, кому следует, в случае каких-либо подозрений, что подозревать их не в чем. Кроме трусости тут причиной и полнейшее наше равнодушие. «Как, мол, я поеду объясняться, оправдываться? И к кому же?». Эти господа не понимают, что тут самолюбие должно быть откинуто в сторону, что не себя они поедут защищать, а полезное, необходимое дело. Впрочем, и таких, которые этими мотивами оправдываются, немного. Большинству просто лень попасться в такое дело, по которому все же придется беспокоиться, хлопотать, говорить, думать. Иное дело просто купить билет на благотворительный бал или концерт. А уж где приходится хлопотать, там мы прячемся, как медведи по берлогам. Как же не сказать после этого, что во многом виновато само общество, его ужасная апатия и беззаботность, его чисто восточная лень. Школы мы взяли только как обрачик: но сколько таких же обрачков можно было бы найти. Но к чему далеко ходить? Разве школы не одна из важнейших народных потребностей? Мы еще любим постоянно оправдываться тем, что это, мол, мизерное дело! Ах, господа! Что вы-то сами такое, что вам нужны все крупные дела? Вы сделайте маленькое дело, другие сделают другое маленькое, третьи третье. А у кого есть силы на великие дела, те будут и великие дела делать. А то — мизерное дело! Разве это не одно лишь гнусное оправдание своей лени и апатии. Обед и ужин дело еще более мизерное, но вы о нем заботитесь ежедневно; ваш наряд —

дело еще более мизерное, но вы целые часы посвящаете ему. Отчего же, едва дело дойдет до нужд общественных, для вас все кажется мизерным? Ваше лживое фразерство тут так и мечется в глаза.

Возмутительнее всего у нас то, что у нас каждая мошка считает себя призванной вершить только одни великие дела! Откуда такое самомнение? Отчасти оно внушено, хотя совершенно невольно, нашей литературой 60-х годов. Было время, когда литература, желая пробудить дремавшие силы общества, смеялась над маленькими делами, называла их паллиативами, в виду того, что многие не только совершенно успокаивались на каком-нибудь крохотном дельце, но и воображали себя героями и на этом основании обделывали в то же время большие и некрасивые делишки, ибо герою все позволительно. К чему же привели эти насмешки литературы над маленькими делами? К тому, что даже их перестали делать, то есть, вовсе ничего теперь не делают и не хотят делать, кроме прожигания жизни и ограбления общественных касс. У прежней литературы были очень широкие идеалы, они были по плечу выдающимся личностям, но не по плечу большинству общества, которому их вещали; большинство всегда состоит из средних людей и вот общество пришло от отрицания маленьких идеальчиков никак не к признанию больших идеалов, а к совершенному отрицанию всяких. Да, в современном русском интеллигентном большинстве мы замечаем поразительный факт: оно эмансипировалось от идеалов каких бы то ни было, и этого мало: оно эмансипировалось также от всяких общественных принципов. Ему или подавай что-нибудь грандиозное, где бы подвиг прогремел, или оно сейчас же обращается прямо и просто в такого эксплуататора рода человеческого, что только затылки трещат. Сколько мы знаем людей, которые когда-то мечтали сделаться, по меньшей мере, Брутами, но потом стали мошенниками, потому что для Брутов у них не оказалось силишки, а средины у них не существует: либо Брут, либо Юханцев⁴⁹, а все остальное — мизерно, паллиативы. Славная теория для оправдания всевозможного негодяйства! Загляните в любой из губернских городов, где вырос и расплодился такой фрукт; в юности это был студентик, которого все считали, по меньшей мере, героем, пока геройство ограничивалось красноречием среди столичных товарищей. Но вот у героя выросла борода, а вместе с нею и житейская опытность; теперь он получил звание врача или адвоката и обдирает народ русский не на живот, а на смерть, да еще хвастается своими грабительствами, других учит тому же. И почему же ему не хвастать-

ся? Он верит и теперь, что только с идеалом Брута он мог бы помириться для себя, а так как он не считает себя на это способным, то... грабь во все лопатки, ибо никакой пользы все равно не принесешь, а тут хоть сам хорошо поживешь. И таких легионы. Это тип новый. Сколько таких вывел Всеволод Крестовский⁵⁰ (псевдоним) не осветив, впрочем, с достаточной ясностью причины появления этого типа. Едва ли есть другая, более зияющая язва на теле нашей интеллигенции, как этикие господа; а почему их теперь легион? Потому что требования и идеалы той литературы, на которой они воспитывались, были чересчур высоки для среднего человека. Будучи не в силах осуществить их и не имея никаких других, более приспособленных к силам среднего человека, такой господин, махнув рукой на всякие идеалы и не имея в душе ничего другого, стал грабить. Его с малых ногтей уверяли, будто бы только и света в окошке, что великие герои. Теперь ему это на руку. Великая была ошибка той литературы, которая, быть может, невольно внушила такие взгляды: она забыла, что Бруты рождаются столетиями, что их немного, что обществу нужны труженики, люди мелкой, будничной работы: — ради куса хлеба для народа и хоть какой-нибудь грамоты. Людей этой последней категории наша литература не только не воспитала, она их, если они и зарождались где-нибудь, осмеивала, обращала в тот тип, о котором мы сейчас говорили. Вина ее невольна, это правда, но указать ее нужно. Дело жизни, дело прогресса, как всякое другое дело, требует массы черной работы и наибольшей массы для этой работы. Как в постройке дома — самое большое число рук требуется для работ плотника, каменщика, кирпичника, — так и в деле постройки здания здорового, правильного общества. Мы забыли, что у общества кроме динамики (т.е. задач прогресса, роста, развития) есть законы статики (каково питание, образование и пр.). Никакой рост не мыслим, если ребенок умирает с голода; никакие динамические явления не мыслимы без удовлетворения потребностей статических. Но тут-то у нас и нет вообще людей: мы не хотим признавать законов статики, воображая, что голодный, истощенный человек может бегать не хуже сытого, но даже лучше его, потому, мол, что голод сам подхлестывает!

Первое следствие голодания и истощения, это полнейшая апатия и равнодушие к жизни. Спросите любого студента, который два-три дня питался одним хлебом и он вам докажет это. Какой же прогресс может быть в голодном обществе? Или, быть может, нужно ждать того времени, когда осуществляются чьи-то широкие идеалы? О, госпо-

да! Неужели вас не научила до сих пор история, что последователи всякой веры ждут завтра же осуществления своих идеалов и спасения человечества? Евреи ждут каждый год Мессии, каждый год они говорят друг другу: «на следующий год в Иерусалиме!». Фанатики христиане каждый год обещают второе пришествие Христа... И так было сотни, так было и еще будет тысячи лет. Как бабушка Ненила у Некрасова, люди изо дня в день повторяют на разные лады одну и ту же песню:

Вот приедет барин,
Барин нас рассудит...

Иногда барин, действительно, приезжает и... уезжает, а все остается по-старому. А почему? Да потому, как свидетельствует история, что дело вовсе не в ожидаемом барине, а в действительном, будничном, ежедневном кропотливом труде, в муравьиной работе – песчинка за песчинкой, камешек за камушком для построения того здания, которое называется обществом. Только такая общественная работа создает прочные цивилизации, великие народы. Только такая работа создает статическую почву для динамического развития жизни по вечным, великим законам природы.

Мы боимся, что нас опять не так поймут. Мы боимся, что нас снова заподозрят в отрицании необходимости прогрессивной работы, улучшающей самые условия status quo. Нет, мы напоминаем только о двух истинах, которые одинаково важны и одинаково забыты нашей интеллигенцией: 1) Развитие общества не мыслимо без более правильного совершения в нем его постоянных (статических) функций; 2) Организм общественный, как и отдельный организм, в котором неправильно совершаются постоянные (статические) функции, истощается, дает ложное развитие, сам создает вредные условия для своего развития; эти вредные условия не суть нечто внешнее организму, что можно уничтожить или ампутировать, не заботясь о статических процессах. Нет, вредные условия организма, его болезни суть результат нарушения и его статических процессов, результат неисцелимый отдельно, сам по себе, без заботы о статических функциях общества.

Отсюда следует вывод, что забота о прогрессе общества не должна нам мешать работать тем более усиленно для его постоянного более удовлетворительного состояния, для его status quo. Если эта работа трудна, то работа прогрессивная еще более трудна, да и физиологически не мыслима без первой. Во 2-х для работы прогрессивной требуются большие силы и призывая *только* к ней, литература остав-

ляет без дела, без руководящих принципов массу средних людей, которые прямо обращаются в Юханцевых, едва у них проходят первые мечтания молодости. Но только то общество может считаться здоровым, где все работают. Высота идеала доступного для героя вредна для среднего человека, для большинства, если оно не знает где еще можно применить свои силы, или не видит связи своей обыденной, насущной общественной работы с своими высшими идеалами. Нужно не только не отрицать этой связи, но указывать ее постоянно, чтобы большинство средних сил не гибло бесплодно, а общество не оставалось вовсе без черной работы. У нас абсолютно нет таких работников. У нас все лезут в герои и потом падают с высоты в самое грязное болото. Быть может, причина этого явления кроется исключительно в том, что мы, как нация, чересчур отставшая от других, поняли, когда проснулись, необходимость только усиленной прогрессивной работы, чтобы скорее догнать других. От этого мы и забыли другую сторону дела: статическую. Так растение, поставленное в такие условия, что ему нужно догонять других в росте, начинает тянуться всеми силами вверх, хирея и худея, пока не зачахнет от недостатка питания и запаса пластического материала. Идеалы и прогресс вещи прекрасные, но статика также вещь необходимая.

А. Н. Энгельгардт

Письма из деревни. Письмо десятое⁵¹

В последнем моем письме я обещал рассказать об одном «Счастливом Уголке», где крестьяне живут хорошо, где за последние десять лет положение крестьян много улучшилось, где даже в нынешний бедственный, голодный год, когда еще до Николе цена ржи поднялась до 14 рублей за четверть, крестьяне не бедствуют и не будут бедствовать. Большинство этих крестьян просидит на «своем» хлебе до «нови», а те, у которых «своего» хлеба не хватит, найдут денег для покупки хлеба, не закабалая себя на летние работы. Этот «Счастливый Уголок» – несколько деревень около с. Батищева, из которого вот уже десять лет я пишу вам мои письма. <...>

Прожив в «Счастливом Уголке» десять лет и притом не внешним только наблюдателем, а лично ведущим свое дело хозяином, который неминуемо должен был войти в близкие соотношения с окрестными

крестьянами, я изучил их положение в данном месте и не только могу сказать, улучшилось или ухудшилось это положение за десять лет и в чем именно, но могу также сказать, *отчего это произошло*. Весь интерес, по-моему, и заключается в *уяснении причин*, влиявших на изменение положения, потому что такие же причины должны иметь влияние и в других местах. <...>

Если кто-нибудь, не знакомый с мужиком и деревней, вдруг будет перенесен из Петербурга в избу крестьянина «Счастливого Уголка», и не то, чтобы в избу средственного крестьянина, а даже в избу «богача», то он будет поражен всей обстановкой и придет в ужас от бедственного положения этого «богача». Темная, с закоптелыми стенами (потому что светится лучиной) изба. Тяжелый воздух, потому что печь закрыта рано и в ней стоит варево, серые щи с салом, и крупник либо картошка. Под нарами у печки теленок, ягнята, поросенок, от которых идет дух. Дети в грязных рубашонках, босиком, без штанов, смрадная люлька на зыбке, полное отсутствие какого-либо комфорта, характеризующего даже самого беднейшего интеллигентного человека. Все это поразит незнакомого с деревней человека, особенно петербуржца, но немало удивит его и то, когда он, зайдя в избу, чтобы нанять лошадей до ближайшего полустанка, отстоящего всего на шесть верст, услышит от мужика: «Не, не поеду, вишь, какая ростепель, мокроть на дороге, поспрошай в другом дворе, может кто и поедет, а я не поеду».

Бедная обстановка мужицкой избы и это нежелание ехать в дурную погоду за шесть верст обыкновенно очень удивляют людей, не знающих деревни. Судить по обстановке о положении и состоятельности земельного мужика, даже купца, живущего по-русски, торгующего русским товаром, никак нельзя, в особенности если *брать мерилom ту обстановку, в какой живут интеллигентные люди*. Конечно, и по обстановке можно судить о зажиточности мужика, но только по обстановке хозяйственной или, лучше сказать, по обстановке в смысле тех орудий, которые служат для ведения дела и для расширения его. Как о зажиточности мужика-кулака, занимающегося ростовщичеством, можно судить по количеству денег, какое он пускает в оборот, так о зажиточности земельного крестьянина, занимающегося землей, хозяйством, можно судить по количеству и качеству имеющихся у него лошадей и скота, по количеству имеющегося в запасе хлеба, по исправности сбруи, орудий. Но главное, самое верное средство для определения положения земельных крестьян из-

вестной местности – это знать, *насколько крестьяне обязываются чужими работами*, например, на помещика, в летнее время, самое важное для хозяйства. Чтобы правильно судить о положении мужика, о его благосостоянии, о достаточности или недостаточности его надела, больше всего необходимо обращать внимание на время, в какое мужик *нанимается на чужую работу*. Благосостояние мужика – в земле, в хозяйстве, и если он должен продавать свою летнюю работу в ущерб своему хозяйству, то это дурной признак. Человек из интеллигентного класса, не понимающий хозяйства, может часто судить о деле совершенно ошибочно, не принимая в расчет значения времени в хозяйстве: *в иную пору мужик нанимается на чужую работу за рубль в день только из бедности, в другую пору и богатый охотно работает за полтинник в день*. Это нужно понимать, и этого очень часто не понимают. От этого и происходит, что летняя работа, которую может дать помещик, ведущий свое хозяйство, мужику-хозяину невыгодна, а зимняя работа, которую дает лесоторговец, мужику, напротив, выгодна. <...>

Не имея нужды в деньгах для покупки хлеба, удовлетворяя свои потребности в деньгах – подати, попу, вино, деготь, соль – продажей пеньки, льна, лишней скотины, крестьяне «Счастливого Уголка» не нуждаются в продаже летнего труда, как это было прежде, десять лет тому назад. Раз же крестьяне не нуждаются в деньгах, чтобы продавать свою летнюю работу, и работают летом на себя, снимают за деньги или исполу покосы, арендуют землю под лен и хлеб, они быстро заправляются, богатеют, потому что не только получают деньги за проданные продукты – лен, скот, семя, – но, имея много корму, держат более скота, получают более навоза, которым и *удобряют свои наделы*.

Конечно, и теперь, как десять лет тому назад, в «Счастливом Уголке» есть крестьяне, которые бедствуют, не имеют хлеба, с ранней зимы закупают свой летний труд, но такие считаются единицами, тогда как прежде большинство было в таком положении. <...>

Прежде работали в помещичьих хозяйствах и бедствовали, вечно искали работы, денег, хлеба. Теперь работают в своих хозяйствах, снимают у помещиков земли и богатеют. Правду говорит мужицкая поговорка: «Бог труды любит», «Бог больше подаст, чем богач».

Прежде, несмотря на то, что во всех имениях велось хозяйство и, следовательно, требовалась работа, не было отбоя от желающих продать свой летний труд и в то же время множество молодежи шло в

Москву на заработки. Молодые ребята из многих дворов жили тогда в Москве на заработках из года в год, и зиму и лето, присылали из Москвы порядочно денег, а дворы все-таки были пусты – ни скота, ни коней. Остающиеся дома хозяева были вечно в долгах, пьянствовали. Теперь никто в Москву надолго не ходит. «Зачем в Москву ходить, – говорят мужики, – у нас и тут теперь Москва, работай только, не ленись! Еще больше, чем в Москве, заработаешь». <...>

Заметно *уменьшилось пьянство* в «Счастливом Уголке», несмотря на то, что, вследствие уменьшения кабаков от возвышения цен на патенты, сильно распространена тайная продажа водки, которая есть во всех деревнях. Конечно, и теперь крестьяне гуляют на свадьбах, в общественные праздники, гуляют здорово, пьют много, больше, может быть, чем прежде, но отошли праздники – кончилась гульня, и пьянства нет. Нет пьянства. Куда девалась страсть к пьянству! Пьяницы сделались степенными мужиками, многие вовсе даже перестали пить. Встретить не в свадебный или не в общественно-праздничный день пьяного мужика не то что в будни, но даже в воскресенье – необыкновенная редкость. Гораздо чаще можно встретить пьяного попа, дьячка или урядника, чем пьяного мужика. <...>

Заметно также увеличивается стремление к образованию, к грамотности. Когда была мода на разведение грамотности, вскоре после «Положения», и у нас была при волости школа, но в эту школу приходилось собирать ребят насильно, отцы не хотели отдавать детей в школу, считали отбывание школы повинностью. Неохотно отдавали отцы детей в школу, неохотно шли и дети, да и до школы ли было, когда ребята зимой ходили в «кусочки»? Потом волостная школа, не знаю почему – мода, должно быть, прошла, – была закрыта. Позднее была открыта школа при селе, но и то для поповского сына, чтобы ему в солдаты не идти, говорили мужики, учеников же в школе было мало. В последние же годы стремление к грамотности стало сильно развиваться. Не только отцы хотят, чтобы их дети учились, но и сами дети хотят учиться. Ребята зимою сами просят, чтобы их поучили грамоте, да не только ребята, а и взрослые молодцы: день работают, а вечером учатся грамоте. Даже школы *свои* у крестьян по деревням появились. Подговорят хозяева какого-нибудь грамотея-учителя, наймут у бобылки изобку – вот и школа. Ученье начинается с декабря и продолжается до святой. Учитель из отставных солдат, заштатных дьячков, бывших дворовых и тому подобных грамотеев, получает за каждого ученика по рублю в зиму и содержание. Относительно со-

держания учителя родители учеников соблюдают очередь. Во дворе, в котором находится один ученик, учитель живет, например, три дня, там же, где два ученика, – шесть дней и т.д., подобно тому, как деревенский пастух. Изба для школы нанимается родителями сообща, дрова для отопления доставляются по очереди, учебные книги, бумага, грифельные доски покупаются родителями.

Эти мужицкие школы служат примером того, что если является в чем потребность, то народ сумеет устроить то, что ему нужно. Потребовалась грамотность, и вот мужики устроили *свои* школы, завели *своих* учителей, подобно тому, как имеют *своих* коновалов, *своих* повитух, *своих* лекарей, *своих* швецов, шерстобитов, волночесов, трещеточников, живописцев, певцов и т.п.

Плохи, конечно, эти школы, плохи учителя, не скоро в них выучиваются дети даже плохой грамоте, но важно то, что это *свои*, мужицкие школы. Главное дело, что эта школа близко, что она у себя в деревне, что она своя, что учитель свой человек, не белоручка, не барин, не прихотник⁵², ест тоже, что и мужик, спит, как и мужик. Важно, что учитель учит тут в деревне, подобно тому, как для баб важно, что есть в деревне своя повитуха. Положим, в земской школе учат лучше, но где она эта земская школа? – За десять верст где-нибудь! Положим, что земская акушерка лучше простой повитухи, но где она эта земская акушерка? А тут бабе приспело время родить. Все дело интеллигентных людей состоит в том, чтобы способствовать развитию этих мужицких учреждений, поддерживать, наставлять этих мужицких учителей, повитух, дедов. Необходима хорошая школа с хорошим учителем, но этот учитель должен знать все мужицкие школы своего участка, помогать им, направлять учителей. Необходима хорошая акушерка, но ее главное дело должно состоять в том, чтобы она знала всех повитух своего участка, направляла их, учила и сама являлась для помощи в экстренных случаях. Таково же должно быть отношение ученого врача ко всем фельдшерам, лекарям, знахарям, дедам, костоправам своего участка. *Трудно* это, конечно, но *гуманный*, истинно образованный, дельный, знающий человек не может не иметь здесь успеха. Вот это было бы настоящее дело, и за него мужик сказал бы спасибо.

А между тем эти мужицкие школы составляют предмет опасения. Как только проведает начальство, что в деревне завелась школа, так ее разгоняют, гонят учителя, запрещают учить. Конечно, пока-то еще начальство узнает о школе, пока еще волостной соберется вызвать

учителя и заказать ему, чтоб он не держал школы, учитель все учит да учит, а там, смотришь, святая близко, все равно ученье кончается. На следующую зиму опять «ученье грамоте» заводится, тот же или другой учитель учит, иную зиму так и сойдет, начальство не узнает, а запретит, так опять кое-как до святой дотянется, а там осенью опять заводится школа, и так без конца. Запрещения начальства школы окончательно не уничтожают – так или иначе ребята грамоте учатся, – но, само собою, они служат помехой мужицкой школе. Если бы не запрещали эту свободную мужицкую школу, если бы не запрещали учить кому вздумается, то это принесло бы большую пользу народному образованию.

Мне как-то случилось разговориться об этих мужицких школах с одним умным мужиком – это был швед, который у меня в доме шил на меня и детей полушубки. Мужик спрашивал, почему разгоняют школы и запрещают каждому желающему учить ребят грамоте. Я объяснил, что это потому, вероятно, что если будет дозволено учить кому угодно, то может попасться такой учитель, который будет научать ребят чему-нибудь дурному.

– Чему же дурному может он научить?

Я затруднился объяснить. Сказать мужику, что в учителя может попасть злонамеренный человек, который будет «потрясать», будет говорить, что крестьяне обижены наделами и т.д. Но как же отвечать таким образом мужику, который и без того надеется, что царь прибавит мужикам земли и уж прибавил бы, если бы не помешали паны, студенты и злонамеренные люди, которые бунтуют против царя за то, что он освободил крестьян? Обо всех этих вопросах мужик свободно говорит у себя дома при детях, на сельских сходках, и никакой злонамеренный человек *ничего нового* по этим вопросам ребятам не скажет.

– Может, против Бога будет что говорить ребятам, – наконец сказал я.

Мужик посмотрел на меня с недоумением.

– Против царя, может...

– Как это возможно! Да если же учитель начнет учить моего денщика чему-нибудь пустому, разве я этого не увижу, разве я потерплю! Нет, не то, должно быть! Я думаю, что оттого запрещают грамоте учиться, что боятся; как научатся, дескать, мужики грамоте, так права свои узнают, права, какие им царь дает – вот что!

А какое бы громадное значение имело предоставление полной свободы всем и каждому учить ребят грамоте и заводить школы! Как

бы подвинулось в народе образование, в котором оно так нуждается! Для того чтобы конкурировать с американцами, нужно не пути сообщения устроить, а дать народу образование, знание, а для этого нужно только не мешать ему устраивать свои школы, учиться свободно, чему он хочет, у кого хочет. Только люди, совершенно не знающие мужика, могут опасаться каких-то злонамеренных людей, а между тем именно эти опасения и высказываются по поводу нелегальных мужицких школ.

Народу нужны образованные учителя, лекаря, ветеринары, акушерки, знающие сельские хозяева, механики, инженеры, но только не казенные. Дела для образованных, интеллигентных людей в народе много. Ступайте в деревню, и если вы будете учить попросту, без казенных затей, у себя в доме или у мужика в избе, то у вас не будет отбою от ребят, желающих научиться грамоте, просветиться светом науки. Если вы доктор или акушерка – у вас не будет недостатка в практике, страждущих много, помощи искать не у кого. Если вы хозяин, знающий и толковый и *работаете землю сами*, то и к вам придут за советом. *Садитесь на землю* и не опасайтесь, что вам нечего будет делать среди мужиков. Дела не оберетесь, дела пропасть.

Итак, увеличение урожаев хлеба, уменьшение необходимости продавать свой летний труд, увеличение возможности работать летом на себя, уменьшение отхода на заработки, усиление стремления к хозяйству, к земле, уменьшение стремления бросать землю и идти в батраки, уменьшение пьянства, стремление к грамотности – вот что доказывает, что положение крестьян в «Счастливом Уголке» улучшилось за последние десять лет. Посмотрим же теперь, от чего зависит это улучшение. <...>

Улучшение крестьянской земли вследствие ежегодного удобрения на счет помещичьих земель есть, по моему мнению, одна из основных причин, почему улучшилось благосостояние крестьян «Счастливого Уголка». <...>

Весьма важно, что в наших местах крестьяне получили сравнительно довольно большие наделы, хотя и дурного качества земли, которая не родит без удобрения. Эта земля составляет основной фонд, и лишь бы только *обстоятельства благоприятствовали* – возможность работать лето на себя, – крестьяне удобряют наделы, и положение их будет улучшаться. <...>

...Помещик жалуется, что хозяйство не приносит дохода, мужик затеснен, обязан производить бесплодную работу на помещичьем по-

ле, мужик бедствует, недоедает и в недоимках. Я никак не могу понять этих, так ясно выраженных некоторыми гласными в прошлогоднем смоленском земском собрании, сетований на то, что если крестьяне получают кредит для покупки земель, то, приобретая необходимые для них отрезки и выгоны, они заправятся и не станут работать в помещичьих хозяйствах. Сами же говорят, что хозяйничать невыгодно, что хозяйства не приносят дохода, а между тем непременно хотят вести эти хозяйства, хотят, чтобы крестьяне были затеснены для того, чтобы *нужда* заставляла их бесполезно болтать землю в этих не приносящих дохода хозяйствах!

...Чем вести бездоходное, стесняющее крестьян хозяйство, не проще ли помещику поступить, как купец-арендатор, и сдавать свои земли крестьянам. Заливные луга, сдаваемые на скос, не могут истощаться, будут приносить доход постоянный, и доход этот будет даже увеличиваться с возрастанием благосостояния крестьян, так как они тогда выгоднее будут утилизировать сено, и при благосостоянии крестьян не будет такой нелепости, что говядина в городах будет продаваться по полтора рубля за пуд. За отрезки и выгоны крестьяне всегда будут платить хорошую цену. Если же дастся крестьянам возможность приобрести эти отрезки или выгоны в собственность с рассрочкой платежа, то помещик получит капитал, который будет приносить ему проценты. Наконец, и остальная пахотная и пустошная земля, сдаваемая в аренду под посевы льна, хлеба и на скос трав, если завести правильную систему сдачи этой земли в аренду, тоже будет приносить постоянный доход.

Помещик, не получающий, как он сам говорит, дохода при теперешнем своем нелепом хозяйстве, будет получать тогда хорошую ренту, которой будет жить, занимаясь службой. Помещик не будет, в разрез с желаниями всего народа, всего крестьянства, молить бога о том, чтобы хлеб был дорог и мужик дешев.

Если же дети этого помещика, наскучив службой, *захотят жить на воле*, захотят сесть на землю и сделаться свободными земледельцами, то, научившись работать и сдав лишнюю землю крестьянам, они заведут свое хозяйство и будут работать, как американские фермеры. Пригласят к себе интеллигентных безземельных пролетариев — им же нет числа — и образуют деревню из интеллигентных земледельцев, самолично работающих землю.

Вот тогда-то мы получим возможность думать о том, чтобы конкурировать на всемирном рынке с американцами.

Я верю, что наша молодая интеллигенция пойдет по этому пути, я живу этой верой. Что может быть ужаснее жизни в отчуждении от своего народа? Что может быть нелепее положения человека, который должен для своей выгоды желать бедствия для других? <...>

Счастлив тот, кто спокойно ест свой хлеб, зная, что он заработал его собственным трудом. Может ли человек быть спокоен, счастлив, если у него является сознание, что он ест не свой хлеб? Счастлив ли наш интеллигент, которого интересы до такой степени противоположны интересам мужика, что, когда мужик молится о дешевизне хлеба, он должен молиться о его дороговизне.

Не от того ли так мечется наш интеллигент, не оттого ли такое недовольство повсюду?

Кто счастлив? Откликнись!

И чего метаться! Идите на землю, к мужику! Мужику нужен интеллигент. Мужику нужен земледелец-агроном, нужен земледелец-врач, на место земледельца-знахаря – земледелец-учитель, земледелец-акушер. Мужику нужен интеллигент-земледелец, самолично работающий землю. России нужны деревни из интеллигентных людей.

Те интеллигенты, которые пойдут на землю, найдут в ней себе счастье, спокойствие. Тяжел труд земледельца, но легок хлеб, добытый своими руками. Такой хлеб не станет поперек горла. С легким сердцем будет есть его каждый. А это ли не счастье? Когда некрасовские мужики, отыскивающие на Руси счастливца, набредут на интеллигента, сидящего на земле, на интеллигентную деревню, то тут-то они вот и услышат: мы счастливы, нам хорошо жить на Руси!

Россия – государство земледельческое, русский народ – земледелец, русский интеллигент должен внести свет в русское земледелие, а внести свет он может только тогда, когда будет сам работать на земле.

Тогда мы, быть может, будем конкурировать с американцами. <...>

Крестьяне чрезвычайно косны, не вдруг принимают за новое дело, долго высматривают, но зато уж если возьмутся, то дело идет. Когда я приехал в деревню и завел новое хозяйство, стал сеять лен, то помещики и крестьяне все утверждали, что я *затеваю пустое*. Помещики говорили, что лен истощает землю, что я испорчу льном всю землю, на что я обыкновенно отвечал: «Пусть себе истощает – лен дает чистого дохода – мало-мало – 50 рублей с десятины, а земли можно купить сколько хочешь по 30 рублей за десятину». Крестьяне говорили, что напрасно я завожу посевы льна, что лен в наших местах не родится, что лен – хлеб опасный: постелешь, иногда снегом зане-

сет, корму с него нет. Я говорил на это: «Подождите, сами лен сеять станете». Оказалось, что и у нас лен родится хорошо. Дает огромный доход, оказалось, что лен нисколько не более истощает землю и вовсе ее не сушит, как говорили крестьяне, разумеется, если его сеять правильно; оказалось, что после льна рожь родится превосходно. Точно так же все были и против разных других новшеств, которые я ввел в свое хозяйство, – посев клевера, улучшение скота, введение плужков, железных борон, употребление в постилку костры, кормление скота и овец конопляной жмакой и пр. и пр. Все мои нововведения не имели значения для помещичьих хозяйств. Никто из помещиков ничего у меня не перенял. Но крестьяне кое-что переняли: плужков, над которыми подсмеивались, говоря, что я дедовского навоза, должно быть, хочу достать более глубокой пашней, приходят уже иногда просить для подъема земли под лен; железные бороны завелись у многих крестьян. Во всем округе развели высокорослый лен от моих семян. Рожь стали очищать, и начинают понимать, что, когда посеешь костер, так костер и народится; телят заводских, которые родятся в то время, когда телятся коровы у крестьян, раскупают у меня нарасхват, своих режут, а моих выпаивают на племя. Об клевере и говорить нечего, каждый рад косить клевер с части. Обо всем этом я говорю не для похвальбы, не для того, чтобы доказывать, что я своим примером в данной местности принес пользу крестьянским хозяйствам, дошли бы и без меня, хотя, может быть, несколькими годами позже. Я очень хорошо понимаю, что не будь тех причин, которые обусловили развитие благосостояния крестьян «Счастливого Уголка», они и до сих пор сеяли бы рожь с костером, не сеяли бы льна, поили бы своих тасканских теляток, отдавали бы жмаку за выбой масла и пр. и пр. <...>

...Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству, все это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть щукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому поспособствуют, будет самым отличным образом эксплуатировать всякого другого, все равно крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду. Все это, однако, не мешает крестьянину быть чрезвычайно добрым, терпимым, по-своему необыкновенно гуманным, своеобразно, истинно гуманным, как редко бывает гуманен

человек из интеллигентного класса. Вследствие этого интеллигентному и бывает так трудно сойтись с мужиком. Посмотрите, как гуманно относится мужик к ребенку, к идиоту, к сумасшедшему, к иноверцу, к пленному, к нищему, к преступнику – от тюрьмы да от сумы не отказывайся, – вообще ко всякому несчастному человеку. Но при всем том нажать кого при случае – нажмет. Если скот из соседней деревни, в которой нет общности в выгонах, будет взят крестьянами в потраве, то они его не отдадут даром. Если крестьяне поймут в своем лесу порубщика, то вздуют его так, что он и детям своим закажет ходить в этот лес – потому-то в крестьянском лесу не бывает порубок, хотя там нет сторожей и полесовщиков. Как бьют воров и конокрадов – всем известно. Помещик скорее, чем крестьянин, простит потраву, поруб, воровство. Так себе простит, помещику это ничего не стоит, он добро не своим хребтом наживал. <...> Каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землей это еще не настоящий кулак, он не думает все захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении. Конечно, он воспользуется нуждой другого, заставит его поработать на себя, но не зиждет свое благосостояние на нужде других, а зиждет его на своем труде. <...>

Из всего «Счастливого Уголка» только в деревне Б. есть настоящий кулак. Этот ни земли, ни хозяйства, ни труда не любит, этот любит только деньги. Этот не скажет, что ему совестно, когда он, ложась спать, не чувствует боли в руках и ногах, этот, напротив, говорит: «работа дураков любит», «работает дурак, а умный, заложив руки в карманы, похаживает да мозгами ворочает». Этот кичится своим толстым брюхом, кичится тем, что сам мало работает: «у меня должники все скосят, сожнут и в амбар положат». Этот кулак землей занимается так себе, между прочим, не расширяет хозяйства, не увеличивает количества скота, лошадей, не распахивает земель. У этого все зиждется не на земле, не на хозяйстве, не на труде, а на капитале, на который он торгует, который раздает в долг под проценты. Его кумир – деньги, о приумножении которых он только и думает. <...>

Недалеко от «Счастливого Уголка» есть кружок деревень, где крестьяне и до сих пор бедствуют, постоянно нуждаются в хлебе, накопили большие недоимки, набирают множество летних работ. Условия относительно зимних заработков и для тех крестьян такие же, но одного этого недостаточно: там у крестьян земли плохие, а *отрез-*

ки огромные. При крепостном праве крестьяне пользовались большим количеством земли, так как она была плохого качества, и теперь за эти отрезки, окружающие их земли, крестьянам приходится работать летом на помещиков.

Еще раз скажу: я не знаю, как идет дело в других местах и отчего там бедствуют крестьяне – а что бедствуют, мы это слышим отовсюду, – я недостаточно научен разным наукам, чтобы рассуждать о таких важных вопросах. Но я знаю свой уголок, знаю его доподлинно и знаю верно, что в нем действуют именно те причины, на которые я указал.

Не раз случалось мне говорить об этом предмете с разными лицами. Помещики-хозяева, которые знают, что мужик берет жнитво и другие страдные работы только тогда, если нельзя иначе вывернуться, которые сами понимают, что мужику нужно насильно надеть хомут, насильно запрячь его в работу, для него невыгодную, тотчас же соглашались со мной, что крестьяне «Счастливого Уголка» поправились именно от тех причин, которые я выставил. Мне возражали, однако, что такой порядок, как в «Счастливом Уголке», вреден для дальнейшего развития хозяйства потому, что хотя таким образом крестьяне и доведут свои наделы постоянным удобрением до высокой степени плодородия, превратят их в тучные огороды, но зато они истощат остальные земли и превратят их в пустыри.

Конечно, это будет до известной степени так, пока народонаселение не возрастет, но дело в том, что тоже самое все равно происходит и теперь, потому что, при существующих порядках и системах в хозяйствах, иначе и быть не может. Города всегда будут спускать в реки массу удобрительных веществ, драгоценнейших почвенных частиц и истощать таким образом земли, на которых производятся необходимые для потребления городов хлеб и другие продукты.

И теперь только в крестьянских хозяйствах, в которых почти вся земля под пашнею, почва не истощается, но ежегодно обогащается от ввоза удобрительных частиц извне. Ибо без этого ввоза извне крестьянские хозяйства и существовать не могут, так как, по недостатку лугов в наделах, крестьяне необходимо должны добывать корм для своего скота на стороне. В помещичьих же хозяйствах и теперь, при существующей системе хозяйства, все равно производится постоянное истощение почв и опустошение. Такие хозяйства, в которых почва не истощается, например, хозяйства с винокуренными заводами, маслобойнями, сильно развитым скотоводством и т.п., все наперечет, считаются единицами, об них, значит, и говорить нечего. Но посмотрите

на обыкновенные помещичьи хозяйства – разве тут не производится постоянное и самое усиленное истощение? Луга отдаются крестьянам на скос с части, следовательно, часть сена увозится на сторону, и потому, если луга незаливные, то они истощаются; хлеб, производимый на полях, тоже продается на сторону, и с ним увозятся драгоценнейшие частицы почвы; наконец, остающиеся дома солома и сено скармливаются скоту, и выращенный скот продается, а с ним опять-таки вывозятся из имения почвенные частицы. Чем же это не грабительское, не истощающее почву хозяйство? И тут весь доход получается через истощение почвы, и тут имение мало-помалу превращается в пустырь, так что, наконец, хозяйство поневоле приходится бросать. Действительно, держатся только хозяйства в имениях с заливыми лугами, а в других имениях мало-помалу хозяйства прикрываются. Начинается с того, что запашки все уменьшают да уменьшают, и, наконец, видя, что нет дохода, вовсе уничтожают и переходят, по необходимости, к сдаче земель в аренду. И в теперешних хозяйствах истощение производится наипотличнейшим образом, только толку от этого нет. Владелец, в деревне не живущий, хозяйством сам не занимающийся, получает ничтожный доход, крестьяне, поневоле попавшие в хомут, бесполезно болтают земли, и если кто имеет выгоды от такого порядка, так один только приказчик, который, нажившись, делается потом кулаком.

Между тем, если помещик не будет вовсе вести хозяйства и будет сдавать землю в аренду крестьянам, то, при правильной организации сдачи земли, истощение будет не больше, чем нынче, и землевладельцы, не затесняя крестьян, не вынуждая их непродуктивно работать в своих хозяйствах, будут получать хорошую ренту, на которую могут жить, занимаясь службой и другими панскими делами. За отрезки и выгоны крестьяне будут платить деньгами, а то и выкупят их, если им будет оказан кредит. Заливные луга всегда будут ходить по высокой цене и истощаться не будут; пустоши будут истощаться не более, чем теперь, и, можно наверно сказать, скоро тоже пойдут в распахку и станут приносить доход; наконец, и пахотные земли, если только их не отдавать зря в аренду для того, чтобы сразу, как можно скорей, выхватить деньги, но сдавать в правильной последовательности, давая земле необходимый отдых, будут тоже приносить постоянно хороший доход. При такой системе, уже практикуемой в некоторых имениях, землевладельцы будут получать более дохода, чем они получают теперь, балуясь хозяйством; крестьяне не будут

затеснены, не будут бесплодно болтать помещичьи земли, себе в убыток и помещику не в барыш; масса труда не будет, как теперь, пропадать бесполезно, и земля будет производить гораздо более.

Могут возразить, что когда хозяйство перейдет в руки необразованных мужиков, то не будет никакого агрономического прогресса, мужики будут стремиться извлечь из арендованных земель как можно более, и хозяйство будут вести самым рутинным образом. Не будет ни альгаусских скотов, ни конского зуба, ни клевера. Но почему же думать, что мужики всегда будут оставаться во тьме, что никогда светлый луч науки, анализа не осветит их. Я уже говорил выше, что в «Счастливом Уголке», чуть только положение крестьян улучшилось, пьянство уменьшилось, безобразно пьяное препровождение времени в кабаках заменилось охотой с ружьем, явилось стремление к грамотности, выразившееся заведением своих, неказенных школ, со своими учителями. Нынешняя деревенская, крестьянская молодежь в «Счастливом Уголке» жаждет просвещения, хочет учиться, хочет знать. Зачем же ей препятствовать учиться? И как же не понять, что без полной свободы ученья мы все будем оставаться в хвосте?

Конечно, плохи мужицкие школы, плохи мужицкие учителя, плоха грамотность, но неужели же это всегда так и будет? Неужели стремления мужика, чуть он материально оправился, учиться так и останутся неудовлетворенными? Верится, что будет не так. Раз у мужика будет вольный хлеб, он станет учиться, и тогда явится такой агрономический прогресс, о каком мы и не мечтаем.

Да и кроме мужика, неужели же участь всех интеллигентных людей служить, киснуть в канцеляриях? Неужели же земля не привлечет интеллигентных людей? Мне кажется, что самые экономические причины, обилие людей, жаждущих мест на службу и вообще легкого интеллигентного труда, дешевизна платы за такой труд, вследствие большого предложения, при дороговизне материальных потребностей и дороговизне производительного мужицкого труда, неминуемо будут споспешествовать переходу интеллигентных людей на землю. Наконец, земля должна привлечь интеллигентных людей, потому что земля дает свободу, независимость, а это такое благо, которое выкупает все тягости тяжелого земледельческого труда.

Каждый интеллигентный человек знает достаточно, чтобы быть хозяином, и ему нужно только научиться работать, научиться работать так, как умеет работать мужик. Затем формы, в каких умеющие работать интеллигентные люди будут заводить хозяйство, могут

быть различны. Можно завести одиночное хозяйство, в котором хозяин, подобно американскому фермеру или зажиточному русскому мужику, будет работать сам с семейством, имея одного, двух батраков, которые будут работать наряду с ним и жить тою же жизнью, пока, в свою очередь, не сделаются самостоятельными хозяевами. Могут несколько лиц соединиться вместе, образовать деревню, подобно тому, как были деревни из мелкопоместных дворян, работавших иногда наряду со своими крепостными. Такая форма более подходяща, потому что при наших климатических и общественных условиях жить в одиночку интеллигентному человеку было бы очень трудно, в особенности на первых порах, пока таких хозяйств-одиночек было бы немного.

И интеллигентным людям, сядясь на землю, удобнее было бы следовать примеру крестьян и соединяться в деревни, приобретать земли сообща, заводить хозяйство сообща, обрабатывать земли сообща.

Но не в формах дело.

Интеллигентный человек нужен земле, нужен мужику. Он нужен потому, что нужен свет для того, чтобы разогнать тьму. Великое дело предстоит интеллигентным людям. Земля ждет их, и место найдется для всех.

Батищево, 3 декабря 1880 года.

Л. Е. Оболенский

Первое марта 1881 года. Куда идти теперь?⁵³

Беспредельная скорбь поглощает в России все классы, все сердца, все чувства, все помышления! Ужасное событие 1-го марта не укладывается в уме: все кажется, что это – сон, что ничего такого не случилось, что наступит минута пробуждения и страшный кошмар, раздавивший грудь, исчезнет, как дым!

Это роковое число не забудется в истории народов. Пройдут тысячелетия – и человечество еще будет спрашивать себя с ужасом и недоумением: «как мог величайший и человечнейший из Монархов целого мира, освободившего по собственному почину и гуманному чувству миллионы своих подданных и соплеменных народов, умереть такою смертью, назвать которую не смеют уста? Как мог он

умереть такою смертью накануне новых великих реформ, получавшихся другими народами только путем кровавых жертв и страшной многовековой борьбы и страданий?».

Современный ум отказывается отвечать на эти роковые вопросы. Потрясенный скорбью и отчаянием, доходящим у иных почти до пессимистического, шопенгауэровского неверия в мировую справедливость и целесообразность, он у других вызывает сравнения совершившегося события с целым рядом исторических фактов мученичества за идею, когда также гибли великие жертвы борьбы с тьмой под ударами слепого непонимания и тупого фанатизма темных сил общества. Наконец, третьи видят в этом ужасном событии результаты наших отдаленных исторических грехов, – результаты террористического переворота, совершенного Петром, оторвавшим сердце и ум интеллигенции от сердца и ума простого народа. Есть, наконец, четвертые, которые, обезумев от отчаяния, видят причину всего в гуманности и уважении к свободе самого Великого Монарха-Освободителя! Господи, Господи! Как будто любовь и гуманность, заповеданные Христом, когда-нибудь порождали зло!

Как разрешит эти вопросы история – мы, конечно, не знаем, но наряду с отчаянием и скорбью у русского человека – как у ребенка, потерявшего отца – рождается вопрос: «Что же мне делать? Что предпринять? Куда теперь идти? Нельзя же, чтобы я, живой русский человек, живая часть моей России, потрясенной и растерзанной горем, – остался сидеть, сложа руки, в виду всего совершившегося!».

И русский человек дает посильные ответы на этот вопрос, – дает их и в прессе, и у себя дома, и на площадях, и на улицах.

К русскому человеку мы и обращаем нашу статью. Мы уверены, что представители власти знают, что им делать и в наших советах теперь не нуждаются. Мы обращаемся преимущественно к нашей прессе и к нашим читателям – русской интеллигенции.

Начнем с прессы. Начнем именно с той ее части, которая под видом патриотизма проповедует террор.

В большинстве мер, предлагаемых этими органами, нас поражает одна черта, – это избыток панического ужаса, страстных обвинений и призывов к мести. Все бы это было понятно, если бы обвинялись только виновные и мщение призывалось только на их голову. Но, к несчастью, эти органы прессы обвиняют и своих умеренно-либеральных собратьев по профессии, обвиняют и общество, и даже администрацию. Некоторые доходят до того, что взывают к народу, требуя

отмщения. Кому? Они не говорят. Если бы они подразумевали виновных, то к чему было бы взывать к народу? Виновные найдут своего мстителя в законном, государственном правосудии. Эти органы опираются в своих доводах якобы на народное чувство. Нет большей клеветы на народ! Простой народ, исторически создавший государственную власть, верит в ее силу и умение наказать своих врагов, — если он изредка расправляется сам, под влиянием мгновенного возбуждения, то никогда и никоим образом он такую саморасправу не возведет в общественный принцип, как это делают названные газеты, проповедующие террор народный, как принцип государственной мудрости. Они забывают, что, возводя в принцип мгновенные вспышки народного негодования и своего потрясенного чувства, они обращаются к анархии и террору, вместо установленного законами государственного правосудия и тем подрывают авторитет власти и закона, как источников мира, покоя и счастья для мирных граждан. Они забывают, что их орудие обоюдоострое, что репрессалии над невинными людьми порождают фанатизм, что, наконец, государство сильно и крепко доставляемым им обеспечением труда и покоя, и не нуждается ни в том, чтобы народ исполнял его функции, ни в том, чтобы пугать мирно работающих граждан; они забывают, какие беды призывают на общество, проповедуя террористические средства: при таких средствах невозможно спокойствие духа, а без спокойствия духа невозможны никакие общественные функции, никакой труд, никакое начинание — промышленное, торговое, научное, литературное или какое-либо другое. Хотят ли они остановить промышленность, торговлю, литературу? Но неужели они не видят, что нельзя производить, нельзя учиться, нельзя торговать, нельзя писать, если личность не гарантирована абсолютно в своих мирных начинаниях, если она не уверена не только за завтрашний день, но если она не уверена в своих расчетах и на многие годы вперед. Разве не эта необеспеченность в завтрашнем дне, не этот постоянный страх преследования способен отбивать и учащуюся молодежь от книги и науки, которые требуют сосредоточенного внимания и покойного духа? Разве не это «беспокойство», как говорил Достоевский, способное, отбив от книги, наталкивать на бесплодные шатания по товарищам от тоски и страха, а затем на нескончаемые разговоры о своей несчастной судьбе, кончается фанатизированием и прямой дорожкой в объятия врагов общества? Вот где источник язвы: отымите почву у фанатического настроения, дайте абсолютное спокойствие личности,

уверенной, что она ничего дурного не сделала – и вы, если не вырвите еще этим корня революции, то вы отнимите у нее этим приток новых членов. А этим-то притоком она и питается. Многие газеты восклицают, что реформы не остановят террористов. Это весьма вероятно; но они остановят приток к ним новых сил, возбужденных, обеспокоенных, оторванных страхом постоянной, неведомой опасности от своих мирных занятий. А вы проповедуете террор, возвращение к временам Грозного! Мы скажем этим органам прессы, что никогда так не важен высший, покойный, объективный разум, как в минуты великих несчастий – войны, пожара, наводнений и пр., и пр. В это время большинство массы теряет ум под влиянием ужаса и действует только по рефлексу, совершенно забывая все впереди и позади. Истинный герой, истинный патриот в такие ужасные минуты, это – именно тот, кто, несмотря на раздирающую скорбь и муку в сердце, сохранит самообладание и разум. Посмотрите на дом, охваченный пожаром: драгоценные вещи бросаются обезумевшими от паники людьми, а выносятся какая-нибудь медная конфорка от самовара или чугунный утюг. Не то ли делаете и вы, господа? Только потом, когда опомнятся, тогда только люди, охваченные паникой, проклинают свой экстаз отчаяния, но бывает уже поздно! О, не дай Бог, чтобы ваши советы привели к чему-либо подобному! В частной жизни, беда от такого фанатизма паники и экстаза отчаяния – еще поправима: сгоревшие богатства наживутся вновь, потери наверстаются. Но в истории народов не так скоро наверстываются потери, и ошибочный шаг иногда отражается на жизни государств целыми столетиями несчастий! Отдаленные исторические причины, лежащие за сотни лет, назад сказываются в позднейших событиях; это – закон истории, и настоящий патриот должен тем более владеть собой и своей страстной любовью к родине, чем ужаснее положение вещей! Вспомните истинных героев истории и нашего смутного времени, истинных спасителей отечества: в чем состояло их геройство, как не в том, что они умели среди всеобщего ужаса сохранить полное самообладание, предусмотрительность, ясный разум. Таковы были Кутузовы, Суворовы, Муции Сцеволы, Минины. Конечно, мы не можем строго осудить фанатизированные газеты, если только они искренни и не хотят в мутной воде ловить рыбу. Если точно ими владеет лишь фанатизм отчаяния, то их нельзя обвинять совершенно также как нельзя обвинять владельца горящего дома, когда тот, обезумев от страха, выносит из пламени чугунный утюг и оставляет так все свое богатство. Но

необходимо указать обществу, что такой испуг и паника не есть геройство, а есть трусость, — что таких людей слушать нельзя, — что их нужно успокоить, что храбр и патриотичен не тот, кто в минуты опасности кричит и мечется, а тот, кто смотрит вдаль на последствия ужасного события. И вот за это-то, за это-то истинное гражданское мужество фанатизированная пресса именно и набросилась на те органы печати, которые не потеряли присутствия духа и, сдержав муку сердца, заговорили о будущем. Не так ли бывает и в минуты всяких бедствий с людьми, потерявшими рассудок от отчаяния: они не только губят сами свои богатства, они губят и тех, кто хочет спасти их: так, утопающий топит и того, кто хочет вытащить его из воды; так, человек, охваченный пламенем, отбивается от тех, кто хочет погасить его горящее платье. Ужасно, ужасно! Вот почему и опасна паника, вот почему и ужасен фанатизм: он слеп, он не видит ничего кроме своей идеи, он губит и себя, и всех окружающих! Фанатики страха также опасны, как и всякие фанатики идей, способные в виду охватившей их мысли губить сотни жизней, пролить море невинной крови, не видя ничего ни впереди, ни позади!

Это не значит, чтобы мы хотели ослабить силу *чувства*, возбужденного в русском человеке ужасным событием 1-го марта. О, далеко нет! Мы хотели бы только предостеречь от фанатизирования этого чувства в прессе, а тем более в массах народных. Ослабление *чувства* в данном случае, было бы преступно, да оно и немыслимо: это было бы еще горшей исторической ошибкой, чем самый фанатизм. Нет, пусть чувство это навсегда, навеки западет в душу России, как в нее запало чувство татарского нашествия, сплотившего и интегрировавшего ее в одно целое, — как запало в нее чувство государственности и власти в террористическое царствование Иоанна Грозного. Все эти чувства неистребимы, они ложатся в основание истории народа, и плоды таких чувств мы видим только через столетия, в форме организованного исторического опыта, ведущего народ по его особым национальным историческим путям. Событие 1-го марта будет, несомненно, причиной одного из таких исторических чувств и, как оно повлияет на движение русской истории, увидят наши потомки, хотя и теперь можно предвидеть с полной вероятностью, что оно сплотит еще более народ с его властью, сольет их еще более воедино.

Своими обвинениями нашей умеренно-либеральной прессы и даже нашей администрации, фанатизированные органы печати очевидно желают в настоящее время поворота назад, прочь от реформ Ве-

ликого Монарха, но мы не должны забывать положения государственной мудрости, что всякая насильственная ломка, всякие скачки, как вперед, так и назад, влекут неисчислимые бедствия. Ломка вперед, совершенная Петром, была явлением столь же мало органическим и навлекшим немало несчастий на Россию, как была бы и ломка назад, в то время, когда организм общества, в течение двадцати пяти лет царствования Монарха-Освободителя всосал в себя его реформы, воспитал в себе чувства и привычки, соответствующие этим реформам и перевоспитался на началах, положенных в их основание. Всякое насилие органического роста и развития, совершается ли оно вперед или назад, всякие скачки прогресса или регресса, как в отдельном организме, так и в обществе, порождают потрясающие болезни организма, неизлечимые веками. Не только не бросаться вперед или назад, но и не задерживать роста учит общественная физиология. Нужно помогать естественным требованиям органического роста и развития, узнавая и чутко следя потребности организма, удовлетворяя их своевременно и не доводя их накопления до болезни. А знать ежеминутно потребности организма можно только при живом, прямом и непосредственном соприкосновении власти и общества, без всяких помех и перегородок, в чем бы они не состояли. Вот самое точное резюме того, что когда-либо говорила и наша умеренно-либеральная пресса, на которую теперь сыплют за это громы ее же соотечественники. Но неужели те, которые сыплют теперь эти громы, не желали бы также наибольшего единения власти и общества? Неужели они желали бы, наоборот, разрозненности и пропасти между ними? Ни одна власть не может желать этого и газеты, говорящие свои якобы патристические обвинения, говорят прямо в подрыв основным принципам государственной власти, т.е. ее теснейшей связи с обществом, как связь ребенка с матерью, как связь души с телом. Конечно, они не сознают сами того, что говорят. О таком же единении власти с народом мечтал и Достоевский, этот величайший из наших патристов и народников, к сожалению, не понятый ни своими противниками, ни своими панегиристами. Неужели и его можно смешать с террористами?!

Вот те основные принципы, которые наш патриотизм заставляет нас напомнить фанатизированным и псевдо-фанатизированным органам прессы. Пусть они говорят о каре виновных, но пусть бережно относятся к покою и судьбе мирных граждан, к преуспеянию и развитию народного общественного организма, пусть не воздвигают недоразумений между властью и мирным обществом. Запугивание

мирных и невинных граждан, кто бы они не были – промышленники ли, домовладельцы ли, труженики ли науки или прессы – способно лишь создавать испуганных и недовольных, превращая их в врагов общества и порядка, а затем питая ими контингент слепых фанатиков. Раз созданный фанатик, конечно, не исчезнет от одного умиротворения, но он потеряет почву, потеряет контингент, доставляющий ему последователей. Проповедовать огульные гонения – это значит остановить промышленные и образовательные дела общества, это значит не верить в силу власти, не верить в ее прочность и возможность для нее идти осторожным, мирным, законным путем в подавлении вредных начал общества, не вредя его мирным элементам. Это только подрывает авторитет власти, а не укрепляет его.

Обратимся теперь к другому контингенту наших читателей, к самому обществу и особенно молодежи.

Этим читателям нашим мы должны напомнить, что прочное и истинное развитие общества есть только его органическое развитие. Это мы доказывали рядом статей и доводов, поглотивших главные моменты нашей журнальной деятельности. Но что такое органическое развитие общества? Это есть развитие в духе, чувствах, верованиях и симпатиях большинства данного общества. Кто ж это большинство в России? Это – крестьянская масса, так называемых серяков, многомиллионная *православная* масса русского народа, любящего своего Царя, и верящая в то, что всякое благо придет к ней только через его власть, т.е. добровольно будет даровано им. Мы не будем спорить против того, что и среди народа, быть может, есть партии, думающие иначе, например, среди некоторых раскольничьих сект, но и эти кучки, приведенные к таким взглядам былым террором, висевшим над ними, суть только ничтожные партии, среди масс народа, то есть капля в море. Ясно, что каждый истинно интеллигентный человек может верить только в такое развитие России, в какое верит большинство ее народа, т.е. в развитие, даваемое народу Царем; так всегда было относительно всех наиболее выдающихся умов земли русской. Мы не будем перечислять их. Мы здесь укажем именно на обвиняемых ныне фанатиками страха – трезвых представителей нашего так называемого либерального направления.

Этого не должна забывать наша интеллигенция и особенно молодежь, чтобы не стать в разрез с народом, не создавать пропасти между собою и им, – пропасти, которую потом не засыпать веками. Человек интеллигенции, который не хочет стать отщепенцем и врагом

народа, не должен и не может идти вопреки его симпатиям и верованиям. Только идя в такт с этими симпатиями и верованиями, интеллигенция станет не отрезанным ломтем русского государства, а истинной народной силой, народной красотой и гордостью. Это вовсе не значит, что интеллигенция наша должна отказаться от своей науки и искусства, от своего образования и развития, это вовсе не значит, что она должна проникнуться народными предрассудками и невежеством. Предрассудки и невежество народа это вовсе не то, что его исторические выработанные веками симпатии, верования и идеи. О, далеко не то! Часто это смешивают, но нет ошибки более пагубной для интеллигенции. Предрассудки и невежество рассеиваются, как дым, одним прикосновением образования, – но, наоборот, исторические традиции и симпатии суть сложные, прочные и неистребимые накопления организованного опыта, они часть организма, они составляют то, что называется характером или индивидуальностью данного общества, они неистребимы.

Это не значит вовсе, что эти народные начала остаются неподвижными, далеко нет. Они развиваются, принимают новые формы, более рациональные, более разумные, но основной фон их, основная идея их остается та же и при измененной форме, совершенно так же, как общий характер человека – мягкий, любящий, терпеливый или злой, грубый и нетерпимый, способный к подчинению и общественности или неспособный – лежит в основании всех частных периодов развития этого человека, всех стадий этого развития: человек может перейти от детского фетишизма к юному романтизму или мистицизму, наконец, к зрелому позитивизму; но под всеми этими формами нам будет являться его основной индивидуальный тип, любящий или злой, мирный или воинственный. От этого Достоевский и мог так высоко идеализировать основные черты типа нашего народа. Но Достоевский идеализировал его только на метафизической и мистической почве. Может найтись мыслитель или художник, который выразит тот же высокий тип на почве научной и позитивной. Изменится форма проявления типа, но основы типа останутся те же. Думать, что мы можем истребить эти черты в народе, это все равно, что думать, будто бы возможно изменить характер человека. Характер человека, – это его организация; характер общества, это – не более, не менее, как особенности организации составляющих его единиц. Если и возможно допустить, что общественные единицы могут изменить свои организации под влиянием исторических условий, а с ними и свои

чувства, симпатии, основной тип идей и верований, то это совершается разве только веками исторического процесса. Не идеи переделывают характер человека, а характер человека переделывает для себя и по своему все идеи, приспособляя их к своим особенностям, к своим основным чувствам.

Только те идеалы и та общественная деятельность удержатся и принесут плоды, не будут прокляты народом и не отшатнут народ от благодетельных начал науки и цивилизации, которые соответствуют основным чертам его народного характера, его нравственного типа, его верований и симпатий. Всякая же деятельность, враждебная этим основным чертам народного типа, причинит лишь неисчислимые беды, вызовет проклятия народа, его ненависть к деятелям и их единомышленникам, отшатнет народ еще глубже и дальше (в силу ужаса, рефлекса и ассоциации представлений) от всего интеллигентного, просвещенного, от всех лучших начал общечеловеческой науки и цивилизации, конечно, нисколько не причастных в постигающих народ бедствиях, но проклинаемых им по той связи, которую он подозревает неверно между своими врагами и просвещением. Вспомни, молодежь, что сказал Достоевский в письме к московским студентам [от 18 апреля 1878 г.]: «Народ отметил вас, как врагов своих». Не надо ни на минуту забывать этого и не из страха одной народной мести, о, нет! а из-за того, что немыслимо и в будущем стать вам представителями, красой, сердцем и умом народа, если он возненавидел вас. Нельзя будет работать для него.

С. Н. Кривенко

Кого считать интеллигенцией⁵⁴

...Слово интеллигенция, благодаря стараниям неинтеллигентных именинников нынешнего сезона, становится совсем каким-то бранным словом, так что если мы еще не слыхали, то, по всей вероятности, скоро услышим: «ах, ты интеллигенция!», «ах ты – распроинтеллигенция!». И будет это обозначать вроде непристойной брани. Одни из именинников делают это слово синонимом жулика и поджигателя, другие – дурака, третьи – желают растворить его без остатка в бюрократии и буржуазии, отождествляя таким образом их сущность и цели и причисляя к интеллигенции не только всякого, кто знает под ка-

ким соусом надо готовить какую рыбу и может написать фельетон про нигилистов, но и тех, даже, кто называет нигилистов «сицилистами». Оказывается, что вопросы: что такое интеллигенция и кого считать интеллигенцией, какова ее роль и имеет ли она право на существование – далеко не ясны. Тут, во-первых, недостаточно определено самое слово интеллигенция, к которому мы не привыкли и которому мы придаем то политический, то экономический, то образовательный смысл, когда ближе всего было бы понимать его в смысле обособленного умственного труда, хотя и это, как сейчас увидим, было бы не совсем верно. Мы привыкли к делениям людей на расы и племена, на сословия и классы, на партии и подразделения партий, привыкли к делению людей по цвету кожи и имуществу, но не привыкли к делению их по умственным признакам и мускульному труду. Отсюда происходят и недоразумения, и в особенности появляется их много, когда в них встречается надобность.

Каждый, вероятно, понимает, что интеллигентным человеком называют человека, у которого Господь Бог не отнял интеллекта, си-речь разума, и что интеллект этот находится в состоянии такого развития, что составляет его характерную черту, его отличительный признак, который преобладает над другими – неиндивидуальными, конечно, а общими – признаками; что интеллигенции может быть несколько типов и в каждом типе несколько степеней, но что это очень мало зависит от наследственных причин и форм образования; что и простой пахарь, не изучивший «метра корбо», но изучавший непписанную мудрость и много думавший, имеет все права на имя интеллигентного человека; что простые пастухи и рабочие становились иногда великими изобретателями и замечательными людьми; что интеллигенция, наконец, не составляет какой-нибудь отдельной политической партии или экономического класса, а стоит вне их или разбита рукою случая, природы и исторических условий, по всем ним, но что это, тем не менее, не мешает ей иметь общие признаки и некоторые общие интересы и желания. Общие интересы эти и желания сводятся у нее теперь не к политическим и экономическим привилегиям и господству, как это было некогда в государствах, где были касты жрецов, а к свободе слова, к свободе мысли, совести и деятельности на общественную пользу, что не составляет, конечно, никакой привилегии, так как должно сделаться общим достоянием и должно служить к уничтожению всяких привилегий, так как они противоречат понятию о справедливости. Каждый, говорю я, это пони-

мает, но, несмотря на это, является возможность совершенно извращать факты и самые понятия. Когда говорят, например, о том, что у нас для интеллигенции делается очень много, то прежде всего надо, кажется, показать, что делалось у нас для науки, для университетов, для печати и т.п., а не для торговли, банков и железных дорог, между тем, это смешивается, и смешивается, конечно, умышленно. Собственно говоря, даже в самой деятельности для развития науки и распространения знаний надо отличать две стороны: одну, которая имела в виду самую науку и знание, и другую – огромную – имевшую целью выковать из привилегированных классов интеллигенцию, для практических целей и сохранения их господства; но о таких тонкостях я уже не говорю.

«Московский Телеграф», как-то недавно указывая, что для «крестьян-производителей, кроме “Положения” 19-го февраля, не было издано почти ни одного законодательного акта, имевшего сколько-нибудь серьезное значение для упрочения их экономического положения», говорит об упадке крестьянского хозяйства и приводит следующий небезынтересный ряд фактов быстрого возрастания капиталистического хозяйства, совершившегося при помощи всяких содействий:

«В 1860 году в эксплуатации находилось всего только 1,260 верст железный дорог, а через 20 лет, при содействии правительства и частных акционерных учреждений, число верст возросло до 21,870. До 1864 г. в России был один только банк, государственный, а теперь, кроме него, мы имеем 37 акционерных коммерческих банков с капиталом в 27 милл. руб., 277 общественных коммерческих банков с годовым оборотом в 800 милл. руб., и 21 ипотечный банк с 750 милл. руб. В 1855 г. в России действовало только 82 акционерных компании с капиталом в 64 мил. р[уб].; теперь же их имеется более 500 с общим капиталом в 3,235 мил. руб. В области фабричной и заводской промышленности также замечается довольно значительный рост, хотя и не столь быстрый, как в области банков. Обороты внешней торговли, не превышавшие в 1855 г. 325 милл., достигают теперь до 1,213 милл. руб. Параллельно с этим, однако, происходило и сильное возрастание государственных расходов, поднявшихся с 414 милл. р[уб]. в 1861 г. до 644 в 1879 г. В то же время росли и государственные долги, достигшие в 1878 г. громадной суммы – более 3 миллиардов рублей».

Делая эту выписку, «Новое Время» замечает: вот «ряд красноречивейших цифр, наглядно уясняющих, что сделано для так называемой русской интеллигенции, а вернее для нашей юной буржуазии»

(№ 1,991). И тут же проливается поздняя слеза об упадке крестьянского благосостояния: «еще бы не быть упадку, когда от земледельца взято столько миллионов, от которых ни одной копейки не вернулось к нему». Интеллигенция, как видите, вполне противопоставляется народу и крепко накрепко привязывается к буржуазии. Еще определеннее высказался г. Суворин⁵⁵ недавно (в № 2,033): «У нас интеллигенцию, – говорит он: хотят отделить от буржуазии; это мол, не одно и то же, далеко не одно и то же. Например, говорят, Лермонтов – интеллигенция, а Губонин⁵⁶ – буржуазия. В “Отеч[ественных] Записках”, у г. Михайловского, я нашел это разительное определение». <...> «На Западе буржуазия образованная часть общества – где там интеллигенция? Там этого слова нет совсем, но, рассуждая о наших домашних делах, мы должны принимать западную терминологию в соображение. Наши соотечественники, помещики, купцы, фабриканты, заводчики, если они образованные люди и вместе с тем имеют кое-какие капиталы, интеллигенция ли они или буржуа? Меня это очень интересует, ибо если принять в соображение, что Губонин – буржуа, а Лермонтов – интеллигент, то сколько же десятков у нас интеллигенции и стоит ли тогда кричать: мы – интеллигенция, для нас, интеллигенции не сделано того-то и того-то, да мы, интеллигенция, способны руководить, направлять, управлять... – Позвольте, позвольте, господа, говорит г. Суворин (точно кто-то уже теснит его и врывается в вверенное ему здание) – сколько же вас интеллигенции, Лермонтовых или даже около того? Давайте сочтемся»⁵⁷. <...>

«Когда Сизс, – говорит он, – поставил вопрос: что такое третье сословие, и отвечал на него, что оно есть все, он стоял на твердой почве, и третье сословие выставило массу замечательных людей, даровитых и образованных; но когда у нас г. Михайловский ставит вопрос, что такое интеллигенция и отвечает на него – “интеллигенция есть Лермонтов”, то ясно только, что слово “интеллигенция”, как политический термин, совершенно бессмысленное слово...

Поэтому, – говорит г. Суворин, – я за буржуазию, за большую силу, а не за маленькую. Губонин и Поляков, Утин и Спасович, князь Урусов и Гинцбург, Морокин и Самарин, Евгений Марков и Аксаков, богатый мужик и купец, Салтыков и Глазунов, Стасюлевич и Бродский, Кошелев и Кокорев – все это буржуа, у всех стремления чисто буржуазные, у одних сознательно-научные, у других бессознательно-практические; наука и практика тут, впрочем, идут рука об руку, и еще неизвестно, у кого бы выделились лучшие буржуазные стремления, себя не

забывающие, но не забывающие и других, меньшую братью, у буржуа сознательно-научных, или у буржуа сознательно-практических»⁵⁸.

Если г-ну Суворину нужно было заявить, что он за буржуазию, вместе с аббатом Сиэсом, то так прямо и можно было бы это сказать, не приплетая сюда г. Михайловского. Наконец, зачем это нужно было заявлять – неужели этого никто не знал? А нужно было все это проделать для того, чтобы сказать, что никакой такой особенной интеллигенции у нас нет, что вся она пропитана буржуазными стремлениями и свойствами, что органы печати и писатели, решающиеся отделять интеллигенцию от буржуазии и уважать первую и не уважать вторую, в сущности, тоже буржуазные органы и писатели. Относительно г. Михайловского он еще выкинул некоторое па, сказав, что его читает молодежь, считающаяся у нас по-преимуществу интеллигенцией и не читает зато буржуазия, так как он для нее скучен, претенциозен и неудобопонятен; а относительно г. Салтыкова, прямо провозгласил, что это – поэт буржуазии. <...>

Что современная интеллигенция вышла главным образом из буржуазии – кто же этого не знает? что она несет на лице своем и делах своих буржуазную печать, кто же этого не говорил? что она часто противоречит делом слову – кто же этого не повторял после того, как умные люди этого высказывали по меньшей мере раз по сту. Прежде главный контингент интеллигенции выходил и примыкал к дворянству и духовенству, когда они были преобладающими сословиями; когда же господствующим сословием стала буржуазия, то из буржуазии стала выходить и интеллигенция. Но этого мало: самое преобладание буржуазии обуславливалось прежде всего и больше всего интеллигенцией, которая собиралась с разных сторон, выходила как из народа, так и из верхних слоев – дворянства и духовенства, выходцы из которых уже принадлежали душою другому порядку. Новый порядок возникал и строился на отрицании старого, разлагавшегося и самопожиравшего. Отрицание было первою работою. Хороша была бы интеллигенция, если бы она навеки вечные была бы привязана, например, к феодальному кнуту и бесправию. Отрицание старого порядка было даже абсолютно-необходимым элементом роста самой интеллигенции. Даже отвлеченные знания и науки, по-видимому, не соприкасавшиеся с этическими и политическими вопросами, невольно проникались началами гуманизма, невольно служили его успехам и сами двигались вперед, благодаря его успехам. Интеллигенция не есть что-то неподвижное, каменное или привязанное к известному режиму, это

есть напротив нечто живое и непрерывно растущее. Неужели мне нужно ссылаться на известную книгу Бокля, где особенно картинно и величественно очерчен рост человеческой мысли⁵⁹. То же самое и теперь. Как тогда из монастырей и феодальных замков выходили люди, начинавшие с отрицания феодальных порядков, так и теперь из буржуазии выходят люди, которые начинают с отрицания буржуазного режима во имя идей более светлых и начал более справедливых. Когда говорят: буржуазия, то подразумевают обыкновенно все то, что упрочивает этот порядок; а когда говорят интеллигенция, то подразумевают все то, что думает об улучшении и изменении этого порядка и ищет путей к справедливости и истине. Вероятно, никак иначе и нельзя понимать интеллигенцию в политическом смысле. И когда говорят, что в то время, когда желают что-то сделать для народа, то интеллигенция должна будто бы пострадать или покраснеть, то это остается совершенно непонятным. Это, конечно, только неблагоприятно со стороны говорящих. Интеллигенция может покраснеть при этом разве только от радости, что осуществляются, наконец, ее лучшие и самые заветные думы. Лучше всего было бы, конечно, сделать что-нибудь для народа и затем посмотреть – будет ли этим недовольна интеллигенция. Здесь, пожалуй, был бы и лучший критерий для интеллигенции и буржуазии. А как называть наших образованных помещиков и фабрикантов: интеллигенцией или буржуазией – решительно все равно; их можно называть хоть купидонами, нельзя только привязывать интеллигенцию к известному состоянию или классу, как скот к возу, потому что она и действительно может скоро обратиться в скотину.

Затем остается еще очень много вопросов: может ли интеллигенция быть в изолированном от народа положении, не составляя огромного и не вознаграждаемого для него бремени; должна ли она разделить и бремя его тяжелого вседневного труда; может ли она и в настоящем своем состоянии, но при измененных условиях обстановки, где были бы выдвинуты иные стимулы для деятельности, быть полезною народу; полезнее ли дня него и интеллигентнее ли будет интеллигенция, которая выдвинется из его среды и будет ближе с ним связана, но будет также становиться в обособленное положение и т.д. Все это вопросы, о которых можно долго спорить, но которые теперь нам не нужны, так как мы и заговорили по этому поводу только для того, чтобы указать на передержку г. Суворина и на камень, пущенный им в интеллигенцию. Камень этот попал, конечно, в пространство и затем в лужу. <...>

Искание интеллигенцией связи с народом⁶⁰

Читатель, конечно, знает, сколько за последние годы было в нашей литературе призывов культурного человека в деревню, призывов самых разнообразных, начиная от ласковых до грозно-повелительных: поэты прельщали его простором степей и тишиною дремучих лесов, где журчат только ручьи и поют голосистые птицы; моралисты – отсутствием греха и суеты; экономисты доходили его необходимостью внести в жизнь сельскохозяйственные и технические знания; педагоги – просвещения, юристы – законоведение и т.д. Между тем, культурный человек все сбегал из деревни и продолжает сбегать настолько торопливо, что последние десять лет, вероятно, будут названы впоследствии не иначе, как его бегством из деревни. Причины этого бегства, разумеется, разные... Точно также были разны и самые призывы в деревню: те, например, которые скорбели об абсентизме⁶¹ крупных землевладельцев, уподобляя наше положение Ирландии и противопоставляя ей Англию, как нечто идеальное, или те, которые взывали к предприимчивости просвещенных капиталистов, считая их не только культурным элементом, но и самую настоящую интеллигенцией, разумеется, глубоко отличались от тех, которые звали в деревню человека действительно интеллигентного, человека в лучшем смысле слова, который защитил бы крестьянские права, оберег бы крестьянскую мысль и альтруистические основы его жизни, принес бы с собою знание и вообще готов был бы отдаться на бескорыстное служение народу. Различие очень глубокое по существу, но имевшее, однако, одну общую сторону, а именно – искание связи с народом.

Существовавшая до 1861 г. крепостная связь между культурным человеком и народом была порвана и должна была замениться совершенно новою связью. Нельзя же, в самом деле, было знать о народе столько же, сколько мы знаем о лошади или о каких-нибудь текинцах или зулусах, и нельзя же было сноситься с ним только через посредство станowych и исправников: он призван был к жизни в качестве самостоятельного гражданского лица, а не в качестве только безразличной рабочей силы, с которою в доброе старое время даже и разговаривать-то не полагалось.

Ища этой связи, одни ловили концы старого только что порванного каната, но концы эти далеко разбежались, и для того, чтобы стя-

нуть и связать их вновь — у них не хватало сил. Другие начинали завивать новые веревочки, но ничего у них не выходило, потому что происходила невероятная путаница во всем: все шумели, кричали, мешали друг другу; земец говорил одно, чиновник — другое; что делал земец, то чиновник разрушал, а что делал чиновник, то разрушал земец. Согласие у некоторых было разве только в одном, что зверь выскочил из клетки, и что если нельзя его связать, то надо, по крайней мере, не давать ему ходу, не давать очень баловаться свободой (о! сколь погибельна она, коли разумная ей мера не дана). Третьи, желая от всей души содействовать вступлению мужика на гражданское поприще, не знали с чего начинать...

Насколько только что указанное различие было глубоко, несмотря на отсутствие каких-нибудь внешних разделительных черт, можно видеть из того, что даже между публицистами-народниками, доказывавшими необходимость изучения и ближайшего общения с народом, было несколько подразделений и спорных оттенков: одни считали необходимым руководить народом по пути общего прогресса; другие, напротив, считали стремление к руководительству претенциозным, а навязывание народу какого-нибудь готового понятия о прогрессе вредным и стояли за развитие его собственных идей и мирозерцания; одни стояли за формы жизни, другие за сущность; одни хотели поднимать народ до себя, другие спускаться до него и растворяться в нем с чисто христианским смирением и самоотверженностью; одни мечтали дать ему прежде всего образование и организовав его в земскую партию для земской деятельности, видя в этом первый политический шаг; другие придавали особенное значение экономическим условиям и обеспеченности и предлагали действовать в этом направлении, и т.д. Само собою, разумеется, что при этом происходили споры: в то время, когда одни говорили, что надо отречься от привилегий умственной жизни, точно так же, как и от привилегий материальных, что нужно навсегда идти в деревню, сжигая все корабли за собою и не боясь того, что будешь, может быть, утрачивать деликатность чувств и тонкость манер; другие возражали: нет, и мы так же, как и мужик, имеем право на жизнь и потому должны за нее бороться, обречением себя заживо на духовную смерть никому не поможешь, и т.д., а третьи доказывали возможность совмещения и того, и другого: исходя из начал самосохранения и субъективного самосовершенствования, они желали низвести вред своего привилегированного положения до minimum'a, желали ликвидировать старые

долги народу и дать ему, в виде премии, образец человеческого счастья, достигаемого путем труда, без эксплуатации человека человеком.

Наиболее характерным выражением последнего взгляда может, например, служить интеллигентная деревня г. Энгельгардта, одна из увлекательнейших утопий последнего времени, в особенности для человека с настрадавшимся сердцем, утопия, однако, по всей вероятности, более трудноосуществимая, чем еврейская деревня. Поборники народной самобытности и культурной самостоятельности народа укоряли увлекавшихся политикою за стремление к власти, к руководству и неизбежному при этом насилию, а те им отвечали: «Пока вы будете изучать народные основы и растворяться, как какой-нибудь сахар в народной среде, ни основ этих, ни вас самих не останется, потому что вас истребят г. Колупаев с разозлившимся чиновником; да и что такое это растворение: вы, культурные люди, вовсе не представляете из себя однородной сладкой консистенции, а состоите и из хороших, конечно, сторон, и из множества всякого мусора; почему же вы думаете, что народ возьмет из вас только одно лучшее, а дурное оставит? Наконец, не может ли пойти за вами, и под вашим же именно флагом, и заведомая дрянь, в виде разных дельцов и той мелкой полукультурной тли, которая высоко летать не может, но и с четвертака желает получать коммерческий %, и на самое прекрасное дело смотрит прежде всего со стороны выгоды?». Первые отвечали, что гг. дельцы, Колупаевы и эта самая тля, и теперь гнездятся в изобилии в деревне и творят там все, что им нужно, не встречая никакого противодействия, что приход туда лучших людей прежде всего ознаменовался бы сокращением этой тли и всего этого хищного люда, что они отдали бы народу именно лучшие свои чувства и силы, и т.д. Пререкания эти возникли в литературе лишь в самых общих чертах, и, прежде чем успели не только обостриться, но даже хорошенько определиться и выясниться, как жизнь решила вопрос уже по-своему: интеллигентный человек должен был начать бегство из деревни, не находя там живого дела, или, лучше сказать, возможности живого дела, которое волновало бы его и требовало бы всех его духовных сил. Желал ли он, например, посвятить себя народному образованию и заявлял, что хочет сделаться сельским учителем, на это ему отвечали: «Но вы ведь кандидат университета?» — Что же из того, что я кандидат университета, тем, кажется, для вас лучше, значит — знаю несколько больше дьячка той же церкви, который у вас учителем. — «Как что? Вы всегда можете иметь лучшее ме-

сто и получать большее жалованье». – Могу, но не желаю, потому что чувствую склонность... – «А это совсем не понятно... Собственно говоря, мы, лично, ничего против вас не имеем, но не знаем как на это посмотрят там»... (Где посмотрят и кто посмотрит, конечно, никогда не говорилось – там, мол, вверху, в министерстве или в каком ином месте – все равно). Желал ли человек устроить что-нибудь в роде сыроваренной артели или ссудо-сберегательного товарищества, исправник ему замечал, что его пр[евосходитель]ство очень неодобрительно на это смотрит и что его немедленно возьмут на глазок и будут иметь на примете. Пробовал ли он хозяйничать сколько-нибудь человеческим образом, перед ним немедленно вырастала дилемма: или пожирай других, или будь пожран другими, в большинстве случаев, даже не крестьянином, а г-м Колупаевым и К°. Перспектива неприятная! И выход из этой дилеммы был очень труден, потому что кругом уже установился такой режим. Ясное дело, что ему оставалось только собрать свой чемодан и бежать в столицы и провинциальные города, подыскивая кафедру, учительское кресло, какую-нибудь конторскую должность на железной дороге, местечко в управе или даже поденной работы и уроков.

Я могу говорить и говорю, разумеется, только о легальном искании связи с народом и только о легальных элементах, хотя нелегальные элементы весьма часто были следствием того, что происходило в жизни, что говорилось и делалось в обществе и литературе, в сферах отнюдь не только либеральных, а и quasi-охранительных. Кто выиграл от отсутствия интеллигентного человека в деревне, покажет, конечно, только будущее. Что же касается до того, что у нас нет ясной, определенной границы между законным и незаконным, дозволенным и недозволенным, то доказательство этому можно найти на каждом шагу: дозволенное в одном месте – недозволенно в другом, недозволенное вчера – дозволенно сегодня, а дозволенное сегодня – недозволенно завтра. Несколько лет тому назад, о переселениях невозможно было писать, а разговором с крестьянами, что недурно было бы им переселиться, положим, на Кавказ, на вольные земли, которых там так много и о заселении которых местная администрация усиленно заботится, тщетно вызывая переселенцев, можно было навлечь на себя очень серьезную неприятность и обвинение чуть ли не в подстрекательстве к бунту. Исправник, подозрительно относившийся к устройству сыроваренных артелей, был окончательно смущен, когда ему показали, что г. Верещагину⁶² ассигнована на 6 лет казенная субсидия от министер-

ства финансов. В истории ссудо-сберегательных товариществ также было множество курьезных эпизодов подозрительности и противодействия местных властей, а между тем, недавно комитету о ссудо-сберегательных товариществах была объявлена Высочайшая благодарность. Но фактов подобного рода можно найти величайшее множество не в одном только недавнем прошлом, а и в настоящем. Как вы думаете – могли ли бы мы с вами теперь, очутившись в бедственном материальном положении или просто стосковавшись в городе, удалиться куда-нибудь в тихий деревенский угол и, подобно Цинцин[н]ату⁶³, взять плуг в руки и заняться земледелием? Кажется, что может быть проще и невиннее этого, а между тем, это не всегда возможно. Вот что, например, мы находим в № 116 «Страны» за этот год, в корреспонденции из Казани. «Почтенный А. Н. Энгельгардт, – говорит корреспондент, – призывает на землю интеллигентного пахаря и, вместе с тем, рассказывает грустный эпизод из своей жизни, когда, под гнетом беспричинного соглядатайства станowych и урядников, уважаемый ученый *запил*. Этим мученическим признанием А. Н. Энгельгардт только отчасти показал, как легко живет интеллигентному пахарю, но последнего окружает еще много других условий, ставящих образованного человека в невозможность удержаться за землю». Не перечисляя всех этих условий, корреспондент рассказывает следующий характерный случай, повлекший за собою совершенно неожиданный исход: «Прежний издатель-редактор “[Казанского] Биржевого Листка”, А. И. Миропольский, купил около Казани небольшой клочок земли и устроил на ней хутор. Дела пошли скромно, по средствам; сношения с окрестным населением, необходимые для начинающего земледельца, стали укрепляться; кончалось жнитво. Вдруг, однажды, сворачивает к хутору обоз сахарных бочек... Увы! они изображали троянского коня: каждая бочка заключала в себе по паре воинов... Хутор окружили, обыскали, но ничего предосудительного не нашли. Комичная обстановка обыска делает честь находчивости местного начальства, но последствия для г. Миропольского далеко не комичны. После обыска между крестьянами он прослыл фальшивым монетчиком. Самые существенные отношения земледельца к его соседям нарушились, а для восстановления доверия не у всякого интеллигентного пахаря хватит энергии и материальных средств. Тот же, например, г. Миропольский затратил на землю весь незначительный капитал от продажи газеты другому издателю, и, обремененный большим семейством, полагал найти в земле спокойный, независимый и, относительно, верный кусок хлеба».

Пользуясь подходящим случаем, я позволю себе сделать маленькое отступление, и расскажу в кратких чертах историю одного кружка, недолговечная жизнь которого прошла у меня перед глазами.

В конце шестидесятых годов, ко мне, тогда студенту технологического института пришел однажды земляк-приятель и сказал следующее: «Я пришел к тебе с одним продолжением, только, предварительно, должен тебе сказать, чтобы ты пообещал держать его в тайне». Я не замедлил, разумеется, сказать, что тайну держать умею, и затем он рассказал мне следующее: «образовался, видишь ли ты, в N-ом уезде⁶⁴ кружок для совместной деятельности на народную пользу. <...> Душа кружка г-жа Б.⁶⁵; женщина она влиятельная, следовательно, кружок безопасен. Да, собственно говоря, в нем и нет ничего опасного, в смысле какого-нибудь противозаконного сообщества: он чужд и усердно чурается всего, что у нас обыкновенно называется политикой; <...>. Вот в чем должна состоять его деятельность: мы должны занять в уезде положение, которое дало бы нам возможность направлять народную жизнь к лучшему, к охранению ее от бюрократического произвола и экономической эксплуатации. Если, например, в законе говорится: “правда и милость да царствует в судах”, то пусть они царствуют действительно; если говорится, что “крестьянство должно образовать самостоятельное сельское состояние”, то пусть это так и будет, и пусть все, что не клонится к этому, идет в разрез и противодействует этому, будет предано обличению, и противодействию, насколько хватит наших сил. Мы должны действовать и на экономической, и на юридической почве, и в сельском хозяйстве, и в земстве, должно иметь своих докторов, судей, агрономов, школьных учителей и т.д. Мы будем устраивать больницы и школы, банки и промышленные ассоциации, а впоследствии и фабрики; будем показывать пример рационального хозяйства, пользу введения машин, выгодность лучшего севооборота, будем снимать землю большими участками, чтобы раздавать ее по той же цене по мелочам, освобождая таким образом крестьян от переплат съемщикам; будем выдавать авансы под работу, чтобы избавить их от невыгод зимней наемки; будем устраивать более выгодный сбыт их произведений, чтобы избавить их от скупщиков и т.д. Но самое лучшее, если ты приедешь к нам на лето, во время каникул, и познакомишься с делом и людьми лично».

Было это, должно быть, в марте или в начале апреля, а в конце мая я уже находился в N-ском уезде, который был моей родиной и где у меня имелся клочок земли. Кружок я застал уже значительно

сложившимся и открывшим свои действия, хотя принципиально многое было еще не решено и шли бесконечные разговоры и споры, <...> кончавшиеся обыкновенно мечтами о том, как через несколько лет уезд наш процветет, покроется артельными фабриками, цветущими общинными садами и вообще сделается образцом благосостояния для всей России; как газеты будут писать о нас, как станут к нам приезжать туристы из Европы и восхищаться успехами свободной России и творчеством общинного духа, как получим мы приглашение устроить то же самое и в других губерниях, и т.д. Кружок состоял: кроме г-жи Б., из доктора, мирового судьи, судебного следователя, четырех агрономов, двух юристов, которые должны были заняться адвокатурой, двух местных помещиков – кандидатов на земские должности и нескольких не присоединившихся еще вполне прозелитов⁶⁶ и прозелиток также из местных обывателей. <...> Я должен был окончить курс в институте и, пригласив какого-нибудь товарища, примкнуть к кружку для организации промышленных артелей и одного большого общинного завода, который помещался бы в центре нескольких деревень, принадлежал им и давал работу зимою. Средства для этого были. Средства кружка, вообще, были довольно значительны, так как в него входили люди состоятельные, и замечательно, что никто не жалел этих средств, точно также, как никто не жалел и своего труда и сил. Доктор лечил, разъезжая без усталости по деревням и не оказывая ни малейшего предпочтения тем, кто мог бы заплатить ему за визит четверную; последнее для него было совершенно безразлично, так как он не брал ни с кого – ни с богатых, ни с бедных, говоря, что получает за труд земское жалование. <...> Юристы писали крестьянам прошения, защищали их у мировых судей, в съезде и в окружном суде. Барыни занимались школами или лечили, подавая первую медицинскую помощь. Агрономы – имели дело с землей, заведывая имениями, в качестве управляющих, или арендуя землю за счет кружка. Земли в распоряжении кружка вскоре оказалось более 10,000 десятин. Несмотря на такое, сравнительно большое количество, ее, конечно, было мало для того, чтобы произвести какое-нибудь существенное изменение в аграрных отношениях целого уезда, но, тем не менее, и с нею можно было нечто делать для крестьянской пользы, в особенности в том районе, где она главным образом сосредотачивалась. <...>

Работы у кружка было много, время летело незаметно. Живя в разных местах, все, однако, часто друг с другом виделись: ехал ли куда-нибудь следователь на следствие, адвокат в суд или доктор к

больным, они непременно по пути заезжали к кому-нибудь отдохнуть, поговорить, посоветоваться. Из самого незначительного и заурядного обстоятельства выходила иногда прекрасная вещь: ум — хорошо, говорит пословица, а два лучше. Большинство было связано узами самой тесной дружбы, которая крепла, по мере того, как разрасталось и усложнялось дело и появлялось больше врагов этого дела. А врагов было много, и все они были налицо, были врагами живыми, конкретными. Силы были неравные: они — огромное большинство, кружок — ничтожная горсть. Когда членам кружка случалось бывать вместе в городе и собираться вечером в клубе, то там непременно происходили какие-нибудь истории, когда веселые, а когда серьезные. В клубе, впрочем, приходилось собираться довольно редко, по большей же части для разговоров о делах члены кружка съезжались друг к другу. Так как я бывал в N-ском уезде летом, то все разговоры при мне обыкновенно происходили на открытом воздухе, где-нибудь в саду или в степи, и происходили, по большей части, после дневных занятий, т.е. вечером или ночью. <...> В последний раз, перед самым моим отъездом в Петербург, больше всего обсуждались и дебатировались два вопроса — об организации выкупа земель, заложенных в банках, для передачи их крестьянам, и об устройстве постоянного образцового хутора, где хозяйство было бы последним словом агрономической науки, где были бы введены всевозможные машины и могли бы работать несколько новых членов кружка, которые должны были приехать и образовать образцовую сельскохозяйственную общину. При хуторе предполагалась школа и практические занятия. Я помню, как все предусматривалось, с каким вниманием обсуждалась всякая мелочь, но... всему этому не суждено было осуществиться. Кружок скоро распался, не просуществовав и трех лет. Распался он не по каким-нибудь внутренним причинам и не потому, что сознал бесполезность и бесплодность своей деятельности, хотя это и доказывал нам с большою убедительностью один приезжий товарищ нашего доктора, не пожелавший к нам примкнуть. Он говорил, что хотя мы и прекрасные люди, а делаем пустяки, катаем по полю чурбан, даже хуже — стараемся остановить естественный ход вещей, что нас мало, что мы бессильны, сглаживаем шероховатости невозможных отношений и действуем скорее в пользу тех, кого считаем своими врагами. «И смотрите, — добавлял он, — они-то именно вас и слопают»... Последние слова его оказались, к сожалению, пророческими. Хотя мы несколько и преувеличенно смотрели на свою деятельность, но стара-

лись всеми силами сделать ее возможно более скромною и безобидною, и она, будучи прямым следствием и последовательным развитием духа реформ, которым повеяло в 1861 г., действительно, была строго легальна и отличалась законностью, но, тем не менее, многим местным влиятельным лицам она была не по вкусу и возбуждала разные подозрения, опасения и недовольство. Я уже сказал, что у нас было много врагов: поступки и разговоры наши предавались из уст в уста искаженные и прикрашенные, про нас сочинялись небылицы, долженствовавшие нас скомпрометировать, и т.д. Пока мы жили и действовали врозь, то нам трудно было что-нибудь сделать и в чем-нибудь изобличить нас, как людей, действующих вместе, но как только зашла речь об устройстве общего хутора, так немедленно же было решено, что мы составляем какую-то шайку, какое-то разветвление.

Кружок распался, и все мечты и надежды наши разлетелись в прах. Прошла также у многих энергия, силы и желание что-нибудь делать на общественную пользу, а некоторые убедились в невозможности даже самой скромной деятельности⁶⁷. <...>

Не знаю, входило ли разрушение такой мирной деятельности в чьи-нибудь виды и в особенности в виды тогдашней внутренней политики, но знаю, что для последней это было очень невыгодно и давало совершенно не те результаты, какие она получить желала. А приключение с г. Миропольским показывает только, что и в настоящее время у некоторых провинциальных охранителей взгляды на этот счет мало переменились, так как до сих пор не совсем еще безопасно заниматься даже земледелием, хотя бы это было в самом далеком и глухом медвежьем углу, где и политики-то никакой быть не может. <...>

В. П. Воронцов

Предисловие к книге «Судьбы капитализма в России»⁶⁸

Предлагаемый сборник составлен из статей, печатавшихся в разных журналах. Выпуская их отдельным изданием, мы придали им лишь внешнее единство, несколько иначе расположив материал, выкинули повторение. Содержание их осталось прежнее, новых фактов и аргументов приведено немного; и если, тем не менее, мы решаемся вторично предлагать свои работы вниманию читателя, то делаем это с единственной целью одновременностью нападения всем арсеналом на его мирозерцание заставить интеллигенцию обратить внимание на

поднятый вопрос, вызвать наших ученых и присяжных публицистов капитализма и народничества на изучение закона экономического развития России – основу всех остальных проявлений жизни страны. Без знания этого закона невозможна систематическая и успешная общественная деятельность, а господствующие у нас представления о ближайшем будущем России вряд ли могут быть названы законом и вряд ли способны дать практическому мирозерцанию прочную основу.

По данному вопросу в литературе можно различить следующие три направления. Одно – к которому принадлежат как публицисты буржуазии на западноевропейский манер, так и социалисты школы Маркса – считает, что в России должно непременно получить господство капиталистическое производство (заметьте – капиталистическое производство, а не кулачество или ирландское фермерство). Предполагается, что самостоятельные производители-ремесленники не в состоянии произвольно организовать свое производство в мануфактуру и фабрику, применяя для этого, насколько возможно, все технические усовершенствования; что выполнение задачи этой организации берет на себя капитал, и под его железным управлением рабочие теряют чрезмерный индивидуализм, дисциплинируются, приобретают свойства, делающие возможной общественную форму труда со всеми благими ее последствиями. Причем первые утверждают, что на этой ступени развития промышленный строй останется вечно; вторые же верят, что когда капитал организует всех или главную массу рабочих, миссия его окончится: воспитанные под его влиянием для крупного производства рабочие поведут последнее без его посредства. Но это уже дело отдаленного будущего, предмет забот наших внуков и правнуков; нам же остается примириться с наступающим господством капитализма и постараться только смягчить чересчур резкие его проявления. Бороться с наступающим порядком вещей излишне; он явится вооруженный непобедимыми естественными социологическими законами, он завоюет арену труда не прямым насилием (хотя не чуждается и последнего), ему не нужна непременно помощь власти: мелкий ремесленник добровольно отдастся в его руки, ибо найдет для себя более выгодным хотя кое-как существовать заработной платой, чем умирать с голоду с собственной мастерской. В силу этого-то обстоятельства, в силу того, что крупное капиталистическое производство бьет мелкое технико-экономическими влияниями – против него невозможно бороться политическим оружием; если оно разбило средневековые преграды, нарочно воздвигнутые

для замедления его роста, то тем легче ему воспрепятствовать возникновению новых препятствий: вернуться к регламентации производства в таких размерах, какие существовали несколько веков назад, – невозможно, а при свободе экономического развития оно неизбежно попадет под руководство капитала.

Другие два литературных направления не считают доказанным положение о необходимости каждой стране пройти капиталистическую ступень развития. При этом одно из них, – основываясь на факте, что русский народ не только сохранил до сих пор многие черты общинного быта, давно утраченные другими народами, но еще и развил их дальше, – верит, что это развитие будет продолжаться и в будущем, что воспитание и дисциплинирование нашего народа для общественной формы труда происходит и без руководства капитала, силою общины, выработанный ей артельный дух приведет народное производство⁶⁹ к той же организации, какая достигнута была на Западе при помощи капитала. Это оптимистическое мирозерцание, однако, не свело еще окончательно счетов со многими явлениями жизни, прямо ему противоположными: обезземеливание крестьян, разрушение общинной связи, развитие в народе индивидуализма, рост спекуляции и т.п. указывают, по-видимому, на то, что наше дальнейшее развитие, вопреки надеждам рассматриваемого мнения, идет по направлению, выработанному Западом, что капитализм берет верх над общиной и артельным духом народа. Практическое мирозерцание и мотивы общественной деятельности этой партии неизбежно будут носить на себе следы такой двойственности научных оснований: вера в общину предпишет ряд действий в известном направлении, а совершающиеся вокруг явления, противоположные ожидаемым и желательным, будут, подобно ушату холодной воды, охлаждать пыл чересчур увлекшихся деятелей.

Третье направление говорит следующее: «Мы не думаем, что община неизбежно должна пойти временно на выучку капитализму, но не думаем также, что она [неизбежно] всегда и везде останется [целой и] невредимой. Все дело в том, при каких условиях происходит борьба общности и индивидуализма. Не решайте вопросы жизни а priori, не выкручивайте систем из головы; смотрите всегда в приходно-расходную книгу общественной жизни, оценивайте явления, заносимые туда исследователями. Значит, все дело сводится к тому, чтобы смотреть вокруг себя, группировать факты и делать из них выводы» ([Русанов Н. С.] «Дело» [1880] № 12 «Против экономического опти-

мизма» [С. 61]). Приступая с этой точки зрения к оценке современной русской жизни, рассматриваемое направление приходит к заключению, что в России существуют все условия для быстрого развития капиталистического производства. Правда, дешевизна рабочей силы мешает заимствовать с Запада машины новейшей конструкции, но «мануфактурный период капиталистического производства вполне мыслим у нас»; и хотя форма эта в настоящее время совершенно излишня[я] в техническом отношении, но для русского капитализма она пока как раз по плечу. «Объединение рабочих кустарей в мануфактуре – вот естественная форма русского капитализма в ближайшем будущем» (предлагаем решить самому читателю, насколько такой анахронизм – мануфактура при возможности фабрики – доказывает существование благоприятной обстановки для развития в России капит[алистического] производства). «И эта форма вовсе не придумывается [наильно нами] для того, чтобы провести аналогию между прежним зап[адно]европейским и современным русским положением вещей. Напротив, она естественно возникает в жизни, раз есть на лицо дешевый рабочий, владеющий инструментом, и этот самый инструмент. Конечно, русская фабрика, опирающаяся на кустарей, не успеет вполне развиться [напр., ввести у себя широкое разделение труда], как будет сменена крупной машинной промышленностью, раз в отдельных центрах цена труда поднимется до высокого уровня»⁷⁰. Подобно тому, как дешевизна русского рабочего, препятствуя перенесению к нам новейшей зап[адно]европ[ейской] индустрии, способствует (?) превращению самостоятельного кустаря в работника мануфактуры, так «возможность для России пользоваться механическими изобретениями самой последней конструкции не отнимет у капитализма почвы для развития, а, напротив, облегчит ему переход к машинной промышленности»⁷¹. Как видит читатель, по этому мнению, развитие капиталистического производства в России должно произойти еще легче, чем на Западе, ибо у нас оно может пользоваться такими выгодными условиями, как дешевизна труда и готовые технические изобретения. После сказанного естественно заключить, что рассматриваемое направление общественной мысли в практическом отношении примыкает к первому из описанных нами, что лица, его держащиеся, отложат попечение о борьбе с капит[алистическим] производством в России, так как приходно-расходная книга экономич[еского] положения нашей страны не дает им никакой возможности на победу. Но, ко всеобщему удивлению, приверженцы

этого направления заявляют, что и им нужно работать, нужно бороться против капитализма, этого опасного врага народного благосостояния, нужно выискивать целесообразные средства для борьбы с ним делом и словом. Предоставляю читателю вообразить себя в шкуре деятеля, прущего против рожна: как бодр будет он духом, какая вера одушевляет его, как прочны его надежды на победу!...

Итак, в рассмотренных направлениях общественной мысли, призывающих на борьбу с капитализмом, нет надлежащей цельности, способной совершенно увлечь человека; в обоих есть нечто, постоянно смущающее деятелей, могущее менее энергичных заставить и совсем положить оружие. И наоборот, народная партия много бы выиграла в практическом отношении, если бы двойственность, раздражающая ее мирозерцание, была уничтожена, если бы к ее вере в живучесть народных устоев присоединилось убеждение в исторической невозможности развития капиталистического производства в России. Такое убеждение способны дать наши обобщения (если они только истинны). В самом деле, коль скоро по особенностям современного исторического момента России невозможно достичь высшей ступени промышленного развития капиталистическим путем, если все меры в пользу этого последнего способны только разрушить благосостояние народа, но не привести к организации производства, если поэтому замеченные явления разрушения исконных форм народной жизни происходят не в силу экономической борьбы мелкого производства с крупным и победы последнего, а суть результат неудачного вмешательства в экономическую жизнь народа правящих классов, следовательно, произведены политическими мерами, то лица, желающие добра народу и имеющие возможность помочь ему, смелее выступят на борьбу с угнетающими его влияниями, так как они могут не опасаться, что все их успехи в общественно-политической сфере будут разбиты неумолимыми и не поддающимися никакой политике законами промышленного прогресса.

Нужно здесь заметить, что, отрицая возможность господства в России капитализма, как формы производства, я ничего не предпрещаю относительно его будущего, как формы и степени эксплуатации народных сил. Поэтому *мыслимо*, что рядом с упрочением мелкой промышленности будет идти развитие кулачества, разрушение общины и т.д. Правда, рабочему решительно все равно, кто дерет с него шкуру: кулак, рентьер или фабрикант; но это не все равно для судьбы производства, которое в одном случае сохраняет свою мелкую фор-

му, в другом преобразуется в крупное; не все равно это и для политического развития страны, так как буржуазия в западноевропейском смысле была носительницей и заступницей либеральных и просветительных идей, нашим же Разуваевым, Колупаевым, Сладкопевцевым не нужны ни политическая свобода, ни истинное просвещение. Очевидно, что вместе с невозможностью развития в России капиталистического производства (хотя бы капитализм в широком смысле слова и заполонил страну) теряет свои корни и подражание истории политического развития Запада – последнее должно пойти у нас другим, много отличным путем⁷¹.

На Западе борцом за свободные политические учреждения явилась просвещенная и экономическая сильная буржуазия. Эти два свойства ее находились во взаимной зависимости: буржуазия получила экономическое значение, опираясь на науку, которая помогла ей организовать крупную форму промышленности; благодаря такому союзу, она выросла образованной и либеральной. Таким образом, экономическая сила этого класса общества доставила ему политическое значение, а просвещение выработало политическую программу. Если в России нет господствующего капиталистического производства, то нет и класса, подобного либеральной европейской буржуазии, нет естественной опоры политической свободе. Насколько можно судить по некоторым явлениям настоящего – возможно, что кроме рабочего слоя у нас в будущем образуется класс крупных поземельных собственника и кулака скупщика. Как те, так и другие, основывая свое экономическое влияние на *грубой* эксплуатации народа, не чувствуют надобности в помощи науки. Поэтому они не стоят особенно за просвещение, и из них не может образоваться сословие, идущее впереди века. Их политическое развитие никогда не возвысится над средним уровнем страны; их некритическая мысль никогда не будет поражаться отсталыми формами действительности; они не образуют из себя партии, сильной экономически и страстно стремящейся к осуществлению своих политических идеалов. Существующая власть не будет иметь в обществе противника, который бы вынуждал ее на уступки либерализму; эти уступки власть может сделать добровольно, но свобода общества и в этом случае будет фиктивна, ибо также легко изорвать клоч бумаги, «хартию свободы», как подарить его.

Не имея солидного противника в обществе, наша власть может не опасаться тех факторов прогресса, с которыми вели непрестанную

войну западноевропейские правительства. Мы укажем лишь на один из них — свободу печати. Она опасна для правительства в тех случаях, когда в обществе есть элементы, способные организовать в партию сильную экономически (ибо без материальной силы нет и политической). А так как в русском обществе — кроме утрачивающего свое значение дворянства и приобретающего экономическое влияние невежественного кулачества — существует только народ, активная политическая роль которого еще очень далеко впереди, то наша власть может без всякого опасения пользоваться свободой слова, — единственным орудием действительного контроля над своими подчиненными и единственным средством знать истинное положение дел при существующем и еще надолго исключительно возможном государственном устройстве России.

Итак, нам кажется, что благодаря невозможности развития в России капиталистического производства, европейский конституционный либерализм теряет у нас свое значение и что прогрессивные деятели, выставляющие на своем знамени принципы последнего, явились у нас вследствие невыработанности экономического мирозерцания, вследствие того, что требующий своего отыскания закон экономического развития нашей родины был а priori принят тождественным с законом развития западных обществ.

Невозможность подражания форме промышленного прогресса, выработанного Западом, неизбежность еще долгое время мириться у нас с мелким производством приводят к важным результатам и в области государственной экономической политики. На Западе власть могла смело поддерживать буржуазию, которая организовала промышленность, увеличивала производительную силу труда и тем создавала новые источники для финансового обложения; в России рост буржуазии, не ведя за собой организации крупного производства, дает лишь усиленную эксплуатацию народного труда, подрывая этим источник финансов государства. Поэтому кулачество, например, бывшее в Европе первой инстанцией грандиозного капиталистического порядка и потому вызывавшее к себе симпатии власти, русским правительством считается злом, с которым неизбежно бороться.

Из сказанного ясно, какое важное значение имеет для нас вопрос о русском капитализме, и потому мы уверены, что идеи, изложенные в предлагаемом сборнике, вызовут в русском обществе потребность так или иначе порешить его.

Раздел II

Середина 1880-х – первая половина 1890-х гг.

Н. Н. Златовратский

Основные тезисы народничества¹

А. Основные тезисы

I. Равенство типа, как признание безусловно присущей всем человеческим существам (по крайней мере, наиболее распространенным за весь исторический период человечества) способности непосредственного усвоения высших логических и нравственных истин, на которых покоится человеческое общежитие, составляет исходный тезис народничества, как учения.

II. Борьба с осложнением исторических условий, затемнивших и затемняющих в человеческом индивидууме ясность присущего ему сознания высших нравственных основ общежития и мешающих их правильному воплощению в жизни в формах, покоящихся на равенстве типа, составляет исходный пункт нравственно-политической деятельности народника.

Исходя из этих основных тезисов, народничество признает следующие, вытекающие из них положения, обусловленные данным историческим моментом.

В. Философско-нравственные тезисы

I. При данных условиях исторической жизни общественные и народные массы выдвигают из своих рядов так называемую интеллигенцию или такие личности, которые, благодаря только случайно благоприятной комбинации условий, умственно и нравственно воздвигаются над своей средой единственно тем, что, стоя выше эгоистических или классовых интересов, исключительно преданы идее правды, живущей в потенциальном состоянии в трудящихся массах, и все нравственные и умственные силы свои направляют к изучению условий ее проявлений и к воплощению ее в жизни, в подходящих формах.

II. Роль интеллигенции в различные времена была различна, но наибольшей умственной и нравственной высоты достигала интелли-

генция, когда являлась носителем интересов поработанных масс и ратовала против их угнетения. Эта высокая роль интеллигенции отмечена в истории двумя великими моментами, многозначительнее которых она представить не может: то были христианство и гуманизм XVII и XVIII столетий, провозгласившие абсолютное равенство людей, но первое – в форме преимущественно нравственного (духовного) равенства, второе же – в форме преимущественно равенства «личности» (политического).

III. В виду этого [у] народничеств[а] должно быть убеждение; что та же высокая роль предназначена и интеллигенции; поэтому все, что носит имя интеллигенции помимо этой роли, самозвано и не имеет на это никакого права.

IV. Но, принимая во внимание, что ход исторической борьбы трудящихся и угнетенных масс в первые два периода дал в результате только относительные приобретения, именно относительную свободу духа (в смысле нравственного равенства) и относительную свободу личности (в смысле равенства «личности», признанного в уничтожении политического рабства), народничество признает, что роль интеллигенции в современном общественном строе может быть истинно высоконравственной только при доктрине народничества, как суммирующей в себе оба предыдущих фазиса борьбы и выставляющей третий – борьбу за «равенство типа», именно борьбу против посягательства на угнетение масс в форме умственного и экономического насилия.

V. Оно явится изменником прогресса, торжества высшей правды и своей принципиальной сущности, раз только малодушно, под давлением софизмов или противоречий окружающей его действительности с его непреложным идеалом, допустит себя, относительно этих основных положений, входить в какие-либо компромиссы, по существу.

VI. Оно должно быть проникнуто тою же несокрушимой верой в правоту своих положений, таким же крепким убеждением в возможность их безусловного осуществления, как был уверен и убежден в своих положениях христианин первых веков и гуманист нового времени, несмотря на то, что софисты современной им действительности указывали постоянно на ее парадоксальные явления, как на доказательство очевидной невозможности и даже противоестественности воплощения в жизнь идеалов человеческого равенства, и издевались над их «утопиями» и «химерами».

VII. Он должен помнить, что ни христианин первых веков, ни гуманист последних никогда не допускали малодушно признавать, чтобы свет их идеалов сначала мог быть воспринят и усвоен только сильными земли, и что он недоступен одновременному постижению и восприятию масс, как лицемерно утверждали современные им умственные представители общественного.

VIII. Он обязан, подобно проповеднику христианства и гуманисту, безусловно быть убежденным, что самые высочайшие истины морали суть истины элементарные, а следовательно присущие каждому человеческому существу, как бы низко оно не стояло на общественной лестнице. Они составляют ту «совесть человечества», которая, поработанная целыми веками, вдруг вспыхивает моментально в общем сознании и ищет уравнивания ее с действительностью.

IX. Как христианское равенство перед богом, перед которым «несть эллин и иудей, несть раб и свобод»², как принципы гуманистов, санкционирующие права на «свободу личности» всех перед государством и равенство [перед] законом, были доступны усвоению масс и моментально ими восприятию их, так точно народнический принцип элементарности высочайших нравственных истин, на которых должно покоиться все человеческое общежитие, равно доступен моментальному и единовременному усвоению и восприятию масс.

X. Выходя из этих положений, народник не имеет никакого логического права признавать, что кто-либо из людей имеет право на особую привилегию усвоения этих истин, и думать, что массы должны быть приготовлены (будто бы) через посредство этих привилегированных лиц у самой способности усвоения этих истин, ибо эти истины не присущи (будто бы) массовому сознанию, а составляют результат умственной работы умственно-культурных лиц.

XI. Народник не имеет никакого логического права признавать будто бы неизбежную и естественную необходимость такого приготовления масс путем медленного перерождения типа массовых индивидуумов (будто бы низшего) в тип высший, исключительно способный (будто бы) к усвоению высочайших нравственных основ общежития.

XII. Не имеет права признавать, следовательно, что для этого необходимо и обязательно существование сильной экономической, политической и умственной деспотии, остатка порабощения масс, под просвещенным контролем которой только и может быть совершено

(будто бы) медленное перерождение самого типа массовых индивидуумов. Все это – софизмы, с замечательным постоянством повторявшиеся в истории и пускавшиеся в оборот самой этой деспотией, как пред торжеством принципов христианского равенства, так и пред торжеством гуманистических принципов. «Дайте нам сначала время подготовить массы к усвоению и восприятию свободы, чтобы они могли разумно воспользоваться ею, и тогда мы ее дадим им» – вот во все века раздававшийся софизм деспотии. Всегда однородными же страхами пугала она носителей утопий и химер равенства, носителей массовых идеалов и потребностей: страхом упразднения массами и понижения культуры, развившейся на рабстве во времена христианства, и страхом за существование той же культуры во времена освобождения крепостных рабов, и не желала признать, что эти же высокие культуры неизбежно падали, наоборот, от того, что держались именно на рабстве, на непризнании равноправности масс.

Таковы должны быть высшие категории народничества, за абсолютную справедливость которых свидетельствуют нравственное чувство масс и интеллигенции, логические умозаключения и данные истории борьбы за гуманические идеи.

XIII. Кроме того, народник обязан знать, что народнические категории опираются на незыблемые основания прогрессивных политико-экономических доктрин. Эти доктрины доказывают, что если для торжества и упрочения христианского принципа «равенства духовного» оказалось недостаточным проповеди и личного нравственного усовершенствования, если для торжества свободы личности оказалось недостаточным и политических революций, то для торжества равенства типа, вмещающего гарантии всех предыдущих гуманических категорий, эти средства, в одиночку и в совокупности, тем менее состоятельны. Поэтому:

XIV. В виду крайней сложности и глубины захватываемого народнической доктриной исторического зла и неправды, народничество должно иметь в виду, что для торжества его идеалов требуется крайнее и высочайшее напряжение всех умственных и нравственных сил, какое когда-либо требовалось от интеллигенции.

Принимая на себя высокую миссию борца за идеалы и интересы трудящихся и угнетенных народных масс, народник признает, безусловно, что:

1) Самая широкая пропаганда среди народа грядущего торжества народной правоты, обязательность ее, как высшей справедливости,

неустанный призыв к таящемуся в глубине народной души чувству общего братства и равенства и постоянное поддержание народного духа на высоте самого светлого романтизма должны стать альфой и омегой народнической деятельности. Народник не должен смотреть на пропаганду с одной узко-формальной точки зрения, как только на средство для одной политической борьбы, но и как на цель. В какой бы форме народ в данный момент ни осуществил вспыхнувшее в нем от пропаганды (в религиозной или иной), это будет уже само по себе громадным результатом в достижении общей всеохватывающей цели. Неудача политической пропаганды ни в каком случае не может служить доказательством, что пропаганда в народе вообще бесплодна. Напротив, народник должен всегда помнить, что для него политическая борьба есть только временное средство, удобное или неудобное в известный момент, а пропаганда должна идти упорно и неустанно всеми возможными путями, хотя бы в формах и не вполне, может быть, соответствующих еще желанию интеллигенции, но, несомненно, важных в видах общей цели.

2) Доставка массам возможно широкого пользования орудиями (грамотность как искусство) и способами (экономически и политически гарантированная свобода) самоустройства общественного должно сделаться первым ближайшим домогательством народника, не в смысле насильственного навязывания массам каких-либо политических и культурных форм, а в смысле обязательного возвращения массам тех элементарных орудий человеческой культуры, отсутствием которых у масс клалось первое начало неравенства и порабощения. Как самая свобода не может быть иначе воплощена в жизни, как только когда будет кем-либо дана или взята, а, следовательно, обязательно декретирована и гарантирована, также обязательно должны быть декретированы и основаны гарантии ее ненарушимости и условий ее укрепления в жизни.

3) Народник должен пользоваться всеми средствами политической и экономической борьбы, строго взвешивая ее формы в данный момент, сообразно комбинации исторических условий и народному настроению. Он должен с глубоким и неустанным вниманием изучать историю данного народа, бытовые его особенности, его психику, направление настроений в данный момент и те формы, в которых в данное время народ усиливается воплотить живущие в нем начала народной правды.

4) Во всякой классовой политической борьбе народник должен принимать участие, поскольку оно может быть полезно в интересах его идеалов и данных интересов народа, и ни в каком случае не имеет права вносить в политическую борьбу доктринерства, как бы оно ни было логически-последовательно обосновано, зная, что за ним стоят живое тело и живая кровь масс.

5) Народник ни в каком случае не имеет права принимать, под давлением изменяющихся политических условий и комбинаций или в виду политического союза с какой-либо общественной или классовой партией, иной термин или политический лозунг, который не заключает в себе основного объекта его миссии, т.е. народа, как трудящейся и бесправной массы. Таковы, например, термины «либерализм», «славянофильство» и т.п. Такие термины, хотя бы и временные, могут вносить в народническое мирозерцание крайнюю спутанность представлений, в высшей степени вредную как в нравственном, так и в политическом смысле.

С. Политико-экономические тезисы

I. Признавая, что путем порабощения масс, в какой бы форме оно ни проявлялось, в формах ли политического и экономического неравенства или в форме так называемого «просвещенного деспотизма» (умственной аристократии), который в данное время не может иначе заявлять себя, как только опираясь на политическое или экономическое насилие; признавая, что путем такого порабощения масс не может быть достигнуто благосостояние и упорядочение общественной и народной жизни³;

II. что этим же путем, следовательно, не может быть достигнуто удовлетворение высших нравственных потребностей личности.

Народничество ставит во главе своей программы следующие меры, непререкаемые по существу положения:

а) Свобода умственного и нравственного развития, исключаящая всякий абсолютизм, в какой бы форме он не заявлялся.

б) Экономическая равноправность.

с) Политическая равноправность всех взрослых членов общества.

III. Признавая, что успех практического осуществления этих положений обуславливается в известный исторический момент двумя несомненно важными факторами: комбинацией исторических данных, при которых существуют народ и общество, и известным на-

строением того и другого, как выразителем назревших потребностей, – народничество, как социально-политическая фракция, выставляет следующий компромисс.

IV. Принимая за несомненное, что в данный исторический момент в русском государстве существуют только два премирующих класса: земледельцы и разночинцы (в самом широком смысле слова), оно находит, что, несмотря на существенное различие в потребностях того и другого, настроение обоих классов в данный момент таково, что, в виду некоторых общих интересов, удовлетворение потребностей обоих классов может быть, с большей или меньшей гармонией, введено в общую программу, не нарушая интересов народа в объеме современных его потребностей и гарантируя прогрессивную возможность полного торжества его интересов в будущем.

V. Общие интересы обоих классов могут быть сведены к следующим: а) свобода совести, б) личная неприкосновенность, с) свобода самоуправления, d) свобода слова, е) свобода эксплуатации всех природных богатств государства, f) право свободного образования для всех на государственный счет.

VI. Домогательство и получение этих прав имеет для обоих классов смысл и значение только в том случае, если они будут гарантированы единовременным удовлетворением специальных насущных потребностей каждого класса, а именно:

VII. Для земледельческого класса: а) потребности в земле, в количестве достаточном, при данных культурных привычках этого класса, для экономической независимости в смысле удовлетворения максимума физиологических потребностей; б) потребности в грамотности; с) в общинном управлении и владении землей.

VIII. Для класса разночинцев, как преимущественно состоящего из лиц с индивидуалистическими наклонностями, эксплуатирующих личные умственные способности: а) потребности в свободе профессионального и общего высшего образования; б) в эксплуатации личной собственности; с) в свободе сословных, профессиональных или кружковых организаций и сходов.

IX. Вышеприведенные потребности обоих классов при данных условиях могут быть удовлетворены не иначе, как только домогательством следующих общегосударственных мероприятий:

а) национализация всех земель...^{а)};

^{а)} В подлиннике пропущено слово.

- b) обязательное низшее образование на государственный счет;
- c) признание общины государственной формой землевладения для земледельческого класса;
- d) суд представителей общественной совести;
- e) высшее образование (свободное) для обоих классов на государственный счет с принятием на этот же счет всех атрибутов его, как-то: библиотек, музеев, лабораторий, пенсионных касс для заслуженных лиц общегосударственной службы, в науке и литературе;
- f) участие представителей обоих классов в общегосударственных учреждениях в форме местных и общего сборов;
- g) всеобщая амнистия для политических преступников.

Х. Все вышесказанное может быть реализовано в таких, примерно, формах:

За декретированием национализации земель допускается: а) Полная свобода передвижения населения, с предложением нуждающимся общинам свободной эксплуатации государственных земель на льготных основаниях, а частным лицам – в строго ограниченных размерах двух или трех норм. Только после такого свободного уравнения густоты населения государство приступает к отчуждению земель частных владельцев путем выкупной операции в пользу общин, пока не будет удовлетворен максимум потребности в земле соседних с частной собственностью общин. б) Отчуждение должно быть произведено не в форме «наделов» общине, а в форме мирских (общинных) аренд, без признания чьего-либо права собственности на землю. с) За удовлетворением максимума потребности в земле земледельческого рабочего класса, максимума, определяемого величиной ренты, долженствующей покрыть удовлетворение необходимых физиологических потребностей, потребности образования, все расходы по государственным, мирским и общественным потребностям, все свободные за этим земли,^{а)} существующие в личной собственности^{б)}, признаются как бы сданными в краткосрочные или долгосрочные аренды. Таков желательный минимум домогательств народника, кем бы этот минимум в данный исторический момент гарантирован ни был⁴.

^{а)} Пропуск в подлиннике.

^{б)} Пропуск в подлиннике.

От редакции газеты «Неделя»⁵

Открывая подписку на 1885 год, мы чувствуем потребность сказать по этому случаю несколько слов *pro domo sua*⁶.

В последние месяцы в публике стало складываться убеждение, что периодической печати в России предстоит утратить на некоторое время свое прежнее значение и отказаться от руководящей роли в обществе.

Хотя некоторые факты из жизни журналистики за последнее время и дают повод к подобному заключению⁷, но все-таки оно может считаться справедливым лишь отчасти.

Что роль периодической печати в России должна *измениться* — это не подлежит сомнению. В прежнее время журналистика питалась преимущественно деятельностью правительства, почерпая в ней материал для своих политических рассуждений и соображений, обсуждая «вопросы» и разрешая «задачи», выдвигавшиеся на очередь самим правительством. Хотя, говоря по правде, эти «вопросы» и «задачи» изображали собою заколдованный круг, в котором нельзя было найти ни конца, ни начала, и хотя вследствие этого газетные рассуждения оказывались в большинстве случаев переливанием из пустого в порожнее, тем не менее, они имели такой вид, как будто русская журналистика в самом деле играла *политическую* роль и имела *направляющее* значение.

В сущности это было ничто иное как самообман, и самообман тем более вредный, что под его влиянием журналистика, увлекаясь столь эффектным и вместе с тем столь нетрудным делом, как политиканство, все больше и больше уклонялась с того пути, на котором она действительно могла бы иметь (да когда-то и в самом деле имела) серьезное значение: это путь *культурного* влияния на общество.

В настоящее время перемена в судьбах русской журналистики обусловлена двумя главнейшими причинами: сокращением прежней подвижности в деятельности правительства и ограничением той свободы критики, какою пользовалась в предшествующее время (хотя и тогда в не особенно широких размерах) политическая печать.

Как ни прискорбны вообще ограничения свободы печати, но в настоящем случае в них можно найти и полезную сторону. Они, именно, должны побудит нашу печать обратить больше внимание на ее *культурную* миссию, а это, в свою очередь, не может не повлиять на

возвышение ее собственного нравственного уровня и на увеличение ее внутренней содержательности.

Что касается в частности «Недели», то она никогда не стремилась играть активной *политической* роли, ставя на первый план разработку тех *основных, культурных* задач русской жизни, которые не зависят ни от каких политических режимов, а напротив, сами, в конце концов, управляют ими. Поэтому мы тем с меньшим смущением можем смотреть вперед, и тем с большей энергией употреблять свои силы на служение действительному общественному прогрессу.

Л. Е. Оболенский

Письмо к Н. К. Михайловскому⁸

31 марта 1885 г.

Милостивый Государь Николай Константинович!

Сделав Вам в моем последнем письме вопрос о моих статьях «Что такое прогресс»⁹, я желал услышать возражения на мои возражения Вам: я не считаю себя непогрешимым и полагаю, что мог не верно понять Ваши идеи, а, желая служить *только истине*, я, естественно, желаю, где возможно, исправлять мои ошибки. Вот почему мне было важно слышать Ваше мнение о моих статьях. Вы ответили мне неожиданным обвинением меня в трех литературных оскорблениях, совершенных мною против Вас лично в течение моей литературной деятельности. Благодарю Вас за это, ибо Вы даете мне возможность, пользуясь Вашей откровенностью, самому столь же откровенно высказать Вам многое, с чем до сих пор я не решался обратиться к Вам, думая, что моя откровенность будет непрошеной. <...>

...Мне казалось и кажется теперь, что «От[ечественные] Зап[иски]» вели и привели русскую публику и особенно молодежь к крайнему пессимизму и апатии. Какая цель была у Вас, я понять не в силах, но цели своей Вы достигли и то апатичное, бездеятельное состояние общества, не верящего ни во что и бросающегося от тоски из одного омута в другой с легкостью полной беспринципности «не помнящих родства», я в значительной степени приписываю Вам, ибо странно взваливать все на «внешние условия»: внешние условия подавляют общество там, где слаб внутренний принцип или стимул;

там же, где он силен, он побеждает внешние условия, каковы бы они не были. Вы воспитывали такие принципы, которые не могли, по моему, выдержать ни малейшего напора. Мне это казалось всегда очевидным, и в моих статьях я пытался показать это, но бороться с установившимися авторитетами и корифеями нам было не под силу, нас игнорировали, плевали на нас, клеветали и инсинуировали к публике, как только можно и, если хотите, нас задавили, чтобы расчистить поле для «Нови», «Наблюдателя», «Колосьев» и т.п. фруктов того общества, которое Вами воспитано.

Все это я говорю не в укор Вам, а чтобы перейти к другому более важному обвинению. Я уже оговорился не один раз, что не считаю себя непогрешимым, но важно здесь сейчас вовсе не то, действительно ли Вы виноваты в теперешнем хаосе русского общества, — важно то, что Вы не давали говорить другим, не давали указывать на Ваши промахи. Вы были в течение целой эпохи царями положения и на Вас, естественно, падает ответственность за результаты. <...> Вы были героями дня, любимцами толпы, министрами положения и возражать Вам было столь же опасно, как и настоящим министрам. Вы имели за собой толпу и всякое слово против Вас и Ваших друзей казалось нарушением самого либерального кодекса, преступлением против самой истины и прогресса. Вы скажете, что Вы в этом не виноваты, — что такова всегда толпа с ее холопством.

Нет, Вы виноваты, ибо Вы сами развивали в толпе это холопство. Объясняли ли Вы своим последователям, что они должны разбирать по существу возражения, делаемые Вам, и не идти слепо за Вашим авторитетом, а сознательно добиваться истины? Объясняли ли Вы им, что нельзя смешивать дела с личными обидами литературных корифеев и из-за этих обид, иногда невольных, не видеть сущности вопроса? Нет, Вы не только никогда не разъясняли этого, Вы-то и развивали сами эти рабские инстинкты, Вы сами относились прокурорски ко всякому возражению против Вас и Ваших друзей и, не разбирая их по существу, вопияли, что это — против самих принципов восстают, против самой истины идут, сваливали нас в одну яму с Сувориным, Катковым¹⁰, Мещерским¹¹, инсинуировали на нас к обществу, обливали презрительными эпитетами и разве при этом Вы не понимали, что при той силе, которой Вы пользовались, Вы буквально давили нас, давили «мнение», идею, а не разбирали их и не опровергали, Вы действовали авторитетом, силой своей популярности, а не доводами. Чем же это отличается от обыкновенной цензуры? А разве

самое замалчивание не та же цензура? Что Вы нас замалчивали это еще Вы можете объяснить тем, что мы казались Вам столь ничтожными, что Вы, в самом деле, не удостаивали «заглядывать» в наши «маленькие дешевые» органы, но напр., о Спенсере нельзя же сказать этого. А между тем Вы «замолчали» его последние работы («Данные науки о Нравственности» и «Развит[ие] Пол[итических] Уч[реждений]»). У Вас ни полслова не было об этих капитальнейших его работах. Почему? Не могли же Вы его считать ничтожным противником? Ранее Вы его разбирали и даже переводили его «Обряд[овое] Учр[еждение]». Невольный вывод является у меня: простите, что замолчали Вы эти два произведения потому, что они разбивали Ваш взгляд на Спенсера, высказанный некогда, и вот Вы поступили, как и всякая власть, «изъяли их из обращения», говоря языком циркуляров, т.е. не сообщили о них десяткам тысяч Ваших читателей, отняли у них возможность узнать о появлении этих соч. на рус[ском] языке, отняли у них свободу *мыслить*, выслушав и противную сторону. А ведь это уже деспотизм, это злоупотребление той властью, которую Вас облекла публика. Я не буду приводить других примеров, чтобы доказать Вам мою мысль. Если хотите, можем об этом говорить особо; для меня важно выяснить Вам, что я видел в Вас то же, что Вы сами некогда открыли в Графе Толстом, т.е. шуйцу и десницу¹². Ваша шуйца разрушала то, что творила десница. Вы своими действиями разрушали те принципы, которые проповедовали в теории и требовали *для себя* и друзей Ваших от правительства.

А так как практика действует на толпу сильнее теории, да, кроме того, теорию-то Вам приходилось высказывать между строками и только для себя и своих, то Вы, по-моему, создали целую *школу*, целый *тип* (говоря точно) людей, праздно болтающих идолопоклонников либерализма, т.е. служащих не идее свободы, а генералам и корифеям либерализма; этот тип есть величайшее зло нашей несчастной эпохи: он считает себя в праве не делать для прогресса и идеи ровно ничего, жить как все, пользоваться всеми благами жизни, комфорта и эксплуатации, потому только, что считает себя достаточно святым уже за то одно, что либерально стучит себя в грудь и призывает к либеральным богам, распинаясь (на словах) за их жрецов и кардиналов.

И я должен к этому прибавить, что самая *теория* Ваша не была свободна от зерна, по-видимому, ничтожного, но которое должно было породить такой «фрукт». Зерно это состояло в том, что Вы везде и всегда отрицали самосовершенствование и глумились над всеми,

кто доказывал, что невозможно улучшить форм, если гнил тот материал, из которого эти формы строят, или должны выстроиться.

Ваше глумление Вы начали с Герберта Спенсера, который в своем «Изучении Социологии»¹³ пытался установить известную самокритику, доказывая, что каждый слой общества имеет свои предрассудки и пр. Вы над ним посмеялись, заметив, что он советует людям скакать через самих себя. Таким же смехом встретили Вы ту же идею, но в другом типе, – у Достоевского. Но посмотрите, что вышло из этого. Во 1^х, Вы не заметили, что сами, разбирая Спенсера, проводите ту же мысль, доказывая, что он бессознательный буржуа. Вы сами отлично там доказываете, что «положение» отражается бессознательно на взглядах. Но, отвергнув самокритику и самоусовершенствование, как первый шаг к улучшению и самых форм, Вы, с одной стороны, дали возможность Вашим последователям оправдывать свои личные безобразия тем, что «самоусовершенствование, мол, ерунда, надо формы переделать» и создали «праздно болтающих и умывающих руки в крови», а, с другой стороны, Вы и сами незаметно увлеклись своим положением любимца толпы и бессознательно пережили все фазы увлечения и злоупотребления властью.

Я не обвиняю Вас, ибо этот закон неизбежен, если отбросить самокритику и самоусовершенствование, как это Вы сделали: я обвиняю *во всем* этот принцип Ваш, эту основную ошибку Вашу, быть может, созданную в Вас тоже Вашим положением корифея. Но, отвергнув самокритику, Вы невольно стали скользить и ниже по наклонной плоскости и стали ненавидеть *чужую* критику, обзывая ее лаем из подворотни и пр., и пр., т.е. дошли до того, до чего доходили и папы, до *непогрешимости*. Простите за правду. Оцените хоть теперь по достоинству самую правдивость, если и найдете, что я ошибаюсь. Ошибка еще не есть ложь и клевета, а только недоразумение, ибо, если я и ошибаюсь, я ошибаюсь искренно, я глубоко убежден в том, что пишу Вам. Неужели мне убеждать Вас, поборника свободы слова, что есть огромная польза в открытом высказывании даже и *ошибочных* мнений и что на это не должно сердиться, а следует выяснить истину, если мнение ошибочно. Да, есть огромная польза, если люди положения выслушивают правду, какова бы она не была и принимают ее во внимание, от кого бы она не исходила, хотя бы от «маленьких», «дешевых» и т.д. органов. Такие органы, Николай Константинович, не «подворотни» и не «задворки», а нечто *иное*. Говоря правду Вам и Вашим друзьям, т.е. литературным корифеям, мы ни за

кого не прятались, за нами не было толпы, не было внешней силы престижа, мы были неизвестны, одиноки, мы рисковали, говоря Вам правду, гораздо больше, чем рисковали Вы, проводя между строками Ваш либерализм, имевший за собой толпу с генералами и министрами заправскими, с целой интеллигентной буржуазией, с тайными и действительными статскими советниками. За нами была только вера в правду, в идеалы, вера в их торжество, вера далеко не сбывшаяся, ибо мы имели на себе двойную цензуру, двойной гнет, правительственный и Ваш – либеральный, действующий почти одинаковыми средствами, а народ, за который мы говорили, нас, конечно, не знал и заступиться за нас не мог, да мы и не позволили бы ему этого, если бы он знал нас в отдельных единицах своих. Я бы мог привести еще немало доводов, но боюсь, что письмо мое разрастется в целую статью. Боюсь и того, что оно все-таки не достигнет своей цели, а цель моя была: искренно высказать мой взгляд на Ваше прошлое и его ошибки, чтобы мы лучше друг друга поняли. Это письмо есть голос человека, который признает в Вас и талант, и ум, и честность, но видит, как все это было погублено одной ложкой дегтя в бочке меда и послужило не к пользе, а к вреду того дела, которому Вы служили, и все это потому, что, отвергнув самокритику, самосовершенствование, Вы возложили все надежды на внешнюю перестройку общества из того же гнилого материала и сами запутались в сети этой ложной (по-моему) теории, сами подпали влиянию «положения», сами увлеклись властью, сами злоупотребили ею, заразившись чувствами монархов, которые в каждой критике видят не только личного, но и государственного врага.

Лучшее доказательство – Ваше письмо ко мне: ведь оно все есть обвинение меня в чем-то ужасном, чуть не в измене прогрессу и истине, а между тем оказывается, что я виноват лишь в том, что три раза в жизни обидел Вас лично, да и это оказывается несправедливым, ибо лично Вас я никогда не желал обижать и все дело в той ужасной личной щекотливости, которая развивается у людей, испытывавших обожание кружка или подданных и которые трепещут от негодования и гнева при малейшей непочтительности, как трепещет светская красавица, привыкшая к обожанию, когда кто-нибудь осмелится не обожать ее и даже замечать ее недостатки. От всей души желаю, желаю горячо, искренно, чтобы это письмо было принято Вами сердечно, чтобы Вы поняли, в чем дело, и не обвиняли меня в новых оскорблениях величества, чтобы для Вас спала с глаз эта

ужасная повязка, создаваемая обожанием толпы некритических умов и добрых, сердечных людей, но, тем не менее, холопов. Я не могу принадлежать к их числу, и за это только Вы не должны считать меня врагом. Я больше друг Вам, чем они, ибо я вижу Ваши ошибки и говорю их Вам, а они их не видят. Если я даже ошибаюсь, если этих ошибок даже вовсе нет, если мой взгляд невольно пристрастен, в силу чисто личной боли и обиды, чего я, однако, не сознаю, то и в таком случае сердиться на меня Вы не должны, ибо следует любить и уважать критику честную, искреннюю, руководимую доброй целью, добрым начинанием, честной идеей. Еще раз уверяю Вас, что никакой личной обиды против Вас не чувствую, не сознаю, и мне было бы очень горько, если бы наши отношения на этом письме и закончились, не принеся более плодотворных результатов общего служения одному добру.

Оговариваюсь, что здесь я вовсе не думал изложить всех моих разногласий с Вами; это вопрос особый; я хотел указать тот корень, чисто *личный*, из которого выросли Ваши ошибки и дальнейшие разногласия наши.

С совершенным уважением,
готовый к услугам
Л. Оболенский

Я. В. Абрамов

Правда ли, что нет дела?¹⁴

Русская жизнь представляет немало явлений, способных повергнуть наблюдателя в самое крайнее удивление. Об одном из таких явлений на днях много говорилось в нашей печати, как-то периодически, время от времени возвращающейся к обсуждению этого явления. Мы имеем в виду жалобы наших специалистов – врачей, техников, юристов и т.д. – на необеспеченность своего существования. Явление это поистине изумительно. Казалось бы где, как не в России, должны благоденствовать люди с специальным образованием, которых у нас повсюду чувствуется такой ощутительный недостаток? Сплошь и рядом у нас население округов в сотни квадратных верст лишено врачебной помощи или должно довольствоваться услугами одного зем-

ского или уездного врача, обремененного к тому же отправлением разного рода официальных обязанностей. Наши промышленные заведения сплошь и рядом ведутся и управляются людьми без всяких научных знаний, простыми самоучками; огромные площади остаются без всяких промышленных заведений, за отсутствием в населении людей, обладающих технико-промышленными знаниями. Население крайне нуждается в указаниях и советах людей, обладающих знакомством с законами, и принуждено удовлетворять этой потребности при помощи полуграмотных «аблакатов» и т.д. Не должны ли бы, при таких условиях, наши специалисты жить «как у Христа за пазухой»? А между тем «Русская Медицина»¹⁵ с горьким чувством говорит о существовании у нас «медицинского пролетариата», отмечает «вопли голодного товарищества о куске хлеба», указывает на «голодных, измученных жизнью товарищей, у которых нет обуви, ни копейки денег и куса хлеба на пропитание». «Вестник Промышленности»¹⁶ удостоверяет, что не в лучшем положении находятся инженеры и технологи, которые сплошь и рядом, вместо занятий своею специальностью, являются судебными приставами, квартальными надзирателями, писцами и даже кочегарами. Тот же журнал говорит о кандидатах юридических наук, являющихся в качестве «учителя пения, десятника при строительных работах, или просто праздного обитателя Вяземской лавры». Один юрист сочинил даже особый проект улучшения «невыносимого положения» своего сословия путем монополизации за лицами с юридическим образованием права представительства в судах всех инстанций по гражданским и уголовным делам. Наконец, газеты, перепечатывая все эти ламентации¹⁷, подтверждают, что специалистам у нас действительно «деваться некуда» и что житье их крайне плохое. Получается, таким образом, какое-то необъяснимое противоречие: с одной стороны существует крайняя нужда в образованных специалистах, а с другой – эти специалисты не находят себе дела по специальности и бедствуют. Что же это значит?

Жалобы наших образованных специалистов могут быть подведены под две категории. Одни жалуются, во-первых, что труд их оплачивается слишком ничтожным образом и, во-вторых, что они даже за ничтожное вознаграждение не находят дела по своей специальности. Разберем отдельно эти оба сорта жалоб.

«Подумайте, 15 копеек за визит, – и вы поймете весь ужас этой цифры», с пафосом восклицает «Русская Медицина». Известный публицист, г. В. В., посвятивший данному вопросу особую журнальную

статью («Отеч[ественные] Зап[иски]», 1884 г. № 2: «Капитализм и рабочая интеллигенция»), трогательно рассказывает, как иногда врачи своею конкуренциею понижают цифру земского жалования до 900 руб. Признаемся, на нас ни пафос «Русской Медицины», ни трогательность г. В. В. не производят того впечатления, на которое они рассчитаны. Девятьсот рублей годового вознаграждения в каком-нибудь уездном городишке или даже в деревне, – неужели этого недостаточно хотя бы и для «образованного человека?». Вспомните, что рядом с 900-рублевым врачом трудится другой интеллигентный работник, сельский учитель, получающий часто всего 150–200 рублей. Конечно, могут сказать, что врач, как получивший высшее образование, должен иметь преимущество пред сельским учителем, человеком, не вкусившим этого образования. С этим едва ли можно согласиться; но пусть будет так; все же расстояние между 900 и 150–200 рублей, надеемся, достаточно велико, чтобы уравновесить различие образования врача и сельского учителя. Точно так же не трогает нас и указание на 15-ти-копеечную плату за визит. Если бы врачи действительно получали такую плату, этому можно было бы только радоваться: медицинская помощь стала бы доступною всем и число обращающихся за этою помощью увеличивалось бы. Едва ли ухудшилось бы и положение врачей, благодаря увеличению пациентов: зарабатывать по 20,000 рублей в год стало бы невозможно, но жить было бы очень можно^{а)}.

Дороговизна интеллигентного труда – страшное зло, так как благодаря ей, услуги специалистов становятся недоступными большинству. Всякое удешевление этого труда может быть только приветствуемо. В самом деле, если бы гонорар земского врача с теперешних 1,300–1,500 рублей понизился до 900 рублей, – цифры, приводящей в ужас г. В. В., – это значило бы, что на ту же сумму, которая ныне тратится на медиков, их можно было бы иметь в 1 ½ раза более и в таком же размере сделать более доступною населению медицинскую помощь. Неужели это не было бы отрадным фактом, тем более отрадным, что его не могут омрачать заботы о судьбе врачей, так как

^{а)} Наглядное доказательство этого представляет умерший в прошлом году в Могилеве доктор Борхман (см. «Неделя» 1884 г. № 50), который занимался только *копеечной* практикой, в предместьях города, получая за визиты от 3 до 10 коп. (больше полтинника ему никогда никто не платил), и тем не менее, в течение 40 лет нажил каменный дом, дачу и оставил после себя капитал.

900 р. годового содержания в деревне, как мы уже заметили, странно считать недостаточным.

Обратимся теперь к другого рода жалобам. «Деваться некуда», «обнаружился значительный избыток предложения врачебного труда сравнительно с запросом на него», «мы знаем весьма почтенных товарищей, пробивающихся уроками, переводами и даже перепиской бумаг по 20 копеек за лист», — так свидетельствуют врачебные, технические и иные издания. Неправда ли, как все это странно звучит в связи с отмеченною выше нуждою России в специалистах! Остановимся для примера на врачах. Не может быть сомнения, что у нас врачебная помощь доступна разве $\frac{1}{10}$ части населения; девять же десятых лишены всякой возможности получать такую помощь. Можно ли при таких условиях говорить об «избытке предложения врачебного труда сравнительно с запросом на него»? Какой же это «избыток», когда 90 миллионов населения России ждут не дождутся медицинской помощи? Дело оказывается вовсе не в том, что для врачей нет работы по их специальности; работы, напротив, страшно много, и на нее не хватило бы всех имеющихся налицо врачебных сил, если бы они принялись за таковую. Прислушиваясь внимательнее к жалобам врачей, мы находим и разрешение загадки: оказывается, что все дело в недостатке «мест»; «избыток предложения врачебного труда» оказывается не «сравнительно с спросом на него», а сравнительно с количеством имеющихся в Российской империи казенных и земских мест с определенным окладом жалования. Все «места» действительно заполнены и вакансии открываются туго, — и вот в ожидании вакансий врачи наполняют столицы и большие города, переписывают по 20 копеек бумаги, сидят без сапог и плачутся, что им «нечего делать». Сущность дела, таким образом, зависит исключительно от общего стремления врачей упрочить свое существование «местом» с определенным жалованием и от боязни стать самостоятельно на ноги и жить приобретениями своего ремесла. — «Но жить частною практикою невозможно», заявляют врачи и указывают на бедствующих товарищей в столицах, где их скопились тысячи, и в больших городах, где их сотни и где поэтому многим из них действительно жить частною практикою нельзя. Но многомиллионная деревня, где крайняя нужда в медицинской помощи и где врачей не ожидает никакая конкуренция, оставляется ими без всякого внимания. Поселиться в деревне и жить здесь частною практикою, — об этом врачи и думать не

хотят. «Там помрешь с голоду», – категорически заявляют они. Но так ли это?

Мы оставим в стороне северную и центральную части России. По отношению к этим местностям указываются особого рода неблагоприятные условия: здесь, говорят, население так бедно, что не может оплачивать медицинской помощи; населенные пункты здесь не велики и потому, поселившись в известном пункте, врач может иметь лишь крайне ограниченную практику; что же касается больных из других поселений, то раз им придется ехать за медицинской помощью, они предпочтут воспользоваться даровым трудом земского врача. Без сомнения, значение указанных условий далеко не так исключительно, как его стараются выставить, и в северных и центральных губерниях найдутся десятки тысяч местностей, стоящих вне этих условий. Но, даже принимая приведенные возражения целиком, мы все же будем иметь еще южную и восточную части России, т.е. губернии центральные черноземные, малороссийские, юго-западные, новороссийские, нижеволжские, приуральские, Донскую область и Северный Кавказ, – местности, стоящие вне указанных неблагоприятных условий и могущие поглотить и прокормить врачебный персонал, во много раз превышающий наличное число русских врачей. Население здесь значительно зажиточнее, сплошь и рядом попадаются огромные селения в 5–10 и более тысяч жителей; площади уездов так велики, что о конкуренции земских врачей с вольнопрактикующими и речи не может быть; многие же губернии означенного района – не земские и потому здесь к услугам населения имеются только уездные врачи, которые, будучи обременены исполнением разных формальных отправлений (свидетельствование трупов, прием рекрут и т.д.), почти совсем не занимаются врачебной практикой. Таким образом, здесь все обстоятельства сложились самым благоприятным образом для врачей, которые вздумали бы заняться частною практикою в селах. Отчего же, спрашивается, их здесь нет, и почему они предпочитают голодать в столицах, сидя на 20-ти-копеечной переписке? Причины тому кроются единственно в общих свойствах нашей интеллигенции. Это – отсутствие инициативы, неуверенность в своих силах, непривычка к самостоятельности. Получать постоянное, определенное жалование куда как легче, чем зарабатывать каждый рубль отдельно, на свой собственный страх.

Без сомнения, пионерам вольно-врачебной практики в деревне не всегда будет легко. Очень может быть, что им придется понести не-

мало неудач, пока они не устроятся вполне в новом положении. Но где же, в какой профессии нет риска, нет неудач, какой путь устлан одними розами без шипов? И уж во всяком случае положение врача, поселившегося в деревне, будет несравненно лучше положения того же врача, сидящего в столице в напрасных ожиданиях вакансии, зябнущего на чердаке и голодающего на переписке бумаг.

Сказанное о врачах всецело применимо и к другим специалистам. Если агроном, техник и т.д. плачутся, что для них «нет дела», то это означает просто, что они не находят «мест». Но зачем же непременно «места»? Почему не заняться на свой собственный страх, за свой счет, и не кормиться прямо тем ремеслом, которому вы обучены? «Но для этого, скажут, нужны средства, а средства не у всех имеются, или, вернее, почти ни у кого не имеются». Но зачем же непременно средства? Зачем непременно начинать дело в широких размерах? Начните с малого, с ничтожного, начните так, как начинает простой ремесленник. Благодаря умственному развитию, научной подготовке, знакомствам, общему положению образованного человека, вы имеете все шансы на то, чтобы выйти затем из положения простого ремесленника и стать в более самостоятельное положение. «Но неужели мы для того учились, чтобы начинать свою карьеру в положении простых ремесленников?» А почему бы нет? И раз вы все равно теперь, благодаря отсутствию «мест», становитесь в положение кочегаров, или служите писцами в полицейских участках, почему положение ремесленника кажется вам таким ужасным?

Не менее неосновательны жалобы юристов. Если действительно в больших городах их теперь так много, что они отбирают друг у друга хлеб, то в глуши, в уездах, в деревне их нет совсем. А между тем, сколько пользы мог бы принести здесь честный образованный юрист, от скольких бед, лишений, разорений мог бы он избавить население, эксплуатируемое теперь разного рода невежественными хищниками — «законниками» — и все это не только без особого рода лишений для себя, а, напротив, с прямою выгодною.

Положение значительной части наших ученых специалистов действительно далеко не из блестящих. Об этом свидетельствуют красноречивые факты. Необходим выход из этого положения. Сами специалисты ищут такого выхода, но совсем не там, где нужно. Врачи борются с конкуренцией фельдшеров; юристы требуют монополизации за ними права представительства в судах; техники толкуют о монополии права занимать места, где требуются хотя бы малейшие тех-

нические знания. Такой путь и неблагодарен, и ложен. Неблагодарен потому, что всякие монополии и привилегии являются общественным злом; ложен он потому, что не может привести к цели. Представим себе, что специалистам даны все требуемые ими монополии и привилегии: что должно из этого выйти? Очистится некоторое количество мест, и может быть, что временно избыток предложения специального труда будет поглощен. Но пройдет несколько лет, число специалистов увеличится, снова «избыток предложения» не будет поглощаться «спросом», и нам снова придется слышать старые жалобы. Очевидно, нужен иной путь, и таким путем может быть только путь предложения со стороны специалистов своих услуг многомиллионной народной массе, способной поглотить без остатка труд наших специалистов, хотя бы число их увеличилось во много раз¹⁸.

В. В. Бирюкович

Вопрос о переселении интеллигенции из городских центров в деревни¹⁹

Обращаясь снова к исходному пункту пореформенной жизни, мы видим, что на дело устройства быта крестьян, предпринятое правительством, откликнулись лучшие интеллигентные силы России. Мы считаем не лишним напомнить об этом в виду тех упреков, которые сыплются со всех сторон на нашу интеллигенцию, якобы не желающую идти в деревню и делать действительное дело, а предпочитающую баклушничать по большим городам. В деревне, уверяют, существует очень сильный спрос на интеллигентный труд, а он все-таки туда не стремится. Явление это, однако, настолько сложно, что его нельзя объяснить одним упорством со стороны носителей такого труда.

Прежде всего, как мы сказали, неверно обвинение интеллигенции в неотзывчивости на живое дело. Кроме того факта, что правительство нашло в ней лучшего себе помощника при проведении реформы 19 февраля [1861 г.], можно указать еще на целый ряд фактов, доказывающих обратное. Мы видим, например, что контингент сельских учителей по образовательному уровню своему несравненно выше такого же волостных писарей или урядников, хотя последние две должности и оплачиваются значительно лучше. Когда земство организовало статистические исследования, то среди молодой интелли-

генции опять-таки нашлось достаточно людей, которые поставили это дело на вполне научную почву, выработали целую систему регистраций, и про которых нельзя сказать, чтобы они привлечены были к делу исключительно хорошим вознаграждением. Точно также и для всех других отраслей своего хозяйства земство всегда находило среди интеллигенции способных людей, привлекаемых на службу исключительно желанием со стороны их поработать для деревни.

Впрочем «Неделя», усиленно трактовавшая в конце прошлого и начале настоящего года о необходимости переселения интеллигентных работников из города в деревни, имела в виду преимущественно движение их туда по собственной инициативе, а не в качестве должностных лиц от тех или других учреждений. Совершенно справедливо с другой стороны, что разрешение этого вопроса в значительной степени тормозится выработанной привычкой у нашей интеллигенции жить непременно при каком-нибудь «месте». Созданная для удовлетворения нужды государства в интеллигентном труде, она веками приучалась смотреть на «жалование», как на единственный надежный источник существования. Русский интеллигент в этом отношении только диву дается, глядя на «немца»: придет он, понюхает кругом и, глядишь, состряпает какой-нибудь уксусный завод или что-нибудь подобное, устройство чего и стоит даже часто гроши. Масса, например, наших интеллигентных механиков сидит без дела, между тем как в южных губерниях, по заявлению крестьян, они не пользуются даже такими простыми сельскохозяйственными машинами, как молотилка, по той простой причине, что выписывать их нужно изда-лека и на авось, не будучи уверенным в пригодности доставленного, затем при всякой порче необходимо посылать за мастером за сотню верст и т.д. Все это справедливо. Но стараясь доказать, что в деревне можно работать и жить, не состоя при «местах», «Неделя» все-таки значительно увлекается противоположною крайностью, когда настаивает на том, что «интеллигентные работники должны явиться в деревню непременно в качестве вольнопрактикующих лиц, живущих своим трудом». Газета думает, что «должностное лицо может обратить свою должность в синекуру²⁰ и стать бесполезною обузой для деревни. Но вольный интеллигентный работник стоит совсем в ином положении. Его деревня будет содержать лишь в том случае, если он будет ей полезен»... Вряд ли, однако, такому дезорганизованному партизанскому труду интеллигенции можно отдать предпочтение перед организованным, если иметь в виду не только интел-

ресы интеллигентных работников, но и массы сельского населения. Газета, между прочим, указывает, что «теперь немало крестьянских детей остаются неграмотными; масса деревенского люда болеет и мрет, лишенная медицинской помощи; крестьяне при уголовных делах остаются беззащитными; в гражданских делах они делаются беспомощными жертвами плутней кулаков и крючкотворства “аблакатов”; крестьянин сплошь и рядом ведет свое хозяйство самыми рутинными способами, так как о лучших ему негде узнать, кустарь работает свои произведения с первобытными приемами, тогда как техника давно улучшила эти приемы и сделала их более производительными, во многих местностях чувствуется крайняя нужда в развитии разных технических производств, — нужда, сознаваемая населением, которое, однако, не может приступить к удовлетворению этой нужды по недостатку элементарных технических знаний».

Вот в чем заключается в общих чертах намеченная «Неделей» программа возможной работы интеллигенции в деревне. Газета в различных заметках, помещенных в период обсуждения этого вопроса, представляет и много примеров якобы успешной деятельности отдельных интеллигентных работников на этом поприще. Но вместо подобных примеров перед читателем проходит собственно целая галерея самых разнохарактерных фактов, доказывающих только, что в деревне можно удовлетворительно устроиться. Вот лесничий, осушивший, в качестве управляющего частным имением, несколько сотен десятин болота и превративший их в тучные поля и пастбища; с развитием хозяйства окрестное население нашло себе массу заработков в образцово-управляемом имении, и виновник улучшения хозяйства, лесничий, получил сверх всего прочего еще большую денежную премию и орден от правительства, которое «не осталось глухо к заслугам этого человека». Но что же собственно доказывает этот пример? В крайнем случае, то, что хорошо поставленное крупное хозяйство, при некоторых благоприятных обстоятельствах, может принести пользу и владельцу и всему населению, или же, что при хорошем поведении можно получать ордена не только в стенах департамента, каковое обстоятельство интеллигенция и должна принять к сведению и руководству. Другой пример еще курьезнее и несообразнее. Некий «очень способный юноша, великолепно окончивший курс технического училища», долго и тщетно искал места на петербургских фабриках, после чего уехал писарем в имение одного помещика на жалование в 12 руб. в месяц. В этом звании техник оставался, од-

нако, недолго и обратился сперва к кузнечному делу, а потом, в компании с одним из «зажиточных местных крестьян», устроил кирпичный завод. Он изобрел новый способ выделки кирпича, благодаря чему и на других соседних заводах дела пошли не в пример лучше и «они год от году начали богатеть»... Но успехи обоих этих интеллигентных работников не имеют, как видите, ничего общего с прямым служением крестьянским интересам. Если же говорить о работе интеллигенции исключительно на этой последней почве, то неорганизованное предложение деревне интеллигентного труда сопряжено с весьма многими неудобствами. Нельзя отрицать, что и отдельные указания специалистов на возможные способы улучшения хозяйства крестьянами могут иметь в некоторых случаях хорошие результаты, но влияние тех же специалистов, при посредстве технических и сельскохозяйственных школ, или устройство образцовых ферм, следует, во всяком случае, предпочесть. Тоже можно сказать об организации медицинской помощи для деревни, которая является гораздо более доступною для каждого, если врач не требует платы со всякого пациента отдельно.

Несомненно, что крестьянское население, для подъема своего благосостояния, очень нуждается в помощи интеллигентного труда и вообще знаний, даваемых наукою, носителем которых и является интеллигенция. Но чтобы переселение ее в деревню соединялось именно с выполнением этой последней задачи, и не послужило населению даже во вред, необходимо дать работе сельской интеллигенции соответствующую организацию, при которой помощь ее могла бы распространяться на всех, а не только на более состоятельные отдельные единицы, способные в данный момент и воспользоваться указаниями специалиста, и уплатить ему за такие указания. «Неделя» вообще газета, склонная увлекаться и в этом увлечении забывать одни свои принципы, когда она защищает другие. Обличает она, например, польских помещиков за угнетение ими крестьян и в припадке увлечения складывает дифирамбы, сменившим их отчасти, великорусским кулакам. Точно также и в обсуждении вопроса о необходимости идти интеллигенции в деревню, газета имела, прежде всего, в виду ту пользу, которую может принести интеллигентный труд крестьянскому населению. Но увлекшись развитием доказательств возможности жить и работать в деревне не безрезультатно, она ставит в образцы деятельности лесничего и техника-писаря, из которых последний просто вступил в союз с деревенскими заводчиками-кулаками, скры-

вающимися в сообщении газеты под псевдонимом «зажиточных местных крестьян». Работа в деревне далеко не безусловно может быть признана в известном смысле плодотворной, так как работать можно на различные элементы ее населения.

Если бы, таким образом, интеллигенция в настоящее время, в виду собственных интересов и перенесла свои поиски за работой и средствами к жизни из крупных центров в деревни, то она, как и указывают примеры, приведенные «Неделей», понесла бы свои знания группе наиболее состоятельных людей сельского населения, а не массе его, на союзе с которой трудно теперь построить интеллигентному работнику свое личное благополучие. Мы не спорим, что отдавая главные силы на служение состоятельным классам деревни, интеллигент мог бы «при случае» быть полезным и остальной массе, но зато в общем его деятельность скорее направлялась бы против ее интересов.

С. А. Приклонский

Интеллигенция на земской службе²¹

Я царь, я раб, я червь, я Бог
Державин

Вслед за освобождением крестьян от крепостной зависимости, в среде русского общества началось культурное движение интеллигентных сил в деревню, на помощь народу. Это движение, первоначально зародившись в передовых людях и в лучшей части молодежи, все более и более расширялось, пока не охватило собою даже самых заурядных людей и не получило, так сказать, общественную санкцию. С одной стороны интеллигентные работники, побуждаемые горячей любовью к народу, несли в деревню свой труд и знания. Тут были учителя, врачи, фельдшера, акушерки, интеллигентные землепашцы и ремесленники, исследователи народной жизни и т.д. Только молодые юристы, увлеченные адвокатской да прокурорской карьерой, не отзывались на призыв в деревню, где они могли бы принести так много пользы. Навстречу к интеллигентным работникам, отправившимся в деревню, шли земские представители, стараясь облегчить их высокую культурную задачу. Земство устраивало народные школы, больницы, фельдшерские пункты и родильные приюты, организовало статистические бюро и т.п. При таком содействии земст-

ва, интеллигентные работники приобрели прочное положение в деревне, сделались постоянными и законными обитателями ее.

С течением времени движение интеллигенции в деревню не только не ослабевало, но принимало все более и более широкие размеры. Теперь ясно, что не одна горячая любовь к народу, но и роковая нужда гонит в деревню нашу интеллигентную молодежь. Известно, что после падения крепостного права интеллигентный класс в России чрезвычайно быстро вырос численностью, благодаря обильному приходу в него новых сил из общественных классов, до той поры считавшихся некультурными. Вследствие такого чрезмерного возрастания интеллигенции, города стали тесны для нее, старинные профессии интеллигентного класса не могут более прокормить массу голодных ртов, нужда гонит вон интеллигентный излишек, заставляя его отыскивать новые места и новые средства для жизни. Масса техников, химиков и т.д., остается без занятий, не зная куда пристроиться. Реальные училища доставляют ежегодно до 1,400 человек, окончивших курс. Из них только 20 % находят себе помещение в высших специальных школах, а 75 % должны искать себе работы, соответствующей подготовке, вынесенной из школы. Между тем наиболее подходящие для этих лиц занятия на фабриках или заводах, требующие технических знаний, почти все заняты иностранцами и не более 5 % мест достаются на долю русских. А какая бездна у нас голодающих юристов, этих несчастных «кандидатов на судебные должности», в насмешку прозванных «кандидатами на голодную смерть». Еще более жаждущих занять места сельских учителей и учительниц, как ни плохо живется последним. В Вятской губернии окончившие восьмиклассный курс женской гимназии, не говоря уже о воспитанницах епархиального духовного училища и уездных прогимназий, не редко ищут место помощницы сельской учительницы, не мечтая уже, без особой протекции, попасть прямо в наставницы. Нужда так велика, что, по словам местного наблюдателя, немного найдется и таких счастливиц, которым удастся получить даже скудно вознаграждаемые места помощниц учительницы. <...>

Что касается значения и роли, какую играют в общественной жизни лица, получившие высшее университетское образование, то в провинции все их значение основывается, главным образом, на привилегии, предоставленной университетскому образованию в сфере государственной и общественной жизни. Между университетом и обществом до сих пор еще не установилось живой и тесной связи.

Общество относится с полнейшим равнодушием к судьбам университетской корпорации. Крутая перемена в жизни университетов, происшедшая вследствие введения в 1884 году нового университетского устава, не вызвала в провинциальном обществе даже минутных разговоров, — она прошла незамеченною, не заинтересовав собою никого, кроме ничтожной горсти университетских воспитанников. <...>

До последнего времени наши университеты почти не оказывали непосредственного культурного влияния на жизнь деревни и не давали деятелей в крестьянскую, рабочую среду. С душевной болью нам приходится признать факт, что университет представляется крестьянину рассадником «господ», чем-то чуждым и апатичным ему. Напр., студенческие беспорядки крестьянин объясняет всегда одинаково: «господа бунтуют», — и с радостью готов бывает поколотить «господишек», которые, глядишь, через какой-нибудь год времени, оперятся, наденут фуражки с кокардами и станут настоящими «господами». Такое отношение крестьянина к университету, конечно, очень неприятно и обидно для интеллигенции. Но что же делать, когда крестьянин видит только то, что у него перед глазами, и не в состоянии постигнуть, как прогресс в среде интеллигенции благотворно отражается на судьбе всего народа. А перед глазами у крестьянина — прокурор, судебный следователь, полицейский врач, еще кое-кто из чиновников, — вот единственные представители университетов. Нужно ли еще говорить о культурном влиянии на деревню гг. прокуроров, следователей и полицейских врачей?...

Университет и деревня, — какое странное сопоставление! У нас издавна завелся такой порядок, что дети деревни, побывав в университете, не возвращаются более к родным полям, но остаются в городе, и отсюда шлют гордый и презрительный отзыв на нужды деревни:

...Молчи бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Противен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский²².

«Сыны небес», постигшие все прелести высшей культуры, в прежнее время не имели никакой надобности оставаться в деревне, среди «бессмысленного народа», потому что в городе были к их услугам теплые места и жирные жалования. Прежде все было просто: кончил университет какой-нибудь сын небес, и сейчас наденут на него вицмундир, в котором он до гробовой доски проживет и сыто, и

безмятежно. А ныне пошло не то, – мест стало меньше, чем сынов небес... Собственно говоря, и теперь нашлось бы очень много мест, если бы дать некоторую привилегию образованию в сфере мест и жалований. Ведь у нас образовательный ценз для поступления в государственную службу очень низок и от этого наибольшая часть мест и жалований достаются на долю полуобразованных людей. Если бы образовательный ценз был повышен настолько, чтобы для вступления в государственную службу требовалось не менее как среднее образование, тогда интеллигенция не имела бы более оснований жаловаться на недостаток мест для себя. Теперь же у всей нашей интеллигенции страшное горе – нет мест. Шутка сказать, – нашим детям и братьям нечего есть, потому что нет для них мест. В довершение же несчастья, какие-то публицисты нахально предлагают нам, интеллигентным людям, не давать детям и братьям того образования, каким мы владеем, а обучать их только одним ремеслам и т.п. Обидно до глубины души... Но делать нечего: ведь недостаток мест – это факт, которого нельзя ни обойти, ни объехать.

Нет мест – и сыны небес, как мокрые вороны, опустили крылья; ведь они совсем бессильны и никуда непригодны, как скоро нет мест для них. Места для наших студентов то же самое, что замужество для кисейных барышень – цель жизни и высшее счастье. Спокон века заведено, что барышни выходят замуж, а студенты поступают на места, – и никому не приходит в голову дерзкая мысль отступить от заведенного отцами и дедами порядка, вступить на новую дорогу и создать себе обеспеченное положение иным путем, помимо «местов». А ведь можно было бы прекрасно устроиться и без мест, если бы у нас было побольше энергии да поменьше отчуждения от «бессмысленного народа».

Русские евреи издавна привыкли к торгово-промышленным занятиям, точно так же, как наши студенты привыкли к мысли, что они назначены судьбою для занятия мест; однако сумели же многие евреи бросить свои привычки и обратиться к земледельческому труду, – тяжелому и непривычному для них занятию. И заметьте, что этим трудом занялись не одно «черви земли», но и «сыны небес», интеллигентная молодежь, обладающая таким же развитием, как и отыскивающие мест кандидаты университетов. Когда евреи увидели, что многовековая эксплуатация местного населения в области торговли и промышленности привела к ужасам еврейских погромов, – в лучшей части еврейской интеллигенции зародилось стремление к образова-

нию интеллигентных поселков для занятия земледельческим трудом. Осуществлению этой мысли много способствовала начавшаяся в 1881 г. эмиграция евреев из России в Америку. Под влиянием интеллигентной молодежи, переселенцы начали заводить земледельческие колонии. Так образовались в Северной Америке русско-еврейские колонии Кремье, Канзас, Орегон и др. В 1884 году в газете «Днепр» напечатано письмо Ил. Розенталя из колонии Кремье²³. Он рассказывает, что «колонисты сделали громадные успехи за время их с лишком двухлетнего пребывания в Кремье. Холодные избушки, голодные дни, изодранное платье – вот все, чем владела большая часть колонистов всего год тому назад, об эту же пору. Но они остались верными своему принципу: “не обращаться за помощью ни к каким интересующимся колонизационным делом филантропическим обществам и комитетам”. И они восторжествовали: домик есть теперь у всякого, топлива хватит на всю зиму достаточно; в платье также нет недостатка; телят же и овец в колонии больше, чем можно съесть до следующего урожая. Одного вот только нет – денег, но это ведь песня старая и... универсальная».

Кто же создал колонию, и кто доселе остается душою земледельческой общины? – это молодежь, студенты, сверстники и товарищи тех кандидатов, которые теперь толкуются в приемных и досаждают жалобами, что нет мест. «Нельзя не удивляться кремьевцам, – рассказывает г. Розенталь, – этой группе честных, энергичных тружеников, этой массе здоровой и преданной своему раз начертанному плану молодежи. Они блестяще доказали, что молодежь – великая сила. Кто еще проявит такую замечательную способность, в каких-нибудь два с лишком года, из бледнолицего студента превратиться в мускульного фермера? Кто еще оказался в силах перенести столько лишений и недостатков во имя святого и дорогого им колонизационного дела? Они вышли победителями из, казалось, непосильной борьбы и блестящим образом доказали, что если колонизация евреев действительно возможна и осуществима, то только при преобладающем элементе молодых и здоровых сил. Последнее условие даже менее важно, так как фермерская жизнь обладает волшебным свойством превращать зеленолицего юнца в краснощекого парня».

Интеллигентность нисколько не мешает молодежи быть хорошими земледельческими работниками, а мускульный труд не заглушает высших культурных потребностей и не препятствует осуществлению их. Это прекрасно доказали интеллигентные поселенцы колонии

Кремье, которые сделались отличными работниками, нисколько не утратив интеллигентности. «Мои наблюдения, – говорит г. Розенталь, – привели меня к тому убеждению, что интеллигентный слой колонистов гораздо выносливее и трудолюбивее среднего класса, несмотря на то, что первые, кроме пера и книжки, ничего никогда в руках не держали, а последние работали уже в России. Интеллигентно-рабочие составляют $\frac{4}{5}$ колонистов Кремье, чем объясняется успех этой колонии. Здесь нередко можно услышать какую-нибудь прелестную Бетховенскую арию, звонко и мелодично раздающуюся за плугом или у колодца. По вечерам, мозолистые руки не одного кремьевца оказываются еще способными с прежней силой ударять по клавишам фортепиано, или по струнам скрипки. Как видите, тяжелый физический труд не заглушил в кремьевцах возвышенных чувств... Мы не одичали и не очерствели»...

Евреи сумели устроиться в деревне так, что, не теряя своей интеллигентности, вошли в обиход сельской, трудовой жизни. А мы до сих пор не можем этого сделать; мы заглядываем в деревню не иначе, как сынами небес, отыскивая себе и здесь мест и готовых хлебов. Мы требуем, чтобы для нас все было заранее приготовлено, чтобы места были «штатные», чтобы хлебы были обеспечены казенным или земским жалованием. Вообще все, доходящие из провинции, жалобы на излишек интеллигентных работников показывают только, что в распоряжении местной интеллигенции находится несоразмерно мало мест, обеспеченных казенным или земским жалованием. Но это отнюдь не значит, что для интеллигентного излишка не может найтись ни места, ни дела в деревне. Напротив, там дела чересчур много, а деятелей мало. Возьмем хоть бы народные школы: – ведь их так мало, что если бы все дети учебного возраста стали посещать школу, тогда к существовавшим в 1880 году 22,770 сельским училищам понадобилось бы прибавить, по одним расчетам, 246,220, а по другим – 45,846 школ. А много ли у нас врачей? У нас на 10,000 человек населения приходится врачей 1,6, тогда как во Франции 2,9, в Австрии 3,41, в Англии 6, в Италии 6,1, в Швейцарии 7, в Северо-Американских Штатах 16,24. По вычислению, сделанному одною газетою, нам недостает приблизительно 34,000 врачей. При таком громадном недостатке врачей, все-таки многие из них остаются без занятий и буквально голодают. Города переполнены врачами, отыскивающими и ненаходящими занятий по своей специальности, а в деревне чувствуется громадный недостаток врачей. На запросы деревни голодающие

в городе врачи отвечают все одною и тою же песнею: откройте для нас штатные места и назначьте нам жалованье.

До сих пор у нас университетская молодежь нашла себе только одно занятие в деревне, — земскую медицину, или иначе докторские места, созданные по старому, обычному у нас шаблону. Из людей с университетским образованием только одни земские врачи находятся в таком положении, что живут среди народа и могут оказывать некоторое доброе, культурное влияние на жизнь деревни. Но много ли из них найдется людей, всецело преданных культурной задаче и с успехом выполняющих ее в деревне? Многие ли из земских врачей сумели заслужить доверие крестьян и расположить их в пользу интеллигенции? Увы, в большинстве случаев, земские врачи — не более, как медицинские чиновники, тяготящиеся деревенскою жизнью, исполняющие свои обязанности лишь формально и мечтающие об одном, как бы скорее уехать в город. Народ не любит таких врачей и относит их к категории «господ». Вот, напр., как смотрят крестьяне на земских врачей в Александровском уезде Екатеринославской губернии. «Замечательно рассказывает местный обозреватель, — общее враждебное отношение серого люда к нашим врачам. И земцы, и не земцы одинаково недолюбливают их. Мы думаем, что виной тут отчасти сами врачи. Мы не имеем почти ни одного врача, самоотверженного труженика, преданного своему делу, ради любви к человечеству. Наши врачи, большею частью, ремесленники. Собственный покой для них дороже всего. Кроме одного врача, которого, правда, любит крестьянин за то, что он и поговорит с ним, и поохает над его болезнями, смажет больное место, когда этого хочется больному, хотя бы то и не требовалось родом болезни, — старичок, вечно возящийся с забавными проектами, добрейшее существо, но вполне безличное, — остальные врачи держат себя с серым людом слишком недоступно, слишком официально, — это “господа”. Есть среди них и усердные, знающие, честные, но они “чужие люди”, чиновники, не имеющие ничего общего с населением, подчас даже презирующие это “грубое”, “неотесанное” население».

В Александровском земстве еще служат врачами хорошие люди — «усердные, знающие, честные», а то бывают и такие земские врачи, что крестьяне предпочитают им фельдшеров. Фельдшер хоть что-нибудь сделает для крестьянина, хоть участием, если не знанием, облегчит болезнь его; врачи же, интеллигентные люди, зачастую и смотреть не хотят на крестьянина, а лечат преимущественно поме-

щиков, купцов, вообще состоятельных людей, и, получая земское жалование, только о том и думают, как бы где-нибудь сорвать с больного «трешницу» или «пятишницу». Земские врачи как будто совсем не понимают неприличие и гадость того побирушничества, которое они наивно называют «практикою». В этом отношении они вполне унаследовали взгляды своих отцов, приказных старого закала, которые, получая жалование, не брезговали «доходами» и считали «безгрешным» делом брать деньги с просителей за занятие их делами предпочтительно пред другими. Подобно этим приказным, и земские врачи, получая от купцов и помещиков «трешницы» и «пятишницы», обыкновенно лечат их предпочтительно пред крестьянами и часто в своем усердии заходят так далеко, что крестьяне совсем остаются без медицинской помощи. <...>

Вне сферы мест и жалований, университет не дает деревне ничего, не поставляет деятелей в народ, в крестьянскую массу. Людей с высшим образованием и обширно развитыми потребностями страшит деревенская жизнь с ее нуждою, грубым невежеством, скукою, всевозможными лишениями. И действительно, положение интеллигентных пионеров в деревне очень тяжело и требует массы энергии, здоровья, труда, а главное – самоотверженной любви к народу. Не всякий способен на такой высокий, святой подвиг любви, чтобы на своих плечах вынести весь крестный труд интеллигентного почина в деревне и своими, облитыми потом и кровью, ногами проторить путь в деревню интеллигентным братьям. Слабых людей страшит этот подвиг. Он тем более ужасен, что даже на проторенной давно дороге интеллигентные люди в деревне, например, учителя, фельдшера и т.д., – встречают массу труда, лишений, страданий, оскорблений. Но зато, на мрачном фоне деревенской картины, в каком светлом, лучезарном ореоле выступает прекрасный образ интеллигентного труженика, хотя бы, например, скромной сельской учительницы!.. Но не университеты дали народу этих просветителей, этих славных сеятелей знаний на ниву народную, этих людей, которыми наш век и наш народ могут гордиться пред человечеством.

Посмотрим, прежде всего, какие бесконечные мытарства должен пройти человек, обладающий известным образовательным цензом, прежде чем получит доступ к занятиям в народной школе. Для этого мы возьмем порядки, существующие в Саратовской губернии. Желающий быть учителем сначала должен снискать расположение попечителя школы и заручиться его письменной рекомендацией. После

этого подается прошение в исполнительную училищную комиссию, которая, рассмотрев документы, допускает или не допускает до пробных уроков. Так как на одно учительское место подается десяток прошений, то конкуренты должны доказать на пробных уроках свои способности к преподаванию. Лица, с успехом выдержавшие это испытание, должны ожидать утверждения в должности учителя, по соглашению училищного совета и инспектора народных училищ. При этом необходимо представить инспектору свидетельство о благонадежности. Наконец инспектор утверждает, и, казалось бы, делу конец. Но и тут встречается помеха. Случается так, что исполнительная комиссия назначила кого-нибудь учителем в одну школу, а инспектор определил его в другую: подчинившись определению исполнительной комиссии, он может лишиться санкции инспектора; если же исполнить волю последнего, то останется без жалования, так как исполнительная комиссия не признает его состоящим на службе. Неправда ли, ведь легче в Китае сделаться мандарином первой степени, чем у нас стать народным учителем!

Из-за чего же люди бьются? Каких обширных прав, каких щедрых и богатых милостей они добиваются путем всех этих мытарств? Оказывается, что они такую высокой ценою приобретают право голодать на земский счет. Голодовка интеллигентных тружеников, состоящих на земской службе, сделалась самым обыкновенным и чуть не повсеместным явлением. Например, в Ялтинском уездном земстве, Таврической губернии, некоторые учителя и фельдшера, по году и более не получают ни копейки квартирных. Нижнедевицкое земство, Воронежской губернии, не выдавало учителям жалования целых 8 месяцев подряд. По словам местного обывателя, учителя сначала голодали и осаждали земскую управу просьбами о выдачи жалования; потом голодали и осаждали просьбами о выдачи, по крайней мере, ручательства на соответствующую жалованию сумму, чтобы получить кредит у лавочников; далее голодали, получивши эти ручательства, так как торговцы неохотно открывали по ним кредит и брали втридорога. Наконец получили жалование и остались опять голодать, так как земство опять два месяца не выдает денег. <...>

Заброшенный в деревенскую глушь, учитель со всех сторон подвергается притеснениям, обидам, всевозможным неприятностям. Во всяком он должен заискивать, пред всеми ломать шапку. И священник, и волостной старшина с писарем, и местный помещик, и деревенский кулак – все считают себя в некотором роде начальством учи-

теля. И беда, если он не поладит с ними, если возбудит гнев этих сильных людей деревни. Вот, например, в Кирилловском уезде, Новгородской губернии, один учитель чуть только не поладил с старшиною, как тот приказал не пускать его в общественную баню; а когда учитель, вопреки запрещению старшины, пошел мыться в баню, — старшина подал на него жалобу в суд. Другой учитель не поладил с помещиком, — за что последний не позволил учителю убирать хлеб, посеянный учителем на арендованной земле. Мало того, помещик затеял целый поход на учителя, стараясь очернить его перед крестьянами и уговаривая их не посылать детей в школу, так что школа едва не распалась. Третий учитель был скромный и трезвый, совсем не товарищ пьянице-старшине. По этой причине старшина морил голодом учителя с семьею, не выдавая ему жалования из волостных сумм по 7–8 месяцев. Одного учителя выжил из училища мировой судья за то, что тот писал крестьянам жалобы в съезд на его решения. На другого учителя местный священник подал шесть ложных доносов училищному и другому начальству. В Сердобском уезде Саратовской губернии, попечитель сельской школы, разобидевшись на учителя за то, что тот отказался заниматься по вечерам с его детьми, донес училищному совету, что учитель дурно относится к школе и не исполняет своих обязанностей. Училищный совет уволил учителя, не удостоверившись в справедливости сообщения и не спросив даже мнения инспектора народных училищ насчет педагогической деятельности учителя. В Яранском уезде, Вятской губернии, один местный кулак, состоящий под надзором полиции по подозрению в делании фальшивых кредитных билетов, распространяет слухи, что уряднику поручено следить не за ним, а за учителем, который, мол, «и креста не носит, и Богу не молится». В Уржумском уезде, той же губернии, сельский кабатчик Милютин, состоящий уездным земским гласным, предложил земству бесплатное помещение для школы с тем, чтобы был уволен учитель из местных крестьян, прослуживший 14 лет в школе и имеющий в том же селе крестьянское хозяйство. Причина недовольствия кабатчика кроется в том, что учитель пользуется особым доверием и уважением крестьян, которые избрали его кандидатом волостного старшины, учетчиком и казначеем церковного попечительства. Нет ничего мудреного, что многие учителя падают в такой непосильной борьбе, излениваются, запивают, или вовсе бросают службу. <...>

Все темные силы, свившие гнездо в деревне и находящие себе опору в народном невежестве, с озлоблением встречают интелли-

гентных людей, как злейших своих врагов, и стараются выжить их из крестьянского мира. И каким опасностям подвергаются интеллигентные пионеры в борьбе с представителями сельского невежества! Например, в 1883 году, на одном хуторе, близ Херсона, у крестьянина пропали 100 рублей. Он обратился к знахарке, которая указала ему на учительницу, как на воровку, желая унизить ее в глазах хуторян за то, что учительница подрывала авторитет знахарки. Крестьянин потребовал, чтобы учительница возвратила деньги. Когда та отказалась, он собрал свою родню, и вот целая ватага крестьян схватила учительницу и потащила ее на кладбище. Здесь ее привязали к кресту за руки, ноги и горло, и начали клещами вытягивать язык, принуждая сказать, где украдены деньги. К счастью, бедная женщина успела криком созвать народ, который отнял ее у разъяренной толпы.

Сельские учителя и учительницы безнаказанно подвергаются самым грубым оскорблениям и насилиям, потому что их общественное положение доселе еще не определилось. Они представляют такое новое явление в сельской жизни, которого никак не могут хорошенько понять коренные обитатели деревни. С одной стороны, учителя и учительницы представляются как бы отпрысками привилегированного класса, а с другой – это парии²⁴, которых привилегированные люди деревни не считают своими, но гонят и травят на каждом шагу. «В самом деле, что такое учительница?» – спрашивает «Орловский Листок». «По мнению многих, она нечто среднее между чернью непросвещенною и салопницею²⁵ 14-го класса, – но салопницы сами считают себя гораздо выше их. Положение ее в обществе похоже на зайца, которого можно травить, когда, где и как угодно. Начальства у них столько же, сколько и у мужика, и большинство этого начальства претендует на право задавать распекации. Занятия учительниц громадны, – говорим о большинстве; это – мученицы, и если бы они не увлекались ребятишками, которых учат и любят, то их труд можно бы сравнить разве с каторжной работой». <...>

Гибнут в деревне интеллигентные труженики и от чахотки, и от тифа, и от множества всевозможных эпидемий, которые свободно разгуливают среди сельского населения; гибнут они от нужды, горя, преследований, от «жестоких нравов» и т.д. Но на место погибших братьев идут в деревню новые и новые толпы интеллигентных тружеников с отвагою в душе и бесконечною в сердце любовью к народу, – идут за тем, чтобы продолжать подвиг погибших, исполнять завещанную ими культурную задачу и, подобно им, сложить свои го-

ловы для блага народного. Да и как же не любить этот прекрасный народ, который мог создать светлый, чудный тип сельской учительницы, и который то и дело проявляет так много любви, самопожертвования, способности увлекаться идеей до фанатизма, до пожертвования самою жизнью! Мы верим, что, во имя этой любви, придут в деревню к народу врачи, агрономы, механики, юристы и т.д., как пришли уже учителя, и призовут они народ к обновленной жизни. В ожидании же этого, русскому обществу не мешает оглянуться на себя и подумать, как бы облегчить тернистый путь интеллигентных тружеников в деревне, скрасить их невеселую жизнь, облегчить их культурный подвиг, устранить излишнюю трату сил и под старость обеспечить их от голодной смерти на улице...

Да, много положено тяжелого труда, велики жертвы интеллигенции, посвятившей себя культурной деятельности в деревне, среди народа. Жизнь в деревне представляет так мало удобств и радостей, что многим оказался не по силам этот подвиг и они возвратились из деревни в прежнюю среду утомленные, разочарованные и в собственных силах, и в пользе того дела, которому недавно так беззаветно отдавались. Возвратясь в интеллигентное общество, они распространили в нем мысль, будто, при существующих условиях интеллигентная деятельность в деревне совершенно бесплодна и почти невозможна. Нужно, — говорили они, — сначала создать новые, благоприятные условия для деятельности интеллигентных сил в деревне, а раньше там нечего делать. И вот отсюда-то ведет свое начало крайне вредное и несимпатичное направление в сфере общественной мысли, ограничивающее свое мирозерцание одними интересами интеллигенции. Если, — говорят, — наличные условия не благоприятствуют плодотворной деятельности в деревне, то незачем и пробивать лбом стену, а нужно направить все усилия на преследование исключительно интересов интеллигенции. Когда эти интересы будут достигнуты, тогда интеллигенция получит полный простор для культурного воздействия на народ, и вот тут-то милости просим в деревню.

Совершенно верно, что деревня представляет множество неблагоприятных условий для культурной деятельности в ней интеллигентных сил. Но ведь не будь таких условий, тогда она была бы раем для интеллигенции, местом отдохновения и покоя для всех белоручек. Тогда интеллигентный лежебок лениво дремал бы под сенью густолиственных кленов, в рот к нему сыпались бы с неба галушки, а вокруг него так и кипела бы сама собою культурная работа. Все это

прекрасно, но только в подобном райском препровождении времени нет никакого подвига и заслуги. Величие подвига наших интеллигентных пионеров в деревне заключается именно в том, что им приходится вести тяжелую борьбу с неблагоприятными условиями. И эта борьба – совсем не напрасная, бесплодная трата сил, но великий, плодотворный труд. Результаты интеллигентной деятельности в деревне успели уже настолько выясниться, что мы и теперь можем фактами доказать ошибочность мнения, будто при существующих неблагоприятных условиях культурная деятельность интеллигенции в деревне есть бесплодная трата сил. Напротив, эта деятельность успела принести осязательные плоды: пробужденная и обновленная ею деревенская жизнь предъявляет все новые и новые запросы к интеллигенции, требует дальнейшего развития ее деятельности, не дожидаясь того времени, когда интеллигенция устранит все неблагоприятные условия и создаст для себя рай на земле.

Возьмем скромную работу интеллигентного человека в роли сельского учителя. Разве это бесплодный труд, когда мы то и дело встречаемся с новыми, небывалыми прежде проявлениями умственной жизни в народе, вызванными деятельностью сельского учителя? Ведь грамотность, которую дает школа, есть только первый и весьма важный шаг в процессе умственного развития, который быстро и безостановочно идет вперед под влиянием толчка, данного школою. «Выучившись грамоте, – говорит один наблюдатель народной жизни из Ямполья, Подольской губернии, – крестьянин не довольствуется процессом чтения, но старается извлеченные из книг знания прилагать к практической жизни. Это – многообещающая черта в простом народе; нельзя не пожалеть при этом об отсутствии книг для народа в селах».

Сельская школа вызвала в народе жажду знаний, проявляющуюся в виде потребности в чтении. Народ обращается к интеллигенции с настойчивым запросом: вы научили меня грамоте, так дайте же теперь мне книги для чтения. И вот рядом с сельскою школою возникает новое учреждение – народная библиотека.

Из глубоко интересных исследований известного земского статистика В. И. Орлова²⁶ мы узнаем, что из 554 сельских школ Московской губернии при 187 школах есть маленькие библиотеки. Что это за библиотеки можно судить по тому, что стоимость книг в каждом из них простирается на сумму от 5 до 50 руб. и только 30 библиотек по цене книг стоят дороже. Они состоят из самых дешевых изданий, предназначенных для детского чтения и только отчасти для взрос-

лых. По числу книг 127 библиотек принадлежат к разряду скудных, имеющих менее 100 книг; только 60 библиотек имеют свыше 100 книг, в том числе в двадцати находится более 200 книг.

Вот эти-то скудные библиотеки и послужили статистическому отделению московской губернской земской управы поводом обратиться к сельским учителям, между прочим, с вопросом о том, существует ли среди сельского населения потребность в чтении книг? Всего было получено до 400 ответов, из которых только в 30 указывается на полное равнодушие населения к чтению; во всех же остальных, по словам г. Орлова, *«почти буквально повторяется одно и то же: население стремится к чтению; обращаются в школу за книгами; читают даже учебники, если нет других книг»*, и т.д. Из приводимых г. Орловым, наиболее характерных отзывов сельских учителей видно, что «взрослые крестьяне и окончившие курс ученики просто осаждают просьбами книг для чтения», а, по словам другого учителя, «даже очень обижаются» тем, что нечего читать им. Крестьяне «нередко просят указаний какие книги купить. За отсутствием других книг, берут учебники и прописи». Дети берут из школы книги, «которые, обыкновенно, читают в своих семьях вслух». По словам одной учительницы, «семьи детей слушали чтение некоторых книг с удовольствием и просили детей приносить еще». В д. Юрлове, Московского уезда, где население занимается кустарным производством мебели, «в местных мастерских устраиваются по вечерам общие чтения, на которых читаются книги религиозного содержания, сказки и повести разного рода». Один учитель говорит, что «если бы обложить желающих читать известной платой, в размере, например, 20–30 копеек в год, то многие бы изъявили желание платить, лишь бы получить книги для чтения». При другом училище «библиотека приобретена учителем по подписке среди местного населения в память в Бозе почившего Государя Императора Александра Николаевича. Всего имеется до 200 книг, которые читаются с охотой, как учениками, так и прочим грамотным населением».

Из приведенных сведений видно, что в Московской губернии народные библиотеки поставлены весьма дурно: народ требует чтения, а читать ему нечего; библиотек или совсем нет, или если есть, то крайне скудные и мизерные. Но есть земства, которые очень заботливо относятся к устройству народных библиотек. Вот здесь-то мы можем получить более точные, чем голословные показания учителей, сведения о том, насколько сильно распространена в народе

потребность в чтении. Так, например, в Херсонском уезде из народных библиотек, устроенных при 34 школах, в 1883 году было взято 18,000 книг для чтения. Указывая на этот знаменательный факт, местная газета совершенно справедливо замечает, что «если в 34 деревнях была прочитана такая, сравнительно почтенная, масса книг, то легко придти к тому заключению, что вообще в народе уже существует довольно солидная потребность в чтении книг и что потребность эта, к несчастью, остается неудовлетворенной, или удовлетворяется разным суррогатом в виде книжного хлама, которым благодетели рода человеческого, московские книжных дел мастера, наводят всю Россию».

Народные библиотеки составляют новое, непривычное дело в крестьянском быту. В иных местах даже известие об открытии библиотеки не успело хорошенько распространиться, а тем более население не успело приобрести привычку брать из них книги для чтения. Казалось бы, при таких условиях, деятельность народных библиотек, в первое время по открытии их, должна быть незаметна и ничтожна. Между тем нас поражает сильный успех библиотек, обнаруживающийся тотчас по открытии их в деревнях. Напр., земство Екатеринбургского уезда, Пермской губернии, в конце 1883 года открыло семь народных библиотек, причем на каждую из них было отпущено по 300 р. О деятельности трех из этих библиотек мы имеем следующие сведения за первые три месяца их существования, с 18-го декабря 1883 года по 18-е марта 1884 года. В библиотеке, состоящей при с. Коневском, с зажиточным населением, занимающимся единственно хлебопашеством, было читателей 64 человека, которыми взяты 562 книги, в том числе 246 книг религиозно-нравственного содержания. <...> Из библиотеки при шайтанском чугуноплавильном и железоделательном заводе, имеющем население, почти не занимающееся хлебопашеством, а живущее исключительно заводскими работами, пользовались книгами 135 человек, которыми взято 1,712 книг, в том числе 252 религиозно-нравственного содержания. Открытие народных библиотек в селах Екатеринбургского уезда произвело сильное впечатление на жителей окрестных селений, которые стали высказывать желание, чтобы и у них были устроены библиотеки. Так, весной 1884 года, после экзамена в коневской народной школе, к производившему экзамен члену учительского совета подошел один крестьянин из соседнего села с просьбою исходатайствовать в земстве, чтобы и в их селении была открыта библиотека, причем он пожертвовал

15 руб. Присутствовавший тут же местный священник поддержал просьбу крестьянина, добавив от себя, что и прочие жители села не откажутся от участия в подписке на библиотеку. <...>

Весьма точные и обстоятельные исследования, произведенные Корфом²⁷, показывают, что большинство книг, обращающихся в народе, принадлежит к духовной литературе. У многих из допрошенных им грамотных крестьян не оказалось ни одной книги, кроме молитвенника <...>. В одном селении, например, на 114 грамотных у 106 оказались книги, но из них только 12 имели книги не духовного содержания. <...>

...Из произведений классических писателей народу нравятся повести и рассказы Григоровича, «Тарас Бульба» и «Вечера на хуторе» Гоголя, «Капитанская дочка» и сказки Пушкина, «Князь Серебряный» А. Толстого, рассказы Л. Н. Толстого, стихотворения Кольцова и Некрасова. <...>

Но хорошие книги составляют редкость в деревне. Больше всего в народе обращаются пустые, глупые и даже вредные книги. Виною такого печального явления служат крайне дурная постановка у нас издательского и книгопродавческого дела. <...> Небольшая кучка московских купцов, а, главным образом, купец Сытин²⁸, захватили в свои руки всю торговлю народными книгами. Никакая конкуренция с ними невозможна, вследствие особенностей в организации их торговли. Они распространяют книги в народе при посредстве бесчисленного множества ходящих, из которых каждый берет у них товар в кредит и потом торгует самостоятельно, разнося книги по деревням. <...>

...В последнее время, хотя сделаны попытки издания и распространения в народе хороших дешевых книг (таковы издания В. Н. Маркуева²⁹ и фирмы «Посредник»³⁰), но они долго еще не в состоянии будут вытеснить из деревни безграмотные издания Сытина. Только рационально поставленная народная школа, сельские библиотеки и земские книжные склады в состоянии вызвать в народе потребность в хороших книгах и облегчить способы приобретения их, или, иными словами, изгнать из деревни сытинские издания и открыть доступ туда для дельных и полезных книг. <...>

Кроме устройства народных библиотек, нашим земствам следовало бы позаботиться также об облегчении для сельской интеллигенции способов приобретать книги для чтения. Помещики, священники, учителя, врачи, фельдшера и проч. – все жалуются, что жизнь в деревне тем и невыносима, главным образом, что там совсем нечего

читать. Оставаясь без книг и журналов, они чувствуют себя совсем разобщенными от интересов интеллигентного общества. Таким образом, мало-помалу, прекращается то живое и благотворное влияние, какое оказывают на отдельных личностей высшие интересы интеллигентной среды. Превратившаяся в преследование культурных целей, не встречая необходимой поддержки и возбуждения, скоро ослабевает, падает и сменяется позорной апатией. Даже очень хорошие люди, проживши долгое время в деревенской глуши без книг и интеллигентного общества, глупеют, опошляются и начинают всецело увлекаться интересами низшего порядка. В виду этого, для поддержания в сельской интеллигенции интересов высшего порядка, к ней должны придти на помощь земства, облегчая способ получения книг и журналов для чтения посредством учреждения уездных земских летучих библиотек. Для этого требуется не только учредить библиотеки, которые, впрочем, и теперь существуют при некоторых земских управах, но, – что всего важнее, – нужно организовать правильную, срочную пересылку книг из этих библиотек в деревни. <...>

Одним словом, оставаясь даже в той весьма ограниченной сфере, которой мы выше коснулись, деревня представляет для интеллигентного человека – массу нового, живого и плодотворного труда. Народу нужны сельские библиотеки, нужны книги, приуроченные к его потребностям, нужна газета и т.д., и т.п. Неужели, положив руку на сердце, можно сказать, что, при существующих условиях, ничего этого мы не сможем сделать? Нет, может быть, теперь не так легко это сделать, или нельзя сделать в очень широких размерах, или невозможно устроить так, как бы хотелось, но, во всяком случае, интеллигентный человек может с пользою потрудиться для развития народа, даже при существующих условиях. Если же есть возможность делать полезное для народа дело, то и нечего, сложа руки, ждать той благодатной опоры, когда водворится на земле какой-то интеллигентный рай. Пусть же учитель работает в сельской школе, не откладывая дела до тех пор, когда пригласят его занять кафедру в будущем мужицком университете. Пусть врач лечит мужиков, не отлынивая от черной, деревенской работы на том основании, что при существующих экономических условиях, мужик не может вести образ жизни, соответствующий требованиям гигиены. Пусть юрист защищает от неправды, не откладывая защиты до нового правового порядка.

В настоящее время интеллигентный человек появляется в деревне случайно, живет здесь по найму от земства и неведомо куда исчезает,

как скоро земству угодно будет уволить его от службы или перевести в другое место. Оттого и связь между интеллигентным человеком и деревенским людом весьма слабая, чисто случайная, то и дело обрывающаяся. Между тем, серый деревенский люд крайне нуждается в интеллигентном элементе, который бы вошел в него, ассимилировался с ним. Недостаточно того, что интеллигентный человек поселяется в деревне и отдается какому-нибудь полезному занятию; он все-таки в большинстве случаев, остается среди сельского люда чужим человеком. Нет, нужно, чтобы он вполне вошел в жизнь деревни, сроднился с нею, сделался там своим человеком.

В деревне такая масса дела и так велик недостаток в людях, что куда ни оглянешься, за что ни возьмешься, везде сказывается отсутствие своего, деревенского, интеллигентного человека. От сохи и косы до волостного и земского управления, везде отсутствие этого дорого интеллигентного элемента служит тормозом для прогрессивного развития народной жизни. В особенности народ нуждается в интеллигентных представителях в сфере земской деятельности. В настоящее время интересы деревни и мужика только иногда и отчасти удовлетворяются земством, да если это и случается, то не бывает результатом разумной и осмысленной деятельности крестьянских представителей. Нет, чуждые крестьянству общественные партии, находясь в борьбе между собою из-за земской власти, часто бывают вынуждены делать уступки крестьянам, чтобы этим путем привлечь их на свою сторону. Вот каким путем достигнуто все, что было сделано земством в пользу народа. Собственно народные интересы до сих пор не выяснены и самостоятельно не представлены в земстве. Одною из главных причин этого, без сомнения, служит отсутствие интеллигентного элемента в крестьянской среде, вследствие чего крестьянскими представителям в земстве являются или люди чуждые крестьянству, или те несчастные гласные-крестьяне, которые на земских собраниях не сумеют слова сказать и с трудом понимают, что происходит вокруг них. Жалкую картину представляют из себя эти крестьяне-гласные, когда они сидят в собрании рядом с интеллигентными представителями других классов. Между тем заменить их интеллигентными людьми, способными отстаивать народные интересы, невозможно, пока в деревне, в крестьянской рабочей среде, не явятся такие люди и не ассимилируются с народом до такой степени, что народные интересы сделаются их собственными, личными интересами. Без этого условия интеллигентный человек едва ли может быть

истинным народным представителем. Между тем ассимилироваться с народом нельзя до тех пор, пока интеллигентные люди будут отыскивать себе деятельность исключительно в сфере мест и жалований, отказываясь от мускульного труда в деревне, заодно с народом. Много, бесконечно много труда впереди предстоит нашей интеллигенции. Будучи «солью земли», она может в этом трудовом процессе или кристаллизироваться, как соль, в особый общественный класс, замкнутый в сфере мест и жалований, или, как та же соль в воде, раствориться в народной массе, насытив ее своим соляным раствором. Вот два пути... Какой-то из них изберет себе наша интеллигенция?...

Я. В. Абрамов

Наш капитализм³¹

Еще не так давно многие были убеждены, что в России невозможно капиталистическое производство, что некоторые незначительные проявления капиталистических порядков имеют место у нас лишь благодаря чисто внешней поддержке, что с устранением этой поддержки падает и капиталистическое производство. В подтверждение этих положений ссылались обыкновенно на то, что, несмотря на внешнюю поддержку, наш капитализм развивается слишком малоуспешно и представляет собою столь слабое создание, что не может выдержать самонаименьшей заграничной конкуренции.

В этих утверждениях была известная доля правды. Нет сомнения, что наш капитализм пользовался и пользуется излишне искусственной поддержкою, которая ускоряла его победу над разрозненным мелким производителем. Правда и то, что наш капитализм еще настолько не оперился, что не может с успехом выдерживать свободной конкуренции с более сильною капиталистическою промышленностью Запада. Но, как и всегда бывает при увлечениях какою-либо теориею, особенно если эта теория отвечает задушевным желанием увлекающихся, пределы истины были перейдены, — и из естественной слабости молодого детища, нашего капитализма, сравнительно с его более зрелыми западноевропейскими собратьями, было сделано заключение о невозможности самого водворения капитализма в России. Много было притуплено перьев в спорах об этом предмете, много потрачено ума и энергии. А самый капитализм под шумок этих споров продолжал расти и развиваться. Мелкий производитель, кото-

рого противопоставляли капитализму, будучи предоставлен в жертву «естественному ходу вещей», все более и более уступал место капиталистическому производству. Происходящий в широких размерах процесс «освобождения крестьянина от земли» как нельзя более содействует росту капиталистического производства, освобождая необходимые для него свободные рабочие руки. Недостаток накопленных капиталов пополнялся и пополняется капиталами, нахлынувшими из заграницы, где в них оказывается избыток. Словом, у нас повторились и повторяются все те же самые детали развития капитализма, которые имели место и в каждой стране, признанной уже, несомненно, капиталистическою.

Недавно опубликованные данные о нашей промышленности показывают, что капитализм составляет в России уже в настоящее время явление весьма нешуточное. Именно оказывается, что, не считая Финляндии, Кавказа, Сибири и Средней Азии, наша крупная промышленность занимает около миллиона рабочих рук. Если же сюда присоединить рабочих указанных окраин, то цифра эта должна будет значительно увеличиться. Кроме того, в счет не вошли рабочие, работающие в горной промышленности, лесопромышленности, рыбопромышленности, в ремесленной промышленности, в которой капиталистические мастерские занимают весьма видное место, и т.д. Из массы кустарей также несколько сот тысяч человек носят только одно название кустарей, в сущности, являясь наемными фабрично-заводскими рабочими, лишь работающими вне фабрик и заводов. Кроме того, надо иметь в виду, что кроме рабочих, занятых непосредственно в самом крупном производстве, капиталистическая промышленность занимает массу побочных рабочих по доставке сырья, отправке продуктов производства и торговле ими. Далее идут крупные капиталистические предприятия в области транспорта – железные дороги, конно-железные линии, судоходные предприятия и т.д. Наконец крупное производство приобретает все большее и большее значение и в области сельского хозяйства. Относительно последнего пункта среди наших публицистов существуют весьма значительные сомнения. Крупное сельское хозяйство признается у нас почти несуществующим, причем в подтверждение этого приводятся избитые анекдоты о помещичьем хозяйничанье с одной стороны и статистические данные о частном землевладении центральных губерний – с другой. Но ссылка на анекдоты имеет лишь ретроспективное значение, так как самые анекдоты почти исключительно относятся к бога-

тому курьезами послереформенному времени. Состав наших землевладельцев настоящего времени в значительной мере уже не таков, каким он был тотчас после уничтожения крепостного труда: значительная часть их приспособилась к настоящим условиям действительности, а те, кто не умел приспособиться, в большинстве уступили место другим. Громадное передвижение частной земельной собственности, начавшееся после 19-го февраля 1861 г. и далеко не закончившееся доселе, не может пройти бесследно; в области частного землевладения идет усиленный процесс «подбора». Что же касается приема, доказывающего отсутствие у нас крупного земледельческого хозяйства ссылками на статистические данные о частном землевладении центральных губерний, то он потому и не годится никуда, что ограничивается лишь центральными губерниями, на чахлой почве которых может кое-как вестись хозяйство почти исключительно лишь при условии непринимания в расчет стоимости затрачиваемого труда, как это и делают местные крестьяне. Совсем иное говорят данные, относящиеся к черноземным губерниям. Здесь крупное хозяйство играет роль, и чем далее на юг и восток, тем эта роль сильнее. Чтобы раз навсегда избавиться от неосновательного убеждения в том, что у нас крупное хозяйство «не существует», стоит только побывать на одном из южнорусских рынков летних полевых рабочих, где местные хозяева нанимают в один день иногда десятки тысяч рабочих рук: такой опыт в состоянии отрезвить самого пылкого фантазера. Капитал не то, что крестьянский труд, привязанный тысячами условий к определенному пункту; капитал идет туда, где он находит более выгодное применение. Естественно поэтому, что развитие капиталистического производства в области сельского хозяйства началось у нас с юга и востока, и нет сомнения, что с накоплением капиталов капиталистическое производство проникнет и во внутренние губернии.

Если теперь мы примем во внимание все сказанное, а также то, что каждый занятый в крупном производстве рабочий содержит большее или меньшее число лиц нерабочего населения, то увидим, что уже в настоящее время весьма значительная часть населения России находится в полной зависимости от капиталистического производства в смысле приобретения средств к жизни. Как именно велика эта часть населения России, судить об этом нет данных, так как более или менее точные данные имеются лишь относительно фабрично-заводской промышленности, да и то не для всего пространства России, как это мы видели выше. Но все вышесказанное заставляет ду-

мать, что часть населения, поставленная в зависимость от капиталистического производства, весьма и весьма немала, — и, во всяком случае, рассуждения о том, что в России почти все население живет трудом за собственный счет, должны быть сданы в архив.

Признание факта водворения у нас капитализма должно изменить и самое отношение к вопросу. Пора перестать бесплодно рассуждать о невозможности укрепления капиталистических порядков в нашем отечестве и обратить все внимание на то, чтобы возможно более оградить население от печальных сторон этих порядков. В этом отношении у нас сделано кое-что лишь в области фабрично-заводской промышленности, но и здесь сделана лишь небольшая часть того, что должно быть сделано. Что же касается других отраслей крупной промышленности, то здесь капиталу предоставлена пока полная свобода в деле эксплуатации рабочей силы. Достаточно указать на то, что положение железнодорожных рабочих и служащих, составляющих в настоящее время по своей численности настоящую армию, решительно ничем не регулировано. Здесь открывается широкое поле для работ исследователей наших экономических отношений, и они, без сомнения, принесут на этом поприще несравненно более пользы, нежели занимаясь прорицаниями о предстоящей будто бы гибели нашего капитализма.

В. С. Пругавин

К вопросу об общественных запашках³²

Одним из наиболее спорных и наименее выясненных вопросов нашего народного хозяйства является вопрос о так называемых общественных запашках. И в обществе, и в литературе по отношению к этому предмету установились два диаметрально противоположных мнения: одни придают громадное значение общественным запашкам, рассматривают их, как одно из проявлений обычной склонности русского крестьянина к коллективной, солидарной деятельности и видят в них лучшее средство для надлежащего разрешения вопроса о народном продовольствии. Другие относятся к общественным запашкам совершенно отрицательно и, ссылаясь на крестьянское малоземелье, на искусственность самого учреждения, вызванного к жизни инициативой сторонних влияний и т.п., категорически высказываются за безусловное уничтожение их. Где же правда?

Покуда мы ее не знаем, а для отыскания ее обратимся к фактам живой действительности. В наших руках имеется по этому вопросу интересный материал, собранный во время местных исследований Славяносербского уезда Екатеринославской губернии.

В большинстве селений бывших помещичьих крестьян Славяносербского уезда общественные запашки заведены в начале шестидесятых годов, между 61–64 годами. Но в некоторых селениях введение запашек относится к более позднему времени. В д. Ионовке общественные запашки учреждены в 1871 г. В дд. Сентовке, Красногоровке и Новоселовке, в хут. Терновом и Калиновом общественные запашки введены в 1873 году. В д. Петро-Марьевке только 10 лет, как завели обычай собирать хлеб. Сначала сделали засыпку с душ по 1 ½ четв. жита и ячменя, а потом выстроили магазин и в следующие года делали запашку. Во многих общинах запашки существовали еще во времена крепостного права. В дд. Ореховке, Петровеньке 1-й и 2-й и с. Александровке общественные запашки были введены тотчас же после голодного (1883) года. Образовались из засыпей в магазин по одной мерке ржи с души. В д. Ново-Павловке общественные запашки существуют 40 лет. У крестьян д. Македоновки общественные запашки введены еще в 30-х годах, по распоряжению их бывшего помещика Мих[ихаила] Степ[ановича] Македонского, который выстроил и нынешний хлебный магазин. В д. Михайло-Лазаревке запашка, существовавшая при крепостном праве, по выходе на волю была уничтожена и заведена вновь в 1865–66 гг. В с. Георгиевском запашка введена задолго до выхода крестьян на волю и с тех пор непрерывно продолжается. Точно также, не прерываясь «с крепостных пор, за панские права» основались общественные запашки в сс. Павловке, Макаровом Яру, Николаевке, Белом, Еленовке, Сокольниках, дд. Петровке, Лозовой, Пятигорске, Волнухино, Головиновке, Петровке, Бельенькой, Юрьевке, с[ель]це Шелковым Протоке и хут. Веселой Марьевке. При крепостном праве, по словам крестьян (перечисленных сейчас селений), общественные запашки не имели для них серьезного значения, так как всем распоряжались тогда помещики. <...>

Что касается бывших государственных крестьян, то у них общественные запашки существуют с давних пор. <...>.

На вопрос о том, по чьей инициативе введена запашка, получались от крестьян различные ответы. В большинстве общин слышались заявления о том, что запашки учреждены под посторонним

влиянием: «по совету помещика», «по предложению мирового посредника», «по внушению разных начальствующих лиц» и т.п.

Иногда крестьяне прямо заявляли, что им было «приказано» завести запашку: «из волости приказ был», «по распоряжению земской управы», «по приказанию правительства» учреждены запашки, говорили крестьяне. Такого рода ответам и заявлениям следует придавать лишь условный смысл. Факт повсеместного распространения запашек в этом уезде и живучесть их указывают уже сами по себе на сочувственное отношение к ним массы населения. С другой стороны, встречалось немало селений, где крестьяне прямо заявляли о том, что запашка введена по желанию общества, по его приговору, «по общественному сговору»... <...>

Выше мы констатировали факт сочувственного отношения крестьян к институту общественных запашек, в доказательство чего указали, между прочим, на повсеместное распространение общественных запашек и на существовании их даже в общинах дарственников³³, которые, несмотря на крайнее стеснение в земле, все-таки заводят у себя запашку, прибегая специально с этой целью к аренде земли. Интересно также с этой стороны проследить причины отсутствия запашек в общинах, не имеющих их. Хлебных запашек вовсе не существует в 26 общинах 17-ти селений, расположенных в 7-ми волостях: пять общин – в Петро-Голенищевской волости, пять – в Иллирийской, две – в Еленовской, одна – в Павловской, одна – в Штеровской, одна – в Успенской и 12 общин – в Сокольницкой волости. В последней волости из 12 общин, не имеющих запашек, 11 составляют селение Пришиб и все вместе заключают в себе всего лишь 77 семей, т.е. на каждую общину приходится только по семи домохозяев. Незначительность общин и служит причиной отсутствия здесь хлебных запашек. Та же причина объясняет отсутствие запашек в большинстве других общин названных волостей. В остальных общинах существовавшие здесь запашки прекращены или вскоре после «Положения» или в самые последние годы и непосредственной причиной этому послужили неурожаи. <...>

Любопытны сами отзывы крестьян по рассматриваемому вопросу. Во всем уезде мы насчитали всего лишь семь общин, высказавшихся против запашек. В дер. Сентовке, Красногоровке и Новоселовке общество, вследствие недостатка надельной земли и неудобств аренды, а также вследствие отвлечения от своих работ, готово было бы лучше производить, вместо запашки, засыпку хлеба с души. В дер. Белой

Горе, Ореховой, Давыдовке и хут. Самсоновке крестьяне, под давлением богатых хозяев, «сильных людей», склонны заменить запашку и магазинный хлеб денежным капиталом. В остальных общинах уезда крестьяне безусловно и категорически высказываются за общественные запашки. Приведем примеры. Дер. *Белая Гора*. Общественная запашка сильно привилась. Население видит в ней важное и верное обеспечение на случай неурожая, несмотря на некоторые неудобства. Замену запашки засыпкою гарнцев³⁴ не находят выгодным: у всякого чувствуется постоянно недостаток в земле и в хлебе, а выйти на работу для каждого ничего не стоит. Сел. *Ивановка*. Крестьяне в запашке видят для себя пользу. Дер. *Устиновка № 1 и № 2 и Воронов Яр*. К запашке крестьяне относятся сочувственно, считают ее своею собственностью. Замену заработком или засыпом гарнцев не находят удобным: заработать или засып сделать не всякий может, а проработать на указанном месте, пешим или конным, несколько раз по несколько часов может всякий, если не сам, то баба или хлопец. Дер. *Михайловка*. Народ запашку признает необходимой: в крайнем случае, говорят, для нас одна мерка стоит 10 р. С[ель]цо *Шелковый Проток*. Общественная запашка не обременительна для населения, по их словам, приходится терять ежегодно всего день весной и день осенью. «Для плохих годов без громадского хлеба хуже бы было». Дер. *Волнухино*. «Общественного хлеба нельзя не иметь», — заявляют крестьяне.

В виду всех приведенных фактов нельзя сомневаться в сочувственном отношении славяносербских крестьян к общественным запашкам. Тем не менее, занимаясь исследованием этого вопроса и вступая в разговоры с местными жителями, нам нередко приходилось слышать от последних жалобы и сетования на крестьян за их небрежное отношение к общественным запашкам; нам указывали на то, что крестьяне тяготеют этого рода работами и что не будь прямого давления со стороны, они бы сейчас прекратили запашки.

Где же причина этих противоречий? — невольно возникает вопрос. Объяснение этому находим в следующем. Одной из отличительных черт юридических понятий русского народа являются его трудовые воззрения на право и собственность. Притязания на землю, на продукты производства признаются крестьянством лишь постольку справедливыми и подлежащими удовлетворению, насколько они согласуются в данных случаях с количеством затраченного труда, силы и энергии. Вот почему, при разделе полученного с общественной запашки хлеба, последний распределяется между отдельными домохо-

заявами на тех же основаниях, на каких была раньше распределена между ними работа. В таком смысле составляются общественные приговоры о разделе магазинного хлеба. Но, как известно, законом не предоставлено крестьянству права самостоятельно распоряжаться магазинным хлебом. Приговоры по этому предмету подлежат рассмотрению земских управ и без утверждения со стороны эти приговоры не могут быть законным образом приведены крестьянами в исполнение.

Вот это-то обстоятельство и служит источником многих нежелательных явлений в рассматриваемой области. Земские деятели, при рассмотрении вопроса о правильности и законности крестьянского приговора о разделе хлеба руководствуются совершенно иными соображениями, чем те, какие в подобных случаях кладут сами крестьяне в основание своих решений.

Исходя из чисто филантропических целей, земство требует от крестьян раздачи магазинного хлеба лишь неимущим, обедневшим семьям. А такого рода семьи, как известно, в общественных запашках принимают самое незначительное участие, часто же и совсем не участвуют в них. В результате получается такое положение дел: состоятельные хозяева должны нести на себе всю тяжесть работ по общественной запашке, и в тоже время лишены права на получение себе известной доли добываемого ими продукта. Такая постановка дела, такие предписания земства порождают немало недоразумений и являются главнейшей причиной тех споров, той неурядицы, какая иногда имеет место при ведении крестьянами запашек и на которую слышатся жалобы со стороны местных жителей.

Справедливость сказанного с очевидной ясностью обнаруживается особенно в неурожайные годы, когда потребность в хлебе, частью для обсеменения полей, а главным образом для собственного прокормления охватывает почти всех хозяев. Таким неурожайным годом для здешних крестьян был 1885-й г. и не утверждение в это время земскими управами сельских приговоров о разделе на известных основаниях магазинного хлеба вызывал со стороны крестьян усиленные жалобы. В селе Хорошем весь магазинный хлеб крестьяне распределили на две части: одна пошла для пособия неимущих, другая во временное пользование тех, которые работали, причем хлеб предполагалось поделить на тех же основаниях, на каких была распределена работа. Но местная земская управа, по словам крестьян, не утвердила такого приговора, не согласилась, чтобы все хозяева нуждались в хлебе, и потребовала исключения из списка состоятельных хо-

заяв, которые могут «прокунтоваться». В хут. Ново-Демьяновке крестьяне хотели распределить хлеб, как прежде работы, по дворам. Но зная, что управа не разрешит им этого, они составили приговор о том, чтобы поделить хлеб по наделам: по одной мере на надел. Но и такой приговор утвержден не был. Не мудрено, что при таких условиях происходит неурядица в деле ведения общественных запашек, а в иных местах крестьяне совсем даже прекращают их. Мы уже упоминали о д. Соколовке, где крестьяне в 1878 г. прекратили общественную запашку, будучи недовольны, между прочим, тем, что при выдаче ссуд хлеб получали те, которые не засевали, безволовые.

Но, скажут нам, если магазинный хлеб не будет идти наиболее нуждающимся в нем семьям, в таком случае институт общественных запашек теряет всякий соевой *raison d'être*. Эти заявления можно было бы признать справедливыми, если б, действительно, в крестьянских общинах бедные и маломощные семьи оставались на произвол судьбы. На самом же деле этого не только не происходит, но, наоборот, различного рода филантропические дела и начинания имеют широкое применение в народной жизни. Во всех общинах Славяносербского уезда вдовам (до их вторичного замужества), сиротам и бездетным, беспомощным старикам выдаются безвозвратные ссуды и пособия из общественных магазинов. Часто также выдают такого рода ссуды солдаткам, мужья которых находятся на службе и т.п. Различные калеки и убогие также принимаются крестьянами на содержание общества. <...>

Вывод из представленных в настоящей статье фактов и соображений очевиден. Культурные люди должны отказаться от всякого навязывания крестьянству каких-либо форм и распорядков в хозяйственной жизни. Задача интеллигенции должна состоять в том, чтобы дать народу благоприятные условия для полного мирного удовлетворения и осуществления тех запросов, тех нужд, материальных и духовных, которые исторически, под влиянием бесчисленного ряда и условий развились и назрели в бытовой жизни крестьянства. Внутреннее содержание, вырабатываемое крестьянской жизнью в смысле известных требований, наклонностей, инстинктов и стремлений, в смысле установившихся, а также постепенно нарождающихся новых порядков и учреждений, это содержание в высшей степени разнообразно, сложно, изменчиво, так как оно представляет собою не результат деятельности какого-нибудь лица или института, а есть плод творческой работы массы, плод ее сознания, ее опыта, жизненного и

выстраданного. Исследования последнего времени раскрывают перед нами картину живого эволюционного процесса, совершающегося в сфере народной жизни. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, масса русского крестьянства в четверть века своей более или менее самостоятельной деятельности проявила такую изумительную способность в устройстве своего внутреннего быта, в этой единственной, доступной и свободной для нее сфере, ее гений с такой поразительной последовательностью воплотил в земельной жизни общинно-трудовые начала, что мы должны признать за народом полное, вне всяких вмешательств и ограничений стоящее право на свободное самоуправление. Не смешны ли после этого становятся попытки и начинания лиц привилегированного класса, направленные в сторону регламентации крестьянской жизни, возгласы этих лиц о вреде переделов и т.п. Эти господа забывают, что каждый факт, всякое установление в крестьянской жизни тесно, неразрывно связано со всей совокупностью других условий бытового строя жизни и то или иное со стороны исходящее теоретически обоснованное изменение и нарушение одного из этих условий неминуемо повлечет за собой искажение и расстройство всего склада, всей организации народного быта. Напрасно стараются уверить нас и в том, что дальнейший прогресс крестьянского земледелия невозможен без внесения в народ сельскохозяйственных знаний.

Не отрицая значения последних, мы в тоже время полагаем, что в данном случае они совсем не играют решающей роли. Как ни труден переход от нынешнего трехполья к другим, более улучшенным, более современным системам полеводства и хозяйства, во всяком случае, народ сумел бы дать этому делу практическое разрешение, если бы земельные условия русской жизни требовали такого перехода. Народ видит и знает, что в настоящее время в России есть еще масса пустующих земель, которые прежде всего и должны подвергнуться обработке. Отсюда вытекает сознание народа в несвоевременности всяких интенсивных систем земледелия, отсюда берет начало переселенческое движение, это грандиозное и вместе с тем характернейшее и знаменательнейшее явление последнего времени. Установись земельная теснота, и деятельность крестьянства, искания его, изменят свой характер. Народ сумеет тогда создать и новые формы хозяйства, и все необходимые приспособления для них. Проблемы более трудные, чем сейчас рассматриваемые нами, приходилось разрешать русскому народу в течение своей исторической жизни. Эта жизнь

слагалась при взаимодействии массы причин и знания бессильны сами по себе реформировать теперь ее. Знания меньше всего определяют силу, глубину и направление известной народности. Знания так сказать лишь кодифицируют тот уклад развития, тот тип его, который является результатом всего бытового и исторического существования известного народа. Но здесь не место распространяться об этом. Всем сказанным мы имели в виду лишь обратить внимание на необходимость предоставления крестьянству возможно большей самостоятельности в деле устройства своей внутренней жизни. В ограничениях, которыми скована современная жизнь народа, кроется, по нашему глубокому убеждению, одна из наиболее существенных причин тех печальных противоречий и недоразумений, той путаницы явлений, той массы греха и неправды, о которых так много пишут и которых так много наблюдают современные исследователи русской жизни. Правда, ограничения, о которых идет здесь речь, носят преимущественно формальный характер. Но ведь всякая форма есть выражение известной сущности, а в действительности исполнители закона идут очень часто гораздо дальше тех формальных ограничений, какие в известных случаях установлены юридическими нормами, что влечет за собою роковые последствия. Возьмем хотя бы 54 ст. Общего Положения, допускающую земельные переделы лишь в тех случаях, когда за них высказывается не менее $\frac{2}{3}$ домохозяев, и присмотритесь, сколько всевозможных споров и несогласий вызывает собою эта статья. Раз составленный приговор о переделе, часто уже приведенный миром в исполнение, вдруг отменяется за недостатком одного-двух голосов; по несколько раз производится проверка приговоров со стороны крестьянских присутствий, причем нередко одним учреждением приговор признается законным, другим же — отменяется; вновь составленный приговор опять проверяется, утверждается, отменяется и т.д., между тем как внутри общины разгоревшаяся борьба влечет за собою подкупы, угрозы, нередко насилия и убийства. На примере общественных запашек Славяносербского уезда мы наглядно видим, как полезное, органически вытекающее из потребностей народной жизни учреждение, искажается и тормозится вмешательством в него со стороны чуждых элементов. Пора сознать, что вне народных желаний, вне свободной народной самодеятельности, нет широкой, прогрессивной, в интересах национального счастья и славы построенной деятельности. Только на этой почве работая, мы дадим возможность русскому народу сохранить свой цельный и оригинальный тип разви-

тия. Только при таких условиях выступит русского крестьянство на историческом поприще в качестве самостоятельного деятеля, примет посильное участие в великой, волнующей человеческие общества работе, внесет свою лепту, свой свет, свою индивидуальность в сокровищницу мирового прогресса³⁵.

Я. В. Абрамов

Мрачные и светлые явления³⁶

Известный публицист г. Шелгунов в своих «Очерках русской жизни», печатающихся в «Русской Мысли», изображает русскую жизнь весьма мрачными красками. Все в этой жизни гадко, гнило, удушливо; жизнь общества только и выражается, что в безобразиях самых разнообразных сортов; общество дичает, опускается с каждым днем, и т.д. Такие взгляды почтенного публициста вызвали возражения со стороны двух провинциальных органов печати. И вот, отвечая своим оппонентам, г. Шелгунов поставил ребром вопрос о том, как должен публицист относиться к изображаемой им действительности. «Писатель, а тем более публицист, исследующий явления общественной жизни, — говорит г. Шелгунов, — только и должен видеть то, что мешает или стесняет ее развитие. Поэтому-то все его внимание и обращается в сторону препятствий. Доктор определяет не то, что у пациента здорово, а то, что у него болит. Натуралист, устанавливающий законы развития, определяет тоже только то, что мешает или помогает развитию. Администратор точно также ищет лишь отклонения от порядка. Одним словом, всякое *нормальное* отношение к жизни заключается только в устранении мешающего, изжившего, нарушающего правильное развитие, препятствующего именно тому, что без этого препятствия и составляло бы здоровую, бодрую, умную жизнь. Чем большее число отрицательных фактов вы дадите, тем доказательнее будет ваше слово, тем будет очевиднее для всякого справедливость того, что вы предлагаете. В читателе надо будить мысль и возбуждать сознание, а этого можно достигнуть только тем, что будешь его толкать, а не тем, что наденешь на него ночной колпак и закроешь теплым розовым одеялом»³⁷. Далее г. Шелгунов доказывает, что в русской современной жизни совсем нет светлых явлений. «Возьмите ножницы и аккуратно каждый день из каждой провинциальной газеты вырезайте только факты из внутренней жизни, — гово-

рит он, – складывайте эту “внутреннюю жизнь” в одну кучу, и в течение года у вас накопится такой ворох “внутренней жизни”, что, погружившись в его чтение, вы почувствуете себя в какой-то действительно неисходной и смрадной пучине. Газеты только и сообщают, что о скандалах, заушениях³⁸, драках и всяких насилиях, а о “светлых явлениях” что-то совсем не печатают. Так что если бы обозреватель внутренней жизни захотел бы удовлетворить читателя картиной “здоровой, бодрой, умной жизни”, то желание его осталось бы неосуществленным, просто по отсутствию газетного материала»³⁹.

Итак, русскому публицисту неизбежно говорить только о мрачных явлениях; светлых явлений, как бы ни хотелось ему остановиться на них, он не может найти, потому что их и нет в действительности.

Так ли это? Прав ли г. Шелгунов, видя в нашей внутренней жизни лишь непрерывный ряд «скандалов, заушений, драк и всяких насилий» и ни одного светлого явления? И неужели публицист только и может разыгрывать роль какого-то гробокопателя, имеющего дело лишь со сгнившими трупами?

Нет, г. Шелгунов неправ. Современная русская жизнь, как она ни мрачна и ни печальна, не лишена и светлых явлений. Следя постоянно за этою жизнью по провинциальным изданиям, где она находит более живое и полное выражение, нежели в органах столичной печати, и, следуя совету г. Шелгунова относительно «складывания» фактов внутренней жизни, мы должны признаться, что эта жизнь представляет действительно не малое обилие «скандалов, заушений, драк и всяких насилий», но что в ней не мало фактов и совсем иного рода. Ограничиваясь одним последним годом, мы можем указать на целый ряд светлых явлений, о которых мы узнаем из провинциальной печати. Мы, напр., узнали, что в Смоленской губернии население нескольких волостей собралось отдать последний долг почившему учителю, который бросил ради этого поприща военную службу и 50 лет нес тяжелую долю народного учителя, обучив за это время не одну тысячу учеников; в Подольской губернии население одного местечка устроило торжественные похороны акушерке, принявшей в течение своей долгой жизни более 5,000 детей и никогда никому не отказавшей в своей помощи; г. Тобольск в полном составе, начиная с губернатора и кончая последним босяком, провожал труп женщины-врача, которая в один год своей деятельности успела приобрести любовь всего города и умерла буквально от истощения сил, работая бескорыстно над оказанием помощи страждущим. Это одна группа фактов.

Вот факты из другой области: в Томске образовалось и процветает «общество попечения о народном образовании», благодаря деятельности которого Томск по относительному числу детей, получивших начальное образование, занимает первое место среди всех русских городов, не исключая и столиц; в Енисейске и Минусинске общественная инициатива, путем пожертвований деньгами, предметами и трудом со стороны лиц всех званий и состояний, создала богатые музеи с библиотеками при них, и минусинский музей приобрел европейскую известность; в Томске и Одессе та же общественная инициатива создала бесплатные народные библиотеки; в Харькове уже 18 лет существует частная воскресная женская школа, в которой бесплатно обучают до 60 учительниц, а число бесплатно обучающихся взрослых учениц ежегодно доходит до 350–400; по образцу харьковской школы, недавно устроились школы в Тифлисе и Одессе; в целом ряде городов, благодаря энергии небольших кружков, основались и процветают народные чтения и т.д. Вот факты еще иного рода: в Ставрополе-Кавказском недавно устроилась бесплатная столовая для бедных, которая кормит ежедневно от 100 до 200 человек; в Курске существует «мастерская благотворительного общества», которая, благодаря энергии заведующего ею лица, приносит немалую пользу беднякам, беря заказы от лиц местного общества, передавая их мастерам и мастерицам и тем спасая их от эксплуатации посредников; в Вологде второй уже год действует под председательством губернатора комитет по улучшению положения кустарей, деятельность которого дает уже основательные плоды; такой же комитет недавно образован в Перми; в Красноуфимске деятельно работает с конца прошлого года комитет по поднятию экономического положения населения вообще; Пермское земство создало в нынешнем году особый банк для выдачи ссуд кустарям; такой же банк с большою пользою работает уже несколько лет в Царевококшайском уезде; Новооскольское земство приняло на себя посредничество между военным министерством и местными кустарями-сапожниками по поставке сапог для армии, и т.д. Наконец, еще один ряд фактов: в Мологе кружок деятельных лиц добился того, что город с пятью тысячами жителей имеет двух городских врачей, достаточное количество школ, гимнастическую школу и богатую, в несколько тысяч томов библиотеку, а главное, установил такое разумное пользование городскими землями, при котором все население обеспечено продовольствием, сеном для скота и топливом; те же основания эксплуатации городских земель заимствованы не-

давно в г. Царевококшайском; в г. Звенигородке, Киевской губ., энергия одного человека, не побоявшегося пойти на борьбу с организованною группою лиц, завладевших городским управлением, сделала невозможными дальнейшие злоупотребления этих лиц; такую же роль играет в последние годы в Мосальском уездном и Калужском губернском земстве один из гласных от крестьян; в Пермской губернии, благодаря энергии одного лица, директора Красноуфимского реального училища, создалась и процветает в высокой степени полезная организация агрономических смотрителей; в Бердянском уезде группа земских деятелей добилась того, что здесь всякий мальчик получает возможность обучения в школе, и каждый больной находит медицинскую помощь, и т.д.

Мы задаемся здесь не статистическими целями, а потому приводим лишь незначительную долю «светлых явлений», о которых мы узнали из провинциальной печати. Мы хотели только показать, какое разнообразие представляют эти светлые явления русской жизни и как непростительно не заметить их публицисту, специально занимающемуся изображением русской жизни.

Но если г. Шелгунов неправ фактически, то еще более неправ он в теоретической части своего рассуждения, будем ли мы смотреть на дело с нравственной точки зрения, или с точки зрения целесообразности. В самом деле, что, в сущности, совершает публицист, преднамеренно оставляя без внимания одну сторону жизни и усиленно останавливаясь на другой, — как не грубый подлог и передержку? И если такие передержки, совершаемые публицистами известного сорта, нас возмущают, то почему же должны быть более извинительны передержки, совершаемые публицистами противоположного лагеря? Как бы ни были почтенны конечные цели публициста, подлог останется всегда подлогом и ложь — ложью; правое дело может быть только дискредитировано нечистыми средствами. Затем, изображение мрачных сторон жизни имеет, конечно, значение лишь как вызов общества на работу, которая устранила бы изображаемые мрачные явления. Но ведь для этого недостаточно указывать на мрачные явления жизни, но необходимо также указать, *как* можно при данных условиях бороться с этими явлениями. И вот здесь то знакомство с светлыми явлениями и необходимо, так как лишь оно может научить, как всего лучше вести борьбу с печальными явлениями, как работать для прогресса при данных мрачных условиях действительности. И чем мрачнее эта действительность, чем меньше в ней светлых явлений, тем

более важна популяризация этих светлых явлений, как лучшее средство указания положительных путей, на которые нужно выходить людям, стремящимся к улучшению мрачной действительности.

Есть и еще сторона дела, не менее важная: это – бодрящее впечатление, которое производит знакомство со «светлыми явлениями». И то дурно, и другое дурно, и третье дурно... Да возможно ли, наконец, что-либо хорошее? является сам собою вопрос. Лучшим ответом на такой вопрос и должно служить именно указание на «светлые явления», свидетельствующие о том, что и при современных условиях деятельность, направленная на борьбу со злом, с людским горем, вполне возможно, лишь бы была энергия и желание работать на пользу лучшего будущего. Г. Шелгунов по этому поводу иронически упоминает про «ночной колпак» и «теплое розовое одеяло». Но вот что говорит на это живой человек, провинциальный литератор: «Бороться невозможно без надежды на успешный ход борьбы. Поэтому то и не следует замалчивать то доброе и светлое, что пробивается молодыми побегами сквозь толстую кору невежества и грубости, ибо эти молодые побеги – провозвестники победы света и добра. Не следует надевать на русское общество ночной колпак и розовое одеяло, как выражается г. Шелгунов, но не следует и покрывать его погребальным саваном, так как оно вовсе не разлагающийся труп и имеет перед собою лучшее будущее. В уверенности, что мы идем к этому будущему, только и можно черпать бодрость духа и силы, необходимые для борьбы за его скорейшее наступление». Так думает человек, находящийся в непосредственных отношениях к жизни, и надо желать, чтобы почаще раздавались такие свежие, бодрящие голоса⁴⁰.

К. В. Лаврский

**Сомнения относительно «своего труда».
(Письмо деревенского жителя)⁴¹**

В статьях: «Практика своего труда в деревне»⁴² я начал исследовать вопрос: какими способами интеллигентный «пролетарий» может пристроиться к земле. Я указал возможное решение этого вопроса при самых неблагоприятных условиях, а именно – при условии абсолютного неимения никаких средств, кроме здоровых рук. Оказалось, как и следовало ожидать, что это так трудно, – хотя и не невозможно,

– что об этом случае почти не стоит и говорить. Далее, на основании подобных расчетов, было выяснено, что 500 рублей составляют самый решительный минимум денежных средств, с которыми можно «сесть на землю», т.е. завести хозяйство на манер средней руки крестьянского. Выяснилось также и то, что при таких размерах хозяйства придется бедствовать и искать поддержки в каком-нибудь «отхожем промысле» или вообще стороннем заработке.

Эти мои расчеты, по-видимому, поняты были некоторыми в смысле того запугивания, против которого высказался г. Глеб Успенский⁴³ по поводу встречи с партией крестьян-переселенцев, – запугиванья посредством изображения «трудовой жизни» «не иначе, как жизнью холода, голода, рвани» и т.п. Желая сгладить такое впечатление, какой-то (очевидно, очень юный) оппонент в одной провинциальной газете, посредством арифметических расчетов, старался показать, что если соединятся семь человек интеллигентных земледельцев около одной бабы, необходимой для их домашнего хозяйства, то они могут обойтись и одним земледелием, потому что при общинном начале хозяйство будет давать относительно более, увеличится производительность труда, уменьшатся непроизводительные расходы и т.д.

Допустим, что все это так; но, тем не менее, подобное возражение лишено силы, так как оно упускает из виду, во 1-х, безусловную «несимпатичность» (чтобы не сказать более) бессемейного, казарменного образа жизни, во-2-х, многочисленные опыты, доказавшие, что из подобных «коммун» всегда выходит только кавардак самого забавного свойства. Но дело в том, что, на мой взгляд, мои расчеты вовсе не имели запугивающего свойства, так как они показали, что «независимость» вовсе не такой дорогой товар, чтобы даже самый отчаянный бедняк-интеллигент (если он здоров) не мог его купить, если не сейчас же как захотел, то предварительно заработав столько, сколько требуется. 500 рублей за такое благо, как свобода; 500 рублей в виде выкупа из зависимости – это такое ничтожное препятствие, перед которым уж совсем непозволительно опускать руки. Какой безнадежной тряпкой надо быть, чтобы в молодые годы считать себя неспособным скопить из своих заработков 500 рублей! Если мне удалось доказать, что с такой ничтожной затратой можно «сесть на землю», то, кажется, этот вывод можно признать ободряющим, а не запугивающим. Притом же, повторяю, у «интеллигентного земледельца», при маленьком хозяйстве, в полном его распоряжении зимнее время: зарабатывай чем можешь и улучшай свое положение. К тому же, хо-

зяйство растет само из себя; растет *умение* вести дело, самый важный элемент в хозяйстве; растут телята, жеребята, поросята; растет каждый посаженный куст; приращается и мертвый инвентарь путем незаметных прибавлений то одной, то другой необходимой в хозяйстве вещи. Нигде так не оправдывается пословица: «Курочка по зернышку клюет, а сыта живет». За всем тем, разве обязательно начинать непременно с минимума? Скопи тысячу, две, три, копи десять лет, и заводи дело в более широких размерах с расчетом вести хозяйство при участии в нем наемных рабочих. Такой компромисс, во всяком случае, лучше тех компромиссов, на которые вынуждает жизнь в городе. Таких «интеллигентных работников», которые не могут этого сделать, гораздо меньше, чем таких, которые могут; а к последним присоедините еще массу таких, для которых уже скопил кто-нибудь другой, так что у них уже и есть кой-какие средства на первоначальное обзаведение.

Соображая все это, можно смело сказать, что со стороны материальных средств интеллигенция вообще не встретила бы серьезных препятствий «сесть на землю», если бы только *захотела*. Было бы желание, а средства найдутся. Но, к сожалению, даже у тех, кто говорит, что желает, и у них чаще всего дело нейдет дальше того душевного состояния, о котором Глеб Успенский говорит: «В тяжкие минуты жизни им будет *мелькать мечта* о какой-то простой, свободной жизни»; их душа «будет искать выхода, завидовать простору и свободе жизни мужика». Однако ж, если существует довольно значительный контингент испытывающих подобное состояние, то с уверенностью можно заключить, что из него непременно будут выделяться более энергичные, последовательные единицы, которые и явятся пионерами новой идеи на практике. Так всегда бывало прежде, поэтому надо думать, что так будет и с идеей «переселения в деревню». Припомните, например, какой массой препятствий было обставлено стремление женщин к так называемому «высшему образованию» и в какой короткий срок из этого, вначале расплывчатого, стремления выбилось на свет Божий крупное жизненное явление, о котором за несколько десятилетий никто не посмел бы даже и мечтать. Таково уж свойство живых идей – пробивать скорлупу жизни, когда «пришло время», подобно тому, как зародыш в яйце: был бы зародыш, а скорлупа не страшна.

Эти соображения поддерживают охоту продолжать разработку вопроса о «переселении интеллигенции в деревню», не поддаваясь

смущающему ощущению какой-то немой пустоты, в которой как будто теряется этот призыв на новый путь.

Слишком много препятствий заграждают его при самом входе. И недостаток средств, и страх перед лишениями, и бессилие физическое и нравственное удерживают «интеллигента» от решительного шага на этот новый путь даже если он успел сознать все его громадные преимущества. «Страшно», как в воду броситься; и под напором этого панического страха является страстное желание как-нибудь обойти категорическое требование нравственного чувства, которое говорит: «бросайся!». Последняя уловка ума в подобных случаях заключается в следующих соображениях: «Как бы ни было уродливо то образование, которое я получил, тем не менее, благодаря ему, я таков, каков я есмь⁴⁴; следовательно, и тот самый идеал “независимости”, во имя которого я должен сделать решительный переворот в своем обычном образе жизни, да и все другие “высокие идеалы”, которые я способен понимать и ценить, все это дано мне моим “образованием”. Если при всей своей уродливой постановке оно способно давать в результате такое неоценимое благо, как “идеальные стремления”, то как же его не ценить, как можно от него “отречься”? Но если я поселюсь в деревне и буду довольствоваться исключительно своим заработком или поведу свое хозяйство хотя и при помощи наемных рабочих, но по возможности не придерживаясь той оценки чужого труда, какая диктуется рынком под влиянием “железного закона”, то мои материальные средства всегда будут настолько ограничены, что я не в состоянии буду доставить своим детям такое образование, какое я сам получил. Имею ли я право на это? Когда они вырастут, не будут ли они вправе упрекать меня в том, что я закрыл для них путь к высшему образованию, к университету или к одному из высших учебных заведений? Не будет ли с моей стороны насилием над ними такое обречение их на состояние полуобразования? Наконец, и это важнее всего, благодаря этому состоянию полуобразования, под влиянием той среды, в которую я их помещу, среды, чуждой высоких идеалов и пропитанной меркантилизмом, откуда проникнет в их душу свет этих идеалов, как разовьется в них вкус к изящному, что воспитает в них гражданские чувства, и т.д. и т.д.; — одним словом, где ручательство, что поколение, которое вырастет “в деревне”, в новой жизненной обстановке, будет “интеллигентно”?».

Когда покончишь со всеми сомнениями, буруевающими душу «интеллигента» накануне решительного шага вон из прежнего обыч-

ного образа жизни, тогда все эти сомнения, все вопросы вроде выше-приведенных возбуждают только удивление: Как могли они казаться чем-то серьезным? Как могла держаться такая пирамида нелепых опасений без всякой логической подпорки? Смотришь на эту рассыпавшуюся пирамиду и испытываешь чувство глубокого довольства, беспредельной радости о том, что вышел из-под нее цел и невредим: ведь могло случиться иначе. Такую радость должен испытывать человек, исцелившийся от умственного расстройства и вспоминающий об этом болезненном состоянии с спокойной уверенностью, что оно не может с ним повториться.

Тем не менее, когда приходится опровергать подобные сомнения в другом, чувствуешь, что эта задача в высшей степени трудная. Трудна она потому, что приходится иметь дело с целой массой ложных представлений, из которых каждое впилося как клещ в мозги интеллигенции. Скоро ли их поковыркаешь, особенно если ваш пациент не сидит спокойно, а нетерпеливо мотает головой и требует, чтоб у него все клещи отвалились сразу. Но в данном случае, при желании со стороны пациента, можно достичь даже и этого. В самом деле, попробуйте отнестись ко всем этим страхам и сомнениям исключительно с точки зрения безусловной обязательности требований нравственного чувства, поставив себе такой вопрос: «К чему я буду предаваться этим сомнениям и страхам, когда я пришел уже к убеждению, что другого выбора для меня нет и быть не может: т.е., какие бы последствия не повлекли за собой радикальный переворот в моем образе жизни, я *должен* его совершить, потому что иначе я поступлю против категорического убеждения совести»? При такой постановке вопроса, сомнения и страхи отпадут легко, потому что они только тем и держатся крепко, что мы им втайне сочувствуем. С ними случится то, что случается с паническим страхом, когда решительная необходимость заставляет не обращать на него внимание — он внезапно пропадает, и едва он пропал, тотчас же является ясное сознание всей его пустоты. Так и в настоящем случае: нужно взглянуть на эти страхи и сомнения сверху вниз, т.е. не позволяя им мутить отчетливость нашего мышления. Тогда прежде всего нам сделается ясно, что все то, что нас смущает, полно всяких неопределенностей, недодуманностей, которые не замечаются единственно благодаря привычке довольствоваться ими в своем умственном обиходе. Мы довольствуемся, напр., словом «образование», «интеллигентность», «идеальные стремления» и т.п., хотя никогда не подвергали подробному и

беспристрастному анализу весьма сложное содержание соответствующих им представлений. Смело можно сказать, что мы не имеем готового ответа даже на такие крупные вопросы, каковы, например, следующие: В истории моего личного образования что составляло ненужный балласт и что было действительно ценным и благотворным? Насколько я обязан своим развитием школе и насколько самому себе и «жизни» вообще? Какая была связь между накоплением в голове знаний посредством памяти и образованием в душе «идеальных стремлений»? Можно ли утверждать, что эти последние тем прочнее сидят в душе и тем более управляют поступками человека, чем он «образованнее»? Какие же именно элементы образованности делают человека интеллигентным не по внешности, а внутренно?

Ни одного из подобных вопросов мы разрешить не умеем, да во все над ними и не думаем, а между тем беремся утвердительно говорить, что «образованию» мы обязаны тем хорошим, что в себе находим и что желали бы видеть в своих детях. Разумеется, если нечто образовалось, то значит, был процесс образования; но дело в том, что этот процесс возможен и в других формах и даже течение его было бы лучше и быстрее, если бы ему не мешали те формы, в которых совершалось *наше* «образование». «Интеллигент», воображающий, что можно быть «интеллигентным» только в той форме, в какую исторически вылилась его собственная «интеллигентность», представляется мне похожим на раскольничьего начетчика, который совершенно подавлен мыслью, что «благочестие» (его идеал) достигается не иначе, как чтением старопечатных книг, двуперстным знаменiem, стрижкой в кружало, пением в нос и т.п. Подобно этому и современный интеллигент подавлен мыслью, что то «образование», которое он так ценит за его, будто бы свойство каким-то непонятным способом закладывать в душу человека «идеальные стремления», что оно необходимо связано с прохождением тех мытарств, какие он сам прошел. Оно и правда: *такое* образование, какое он сам получил, необходимо связано со всеми этими мытарствами; но вопрос в том: не существует ли другого, лучшего образования, дающего все то хорошее, что дает (т.е. кажется, что дает) *наше* образование, с присоединением еще целой массы хорошего, закрываемого от нас нашим старообрядческим образованием? Если даже ответить: «к сожалению — *не существует*», и в таком случае еще нельзя сказать, что и *не может* существовать. Сомневающийся останавливается на слове «не существует» и отсюда выводит заключение в пользу существующего. Ошибка грубая, в ко-

тую, однако ж, постоянно впадают интеллигентные старообрядцы. В нее заставляет впасть совершенная неразработанность вопроса об иных, лучших формах и об ином, очищенном от ненужного хлама, содержании образования. Не имея никаких представлений о лучшем, трудно напасть на мысль, что оно возможно. Однако ж, несомненно, что оно возможно. Оно даже существует в виде бесформенного, не-систематического *свободного самообразования*, и этому-то последнему мы всем хорошим по части образования и обязаны, а ничуть не школе. В переносном смысле и его можно назвать «школой», но это какая-то таинственная школа, существующая «везде и нигде», школа, в которую принимаются только талантливые и только проникнутые жаждой знаний; школа, в которой для каждого отдельно ученика своя особая программа, свои приемы, своя продолжительность курса, и потому эта школа вечно полна жизни, движения, напряженного умственного труда. В сравнении с ней, то, что мы называем школой, все равно что мумия сравнительно с живым человеческим телом. В эту школу деревне доступ не закрыт: все талантливое, *как теперь, так и тогда*, будет идти вперед, развиваться *единственным* возможным для того путем свободного самообразования. Экземпляры неталантливые и неспособные самостоятельно работать умом, сколько бы они разных школ и курсов ни проходили, не делаются «интеллигентными». Все что дает им «высшее образование», кроме диплома, это лишь «манера»: держать себя, говорить и т.д. Даже тот маленький запас знаний, который им нужен, чтобы «служить», и тот приобретается уже по окончании курса, когда они берутся за дело. Вообще, бесплодие нашей «школы» – высшей, средней, низшей – поразительно. Чем больше я в нее всматриваюсь, тем больше склоняюсь к мысли, что она, не исключая университета, больше мешает, чем помогает «образованию», если под ним разуметь приближение к идеалу *человека*. И собственный опыт и наблюдения над другими заставляют окончательно убедиться, что эта мысль – совсем не парадокс. Кажущееся исключение приходится сделать только в пользу специальной школы; но здесь не об ней и речь, потому что вопрос идет о причинной связи между школой и так называемым «общим развитием», «интеллигентностью», а известно, что специализм не помогает, а мешает этому последнему, делает человека узким, односторонним, а в крайних проявлениях – чуть не диким. Что же касается «общего развития» – оно положительно не школой дается, особенно же не высшей школой. Если кажется иначе, то это только потому, что об-

щее развитие *совпадает* обыкновенно со временем пребывания в высшей школе. К этому времени у молодого человека накопится в голове некоторый запас фактических материалов, над которыми голова может работать, да и самая способность к систематическому обобщению фактов, по-видимому, начинает заметно проявляться с этих именно лет. Но вначале эта работа производится без всякой самостоятельности: молодой, начинающий мыслить ум в это время непременно ходит на помочах какого-нибудь научного авторитета и совершенно им подавлен. «Что ему книга последняя скажет, то ему на душу сверху и ляжет». Это естественно для известной поры развития; но при этом замечателен тот факт, что из массы официальных руководителей умственного развития молодежи и одному из сотни не удастся быть для нее авторитетом; напротив, к «профессорам»-то именно молодой человек и относится критически, тогда как какой-нибудь товарищ поумнее в своем кружке играет роль Сократа. Мы читали, думали, спорили – и этим путем «образовались»; но мы читали не то, чего школа требовала, и не о том думали и спорили. Недаром историки общего умственного движения в России никогда не ставят его в связь с именами, прославившими «школу» (да и где эти имена?); но в тоже время каждый шаг вперед в этом движении обозначается именами писателей: Белинский, Добролюбов, Достоевский, Толстой. А в истории своего личного развития всякий может каждую ступень своего развития поставить в связь с именем какого-нибудь человека, которому «обязан своим развитием», который «дал первый толчок» и т.д. Школа при всем этом стоит в стороне. Чтобы окончательно убедиться в этом, стоит только посмотреть на экземпляры, почерпавшие свое «высшее образование» исключительно в школе; это люди, о которых говорят: «он кроме лекций да практических упражнений ничего знать не хочет, ничего не читает, ничем не интересуется»; иногда о них прибавляют: «уже с первого курса было видно, что это будущий профессор». Несмотря на то, что в чистом виде такие экземпляры совсем не попадаются, и то они производят впечатление в полном смысле «одичавших в науке»: на иного полюбуйся, так просто – «за человека страшно»!

Кто все это знает и все-таки восклицает восторженно: «Университет! Alma mater!» etc⁴⁵. – у того, воля ваша, что-нибудь в голове не на месте. Будьте покойны: если у вашего подростка есть природные задатки для широкого умственного и нравственного развития, – они найдут себе дорогу и без школы еще скорее и лучше. Деревня только

запугивает его от опасности загрязнить душу в тех «интеллигентных кружках», где только профанируется действительная интеллигентность. Их пошлость, грязь, пустозвонство, глупость, к которым он не привык, ужаснут его, если он случайно на них натолкнется в жизни; тогда как в условиях жизни большого города к этим вещам незаметно, понемножку приучаются и относятся снисходительно. Под покровом «интеллигентности» все с рук сходит, а потом забывается... Привычка такая сила, что она парализует способность ужасаться перед самыми ужаснейшими преступлениями, а уж о чем-нибудь не особенно резком и говорить нечего. Чтобы не ходить далеко за примером, вспомним только, с каким легким сердцем интеллигентная молодежь берет на душу грех медленного отравления... вы думаете я скажу: кроликов, морских свинок и других подобных существ, необходимых для разных научных опытов? – Нет, людей, настоящих, несомненных живых людей, которых она называет Анютками, Сашками, Машками и т.д. Знает, что им один конец – фосфорные спички или что-нибудь в этом роде; знает, и все-таки ведет их к этому концу с пением и плясками и даже с разговорами о высоких предметах. Вот оно значит – привычка да кружковая нравственность!

Деревня не может помешать никакому хорошему увлечению, без которых юность немыслима. Груды книг ведут только к бесполезной и беспорядочной потере времени; а книг хороших так мало, что одна только вопиющая бедность не в состоянии их иметь; по две вдруг читать нельзя, а меняться книгами можно. Кстати, вспомним, что иногда десятки тысяч интеллигентных читателей перечитывают какое-нибудь знаменитое сочинение прежде чем оно появится в печати, хотя «в рукописи» оно обращается в самом ограниченном количестве экземпляров. И здесь тоже господствует общее правило: было бы нечто стоящее чтения, а уж распространиться оно сумеет сквозь все препятствия. Кто сильно желает, тот добудет, что ему нужно. Ни в многоглаголании, ни в многочтении нет спасения. Только «деревня» и спасет нас от этого зла, к которому мы так привыкли, так присмотрелись, что оно уже нас нисколько не ужасает. Предполагается, что пионер идеи независимого труда потому и пошел в деревню, чтобы спастись от кабалы, в которую уловила его *школа*, сделав его неспособным ни к чему, кроме «службы». Поэтому, он уже никак не захочет проводить своих детей в жизнь через эту школу и в угоду ей не согласится их «морить над книгой». Он поймет, что ему нужна совсем другая система, – не система откармливания на убой, а система

естественного питания, у которой принцип самый простой: «не хочешь – не ешь; ешь, но не объедайся». И склад жизни в семье интеллигентного земледельца будет этому принципу благоприятствовать, так как в ней и детский труд на счету: – «Ваня, брось книгу, тебе говорят, – иди телят загонять; успеешь начитаться... Маша, – опять ты за своими тетрадками, а кур еще не кормила... Брось, брось, иди в курятник!». – Вот как будут покрикивать на детей в семье интеллигентного земледельца, и этим способом будет поддерживаться в детях постоянный умственный аппетит; если они с задатками интеллигентных стремлений, в них будет огнем гореть желание «учиться»; ему, что называется, удержу не будет. Правда, и в городе было бы тоже, если бы уделяли должное место мускульному труду да не пичкали ученьем, как противной тюрей, а давали отведывать умственной пищи понемножку, как лакомства: ведь детский умишко точно также требует по природе своей упражнения, как ноги просят бегать, руки – двигать, горло – кричать, и т.д. Но в условиях настоящего образа жизни мы никогда этого не дождемся. В стремлении *заставить* детей учиться родители доходят до отрицания законов природы и правил здравого смысла; очевиднейшими признаками гибельности их нарушения они не смущаются; законнейшее чувство жалости, отголоски родительской любви, подавляют в себе, иногда с страшными усилиями, со слезами; играют пред своими детьми комедию, лгут перед ними, стараясь всячески скрыть от них свои истинные чувства и затаенные мысли; то «наказывают», то «убеждают», то соблазняют разными приманками, то доводят до болезни, то лечат. Одного хоронят со слезами, а другого уже толкают в могилу, мечтая видеть в нем утешение и поддержку в старости, – невероятная, но действительная картина обычной погони за «образованием».

Но в этой картине есть одна замечательная особенность: отсутствие собственного труда старших членов семьи в деле «образования» младших: учит непременно чужой, нанятый человек. Образовался громадный класс учителей, гувернанток, репетиторов. Отчего это так случилось? Оттого, во-первых, что по общему правилу – «ученье – мученье»: кому же приятно мучить свое детище? Уж если это необходимо, то пусть делает другой – чужой, равнодушный. Во-вторых, нужно учить так много, что на это требуются целые часы, целые вечера, – а нам некогда, мы не можем уделить столько времени на эти занятия, сколько требуется. В-третьих, это так скучно, так невыносимо скучно, что только за деньги, от великой нужды и можно вынести

этот труд. В-четвертых, мы ведь все забыли, чему учились и чему теперь заставляем учиться своих детей; нет физической возможности помнить; это доступно только учителям и репетиторам по профессии, пока они ежедневно повторяют одно и то же с своими учениками.

Пионерам независимого труда предстоит доказать на собственном опыте и живом примере, что и «ученье» может быть независимым, свободным трудом, как со стороны учащего, так и со стороны учащегося. Им предстоит доказать, что все те рациональные педагогические истины, которые теперь представляются совершенно неприменимыми, о которых мы теперь умеем только презрительно восклицать: «это хорошо в книжках писать, это одно пустое краснобайство педагогическое!» – что эти истины, если они *истинны*, хороши и на деле. Ведь никто еще и не пробовал этого сделать, потому что испробовать можно только в условиях такого образа жизни, какого интеллигенция не знает. Только «деревня» может открыть ей эту возможность.

«Нужда научит калачи есть» – вот все, что можно ответить на вопрос о том, как может быть организовано свободное домашнее *обучение*, как подготовительная ступень к свободному *самообразованию*. Наперед можно сказать только одно: от ненужного хлама оно будет свободно; форсированным маршем оно не пойдет; внешнего принуждения в нем не будет, а потому индивидуальные свойства учащегося будут определять если не все, то почти все; одним словом, «образование» будет расти, как растет куст, требуя только поливки да соответственной его свойствам почвы. – «Вот в этом-то, скажут и штука: нам нужны библиотеки, лаборатории, клиники...». – Господа, не будем преувеличивать! Боклю, Спенсеру нужна библиотека, а вашему Ванечке много если десятка два книг в пять лет. Менделееву нужна лаборатория, а вашему Мишеньке долго, очень долго будет достаточно дюжины пробирных цилиндров и на 10 рублей реактивов из ближайшей земской аптеки. Пастеру, Шарко нужна клиника, а будущему вольному деревенскому врачу, прежде чем он поедет в эту клинику, есть чему поучиться и у ближайшего заведующего земской больницей, да у казенного врача, производящего «вскрытия». Нам, прежде всего нужна пища, нужна одежда, нужно жилище; а потому во главе всех наук должна стоять наука добывать средства к жизни своим трудом, наука о том, как лучше заставить на себя работать солнце, землю, воду, ветер, животных и т.д. А для этой науки лучшая школа – «деревня». Скажут: «не о хлебе едином жив будет человек». Верно! Но разве *наука жизни* может быть предметом школьного пре-

подавания? Она не «преподается», а *передается*, она распространяется процессом *психической контагии*⁴⁶. Идеальным стремлениям не выучиваются, – ими *заражаются*. Заражайте своих детей своим примером – это будет получше школы; посылайте их учиться к тем людям, от которых можно научиться этой мудрости без слов, без книг, – наука жизни всегда имела и всегда будет иметь своих знаменитых профессоров; история также знает их имена; знакомьте с ними ваших детей, и вы, оставаясь в деревне, можете окружить их таким «обществом», в котором невольно и незаметно они усвоят себе многое из того *хорошего*, чем мир Божий прекрасен, «чем люди живы»... «Идеальные стремления» – это «искра Божия» в человеке, и о ней-то именно сказано: «аще дунеши на искру – возгорится, и аще плюнеши на нень – угаснет». Вся педагогическая мудрость заключается в этом коротеньком [библейском] изречении.

Я. В. Абрамов

Тяготение к земле⁴⁷

Недавно мне пришлось встретить в одной из лучших провинциальных газет горячую статью, направленную против интеллигенции, «садящейся на землю». Автор, несмотря на очевидную искренность тона, не сумел избежать обычных приемов и ошибок тех публицистов, которые почему-то усиленно восстают в последнее время против стремления интеллигентных людей заниматься обработкою земли. Суть этих приемов сводится к тому, чтобы смешать стремление интеллигенции к земледельческому труду с «толстовским учением», приписать последнему то, чего в нем нет, но что будто бы логически из него вытекает; без труда разбить выдуманные самим опровергателем нелепости и затем торжествовать победу над «толстовщиной», а отсюда и над стремлением интеллигенции к земле. Для проделывания подобных вещей не требуется особенных усилий ума, но таким путем едва ли можно отыскать истину.

Я отнюдь не намерен ломать копий в защиту «толстовщины». Я не принадлежу к последователем учения Л. Н. Толстого, хотя это не мешает мне уважать тех, кого называют «толстовцами»⁴⁸ за их искание истины и стремление найти решение вопроса, как жить праведно. Но не это уважение к «толстовщине» побуждает меня заговорить теперь об интеллигентных земледельцах, – вопросе, который мне все-

гда был близок и с которым я знаком не по кабинетным только рассуждениям. Мне хотелось бы выяснить полную законность и глубокое общественное значение этого явления не с точки зрения отвлеченной морали, как оно почему-то исключительно только и трактуется, а со стороны практических требований жизни.

В той же провинциальной газете, о которой мы упоминали выше, другой автор весьма резонно указывал однажды, что призыв интеллигенции к земле отнюдь не составляет исключительной принадлежности «толстовщины». Автор ограничился указанием на одного А. Н. Энгельгардта; но можно было бы составить целый длинный указатель призывов интеллигентного человека на землю со стороны нашей литературы, – призывов, раздававшихся в то время, когда о «толстовщине» еще и слуху не было. Но можно ограничиться и одним А. Н. Энгельгардтом, если принять во внимание категоричность выражений, в которых он звал интеллигенцию на землю, успех его «писем из деревни» и, наконец, одобрение этого призыва со стороны тех самых публицистов, которые теперь не находят достаточно глумления, чтобы насмеяться над идеей о земледельческом труде интеллигенции. Тот же автор статьи в провинциальной газете, на которого мы только что ссылались, делает еще одно важное указание. Он отмечает, что стремление интеллигенции к земледельческому труду является логическим выводом из прежней проповеди тех самых публицистов, которые теперь особенно горячо нападают на это стремление. Собственно это стремление является логическим развитием всего того, что проповедовала большая часть нашей литературы в 60-е и 70-е годы, а литература, чтобы там ни говорили, всегда была и будет не более как лишь отражение жизни. В данном случае стремление интеллигенции к земледельческому труду есть логическое развитие тех течений, которые придавали окраску только что указанному периоду нашей жизни.

Нужно заметить, что мысль о земледельческом труде интеллигенции отнюдь не составляет исключительной принадлежности русской жизни. Мы уже не будем говорить о громадных земледельческих колониях, которые основывались и основываются доселе в Америке и которые считают своих членов тысячами^{а)}. Пред этими колониями наши «интеллигентные колонии» – тоже, что мухи перед

^{а)} Сейчас, например, в Америке устраивается колония на 500 интеллигентных семей под руководством Беллами, автора известного нашим читателям социального романа «В 2000-м году» [СПб., 1890].

слоном. Но на Западе интеллигентный человек, занимающийся земледелием, – просто-таки заурядное явление, не возбуждающее решительно ничьего внимания и отнюдь не кажущееся кому-либо чем-то выходящим из ряда вон, о чем еще нужно вести полемику. Интеллигентность давно перестала быть на Западе профессией, и интеллигентные люди там встречаются во всех профессиях, не исключая и профессии земледельца, и это никому не кажется ни противонравственным, ни опасным в общественном смысле. Мало того, в скандинавских, например, странах, где дети земледельцев в настоящее время весьма нередко получают высшее образование, общественное мнение очень не одобряет тех из этих детей, которые пренебрегают занятием своих отцов, и обыкновенно эта образованная молодежь «садится на землю» и обрабатывает ее. Там же на Западе повсюду встречаются люди, которые «пошли в деревню» и «сели на землю» из принципа, потому что находят, что здесь они могут принести наибольшую пользу обществу, к которому принадлежат. В этом отношении мне пришлось встретить недавно одно характерное указание в брошюре проф. Тарасова, посвященной описанию сельского хозяйства Бельгии⁴⁹. «Что касается деятельности единичных лиц, – говорит г. Тарасов, – в качестве ли хозяев, или в качестве органов сельскохозяйственного управления, то оно решительно не поддается описанию. Я видел людей, которые без усталости работали качественно или количественно за троих, и это потому только, что они горячо любили свое дело. В одну из моих поездок меня, между прочим, сопровождал ксендз⁵⁰. Надо было видеть то увлечение, тот жар, с которыми этот служитель алтаря показывал мне улучшения, которые он приписывал своей инициативе, своему влиянию на паству. “Мне ставят в упрек, – говорил он, – будто бы я омужичился от постоянного общения с крестьянами и непрерывной заботы об их нуждах, об их радостях и горестях; но разве слиться с народом, дабы двигать его к добру и разуму, не есть высокое наслаждение, ближе всего приличествующее служителю церкви, которому чуждо чувство тщеславия?”. И вот маленький священник, без власти, без денег, без связей, делает в результате больше, чем несколько могущественных сановников со всеми их канцеляриями, в которых даже самый последний писец или сторож совершенно гарантированы от упрека, делаемого почтенному ксендзу». Как видим, на Западе имеются не только люди, не боящиеся «омужичиться» ради высших целей, но также и господа, видящие в этом «омужичении» нечто ужасное.

Слова бельгийского пастора, приведенные выше, могут служить прекрасным ответом нашим противникам «омужичения» интеллигенции, берущимся утверждать, будто в стремлении интеллигенции к земле совсем нет общественного элемента, а оно вызывается только личными, эгоистическими побуждениями. «Сесть на землю для интеллигентного человека значит отказаться от всякой общественной деятельности и отдаться исключительно личной жизни, а так как служба обществу есть обязанность всякого нравственного человека, то поступок уходящего на землю получает сходство с бегством с поля сражения», – вот как категорически заявляют наши противники. К сожалению, они не считают нужным привести хоть каких-либо соображений в подкрепление своего тезиса. Конечно, на землю можно сесть исходя из соображений о личном усовершенствовании; но можно придти к тому же, считая работу на земле наиболее производительною *общественною* деятельностью.

Я знаю несколько десятков интеллигентных людей, севших на землю. Между ними я не встречал ни одного, который пошел бы на землю не из соображений общественного характера. Судя, однако, по достигающим до меня печатным и частным известиям, есть и такие «интеллигентные земледельцы», которые сели на землю из чисто личного побуждения успокоить свою совесть и стремления к самосовершенствованию в особенной обстановке жизни в «колонии». Я не понимаю людей этого рода, хотя допускаю возможность их существования. Но едва ли не большинство интеллигентных земледельцев приведены к земле побуждениями совсем иными. Правы они или нет, считая избранную ими деятельность наиболее нужною при настоящих условиях *общественною* деятельностью, – этот вопрос, во всяком случае, нужно хорошенько разобрать, прежде чем категорически заявлять о противообщественности стремления к земле.

Без сомнения, в 60-е и 70-е годы в нашей литературе наибольшим влиянием пользовалось демократическое направление, или, как у нас принято выражаться, народническое. Дробясь на мелкие разветвления, различавшиеся разными частностями, направление это соединяло вокруг себя ряд литературных органов, единодушно поддерживавших несколько общих положений, составлявших основу направления. Положения эти были просты, и в этом, может быть, и заключается секрет их успеха. Направление исходило из того положения, что цель существования общества – общее благо, и так как это благо слишком неравномерно распределено в существующем обществе, то

выдвинута была на первый план обязательность для всех тех, кто живет не о хлебе едином и понял несправедливость бедствий большинства, работы для блага тех, кто на жизненном пиру получил слишком сухой кусок. В этом заключается весь смысл литературной проповеди 60-х и 70-х годов. К этому клонились и все тогдашние «изучения народного быта», и борьба со Спенсерами, и высказывавшиеся в то время этические теории; под влиянием этой проповеди, началась и практическая работа в данном направлении. Учение в народной школе, работа земского врача или фельдшера, земская деятельность, статистические исследования, служба в должностях, соприкасающихся с народною жизнью, и т.д. — все это получило совсем особое значение, — работы для подъема народных сил, для увеличения народного счастья. Нет надобности напоминать, сколько любви и самоотвержения вносили в свое дело люди, бравшиеся за эту работу, сколько сил потрачено, сколько жизни стублено в этом деле. Шли годы, накаплился опыт, и опыт этот говорил, что вся работа для блага народного оказывается слишком мало производительною вследствие ряда причин, между которыми первое место занимает и придает силу и остальным та чрезвычайная бедность, в когтях которой находится наш народ. Самые разумные и практические гигиенические меры оказываются невозможными благодаря той бедности, и лучшие медицинские силы, работающие для народа, приходят к заключению, что вся их работа есть ничто иное, как наполнение бочки Данаид⁵¹. Число школ у нас ничтожно, все благодаря той же бедности населения, да и в существующих школах лишь ничтожнейший процент детей проходит весь курс до конца, так как, благодаря все той же бедности, большинство учащихся уходит из школы в первый, много во второй год ученья. Сделать доступною для народа общечеловеческую литературу оказалось почти невозможным, так как народ по своей бедности не может тратить денег на книги, или, в крайнем случае, может тратить буквально только гроши. Народу дано право самоуправления, как сельского, так и земского, а он избирает в излюбленные люди кулаков, получающим этим путем новую силу эксплуатировать массу, — и здесь причиною является экономическая зависимость от кулака, и так далее.

Наблюдение подобных фактов не могло не сформировать убеждения, что до тех пор, пока наш народ не выйдет из принижающей его нищеты, не поднимется в экономическом отношении хотя бы на одну ступень выше, все лучшие начинания будут разбиваться об эту бедность, и даже в самых счастливых случаях достигаемые результа-

ты не будут соответствовать ценности затраченных усилий. Тут же невольно возникали и вопросы о причинах низкого экономического уровня народа и о средствах поднять его. И непосредственные наблюдения, и еще более систематические исследования, частные и земские, указывали, что важнейшею причиною народной бедности является малая доходность народного труда, обусловленная в свою очередь малою количественною и качественною производительностью этого труда и отсутствием его организации. Отсюда естественно являлось и решение вопроса о средствах поднятия экономического положения народной массы: необходимо поднять производительность народного труда и организовать его.

В России еще доселе не предпринималось в широких размерах содействия экономическому подъему народонаселения, но «мер» в этом смысле испробовано довольно много. Устраивались разные фермы, открывались сельскохозяйственные школы, производились на государственный и земский счет опыты применения разных удобрений, введения новых растений, распространения новых пород животных и т.д.; но все эти попытки буквально ничего не дали собственно для народного хозяйства. Точно также неудачей оканчивались и опыты организации народного труда, вроде устройства промышленных артелей, организации дешевого кредита и т.п.

Тем, кто имел возможность близко наблюдать народную жизнь и задумываться над нею, не могло не сделаться ясным, что нельзя рассчитывать ни на подъем производительности народного труда, ни на организацию его, пока в числе производителей, и именно живущих своим трудом, не будет людей инициативы, людей, имеющих возможность ознакомиться с успехами техники производства, могущими оценить их и ввести в практику, и, наконец, могущими стать организационным элементом в устройстве народного труда.

Вывод этот вполне подтверждается историей экономического роста Европы. И на Западе было время, когда народная масса была так же бедна, как и наша. Экономический подъем этой массы, обусловленный увеличением производительности ее труда и созданием его организации, сделался возможным лишь тогда, когда среди людей труда явились люди интеллигентные. Они явились частью из среды самого народа, получив тем или иным путем умственное развитие, а частью из классов, стоящих над народом, «сев на землю» или взявшись за ремесло. Именно благодаря появлению этого элемента в среде людей физического труда, и стали возможными все те

улучшения, как в технике народного труда, так и в его организации, которые подняли экономический, а через это и культурный уровень народных масс Запада. Посмотрите хоть на то, что делается теперь на Западе. Кто двигает сельское хозяйство скандинавских стран, Бельгии, Голландии, Франции и Германии? Никто иной, как именно все те же вышучиваемые у нас интеллигентные земледельцы. Да иначе оно и быть не может. Не заурядному же, ничего не знающему, а вследствие того недоверчивому и боязливому земледельцу идти вперед! Он может только перенимать, следовать чужому примеру, наглядному и близкому, и идти за другим, более предприимчивым, шире думающим и более понимающим. И потому ему нужен пример, образец, нужна инициатива.

Конечно, рано или поздно из среды самого народа народится нужная ему интеллигенция, как она народилась на Западе. Но, во 1-х, когда-то это будет; а во 2-х, неужели же теперешней интеллигенции в ожидании этого события сидеть, сложа руки, «киснуть в канцелярии», как выражался А. Н. Энгельгардт, и, в конце концов, оказаться ни к чему ненужным бременем народной жизни? Конечно, многие прекрасно удовлетворяются и такую перспективу, прикрашивая ее разными громкими, хотя и пустыми словами. Но не все оказываются способными на это. Находятся интеллигентные люди, которые желают идти навстречу капитальной нужде народной жизни и стать орудием того подъема экономической жизни, без которого мы шагу вперед ступит не можем.

Когда к указанному выводу пришел в 70-е годы А. Н. Энгельгардт, почва для его восприятия была мало подготовлена. Было мало охотников «садиться на землю» и приниматься за тяжелый труд; да и те немногие, которые увлекались новой идеей, увлекались больше внешнею стороною дела, почему и недолго выдерживали, принявшись за него. При таких условиях эта идея была принята хорошо и поддержана многими из теперешних ее противников. Отчего, дескать, и не поговорить о вещах, которые ни к чему не обязывают? Но теперь, когда положение вещей меняется, и находится немало людей, которые серьезно принимаются осуществлять все ту же идею, — начинается травля против нее, причем у заправил этой травли не хватает настолько такта или добросовестности, чтобы не валить в одну кучу предметов, не имеющих ничего между собою общего, и не закрывать от общественного внимания явления, порожденного запросами жизни, тем, что угодно этим господам выдавать под именем «толстовщины».

Попытки обоснования народничества⁵²

I

...Будущий историк общественного развития России не пройдет семидесятых годов текущего столетия, не остановив на них своего внимания. Он их отметит как период, когда в нашей интеллигенции очень ярко выразилось стремление сделать центральным пунктом своего общественного мирозерцания и деятельности трудящуюся массу, что ведет к необходимости раньше или позже пересмотреть с этой точки зрения ходячие социологические «истины». Мало того, что в эти годы возникло (или возродилось) направление, охватившее часть так называемой интеллигенции: тогда все общество прониклось особенным интересом к крестьянству. «Народ», «народный интерес» получили в общественном мнении такой авторитет, что к нему постарались примазаться даже оттенки мнений, не только не имеющие с народом ничего общего, но и относящиеся к нему единственно как к объекту эксплуатации. Вот почему и о «народничестве» «говорится так часто», почему оно «есть нечто весьма неясное, не легко определенное, произвольное; народниками называют себя люди – очень мало похожие, даже вовсе не похожие друг на друга: люди с очень определенными прогрессивными мнениями и люди, заявляющие на каждом шагу, что они – специальные друзья народа и, однако, проповедующие нечто, чрезвычайно близкое к обскурантизму»^{а)}. Это же делает изучение народничества, как новой и самостоятельной струйки в общем русле общественной мысли, крайне затруднительным. Трудность вопроса заключается не в одной лишь спутанности понятий, вследствие которой термин «народничество» прилагается к оттенкам общественной мысли, ничего общего с ним не имеющим. Нужно еще в самом народничестве отделить главное течение от второстепенных его рукавов; уловить самую сущность вопроса в том разнообразии форм, в какие он облекается отдельными лицами или фракциями, относящимися к делу нередко под влиянием субъективных предубеждений. Трудность вопроса усиливается еще тем обстоятельством, что период формирования рассматриваемого мирозерцания был в тоже время моментом оживления практической деятельности общества, которая и поглощала большую часть его сил, и на на-

^{а)} Вестн[ик] Евр[опы], 1884 г., № II [С. 702], ст. г. Пыпина⁵³: «Народничество».

учное обоснование различных программ не оставалось ни времени, ни желания. Отсюда – явление, так удивляющее некоторых писателей, что вопросы «по-видимому, очень капитальные, не вызвали тогда со стороны народников ни одного сколько-нибудь серьезного труда, а трактовались небольшими статейками, с фельетонным изложением и неясной мыслью» (Пыпин ib). Признавая даже, что «неясность мысли» характеризует не всю народническую литературу, нужно все-таки согласиться, что публицисты этого направления не выработали цельной системы миросозерцания, и только один г. Юзов решился собрать свои «статьки с фельетонным изложением» и предложить их читателю как основы народничества («Основы Народничества»⁵⁴).

Не рассматривая этой книги по существу, останавливаясь пока лишь на ее задаче – дать читателю теоретическое обоснование известного миросозерцания, – мы не можем не заметить, что такая задача (хотя бы и не в форме цельного изложения системы) была бы нелишней и для остальных направлений нашей общественной мысли. По крайней мере, такие требования настойчиво заявляет и сам читатель: их можно усмотреть хотя бы в том приеме, какой оказан им труду г. Юзова.

Книжка г. Юзова принадлежит к числу тех, которые усердно читались публикой, несмотря на отрицательное отношение к ним журналистики. В течение шести лет она выдержала два издания, хотя назначена не для легкого чтения. Из этого мы можем заключить одно из двух: или что наш читатель интересуется социально-философскими умозрениями вообще, в их приложении к существующим направлениям общественной мысли; или – что его интересует специально то направление последней, представителем которого является г. Юзов. Примем мы то или другое толкование, или оба вместе, все равно будет совершенно ясно положение, какое следует занять в вопросе литературе: она должна выяснить читателю философские основания существующих у нас направлений – будет ли это сделано положительным или критическим путем. Поэтому и критики труда г. Юзова не должны ограничиваться несколькими словами неодобрения, а воспользоваться представившимся случаем для критического анализа народничества, указания положительных и отрицательных его сторон, что должно быть сделано относительно противоположных ему мировоззрений. Такая попытка была сделана только одним г. Пыпиным (В[естник] Е[вропы], 1884 [№ 1–2]), попытка – в смысле уяснения рассматриваемого направления – неудачная, потому

что все ошибки г. Юзова приписаны были целому направлению, и в последнем не предполагалось ничего сверх того, что включили в свои статьи авторы, подвергшиеся суду критики. С другой стороны, сами народники не высказались достаточно определенно об идеях г. Юзова, и книжка последнего продолжает представлять собой единственный образец систематического изложения мирозозерцания, претендующего не на последнюю роль в ближайшие моменты нашей истории. Сказанного кажется нам достаточно, чтобы оправдать в глазах читателя наше намерение подвергнуть как самый предмет, так и высказанные на его счет идеи новому пересмотру.

Народничество, как направление мысли культурного общества, присуще лишь таким странам, в которых народная масса удалена от влияния на ход общественных дел и активными деятелями в общественной жизни являются лица культурного слоя. В таких обществах, в известном периоде их развития, главной целью деятельности выступает не удовлетворение потребностей массы, как совокупности живых чувствующих и мыслящих индивидов, а — благо страны, интересы государства и т.п.; средства удовлетворения поставленной цели ищутся не в опыте народа и выработанных им формах жизни, а в сознании и опыте верхних слоев общества, в примере других государств и т.д.; избранные мероприятия проводятся в жизнь не путем народной самодеятельности, а при помощи особого персонала, набранного из среды того же культурного общества. Таким образом, и задачи государственной деятельности, и содержание мероприятий, и средства приведения их в исполнение — все в таких обществах естественно определяется высшими, образованными слоями, причем обыкновенно обращается лишь небольшое внимание на то, что в этом отношении может дать народная жизнь, опыт и сознание массы. Неудивительно, если, при таком отношении к задачам жизни, приходится много заимствовать у соседних народов, дальше подвинувшихся по пути прогресса и выработавших готовый арсенал знаний и форм, способных удовлетворить сознанные потребности всяких обществ.

С распространением образования и выделением из среды культурного общества слоя лиц, живущих по преимуществу интеллектуальными интересами и воспитывающихся под преобладающим влиянием более развитой мысли тех же соседних народов, — в обществе появляется критика направления, господствующего как в государственной практике, так и в области науки и литературы. Раздаются голоса, что народная масса не есть сырой материал, годный лишь для того, чтобы

придать бóльшую или меньшую устойчивость зданию государства; что у нее есть свои потребности и желания, которые должны преследоваться наряду, а может быть, и впереди других. Общественная наука обвиняется в односторонности содержания, в котором все занято внешними формами и явлениями и где не видно народа, хотя он-то и составляет основную причину изучаемых феноменов. Изящная литература подвергается такому же осуждению за узость поля художественного воспроизведения, не выходящего за пределы высшего общества и т.д. Так как это критическое направление появляется в интеллектуальной части культурного общества, т.е. в слое, который лично не испытывает больших неудобств от существующих в действительности неустройств, а имеет скорее многие от того выгоды, но который зато, по своей интеллектуальности, особенно чувствителен к логическим несообразностям, то и неудивительно, если его критика и последующее творчество по данному вопросу выразилось и развилось по преимуществу в сфере научных и теоретических, а не практических идей, если в итоге получались гораздо больше философские системы, а не важные и разносторонние практические программы. К тому же до освобождения народа от крепостной зависимости и невозможно было построение практических программ, в которых много места было бы отведено народному началу. Поэтому развитие нового мирозерцания выразилось, главным образом, построением философско-исторических систем, в которых одна и та же основная идея развивалась с различных сторон. Одни из этих построений противопоставляли господствовавшей системе бюрократизма, пользующегося для своих целей готовыми формами других стран, идею народности как принципа, делающего излишними заимствования извне и различные кабинетно-бюрократические измышления и способного дать самостоятельное содержание идее общественности. Другие брали народ не как принцип, не как идею, а как собрание живых, чувствующих личностей, считали удовлетворение потребностей массы главной целью общежития и государственной деятельности, и меру пригодности какого-либо средства, отвечающего поставленной цели, искали не в его национальности или самобытности, а в соответствии потребностям массы, будь это соответствие достигнуто подражанием чужому образцу или развитием местной национальной формы.

Оба течения общественной мысли привели интеллигенцию к сознанию необходимости внимательнее присмотреться к явлениям народной жизни с целью лучшего изучения народного духа – говорили

одни, его нужд и потребностей – формулировали другие. Изучение обнаружило в народной среде наличие таких форм быта и таких воззрений, которые лучше других, доселе осуществлявшихся в жизни, соответствовали требованиям, какие можно предъявить обществу с точки зрения идеальных представлений о правде и справедливости. Это повело к сближению двух главных направлений общественной мысли, о которых мы только что говорили, и к дальнейшему выяснению идеи народничества. Прежде в глазах западников народ был только верховной целью общежития, средства же, отвечающие потребностям массы, они готовы были искать всюду и надеялись всего более на Запад, как достигший высшей ступени развития и тем приготовивший пути, по которым может следовать и Россия. Теперь же, после того, как Запад оказал нам величайшую практическую услугу, какую можно от него ожидать, раскрыв интеллигенции глаза на рабство и тем поспособствовав его уничтожению; после того, как дальнейшее развитие европейской цивилизации обнаружило слабые стороны ее новейшей конструкции, а наблюдение русской народной жизни показало существование в ней зачатков более высокого строя – западническое направление общественной мысли и в другой части своих построений, относящейся к формам удовлетворения потребностей народа, стало ближе примыкать к народу же, больше и больше останавливаться на мысли, что масса населения не только выскажет свои потребности, но покажет и средства, какими всего лучше доставить им удовлетворение. Еще шаг, и новое направление мысли коснулось третьего момента сознательных изменений в общественной жизни – механизма, которым производятся последние.

В крепостную эпоху все общественные мероприятия зарождались, разрабатывались и приводились в исполнение исключительно силами культурного общества; в освобожденной России масса крестьянства призвана к участию в общественной жизни наряду с так называемыми образованными классами. Отныне, следовательно, сама власть нашла нужным разделить заведование известной частью общественных дел между высшими и низшими сословиями, что открывает возможность большого влияния крестьянских интересов и его мировоззрения на общее направление жизни, чем это было раньше. Абстрактная мысль оперлась на этот факт, – находящийся в согласии с некоторыми теоретическими положениями, к которым пришла интеллигенция, изучая историю своей страны и европейских государств, – развила основную его идею дальше и поставила задачей

момента доставление народу бóльшего умственного развития, без которого невозможно широкое и плодотворное его участие в общественной жизни страны.

Итак, народные интересы как цель, формы, вырабатываемые его коллективной мыслью, или другие, соответствующие его желаниям, как средство и самодеятельность населения, как рычаг общественной эволюции – таковы три положения, характеризующие новейшее народничество, каким оно выросло в пореформенную эпоху нашей истории. Практическое осуществление этих *pia desideria*⁵⁵ требует умственного подъема массы, который поэтому и поставлен как главная задача переживаемого момента.

Из сказанного видно, что народничество – движение в среде интеллигенции, что оно временное и имеет смысл лишь до тех пор, пока привилегированное общество является главнейшим фактором общественной эволюции, а его интеллигенция – авангардом прогрессивного движения; что оно потеряет свой *raison d'être* после того, как культурные классы разделят свою миссию с остальной частью населения. Тогда общественная группа, составляющая ныне народничество, разобьется, вероятно, на несколько, сообразно тем задачам и интересам, которые будут выдвинуты на сцену новым широким потоком, призванным к сознательному участию в прогрессивном развитии страны. До тех же пор народничество составляет самостоятельное направление нашей общественной мысли и, как таковое, требует формулирования и обоснования. По своей новизне и потому, что вслед за его образованием наступил период застоя в нашей умственной жизни, – систематическое его обоснование заставило себя долго ждать, хотя данные для него в виде разработки отдельных вопросов не перестают накапливаться в литературе. Труд г. Юзова представляет одну из первых попыток теоретического обоснования рассматриваемого направления, и уже поэтому от него нельзя ждать особенного совершенства; но это его свойство усилится еще более, если принять во внимание, что наша характеристика народничества относится, так сказать, к среднему его течению, но что здесь, как и везде, есть свои крайности, односторонности и что г. Юзов служит именно представителем одного из таких крайних отпрысков интересующего нас направления.

Крайности и односторонности идеи народничества могут выразиться в развитии каждого из положений, на какие логически разлагается рассматриваемое направление нашей общественной мысли. Удовлетворение потребностей народа можно выставить как единст-

венную цель государственной деятельности, забывая о существовании других элементов, имеющих право на участие со стороны государства; протестуя против той бесцеремонности, с какою культурные классы думают кроить и перекраивать народную жизнь, и, указывая на созданные массою формы быта, на мысль и чувства народа, как источник, где нужно почерпать указания на потребности общества, ждущие удовлетворения, и на средства, пригодные для этой цели, – можно совсем устранить с поля прогресса интеллигенцию, позабыв об ее значении в переживаемый обществом момент эволюции и т.д. Или же можно увлечься одним из теоретических положений народничества, недостаточно оценив важность остальных. Направление в таком облачении будет представлено неправильно или неполно, и эти недостатки мы находим в попытке его обоснования, сделанной г. Юзовым. Вот вкратце содержание его взглядов. <...>

IV

...В последнее время обнаруживается существование другого течения, которое мы считаем возможным причислить к народничеству, хотя само оно резко себя от него отделяет, – народничество, которое можно назвать западничеством или подражательным⁵⁶. Это течение <...> признает только два члена формулы народничества, но исключению у него подлежит средний член, гласящий, что удовлетворение потребностей народа должно совершаться в формах, свободно вырабатываемых коллективной его мыслью, его жизнью. Этот член исключается им, потому что все содержание рассматриваемого направления заимствовано целиком от теоретиков западноевропейского пролетариата, которые построили известную схему для объяснения эволюции европейских обществ с новейшим, городским пролетариатом в последней завершенной его стадии и предполагаемой народно-коллективной организацией промышленности в следующей. Эта схема, как философская концепция, связывающая прошедшее, настоящее и вероятное будущее, повторяем, объединяет достаточно полно и в соответствии с действительностью лишь течения общественной жизни, нашедшее себе выражение в городах и других крупных центрах скопления населения. Только в этих рамках теория сохраняет известную стройность, которою и производит впечатление в свою пользу. <...>

Готовность применить рассматриваемую теорию к России поражает не только скрывающееся за этим явлением леность мысли, но и мелкостью идеальных представлений. И действительно, примирять-

ся с тем, что зачатки высокого экономического строя, еще сохранившегося в стране, погибнут бесследно; что вместе с ними прекратится воспитание массы для солидарной деятельности, получаемое ею ныне участием всех членов общины в решении множества разнообразных мирских дел; исчезнут и те задатки высокого альтруистического настроения, которые естественно развиваются под влиянием условий жизни, когда каждый периодически должен быть готов перебороть свои эгоистические побуждения, принести свой узкий личный интерес в жертву другому, в жертву идее общей пользы; погибнет, следовательно, психологически подготовленная почва для проявления более широкой солидарности и притом, что всего важнее, почва, подготовленная не для стадных только действий, а для самостоятельного примирения интересов сталкивающихся лиц, путем работы коллективной мысли, каковое обстоятельство обеспечивает практичность, оригинальность и разносторонность результатов совместной деятельности; примириться с тем, что вместо этого строя разовьется сухоэгоистический, а, имея в виду некультурность страны, и грубый буржуазный строй с его беспринципностью и безграничным индивидуализмом, и что этот строй непосредственно, стихийно будет оказывать свойственное ему влияние на внутреннее построение рабочего класса – примиряться и призывать эти перемены не с болью в сердце и повинуюсь только безапелляционно установленным неотвратимым законам социального развития, а с торжеством и с игнорированием при этом всех указаний на социологическую нерациональность ожиданий о преобладании этого строя в России, примириться только из-за логической стройности системы и недостаточно обоснованных ожиданий каких-то благ вне экономической области – значит показать, что высокие идеальные представления утратили свою власть над нашей мыслью, что мы действительно готовы реабилитировать жизнь, какова бы она ни была, что мы и вправду не даром отличаем себя, как восьмидесятников, что наша интеллигенция заражается той же безыдейностью и безыдеальностью, какая так характерна для западной буржуазной интеллигенции последнего двадцатипятилетия. <...>

Х

...Все вышеизложенное позволяет нам сделать заключение, что и тот, кому дорого осуществление в русской жизни идеалов общечеловеческой правды; и тот, кто удовольствовался бы непрерывностью процесса прогрессивного развития страны; и тот, кто мечтает о раз-

витии общественного строя на народных началах; и, наконец, кто находит, что настал момент приобщения к активным историческим силам народной массы – все должны одинаково стремиться к тому, чтоб плоды работы чистой мысли не оставались в узком круге привилегированного меньшинства, а распространялись в массе населения.

Такая задача, если она будет выставлена на знамени нашей интеллигенции, лучше соответствует как сущности интеллигенции вообще, так и положению ее в России в частности.

Главная сила интеллигенции, как показывает и буквальный смысл самого слова, заключается в ее критической мысли, в идеях, вырабатываемых ею, в знании, источником которого она служит. Важнейшая ее функция, поэтому, заключается в просветительском влиянии на общество и в руководстве последним в случаях проявления общественной самостоятельности. Она – учитель, офицер; сила умственная и нравственная, но не физическая. Она не может сама доставить победу ни одному конкретному положению; таковое осуществится в жизни, если за него станет действительная общественная сила, источники которой кроются, как известно, в массе и богатстве. В нашей стране интеллигенция не обладала бы достаточной общественной силой, даже если бы на ее стороне были привилегированные классы, потому что богатствами, составляющими источник их значения, эти классы в очень значительной степени обязаны государству и без поддержки последнего они утратили бы огромную долю своего настоящего влияния. Тем более она бессильна, когда выставляет практические требования, имеющие в виду интересы народной массы, чуждые привилегированным слоям. Она здесь будет иметь успех, лишь насколько заинтересует в этих требованиях государство, и оценка текущих вопросов общественной жизни с точки зрения общей, государственной пользы, действительно, всегда составляла одну из главных задач интеллигенции. Но для выполнения названной функции нет надобности в затрате всех наличных сил интеллигенции, для этого достаточно деятельности печати; и потому главная масса интеллигентной силы всегда направлялась у нас на возбуждение в культурном обществе личным влиянием работы мысли, на распространение гуманных и просветительных идей, критику обветшалых форм быта и т.п. В этом заключается настоящая задача интеллигенции, вытекающая из тех специальных особенностей, которые составляют характеристические черты этого культурного агента. Отказываться от них ради осуществления практических положений, требующих

участия общественных, а не исключительно умственных сил, которыми только и богата интеллигенция как таковая, значит не только не понимать ни механизма прогресса, ни исторической роли интеллигенции, но и бесплодно растрачивать драгоценную силу, назначение которой – бороться с неустройствами жизни не путем физического насилия, а интеллектуальным влиянием мысли, вооруженной знанием. <...>

XII

Течение нашей общественной мысли, приведшее к современному народничеству, всегда обращало преимущественное внимание на экономический быт народа, и не без причины. Во-1-х, экономические отношения гораздо доступнее обсуждению и сознательному воздействию в практической жизни, нежели другие; во-2-х, экономические отношения имеют в виду удовлетворение самой настоятельной потребности человека, и та или другая организация промышленности сильно отражается на физическом развитии населения; в-3-х, материальная независимость массы является залогом ее интеллектуального развития, нравственной самостоятельности, а через то и общественной независимости от внешних влияний; между тем как на почве экономического подчинения легко могут развиваться всевозможные формы духовного искажения человека и зависимости одного класса от другого, отражающиеся во всех сферах общественной жизни; в-4-х, формы экономических отношений, преобладающие в нашей стране (самостоятельное народное производство и общинное владение землей), будучи ценны сами по себе, как зачатки того строя, широкое развитие которого ожидается в более или менее отдаленном будущем, представляются в то же время имеющими весьма благотворное влияние на развитие социальных инстинктов населения и заслуживают поэтому всяческой поддержки и развития; в-5-х, в противоположность политическим формам, изменяющимся законодательным порядком и по предварительном изменении взглядов общества, – перемены в экономической области совершаются ежеминутно (поземельная собственность одновременно и раздробляется и концентрируется; община в одном месте крепнет, в другом разрушается; хозяйство крестьян падает или возвышается и т.д.). <...>

Наконец, следует помнить, что новые политические формы непосредственно и прежде всего были бы утилизированы привилегированными, культурными классами и лишь впоследствии отразились

бы так или иначе на народных массах. Поэтому культурное общество является естественным представителем, адептом и адвокатом этих форм, и потому политические идеи, насколько это было допустимо, проповедовались и развивались публицистами привилегированных классов общества. В ином положении находится сфера экономических отношений.

Народная масса заинтересована в этих отношениях ежедневно и ежеминутно. Тоже самое следует сказать и о других классах общества. Интересы обеих указанных сторон не всегда солидарны и очень часто прямо противоположны. При этом интересы капитала и крупного землевладения представляются в литературе непосредственно, так как интеллигенция страны принадлежит к одному слою с собственниками. Интересы же народа как составляющего некультурную массу, не имеют в интеллигенции своих естественных выразителей, почему существует опасность, что при практическом разрешении соответствующих вопросов одна сторона легко потерпит ущерб в пользу другой. Из сказанного следует, что русская интеллигенция должна была особенно озаботиться о том, чтобы экономические интересы народной массы, не могущей самой заявить о себе, получили в литературе должную разработку, наряду с разработкой, какой подвергались интересы капитала и землевладения; и естественно, если представительство этих интересов взяло на себя направление общественной мысли, всего более тяготеющее к народу.

Взяв на себя эту задачу, интеллигенция естественным образом пришла к сознанию необходимости наметить общие очертания того экономического строя, который должен развиваться из существующего переходного состояния на место упраздненных крепостных порядков, и который должен удовлетворять одновременно как требованиям народной жизни, так и общим принципам гуманности, правды и справедливости. Затем, она должна была исправлять и дополнять эти очертания, по мере лучшего ознакомления с экономическим положением России вообще и особенностями крестьянской жизни, равно как и народного мирозерцания, в частности и осторожно руководствоваться названной схемой в своей оценке существующего и активном участии в практической жизни.

Задача эта крайне нелегка. Общий смысл ее заключается в предупреждении развития форм промышленной жизни (от которых зависит и нравственный тип человека), выработанных Европой и так подкупающих общественное мнение своим внешним блеском и выгода-

ми, доставляемыми небольшому меньшинству, сумевшему занять первые места. Благодаря устранению некоторых пут, связывавших свободное развитие нашей экономической жизни, недостаткам реформы 19 февраля [1861 г.] и наследию, оставленному историей, развитие названного строя, зачатки которого существовали в России всегда, обнаружились тотчас после освобождения крестьян, и оно было поддержано некоторыми привилегированными слоями, частью по смешению понятий, частью по принципиальной преданности порядкам, несущим благополучие лицам, способным воспользоваться обстоятельствами. Кроме того, сила этого строя в общественном мнении основывалась как на видимой непосредственной полезности его государству, так и на научном обосновании и знамени свободы и просвещения, с которым он явился в Россию, ибо строй этот был выражением тех же начал, которые торжествовали на Западе в политической экономии и юриспруденции, того же течения, которое несло принципы политической свободы и просвещения. Чтобы не допустить этот строй до широкого развития внутри России, нужно было сорвать научный покров, которым он облекался, найти идею рабства, скрывающуюся за внешней его свободой, открыть противоречие, вносимое им в жизнь и которым он роет могилу самому себе; указать наступающее истощение сил, питающих этот строй и вытекающую отсюда затруднительность пышного его расцвета на новой почве, и на призрачность ожидания тех грандиозных результатов в сфере развития производительности, которые одни поддерживают авторитет названного строя с точки зрения государственных интересов. <...>

Итак, указание как международных, так и внутренних отношений, затрудняющих поступательное развитие западного промышленного строя и, дополнение к сказанному, констатирование всех явлений, отражающих противоположное течение и подтверждающих мысль о небесплодности надежды на победу экономической организации, лучше удовлетворяющей общепризнанным целям общежития; отыскание в научных и технических открытиях средств, способных усилить желательное нам движение, и в заключение — построение тех конкретных форм промышленной организации желательного типа, какие обрисовываются по существующим зачаткам в народной жизни, — такова главная задача литературной работы интеллигенции в области экономических отношений русской жизни.

Но рядом с изучением и кабинетными построениями идут практические мероприятия, и здесь на долю интеллигенции выпадает за-

дача указания мер, долженствующих быть принятыми правительством и общественными учреждениями ради поддержания экономической самостоятельности трудящегося; задача проложения путей, связывающих народную жизнь с наукой, с понятной целью облегчения трудящемуся его нелегкой задачи приспособления национальных основ жизни к растущим требованиям времени и прогресса в тех случаях, когда это выходит из границ непосредственного усмотрения и подлежит ведению систематического знания.

С. А. Ан-ский

Очерки народной литературы⁵⁷

«Миллионы русских грамотных стоят перед нами, как голодные галчата, с раскрытыми ртами, и говорят нам: “Господа родные писатели, бросьте нам в эти рты достойной вас и нас умственной пищи; пишите для нас, жаждущих живого литературного слова, избавьте нас от все тех же лубочных Ерусланов Лазаревичей, Милордов Георгов и прочей рыночной пищи”».

Л. Толстой

Вопрос о народной литературе – несомненно, один из важнейших вопросов народной жизни. Если наш народ имеет великую будущность, то она не может быть достигнута без литературы; если интеллигенция должна внести в народную жизнь нечто большее и важное, то это возможно главным образом посредством книги. Со времени освобождения крестьян с каждым днем растет в народной среде как потребность в хорошей книге, так и требование на книгу. Удовлетворяет ли интеллигенция этому запросу? Цель настоящей работы – сделать обзор и указать характер и результаты деятельности интеллигенции в деле народной литературы и таким образом выяснить вопрос: какая книга нужна и возможна для народа? <...>

IV

Довольно долгое время в течение последних 30 лет радикальное и либеральное направления если не давали тон русской жизни и мысли, то, во всяком случае, стояли впереди; но постепенно они на-

чали уступать место новому течению. Хотя и до сих пор они еще не сошли со сцены и далеко не потеряли влияния на жизнь, но они перестали привлекать к себе наиболее жизненные элементы интеллигенции. Либералы, за исключением небольших групп, значительно скомпрометировали себя тесным союзом с буржуазией, интересы которой они взяли под свою защиту; а радикалы, после выделения из их среды новых фракций, после пережитых потерь и разочарований, сделались слишком односторонними в своем понимании нужд и запросов народа.

По мере того, как реформы прошлого царствования стали вводиться в жизнь, интеллигенция начала все сильнее сознавать свое недостаточное знакомство с народной жизнью и чувствовать настоятельную необходимость всестороннего ее изучения. Литература ответила на этот запрос многими ценными исследованиями хозяйственного положения народа, общины, артели, правовых и религиозных понятий народа и проч. Но изучение форм народной жизни только с целью определения их пригодности для будущего оказалось тоже недостаточным: практика введения реформ указала деятелям еще одно явление, не игравшее до [18]61 г. никакой роли, но весьма важное для правильной постановки вопроса: сознание народа. Оказалось, что народ не захотел принять на веру ни одной из реформ, не исключая даже освободительной. К каждой из них он прикидывал свою мерку и, соображаясь с нею, одним реформам шел навстречу, а к другим отнесся равнодушно или даже враждебно. С этим обстоятельством нельзя было не считаться, и таким образом оказалось необходимым не только познакомиться с формами народной жизни, но и глубоко проникнуть в смысл народных устоев, найти их корень и понять их значение.

Приступив к изучению народной жизни с такими именно задачами, интеллигенция вдруг увидела основные устои деревни в совершенно новом свете и постепенно пришла к следующим выводам, которые были ясно сформулированы и подробно развиты в произведениях талантливейших писателей последнего полувека:

1) Что особенности и формы народной жизни, наиболее расходящиеся с культурными тенденциями, могут, при правильном развитии, дойти до высшей степени совершенства и дать народу строй жизни гораздо более полный, высокий и разумный, чем строй культурный. Вместе с этим было замечено, что конечные идеалы народа совершенно тождественны идеалам передовой части русской и европей-

ской интеллигенции и поэтому весь вопрос сводится лишь к пути развития, которым народ должен прийти до осуществления этих идеалов. С другой же стороны было доказываемо, что путь развития европейского культурного общества совершенно не является фатально неизбежным для всякого другого развивающегося класса или народа (Н. К. Михайловский, Л. Н. Толстой, В. В.).

2) Что основные устои народной жизни и наиболее отличительные, положительные и отрицательные особенности ее составляют не мертвый остаток крепостничества, который рано или поздно должен отвалиться, как полагали западники, а также не созданы национальным гением всего русского народа, как думали славянофилы, – но явились законным продуктом чисто-экономических условий крестьянской жизни – земледельческого труда, и поэтому разрушать коренные устои деревни, пока народ останется жить под властью земли, совершенно невозможно (Г. И. Успенский).

Эти два положения легли основанием нового направления – народничества.

Согласно своим основным воззрениям, народничество отстранило интеллигентного деятеля от его прежней роли воспитателя народа, которая, при новом взгляде на народные устои, оказалась невозможной и ненужной, и указало ему деятельность совершенно иного характера.

Невеселую картину представила глазам интеллигенции пореформенная жизнь народа.

Крепостное право остановило на несколько веков течение народной жизни, которая могла бы, которая могла бы при свободном развитии под властью земли и при помощи народной интеллигенции, довести свои формы до совершенства. Не будучи в состоянии задуть духовные силы народа, оно сковало их и, применившись к тем, далеко еще не совершенным формам, какие были им встречены в народной жизни, оно засорило русло народного развития своими рабскими тенденциями. Но едва только крепостной строй рухнул, ожившая народная душа начала заявлять о себе. Придушенная личность стала чувствовать свои права на жизнь и принялась разбивать оковы общины и семейно-патриархального строя, унаследованные от крепостничества. Хотя эта борьба началась отчасти под влиянием проникнувшей в деревню культуры, но не ею она была вызвана: она проявилась бы и без постороннего влияния. Если, в увлечении борьбой, личность посягнула и на коренные основы земледельческого быта, то это не грозило падением основным устоям крестьянства:

стоило только личности одержать победу, и она, продолжая жить под властью земли, вернулась бы к пошатнувшимся формам и стала бы развивать их на свободной почве.

Но едва лишь обозначились первые фазисы борьбы народа против наследия крепостничества, как в деревню ворвался бурным и мутным потоком новый страшный фактор – капитализм, который стал, с одной стороны, отрывать от земли десятки и сотни тысяч трудящихся членов, а с другой стороны, вносить в деревню новые идеалы, виды, интересы и пр. И насколько оторванный от земли рабочий легко и быстро терял свои вековые устои (это-то и дало повод многим исследователям ошибочно констатировать общее падение крестьянских устоев), настолько же твердым и неподатливым оказался крестьянин, оставшийся в деревне, под властью земли. Он с первого момента стал ограждать себя от капитализма и его влияния всеми возможными средствами: переселением, сектантством, иногда даже грубой силой.

Кроме этих двух язв – капитализма и наследия крепостничества, – вернее, на их почве – в самой деревне открылась и приняла поистине ужасающие размеры третья язва – местное кулачество. Вступив между собою в теснейший союз, капитализм, занесенный к нам из Европы, и кулачество, зародившееся на почве «зоологической правды» деревни, принялись систематически разорять страну и высасывать последние соки из крестьянства. Вся эта неурядица осложнялась еще разными мероприятиями, направленными к ограничению народной самостоятельности, к разрушению народных устоев и насаждению капиталистической промышленности.

Очутившись под таким систематическим, перекрестным и все усиливающимся огнем, народ должен был направить все свои духовные силы исключительно на борьбу, вместо того, чтобы употребить их на благотворную зиждательную работу. Борьба оказалась слишком сложной и тяжелой; народная мысль начала усиленно работать, искать выхода из ужасного положения; но, пригнетенная веками рабства, бедностью и тьмою, она не могла разобраться в хаосе обрушившихся на народную жизнь явлений и стала изнемогать под их тяжестью. Только ничтожная часть народа, особенно уж сильные элементы его, – успела стать на более или менее правильный путь, остальная же мыслящая масса, или предпочла побег на переселение, или все еще ищет выхода, или, наконец, залезла в догматические дебри, которыми, отчасти, стремится укрепить и замкнуть формы

своей жизни, чтобы сделать их непроницаемыми для капитализма, как они были непроницаемы для развращающего влияния крепостничества. Эта мучительная работа мысли, работа, которая Бог весть к чему приведет, началась десятки лет тому назад и до сих пор не только не завершилась, но даже не приняла определенного правильного направления. А пока что – гибнут народные силы, беднеет страна, развиваются умственные, нравственные, физические болезни...

Под впечатлением этой тяжелой картины горя и беспомощности народа, лучшая часть интеллигенции поставила своим долгом, своим девизом, смыслом всей своей жизни – бескорыстное служение народу. Этими тремя словами определился главный характер народничества. Если народу не нужен воспитатель и руководитель, который перестраивал бы все здание народной жизни, то ему нужен помощник-просветитель, который помог бы бороться с неблагоприятными, несимпатичными народу явлениями и условиями, который осветил бы ему светом знания его собственные коренные устои и все внешние условия теперешней жизни.

Признавая возможность и целесообразность оригинального развития для народа и считая воспитание его интеллигенцией по собственному культурному шаблону – нецелесообразным, народничество вместе с тем, не отрицает для народа цивилизации в чистом смысле этого слова, и не признает культурного строя жизни, безусловно, негодным и для общества. Если народу нельзя и незачем перенять весь строй культурной жизни, то настолько же невозможно и убийственно для общества отказаться от своего пути развития и зажить по-крестьянски. Пока жизнь обоих слоев нации не сольется естественным образом воедино, до тех пор каждый из них должен идти своим путем, и если культурная жизнь представляет много неприглядный сторон, то задача интеллигенции состоит не в упразднении культуры, а в исправлении ее. Кроме того, призывая интеллигенцию в деревню, народничество этим совершенно не думает отрицать необходимость городской интеллигенции, задачи которой очень обширны. Но, опять-таки, только тогда эта интеллигенция получит возможность жить самостоятельно, не продавая себя в рабство кулачеству и капитализму, когда она будет составлять только часть, – соразмерно численности и нуждам городского населения, – всей русской интеллигенции; остальная же масса интеллигентных сил должна уйти в деревню. Но и эта интеллигенция, живя в деревне, совершенно не

должна отказываться от многих возможных для нее сторон культурной жизни, не должна непременно зажить по-крестьянски, «надрываться» на работе, короче – приносить себя в жертву. От этого народу теплее не станет. Деревне нужны учитель, врач, акушерка, фельдшер, ветеринар, адвокат, агроном, писарь, офеня, и т.д. Все эти места в настоящее время или не заняты вовсе или заняты большей частью людьми не интеллигентными в высоком значении слова, а то и прямо невежественными и бесщетными. А должны они быть замещены исключительно интеллигенцией, которая пойдет в деревню не ради оклада, а с бескорыстной преданностью и любовью к народу. Только тогда деревня перестанет быть такой одинокой и беззащитной, как теперь. Если в настоящее время деревня «съедает» интеллигента, т.е. охватывает его таким разнообразием дел и забот, что он должен во имя их отрешиться от личной жизни, то причина этого лежит исключительно в недостаточности интеллигентных сил в деревне и сильном запросе на них с ее стороны. Когда же интеллигенция хоть сколько-нибудь удовлетворит этому запросу, дело служения народу перестанет быть подвигом; если оно не даст интеллигенции тысячных окладов, то даст ей зато более ценное благо: душевный покой и сознание, что жизнь проходит не даром.

Такова в общих чертах программа народничества, насколько она успела выясниться в произведениях Елисеева⁵⁸, Успенского, Златовратского, В. В., Михайловского и прежнего Толстого.

V

В начале 80-х гг., когда народничество уже заняло первенствующее место в ряду других направлений и легло в основу стремлений лучшей части русской интеллигенции – в жизни и литературе появились новые течения, которые попытались увлечь народническое направление совершенно в иную сторону и придать ему другой характер.

С середины 60 гг., как известно, жизнь общества, полная светлых надежд, вдруг стала тускнеть и опускаться. Начался, по выражению Н. Михайловского, «тот скорбный лист русской литературы – и, следует прибавить, жизни – которой и до сих пор не завершился ни окончательною смертью, ни окончательным выздоровлением»⁵⁹. Началась тяжелая, мрачная пора; в жизнь интеллигенции ворвалась смута, предательство, погоня за наживою; светлые идеалы 60 гг. постепенно сжигались... Жизнь с каждым годом становилась тусклее; каждый день приносил новое разочарование...

Вот под этим-то безотраднo тусклым небом появилось и стало развиваться новое направление, которое постепенно стало низводить деятельность интеллигенции для народа на почву самой узкой практичности. На помощь этому направлению подоспел Л. Толстой с его учением о непротнвлении злу и отрицанием прогресса, цивилизации, а вместе с тем и умственной интеллигенции, во имя физического труда и личного нравственного усовершенствования. Кроме небольшой горсти искренних последователей Толстого, взявшихся за земледельческий или вообще физический труд, отказавшихся для этого от культурной жизни и ее задач, – к учению Толстого присоединились и «народники-практики», которые, по своей безыдейности и умственной растерянности, сами не имели определенной почвы под ногами. Теперь, ободренные авторитетом Толстого, они смело выставили своим девизом: «синицу в руки!» и стали с непростительной грубостью и недомыслием топтать в грязь те самые идеалы и принципы, во имя которых дедаы и отцы их начали дело служения народу.

Можно, кажется, смело сказать, что это направление за десятилетие своего существования не привлекло к себе ни истинно-жизненных сил интеллигенции, ни одного талантливого литературного деятеля, за исключением Л. Н. Толстого. Но зато оно внесло в сознание общества такой беспорядок и смуту, каких не вносило ни одно направление, свой своего перестал узнавать, и под словом «народничество» в обществе стали понимать какой-то дикий вандализм: абсолютное отрицание науки, искусства, цивилизации, интеллигенции и здравого смысла. Печать стала смешивать и ставить рядом Успенского, Юзова, В. В., Златовратского, Абрамова, Михайловского, Толстого, новейших славянофилов и т.д. Но подобное недоразумение, конечно, долго продолжаться не может. Пройдет тяжелое время – и истинное народничество, самое жизненное и единственно возможное и справедливое направление в стране, где $\frac{9}{10}$ населения – земледельцы, – станет опять преобладающим направлением русской жизни.

Все охарактеризованные в настоящей главе направления в деятельности интеллигенции для народа – культурно-воспитательное, просветительно-народническое и практически-толстовское – наиболее ярко отразились в попытках интеллигенции создать народную литературу: в направлении и судьбе интеллигентно-народной книги последних тридцати лет. <...>

По поводу культурных одиночек⁶⁰

За нами осталась некоторая недоимка перед читателем... Ознакомившись с разнохарактерным составом и наиболее выдающимися чертами людей, живущих и пытающихся жить и действовать в деревне («Р[усское] Б[огатство]», [1893] №№ 5 и 6), мы хотели остановиться на их общих чертах и сделать некоторые обобщения <...>. Вот эту то недоимку нам и хочется теперь пополнить, так как без этого не только наша статья «Культурные одиночки в деревне» была бы неполной, но и сами эти люди не получили бы в глазах читателя того значения, какое мы им придаем, какое они, если пока не имеют, то могут иметь. Значение это прямо определяется степенью общественной полезности и нравственного содержания и влияния их деятельности.

Для одних из этих людей общественные задачи и служение составляют главную и прямую цель; другие, не задаваясь широкими общественными планами, руководятся преимущественно личной этикою и желанием найти скромное, чистое занятие по душе и совести; третьи присоединяют к этому личный, экономический интерес, т.е. желание, чтобы занятие это служило вместе с тем и источником существования; а некоторые ставят последнюю цель даже на первое место и руководятся исключительно ею. По всей вероятности, с течением времени, с возрастанием в народе культурных потребностей, деятельность около него может служить известному числу и сорту лиц даже источником наживы; но о таких господах мы не говорим <...>. В данном же случае нас, прежде всего, занимает наилучшая постановка вопроса, какую мы встречаем у лучших людей этого рода, и условия наилучшего, если можно так выразиться, обобществления культурной деятельности вообще, т.е. каким образом она может переходить в плоть и кровь, на общественную потребу и духовную пользу.

Люди эти стремятся делать то, что, при иных условиях и состоянии общественности, должно было бы делать все образованное общество. Тогда их деятельность не представляла бы ничего выдающегося, ничего особенного; но зато и не была бы такой одинокой, трудной и бедной результатами. Но чем безразличнее и бездеятельнее общественная среда, чем к ней больше могут относиться слова поэта: «к добру и злу постыдно равнодушны», тем ярче выделяются на ее темном фоне эти маленькие, одинокие огоньки теплящейся жизни, искренней любви к ближнему и веры в лучшее будущее, тем симпа-

тичнее все эти бескорыстные учителя и учительницы, врачи, крестьянские поверенные, ходоки, основатели артелей и т.д. Со всех сторон говорят им, что они берутся за непосильное дело и не переделают жизни, что они толкут воду в ступе и размениваются на мелочи, что ковшом моря не исчерпать; а они отвечают: «надо хоть что-нибудь делать, надо хоть ковшом отчерпывать человеческое горе, если оно заливаает землю, лишь бы не сидеть, забравшись в верхние этажи, сложа руки; мы органически не можем дольше сидеть, потому что у нас затекли ноги и руки от бездействия, мы хотим делать, что можем и умеем; пусть являются более сильные и умелые, – честь им и дорога, мы пойдем за ними, если сможем, а кто не сможет – будет помогать общей работе, лишь бы только это была работа, а не черпание чужого горя одним только языком». И этот-то вот действенный элемент, которым проникнуты их неугомонные души, и делает их особенно ценными во время общественной апатии, подавленности духа и празднословия. Это, разумеется, не исторические герои, – с героями мы их и не сравниваем, перед героями они и сами снимут шапки, – а люди обыкновенной человеческой меры, только добросовестные и искренние, показывающие, что должны и могут делать все, что доступно всякому, даже самому дюжинному человеку, если только он добросовестен и не боится стать лицом к лицу с неправдой и лишениями. Героев обыкновенно бывает мало, но людей, для оправдания собственной бездеятельности, прикидывающих ко всем и всему героическую мерку, очень много. Немало у нас также мокрых кур, сидящих десятки лет на своих насестах и уверяющих, что жить они могут только в широких горизонтах и что у них будто бы отрастают орлиные крылья. Никакие самые мощные крылья не поднимут их брюха даже на вершок от земли; но, тем не менее, всех, кто летает ниже орлиного, по их мнению, нельзя ценить больше пятиалтынного. Это умеют теперь делать даже просвещенные краснорядцы и шустрые чиновники и наметавшиеся в разговорах купчихи. Вы говорите им: какой хороший у вас доктор, сейчас же едет к бедным и ничего не берет, а они вам отвечают: «да, черпает воду решетом, лечит для того, чтобы они сейчас же вновь заболели». Вы указываете на не знающую устали учительницу, а они говорят: «ничего себе, копается, приготовляет грамотных приказчиков, но пороку не выдумает». Сами они, конечно, также не только не выдумают пороха, но зачастую и не знают, кто его выдумал, а диалектические разговоры прекрасно умеют вести. Перед такими господами и госпожами люди, о которых мы

говорим, шапки, разумеется, не снимут. Об этом речь, впрочем, впереди, а пока достаточно сказать, что с героями их и неправильно сравнивать, а можно сравнивать только с большинством общества, с общественной массой. С этой же точки зрения вряд ли кто-нибудь имеет право смотреть на них сверху вниз. Тем более не может смотреть на них так литература, дело которой оценивать явления по их общественному смыслу и одобрять каждую активную попытку к добру. Она твердила и продолжает твердить о недостатке учителей, докторов, техников, о том, что народ болеет, беднеет, не знает грамоты и т.д., и, когда являются люди, которым надоело сидеть за зелеными столами, участвовать в любительских спектаклях и есть предводительские пироги с вязигой, люди, которые выходят на работу с редким самоотвержением и, несмотря на множество препятствий, она должна приветствовать их. Если результаты в этом отношении достигались до сих пор лишь самые незначительные, она должна посмотреть, почему это происходило и что нужно для того, чтобы дело шло лучше. Так мы и делаем.

Результаты деятельности культурных одиночек, действительно, до сих пор были лишь самые незначительные. Причины этому лежат, с одной стороны, во внешних неблагоприятных условиях, среди которых им приходится действовать, а с другой – в условиях внутренних: в способах и приемах действия, в выборе и направлении деятельности, в малочисленности и разрозненности действующих лиц и в целом ряде смутных понятий и недоразумений, распространенных в культурном обиходе. Внешние условия представляют нередко такую массу препятствий, что нисколько не удивительно, если в столкновении с ним гибнет много сил и энергии; а натуры деликатные и робкие, неспособные к жизненной борьбе, прямо отступают перед ними. Как, в самом деле, защитит себя одинокая сельская учительница от ловеласничества и ложных доносов волосного писаря с урядником (случай, указанный в № 6 «Рус[ского] Бог[атства]»); где гарантии для человека, ведущего крестьянские судебные процессы, подобно г. Гецевичу, над которым проделывались самые невероятные издевательства (в Валдайском у.). Случаев грубости и мелочной придирчивости так много в провинции, что их затруднительно даже перечислить: в одном месте волостной старшина, рассерженный раскрытием его злоупотреблений, домогается подвергнуть учителя телесному наказанию (в Старицком у.); в другом – пьяные сельские власти вламываются ночью в учительскую квартиру и наносят учи-

телю побои (в Новосильском у.); в третьем составляется целая компания из волостного писаря, станового и нескольких деревенских воротил, которая путем разных подвохов и сикофанства⁶¹ выживает лиц для нее неудобных (дело, разбиравшееся окружным судом в Сарапуле) и т.д. <...> Многие безобразия производятся совершенно открыто, на глазах всего общества, как нечто вполне правомерное и заслуживающее одобрения, производятся с полной откровенностью и даже с цинизмом, что, конечно, крайне дурно говорит о нашей общественности. <...>

...Мы отлично знаем, в какой мере важны общие условия, в какой мере они могут поднимать дух даже слабых людей, поддерживать неустойчивых и облагораживать сомнительных, а в других случаях доводить до бесчувствия даже людей сильных; но дом, в котором тепло, когда и на дворе тепло, и холодно, когда и на дворе холодно, — плохой дом, и человек, который, при малейшем холоде, превращается в ледяную сосульку или бежит на печку греться и сталкивает оттуда всех более слабых, также немного стоит. Вот почему направление и тон жизни определяется у нас не общественным мнением, а случайными обстоятельствами, внешними температурами и веяниями да бессознательным ходом экономических причин, которыми мы управлять не умеем, и которые поэтому периодически заставляют нас упираться в стену. Кто по совести или на основании незыблемых фактов даст ответ, напр., относительно крестьянской реформы: была ли она плодом общественного сознания, или делом небольшой, просвещенной и энергичной группы лиц? Если необходимость ее признавалась многими, то точно также многие и противодействовали ей. По тем же причинам, когда совершаются реформы, в роде последней земской и городской, или вводится институт земских начальников, то общество не знает, как к ним относится <...>. Сколько людей колебалось перед вопросом: идти ли им в земские начальники, в городские головы, в председатели и члены земских управ, по новому положению, или не ходить.

В обществе с развитым сознанием гражданских потребностей и обязанностей ни подобные колебания, ни подобное отношение к делу были бы немислимы, потому что оно всякую реформу, если только в ней есть жизненные стороны, ассимилировало бы по-своему, т.е. воспользовалось бы и дало бы развитие тем ее сторонам, которые целесообразны; стороны же ненужные обратило бы в мертвую букву; а если в реформе совсем нет жизненности, то она и совсем осталась бы

инородным телом. <...> Нам скажут, что реформы не с неба сваливаются, а производятся в удовлетворение общественных же потребностей, если не всего общества, то известной его части; но это нисколько не изменяет того, что мы говорим: чем меньше группа, заинтересованная в реформе, чем интересы ее приходят в большее противоречие с интересами общими, тем обществу необходимее создать практический корректив к ней, выяснить, где страдают его законные интересы, и на законной почве постоять за их охранение. – В обществе же с слабым самосознанием выходит наоборот: в то время, как большинство общества остается равнодушным, а лучшие люди сторонятся от неприятностей, являются на сцену худшие элементы или люди своекорыстно заинтересованные в отрицательных сторонах реформы, которые и дают развитие именно этим ее сторонам. Наиболее рьяные из них проносятся настоящим смерчем по жизни. Тоже самое происходит и с хорошими, истинно-общественными реформами: они попадают или в руки слабые, или в руки людей, недовольных ими, которые по-своему поправляют их, урезают, вообще, вертят ими, как хотят, и, в конце концов, искажают. Нечего и говорить, насколько невыгодно для государства такое распределение общественных сил и такое отношение к делу, а между тем нередко доходит до того, что нет возможности узнать даже откровенного общественного мнения о реформе: говорят и хвалят только те, кто лично заинтересован, а остальные молчат или выражаются уклончиво. <...>

...Пассив этот очень велик. Тут мы встретим и новейших Обломовых, и престарелых Маниловых, и возмужавших Фемистоклюсов, и широкие, возвышенные натуры à la Рудин и Агарин, которые не находят дела по плечу; <...> и господ, говорящих, что теперь нельзя и не стоит ничего делать, однако, достаточно обеспеченных, чтобы жить без труда; и людей, занимающихся на склоне жизни самоусовершенствованием и саморазвитием, и людей, живущих исключительно воспоминаниями прошлого, и просто говорунов, и просто трусов, боящихся житейских столкновений и недоразумений, и настоящих либеральных фарисеев, и молодежь, возводящую пассивность в принцип, как, напр., некоторые из наших марксистов, которые говорят, что с капитализмом ничего нельзя поделать, что он предназначен покорить народы и обратить мужика в пролетария, что пред его требованиями должны преклониться всякие общественные силы и даже самый человеческий дух, и т.д. Вот с кем нужно сравнивать людей, проявляющих бодрость духа и желающих нести в дерев-

ню ободрение, просвещение и помощь. Вот что говорит Спенсер в недавно вышедшем II томе своей «Этики»⁶²: «участвовать в общественной жизни страны есть долг каждого гражданина; тот, кто этого не делает, обнаруживает одновременно и близорукость и неблагодарность, и подлость». Хотя речь собственно идет об Англии и ее учреждениях, но смысл ее во всех случаях остается одним и тем же: близоруким был бы такой человек, потому что воздержание от участия в общественной жизни, – если бы оно стало всеобщим, – повлекло бы неизбежно к упадку каких угодно хороших учреждений и к замене их плохими; неблагодарным он был бы, потому что забыл бы о работе мысли и усилиях лучших людей прошлого, и, наконец, это было бы низостью или подлостью, потому что сваливание общего дела на других «равносильно наклонности получать какую-нибудь выгоду, не давая за нее взамен ничего». <...>

Существует опасение, что деятельность культурных людей в деревне ограничится крошечными пределами маленьких, частных дел, так что в общественном смысле не только не будет от них пользы, а будет будто бы даже ущерб, в виде потери времени и сил. Если представить себе, что эти попытки не встретят сочувствия, что сами действующие лица не приложат усилий к развитию и упрочению своей деятельности и энергия их ослабеет, то опасение это может иметь некоторые основания, но говорить, что это именно так и будет, и тем более, что так и должно быть, нельзя. Гораздо больше опасений могут внушить чисто внешние препятствия и общественная безучастность, а не дела, которые, хотя бы и были малы в данную минуту, но неизвестно почему обречены оставаться такими и в будущем. В полемике, которая произошла несколько лет тому назад по этому поводу между «Неделею» и покойным Шелгуновым, действительно, можно было подумать, что «Неделя» рекомендовала малые дела или, вернее, малые цели, как нечто самодовлеющее, не советуя при этом не только смотреть, но даже взглядывать кверху; но такую постановку вопроса нельзя не признать исключительной, несогласной не только с мотивами деятельности людей, думающих о деревне, но даже с самой природой человеческой. Я уже имел случай высказываться по этому поводу, и теперь мне остается только повторить то же самое. Во 1) маленькое дело вовсе не синоним маленькой цели. Что можно, напр., представить себе меньше сборов, которые производил Массе для своей Лиги образования, а между тем и цель была не малая, и дело также создалось не малое. Во 2) маленькие дела могут не

иметь никакого отношения к тому, что находится за их пределами, быть раскиданными там и сям крупинками и не иметь никакой перспективы, но могут также, при известном сродстве и содействии, слагаться в большие суммы, как слагаются капли в реки и паровые частицы в тучи, а также могут и синтетически входить в большое дело, подобно тому, как каждое большое дело, в свою очередь, разбивается на части. В этом большая разница, и в последнем смысле чуждаться маленьких дел, конечно, нельзя. Каждое такое маленькое живое дело, разумеется, гораздо лучше большого безделья, о котором мы выше говорили и которое имеем, главным образом, в виду. — Нужно не иметь ни малейшего представления об обществе, чтобы не понимать, что живет оно непрерывно и движется по равнодействующей не потенциальных, а активных общественных сил. Если положительных сил больше, оно идет вперед, если отрицательные силы получили преобладание — идет назад, и при этом пассивные элементы вовсе не остаются в безразличной роли, а увеличивают движение в направлении преобладающем.

Решив этот элементарный, общий вопрос, мы будем иметь уже дело с точкою отправления и методом деятельности, с воззрениями, склонностями, характерами и вообще индивидуальными сторонами действующих лиц, приводить которых к однообразию пансиона будет в значительной степени нецелесообразно. Это значило бы стеснять инициативу и ограничивать могущие получиться результаты. Здесь необходим значительный простор. Совершенно достаточно знать, что люди одинаково понимают добро и зло и идут, хотя бы и разными тропинками, но в одинаковом направлении. Нельзя, напр., всех и каждого сделать учителями, как нельзя всех превратить в докторов. <...> Между тем, сегодняшний врач или учитель могут завтра сами потерять всякую охоту к лечению и преподаванию и пожелать более живой и подвижной деятельности, а человек, ведущий подвижный образ жизни, занять более спокойное учительское место. Тогда, наверное, все устроится гораздо лучше, и даже недостающие знания пополнятся. Мы видели, наконец, недавний пример, как необходимость помощи во время голода заставила самых разнообразных людей сосредоточиться около одного предмета — кормления голодающих.

Словом, здесь больше, чем где-либо, необходима свобода, а между тем здесь-то именно и предъявляется больше всего требований и делалось и делается больше всего ошибок. <...> В противополож-

ность простому народу, наше культурное общество отличается замечательно неуживчивостью и склонностью к регламентации. Может быть, отчасти этим объясняется и тот факт, что культурные люди живут и действуют в деревне одиночками. <...> Полное единодушие и единомыслие по некоторым предметам – вещь очень хорошая, к которой надо стремиться, и оно устанавливается по мере общественного развития, или в известные моменты жизни; но желать, чтобы все без исключения и во всех случаях думали по одному образцу и ходили по одной тропинке, да еще не обыкновенным шагом, а размеренным, – вещь не только несбыточная, но и ненужная, не только ненужная, но и вредная.

Отсюда только один шаг до аракчеевщины, а может быть и еще дальше, – вглубь тех исторических подземелий, где совсем не церемонились с человеческой совестью. Имея дело с обществом бесформенным и разрозненным, которому предлагаемые пути и ожидаемые результаты еще не ясны, нужно иметь в виду, что оно может отвернуться от таких бинтов и рецептов для поведения и что самый призыв к добру, если он с этого начинается, может остаться не услышанным; что общество состоит из элементов очень разнородных, для которых одного рецепта не придумаешь, но которые, однако, могут своеобразно служить добру конкретному, близкому и понятному, а, следовательно, служить и одной общей высшей цели, что одна из первых задач должна состоять в том, чтобы вызвать на такую работу возможно больше работников, и что в этом смысле надо дорожить каждой личностью, каждой обращенною в сторону правды деятельностью, как бы она ни казалась мала и как бы, по-видимому, далеко ни отходила от требуемого образца. Не сужение умственного горизонта должно произойти при этом, а расширение, хотя бы уж по тому одному, что лучше выяснятся условия добра и причины зла, что большему числу людей придется возводить частные факты к общим причинам. Одни общие экономические причины представляют очень сложную задачу для изучения и рационального решения. На добро и зло конкретные, повседневные, несмотря на их сравнительную незначительность, нельзя смотреть как на нечто ниже нашего достоинства и не стоящее внимания. В них мы прежде всего познаем людей; а затем, прогрессивные стремления отдельных лиц и изолированных групп столько раз приходили по этому поводу в противоречие с обществом, народом и вообще со всею страной, что нельзя не думать об уменьшении таких противоречий и о том, чтобы не создавалось

таких положений для прогрессивных стремлений. Между тем, когда заходит речь о практической деятельности, то очень многие, и в том числе те же прогрессивные элементы, говорят, что у нас нельзя и не стоит ничего делать, и остаются в бездействии, предполагая, вероятно, что все само собою сделается, но в то же время не отказываясь, однако, пользоваться теми условиями, на которые так высокомерно машут рукой; а те, кто берется за общественное дело, сплошь и рядом оказываются неумелыми или бросают его при первой же неудаче, при первой же встрече с препятствиями. <...> Когда у нас говорят, что практика, как тина, засасывает людей и что надо смотреть выше, то предполагается, что надо от нее сторониться, а на малые дела и тем паче нужно плюнуть; а когда говорят, что надо дело делать, то добавляют: «и не предаваться при этом мечтам», точно то и другое представляют нечто совсем несовместимое, точно человек, делающий какое-нибудь дело, уже не может мечтать и смотреть вверх, а человек, смотрящий выше брюха, не должен даже и думать о каком-нибудь практическом деле. Нам кажется наоборот, что человеку всегда следует смотреть возможно выше и шире, но что это нисколько не мешает, а равным образом и этому нисколько не мешает, если он будет не забывать об окружающем и будет любить и уметь делать какое-нибудь дело. <...> Говорят, что русский человек склонен к широким общечеловеческим интересам и стремится быть всечеловеком. Если не подвергать такой поэзии сомнению, то это, разумеется, очень хорошо, но надо при этом заботиться и о том, чтобы вместо всечеловека не сделаться всероссийскою размазней, переполненной только смутным брожением хороших чувств, но не способною ни на истинное самоотвержение, ни на то, чтобы сделать что-нибудь прочное в жизни. В этом последнем отношении я знаю, напр., такой обидный факт: в одной местности на юге России жило человек пятнадцать русской молодежи, одушевленной самыми лучшими намерениями и любовью к меньшему брату; мужику оказывалось всяческое внимание и почтение; его сажали чуть ли не на первое место, ели с ним одною ложкою, угощали вареньями и печеньями; за все ему платили дороже, чем другие, давали денег – и займы, и «на чай», и просто так себе, – рассказывали об европейском устройстве и рабочих ассоциациях и т.д. В той же местности жил и один молодой немец – Шмидт, управляющий или, вернее, просто садовник, человек без всяких гуманитарных идей, настоящая узкая, формальная немецкая душа, с военною выправкою, с ни на чем не основанным и не-

скрываемым высокомерным отношением не только к русскому мужику, но и ко всему русскому. Само собою разумеется, что русские культурные соседи относились к нему соответственно и ничего общего с ним не имели; а года через три-четыре и он, и они разъехались из той местности в разные стороны. Прошло около 20 лет, и вот что я, совершенно неожиданно для себя, узнал и услышал, когда снова заглянул в тот край. Один крестьянин, показывая мне свой садик, сказал: «эти груши и яблони мне еще Шмидт прищепил»; другой, на вопрос о том, как идут дела, ответил: «дай Бог здоровья Шмидту, — научил, как садить и ходить за виноградом, вот теперь пудов по 80 продаю каждый год по 2 р[уб]., это и выручает, а то бы плохо было». Третий, указывая на маленький виноградник, также помянул добрым словом все того же Шмидта и сказал, что, благодаря ему, имеет верных 75–100 р[уб]. в год; четвертому Шмидт дал хороших сортов слив для прививки и так далее. Словом, г. Шмидт, проезжая из имения, где служил, в город, останавливался по пути в деревне и учил людей тому, что знал и что впоследствии стало им давать некоторый доход, и о нем сохранилась добрая память, а о господах, только питавших хорошие чувства к мужику и ничего существенного для него не сделавших, даже памяти не сохранилось, точно их и не было совсем; разве только, когда сам о них напомним и спросим у кого-нибудь из стариков, услышим: «да, ничего, — господа были хорошие, добрые». Я не говорю этим, конечно, что Шмидт лучше этих господ, а говорю только, благодаря чему, при всех прочих дефектах, он оставил все-таки более прочный след в данной местности и в населении. Не говорю я также, что он сделал нечто важное, а, напротив, привожу сделанное им, как образчик самого крошечного, попутного и ничего ему не стоившего дела, но дела, несомненно, жизненного. — У жизни много сторон, и такой, и гораздо более глубокий след могут оставить о себе и учитель, и техник, и доктор, и юрист, и земский деятель, и вообще всякий образованный человек, если будут действовать сознательно, систематически и с действительным знанием дела и потребностей жизни. Отдельная деятельность, будучи совсем изолированной и одинокой, конечно, может ограничиться слишком незначительной сферой и походить на заплатавание худого кафтана, который будет пороться в других местах; но раз отдельные и разрозненные деятельности могут быть, как сами по себе расширены, так и приведены во взаимную связь и в общую систему, так положение становится иным. Тогда они делаются живыми, органическими час-

тиями одного большого дела, которое, творя добро, будет вместе с тем препятствовать и злу уже в более широкой сфере. Чем больше будет работников, чем разнообразнее и полнее будет их контингент, чем разнообразнее будут пути, которыми они вступят в жизнь, тем значительнее будут и результаты. Всего менее я был бы защитником малых дел, если бы не видел возможности обобщения частных усилий и не был бы убежден, что люди, идущие от частного к общему, нисколько не мешают людям, идущим от общего к частному.

Каждое дело, если только оно живое, уже в силу одного этого, стремится к развитию и распространению; каждый человек, если только он не страдает боязнью пространства, любит свое дело и верит в него, старается поставить его лучше и распространить. <...> Хотя любители сидеть под решетом у нас и имеются, но большинство, конечно, не таково и не может быть таким. А. Н. Энгельгардт не ограничивается применением фосфоритов в одном только Батищеве, а стремится к применению их всюду, где только можно, и вызывает фосфоритное производство; Н. В. Верещагин не довольствуется сыроварением в одном только Едимонове⁶³, а старается преобразовать во всей стране целую большую отрасль сельского хозяйства; другие также стремятся к расширению деятельности и работают до последней возможности, до последнего предела физических сил. Вот какой пример я могу привести в этом отношении. Расскажу его несколько подробнее.

В Арзамасском уезде есть село Яблонка, лежащее в очень глухой местности, в 120 верстах от железной дороги. В этом селе вот уже 7 лет учительствует в земской школе дочь местного помещика, Александра Алексеевна Штевен⁶⁴. Начала она свою деятельность совсем еще в юном возрасте, тотчас же по выходе из института. Мотивы были самые простые: «стала, — говорит она в одном частном письме, — я замечать среди крестьян все возрастающую потребность в образовании», а «так как притом школьное дело мне очень полюбилось, то я начала учить в открытой мною Яблонской земской школе». — Сначала у г-жи Штевен были неприятности с духовенством и некоторыми другими местными лицами, но потом все обошлось и уладилось. Настойчивость, энергия и спокойствие сослужили свою службу. — Но затем Александра Алексеевна скоро увидела, что деятельность в одной школе не удовлетворяет ее, что остаются время и силы, что тесно ей в таком малом пространстве, и вот она задумала создать целую сеть школ, которые прилегали бы к ее школе и которыми бы она

могла руководить. Таким образом, в ближайших к Яблонке деревнях и селах было открыто ею на свои средства 13 школ грамотности. Две из них существуют уже третий год, три второй и 8 первый год. Учеников в каждой из этих школ от 15 до 40 чел., а всего 365 учащихся (в том числе 50 девочек). Учителями в них являются главным образом ученики же г-жи Штевен, в возрасте от 15 до 19 лет, окончившие курс в ее центральной земской школе. Она выбирает наиболее способных, и они по окончании обычного курса продолжают еще от 1 до 2 лет готовиться к учительству, образуя в школе особую группу. Учителями этими она очень довольна, но все-таки наблюдает за ходом преподавания в школе грамотности сама. Для этого она вечером, по окончании занятий, ездит по очереди в каждую из них и проводит там часа 2 или 3, проверяя усердие учителей и учеников, помогая им в занятиях, давая разъяснения и т.д. Искреннее и сильное ее желание не ограничиваться четырнадцатью школами, а продолжать открытие их и дальше, но, к сожалению, говорит она, «личных моих средств не хватает уже и на то, немногое, что мне, при строжайшей экономии, удалось устроить до сих пор» <...>. Мне кажется, что такого рода деятельность и такие стремления уже нельзя назвать малыми, а следует назвать правильным и хорошим делом. <...>

Другой пример расширения деятельности. Г. Гецевич, о котором мы упоминали выше, действуя в качестве крестьянского поверенного и защитника на суде крестьянских интересов, не выходит за пределы Валдайского уезда, даже той местности, где живет, и берется не за все, а только за такие дела, которые особенно его возмущают своей несправедливостью. Он поступает, несомненно, хорошо, как сосед, как человек и гражданин; но его деятельность слишком ограничена пространством и количеством дел. – До некоторой степени он расширяет ее, когда переносит дела в следующие губернские и столичные высшие инстанции, но расширение это относится уже к судоустройству и сущности самых процессов. А теперь представим себе такое положение: что он или другой кто-нибудь посвятили себя всецело такой деятельности и ни одно правонарушение в уезде мимо них не проходит, а одновременно с этим нашлись такие же люди в других уездах и в губернском городе среди настоящих юристов. <...>

...Человек, действующий в одиночку, без чьей бы то ни было дружественной поддержки, будет и сам слабее, и деятельность свою рискует изолировать, сузить или изменить в нежелательную сторону,

а потому не будет пользоваться (хотя бы в некоторых случаях это было даже несправедливо) таким доверием, как целая группа лиц или целое общественное учреждение, – совет присяжных поверенных, земство, дума, управа и т.п. Вот почему, когда врач Таиров переходит с частной практики в земство, то мы невольно этому радуемся, так как он, нисколько не уменьшая своей деятельности, ставит ее под некоторую гарантию и защиту земства, а вместе с тем усиливает земские ряды своею благородною, энергичною личностью. <...>

...Чем человек более одинок, тем жизнь ему будет казаться страшнее и тем больше шансов измениться, следовательно, и в данном случае, как и в других, необходима взаимная или какая-либо иная общественная поддержка, но поддержка не временная и случайная, а в форме более постоянной и прочной, на которую человек мог бы надеяться, как на право свое. В каком виде выразится эта поддержка (в виде ли взаимного или общего страхования, в виде ли земского участия, в виде ли хозяйственного общего или отдельного устройства на земле, присоединяясь или не присоединяясь к тому деревенскому миру, на который люди работают и т.п.), это будет зависеть от выбора самих действующих лиц. Ни на одной из таких форм я не останавливаюсь, как на единственной и наиболее совершенной, так как здесь большую роль играют индивидуальные склонности, а говорю только, что нельзя оставлять эту сторону без внимания, как в видах помощи и поддержки друг друга, так и в видах взаимной гарантии от нежелательных изменений.

Я. В. Абрамов

Геройство и безделье⁶⁵

Любопытную статью прочел я на днях в одной провинциальной газете. Статья посвящена теме, которая давно составляет и еще долго будет составлять злобу дня для нашего отечества, – тема о культурной работе интеллигенции в деревне. Статья любопытна именно прямым и откровенным выражением того, что обыкновенно произносится потихоньку многими и многими в ответ на призывы, обращенные к русской интеллигенции, – покинуть центры, где интеллигенция оказывается нечего делать, и идти в глухие углы, в которых ее ожидает такая масса работы. В свое время и я немало говорил на данную тему, да кроме того могу с некоторым правом считать и себя

ушедшим из столицы ради культурной работы в глухой угол, и потому мне не подобает оставлять без ответа помянутую статью, в которой с такою яркостью выразились мнения значительной части нашей интеллигенции.

Автор начинает с того, что излагает в ироническом тоне содержание призывов интеллигенции к работе в глуши. «Шаблон этих призывных статей, пишет автор, – следующий. Сначала изображаются народная темнота и беспомощность; затем делается указание на необходимость множества культурных деятелей в деревне, приводится, в виде поощрения, пример какого-нибудь культурного одиночки, и в заключение: “Сейте разумное, доброе, вечное, сейте, – спасибо вам скажет сердечное русский народ”».

Решительно недоумеваю, что здесь автор нашел достойного иронии. Не станет же он отрицать ни народной нужды, беспомощности и темноты, ни вытекающей отсюда настоятельнейшей необходимости культурной работы в этом мире нужды, тьмы, ни того, что наша интеллигенция мало и даже чересчур мало заботится об удовлетворении этой капитальнейшей потребности нашей жизни. Почему же понадобилось иронизировать над теми, кто делает из приведенных несомненных посылок логический вывод и приглашает интеллигенцию выполнить свой долг пред вскормившим ее народом и идти работать в мир тьмы и нужды?

Посмеявшись над «шаблонностью» призывов, обращаемых к интеллигенции и приглашающих ее идти работать в деревню, автор переходит сам к шаблоннейшему изображению положения интеллигентного работника в деревне. Положение это оказывается совершенным подобием положения мореплавателя, выброшенного крушением на остров людоедов. Само собою, разумеется, что судьба такого несчастного – быть заживо зажаренным и съеденным. «Положение культурного человека в деревне очень оригинально, – пишет наш автор. – Является он для мирной работы и вдруг видит себя точно на боевой позиции, на которую со всех сторон ведется атака». Этого культурного работника «в несколько дней могут сбить с позиции и волостной писарь, и урядник, и кулак. Стоит только им написать несколько строк со включением в них какого-нибудь “страшного слова”, – и неприятностей не оберешься». Затем идет пример одной учительницы, на которую был подан ложный анонимный донос и которой некое начальство заявило, чтоб она была осмотрительнее, потому что хоть донос и оказался ложным, но «нет дыма без огня». Вообще

«мирный культурный деятель в деревне подвергается различного рода притеснениям и оскорблениям, в особенности женщины; каждый шаг его, каждое слово под подозрением. Ему постоянно приходится думать о самозащите, об отражении подвохов. При этом плохое удовлетворение первых потребностей человека: холодная и угарная квартира, дурная пища, неполучение учительского жалования по несколько месяцев, отсутствие интеллигентного общества, журналов, книг и пр.».

Во всем этом много правды. Но нет хуже той неправды, в которой заключается и часть правды, так как такую неправду всего удобнее выдавать за чистую, полную правду. А неправда приведенного отрывка заключается в двух вещах: во-первых, в широком обобщении, на которое действительность не дает право, и, во-вторых – в отнесении на исключительный счет деревни тех явлений, которые в равной мере присущи всей нашей жизни – как в самых глухих углах, так и в наиболее крупных центрах. Что и говорить, трудна жизнь интеллигентного работника в глуши; но будто бы она уж так тяжела, что ее и перенести нельзя? Однако, как-никак, у нас работают в самых глухих углах десятки тысяч народных учителей и учительниц, земских и сельских врачей, акушеров и т.д. Немало теперь есть и людей, живущих в глуши вольным трудом – в качестве вольнопрактикующих врачей, юристов, хозяев, даже техников, – и ничего себе: все они живут и работают. Верно, что многие могут причинить интеллигентному работнику неприятности доносами; но, однако, не так-то уж часто эти доносы практикуются или не так-то уж часто они достигают цели, если все-таки большинство работающих в глуши культурных работников не подвергаются им или не испытывают особенных последствий этих доносов. Правда, бывают возмутительнейшие факты в этом роде; но разве это специальная принадлежность глухих уголков? Разве не бывает того же самого в городах и даже крупных центрах? Вы пугаете интеллигентного человека неприятностями, ожидающими его в глуши; ну, а в центре застрахован он от таких же неприятностей? Зачем же то, что составляет достоянием нашей жизни вообще, относить исключительно на счет деревни? Будьте покойны, если интеллигентный человек, и, живя в городе, не ограничит своего существования подписыванием или переписыванием казенных бумаг да винтом, а выкажет желание непосредственно поработать на благо населения, – ему не избежать неприят-

ностей. Да еще надо принять во внимание, что в деревне ему могут навредить три-четыре человека, которые к тому же если и донос станут писать, то ничего, в сущности, кроме глупостей, написать не в состоянии, — а в городе такой культурный работник рискует восстановить против себя большую часть именно так называемого «интеллигентного общества», члены которого, будьте уверены, сумеют гораздо умнее, чем какой-нибудь волосной писарь или сельский кабатчик, пройти по части неблагонамеренности неприятного им человека. Тоже самое и насчет материальных условий жизни. Пугают угарною квартирою, дурною пищею и т.п., что ожидает культурного человека в деревне; а как живут многие и многие интеллигенты в центрах, не успевшие пристроиться к теплым местечкам, ютящиеся на чердачных этажах, питающиеся остатками из ресторанов и считающие благополучием получение каких-нибудь бессмысленнейших занятий на 15–20 рублей в месяц, — неужели подобная жизнь в каком-либо отношении лучше деревенской?

«Культурная деятельность в деревне получает характер геройского подвига, культурным деятелем может быть только герой» — таков вывод, к которому приходит наш автор, нарисовав картину ужасов, ожидающих интеллигентного человека в глуши. Ну, а героям, известное дело, не резон тратить свои силы на то, чтоб учить деревенских детей, лечить баб и мужиков, подавать юридические советы мужикам, которых грабит кулак, заботиться о подъеме сельского хозяйства, устраивать переселения на разумных началах и т.п.; для героев нужны подвиги, а не эта серая, будничная работа. И выходит, таким образом, что звать интеллигенцию на работу в глушь не имеет смысла: идти туда могут только герои, а героям там нет ничего героического дела...

Удивительно, как мы, русские, невоздержны на язык. Право, по моим наблюдениям, очень и очень много зла в нашей жизни происходит прямо от нашей привычки употреблять громкие слова там, где этого вовсе не требуется. Приехал человек в деревню, поселился в «холодной и угарной» квартире, которую он, однако, именно потому, что он интеллигентный человек, может обставить такими удобствами, что она будет, во всяком случае, в десять раз лучше обычного жилья большинства деревенского населения; вынужден есть «дурную пищу», которая, однако, неизмеримо лучше того, что едят обыкновенно в деревне; рискует подвергнуться бессмысленному доносу ка-

кого-нибудь кабатчика, – и всего этого оказывается довольно, чтобы человека называли – ни много, ни мало – героем. Удивительно дешево можно приобрести у нас лавры геройства. А бедные сельские учителя и учительницы и прочий интеллигентный люд, работающий в деревне, доселе и не подозревали, что они герои. Им казалось, что они только честным трудом кусок хлеба зарабатывают, – а они, оказывается, венец мученичества приемлют!..

Нет, очевидно, дело не в том, что для работы в глуши нужно какое-то геройство: не геройство тут нужно, а просто желание и способность трудиться. Зато это – уже действительно необходимо. И потому-то находятся люди, прибегающие к разного рода «жупелам»: им надо чем-нибудь оправдать свое безделье, свою полную неспособность к какому бы то ни было действительному, производительному труду. В городе, в центре, таким господам еще можно как-нибудь приспособиться. Здесь есть надежда заполучить какое-нибудь местшко, на котором не требуется решительно никакого труда; здесь есть разные занятия вроде переписки, счетной работы, уроков и др., которые могут быть выполняемы и сплошь и рядом выполняются людьми, в сущности, решительно ничего не знающими и ничего не умеющими. Да и на таком месте, где требуются знание и умение, нередко можно перебиваться, выезжая на чужом труде, будучи терпимым из сострадания или благодаря уменью поладить с кем надлежит. Иное дело в деревне, особенно когда человек должен идти сюда на свой страх и риск, без обеспеченного жалования. Тут нужен действительный труд, нужны настоящие знания. Неумелые, бездельные, бесильные люди, прозябающие в городах, отлично это знают, и понятное дело, в глушь не пойдут. Этим бы им и следовало ограничиться. Неспособен к действительному делу, – ну и молчи. Но так уж устроена натура человека: ему даже свое безделье хочется объяснить «высшими побуждениями».

Раздел III

Вторая половина 1890-х – середина 1900-х гг.

В. П. Воронцов

Кризис идей семидесятых годов^{а)1}

Шестидесятые годы получили в наследство от сороковых известные системы миросозерцания (западничество и славянофильство) и идею общественного преобразования России. Самим шестидесятым годам предстояло дать этой последней идее практическое осуществление, переработать философское миросозерцание 40-х гг., сообразно новым влияниям с Запада и внести преобразования в бытовой строй культурного общества, соответствующие как этим последним влияниям, так и новым условиям жизни в обновляемой России. Первая половина 60-х гг. была занята теоретическим и практическим разрешением означенных вопросов, причем главной ареной идейной борьбы была сфера философского миросозерцания и внутреннего преобразования культурного общества (подняты вопросы: отцов и детей, женский, педагогический и т.д.); что же касается общественно-политических вопросов – главной задачей времени было, как сказано выше, практическое осуществление идеи предшествующей эпохой. Во второй половине рассматриваемого десятилетия первые две группы вопросов в общем получили разрешение. В то же время лучше определилось значение предпринятых государственных преобразований, и на первый план выдвинулся вопрос о будущей их судьбе. Таким образом, совершенно естественно, главный интерес прогрессивной части русского общества, прежде разбивавшейся между многими задачами, сосредоточился на общественно-политических вопросах, причем среди освободительного (в широком смысле слова) потока резче и резче начали обозначаться два главных рукава.

К одному направлению принадлежали лица, утверждавшие, что дальнейшее освобождение русской жизни от связывающих ее пут должно идти в том порядке и в тех же приблизительно формах, в каких подобный же процесс совершался на Западе. Это направление характеризуется двумя признаками: 1) заботой, как о важнейшем, о таком преобразовании (политическом), которое, по условиям русской

^{а)} Составлено в 1893 г., дополнено в 1895 г.; напечатано не было.

действительности, – было бы, прежде всего, использовано привилегированными классами; 2) пристрастием вообще к тем культурным формам, в каких прогрессивная идея осуществлялась на Западе. Другое направление нашей общественной мысли разрабатывало по преимуществу темы освобождения, непосредственно отвечающего нуждам народных масс, и критически относилось ко многим с виду благовидным формам и формулам западной культуры, открывая в их основе узкий классовый характер и настаивая на необходимости самостоятельной во многих случаях переработки той общечеловеческой идеи, которая в данной форме эксплуатируется буржуазией в пользу своих интересов и потребностей.

Согласно приведенной характеристики двух широких общественных течений нашего недалекого прошлого – по крайней мере, в их крайних выражениях – их можно бы квалифицировать по разным признакам и присвоить те или иные обозначения. По содержанию главнейших практических положений, их можно бы с известным основанием различать как политическое и социальное; в отношении позиции, занятой ими относительно общественно-культурных форм Запада, они бы считались западническим или подражательным и самобытным; что касается, наконец, тенденций или социальных принципов, участвовавших, в числе прочих, в образовании обоих течений – с известным правом (а быть может, и с натяжкой) их можно бы противопоставлять друг другу как буржуазное и народное или социалистическое.

Общественные преобразования 60-х гг. были делом соединенных усилий правительства и прогрессивной интеллигенции, принадлежащей к привилегированному классу – единственных элементов, заявивших себя в России в качестве сознательных активных агентов прогресса. Пока, поэтому, объявленные преобразования не дали первых ростков и находились в периоде осуществления – до тех пор различия между партиями определялись, главным образом, содержанием желательных преобразований; вопрос же о механизме эволюционного процесса, о силах, активно участвовавших в преобразовании, серьезно и не поднимался.

Такое положение дел не могло, однако, продолжаться слишком долго, и рано или поздно должно было возникнуть сознание о зависимости дальнейших культурных успехов России от более или менее активного участия в процессе народных масс. К этому сознанию наше общество приходило двояким путем. С одной стороны, оно поняло, что если наличных культурных сил оказалось достаточно для то-

го, чтобы разбить цепи рабства, – не только представлявшегося в Европейской державе второй половины XIX века страшных анахронизмом, но и очевидно для всех спутывавшего и обессиливавшего страну – то это еще нисколько не говорит в пользу мнения о достаточности этих сил для дальнейшей работы устроительного характера; эта работа сколько-нибудь систематично могла идти лишь при участии всех общественных элементов. Это значит, что до приобщения к числу действующих сил всех слоев, из которых состоит русская нация, правильное прогрессивное развитие страны останется необеспеченным. С другой стороны, по мере того, как освободительные государственные преобразования входили в жизнь и оказывали присущее им влияние – в среде самого народа начало обнаруживаться сознание человеческого достоинства, стремление к знанию, к преобразованию своего быта, к гражданским правам; обнаружились признаки изменения его миросозерцания в направлении, обращающем прежнего раба или «сироту» в свободного, т.е. активного гражданина. <...>

Указанная эволюция нашей общественной мысли обозначилась практически приблизительно лет через десять после реформы; но теоретическое ее обоснование продолжалось в течение большей части десятилетия семидесятых годов. Новая струя была воспринята тем течением, которое выше мы обозначили как социальное или народное.

Появление свежей струи в этом направлении только усилило народнический его характер, потому что наряду с идеей народа как центральным пунктом программы, касающейся целей практической политики, стала фигурировать та же идея как средство осуществления этой последней. Поэтому рождение этого направления сопровождалось заполнением литературы мужиком, и само направление заявило о себе как об исключительно народническом. Мы не можем лучше охарактеризовать основную социально-этическую идею этого направления в первый период его существования, как следующими словами одного из важнейших его литературных представителей. «Вся программа настоящего времени, – пишет Н. К. Михайловский, – все его стремления, желания и цели, все их *profession de foi* может быть исчерпано двумя словами: русский народ». «Да, что скрывать, я выражал желание потонуть в сермяжной массе народа; но заметьте, со светом истины и идеями в руках, я выражал мысль, что так должен быть уплачен долг народу!» («Отечественные Записки», 1876 г., № 4, «Записки профана»).

Если читатель примет во внимание, что это была не риторическая фраза, а выражение действительного настроения тогдашнего интеллигента, то он может себе до известной степени представить ту воодушевленную деятельность, какой знаменовалось возникновение в семидесятых годах нового течения. Не пришло еще время писать историю этого движения и следить нити, связывающие его с последующим. Поэтому мы ограничимся простым констатированием факта, что в скором времени рассматриваемое направление претерпело новую эволюцию, обнаружило новое осложнение, в идее приближающее ее к тому направлению, которое мы квалифицировали как политическое, но не имеющее ничего с ним общего по форме своего проявления. Возникновение этого течения, для ближайших дней ставившего политические задачи и считавшего возможным добиться своей цели собственными силами, без участия народа, было одним из признаков ослабления крайнего народничества первой половины семидесятых годов. Совершенно же ясно это ослабление выразилось в восьмидесятых годах, когда – одновременно с замиранием пульса общественной жизни – произошло объединение прогрессивной части общества на вопросах культурно-политического характера.

Ослабление народничества обнаружилось во всех статьях. Упал интерес к мужику, а идея народа как *profession de foi*, как центральный пункт программы, была заменена принципами, в отвлечении лишенными классового характера, но в возможном практическом их осуществлении в тогдашней России прежде и больше всего благотворно отразившимися бы на интересах привилегированного класса. Идея о недостаточности старого эволюционного механизма, – элементами которого являются исключительно лица привилегированного общества – в массе передового общества была отодвинута в сторону. Как следствие всего предыдущего (если не как его основа) явилось отрицательное отношение к идее самобытности процесса нашего развития. Соображая все признаки, которыми, по нашему мнению, отличаются направления 80-х гг., мы можем, кажется, характеризовать господствующее в это время настроение прогрессивной части русского общества как склонение к культурным формам Западной Европы, к тому пути, которым развивалась последняя.

В чем заключались причины этой последней эволюции нашей общественной мысли; насколько прочно утвердилось направление, о котором мы только что говорили, и каковы вероятные следствия его господства среди прогрессивной части русского общества? <...>

Прежде всего, можно было бы предположить, что возрождение западного или политического направления нашей общественной мысли было признаком превращения общества, как совокупности обывателей Российской империи, в общество как организм, имеющий самостоятельные задачи и средства их разрешения. Коль скоро это превращение осуществилось, то естественно, если новый организм, сильный сознанием своей целостности и значения, отвергнет, как руководящую, идею народа, т.е. трудящегося населения, и выставит программу своих собственных интересов, каковые должны были сознаваться им как интересы политические. Весьма вероятно, что нечто в этом роде имело место в действительности. Русский культурный человек именно в последние десятилетия мог особенно ясно сознать свои права на существование как личности, сознать правомерность известных требований именно для себя, и если это сознание охватило значительную часть общества, то этим уже создавалось бы известное его объединение, некоторая его организация. Но, строго говоря, это еще не организация, а лишь подготовка для нее почвы. А чтобы эта почва дала ростки, нужно, чтобы, кроме сознания своих прав, существовало и сознание наличности соответствующих средств для реализации последних. Было ли в нашем обществе такое сознание; были ли у него эти средства?

Красноречивый ответ на поставленный вопрос сам собою вытекает, кажется нам, из того известного читателю обстоятельства, что распространение в обществе описанного настроения и соответствующих ему направлений особенно проявилось в то время, когда в жизни происходили изменения прямо противоположного характера. Мы особенно жаждали освежающего влияния западной общественной культуры, а в жизни происходило выкуривание и тех зачатков последней, какие мы получили в наследство от прошлого. Мы ставили новые задачи, осуществление которых требует напряженных усилий общества, в то самое время, когда в реальной жизни сводилось на нет разрешение задач, считавшееся нами окончательным; когда условия для правильной общественной инициативы становились менее и менее благоприятными и, соответственно этому, общество обнаруживало большую и большую действительную апатию к своей судьбе. При таких условиях можно было создавать не программы деятельности, а программы *чаяний и ожиданий*; можно встречать не *направление движения*, а *настроение мысли* и чувства. <...>

Итак, одновременно с переменой в содержании идей прогрессивной части нашей интеллигенции 80-х гг., сравнительно с 70-ми, име-

ло место превращение направления в настроение; и интеллигенция 80-х гг. ничего не делала для осуществления своих пожеланий. Это обстоятельство дает некоторое основание для заключения, что выставленная ею программа столь мало соответствовала окружающим условиям, что общество даже не знало, как приступить к ее осуществлению, и потому не действовало, а ожидало. И в самом деле, если задать вопрос, какие новые явления русской жизни оправдывали замену одного направления другим, то мы не найдем удовлетворительного на него ответа; не то следует сказать относительно подобного же вопроса, обращенного к предшествующему периоду. <...>

Мы сказали, что события конца 70-х – начала 80-х годов сбили с прежних программ интеллектуальных представителей первого из названных десятилетий. Это было совершенно естественно и означало только необходимость пересмотра старых программ и их обоснований. Но что было совершенно неестественным, так это факт сохранения растерянности до наших дней. Эта растерянность «стариков» выразилась многими характерными признаками. Сбитые с прочного основания, на каком они находились все прежнее время, утратив веру в определенные принципы, которыми они руководствовались в оценке годного и негодного, наши старые литераторы потеряли прежнюю смелость и ясность мысли, смущались в деле оценки даже тех явлений, которые в былые времена не возбуждали никакого сомнения и вместо политики (в широком смысле слова) отдались в значительной степени политиканству. <...>

...Такой же растерянности не избежали и литературные представители 70-х гг., группировавшиеся в свое время, главным образом, в журнале «Отечественные Записки».

Характерное для 70-х годов направление нашей общественной мысли получило наименование народничества. Никто не отрекался от такого наименования, и оно применялось новыми, молодыми писателями к представителям 70-х годов. Но вот по поводу одного из таких применений Н. К. Михайловский счел нужным дать следующее разъяснение. «Дело не в словах, не в названии; но мы не можем принять кличку народников, и *не по существу*, а просто п[отому] ч[то] это слово слишком затаскано, и в него нередко вкладывается смысл, с которым мы имеем мало общего» («Рус[ское] Бог[атство]», 1893 г., № 2). Но кем же захватано это слово? А об этом «мы успели даже позабыть», отвечает автор («Рус[ское] Бог[атство]», 1893 г., № 4), и вспомнил только о «*народной* политике» правительства и требова-

ниях «народнического направления» в искусстве. Но применение слова «народный» к внутренней политике 80-х годов может компрометировать это самое слово «народный», что, однако, не помешает и г. Михайловскому употреблять это слово в надлежащем случае. Что же касается термина «народничество», то против него пока выставлено обвинение в претензии на сочетание с «искусством». Но неужели это такое тяжелое преступление, что провинившемуся нет пощады, и в чем даже, собственно, заключается здесь преступление? Нет! У г. Михайловского есть скрытые, ему самому еще неясные мотивы, побуждающие его порывать установившуюся в общем и его собственном сознании связь между его системой общественных взглядов и наименованием последней термином, происходящим от слова «народ»!

Через два года тот же вопрос поднял другой сотрудник «Русского Богатства» и разрешил его одинаково с Н. К. Михайловским. В № 2 «Русского Богатства» за текущий, 1895 год С. Н. Южаков² тоже заявил об отказе от наименования «народник», причем, как и последний писатель, он находит, что термин «придуман удачно и мог бы обозначать именно все общественное мировоззрение того (60–70-х гг.) времени и вышедших из него течений», к числу которых автор относит и ручеек, журчащий в «Русском Богатстве». В согласии со своим коллегой отказ от «удачно» придуманного термина г. Южаков мотивирует затасканностью последнего, но, как и г. Михайловский, не может подтвердить правильность своего обвинения. Затаскали этот термин, по словам г. Южакова, «попытки конфисковать его в пользу какой-либо маленькой фракции». «Особенно хлопотал об этом покойный Юзов», но «не очень это ему удалось». А кроме его, «некоторые народники приносили в жертву всякой, даже несущественной экономической выгоде народа все остальные стороны жизни и развития народного и общественного»³. Что же выходит? Тот, кто всего больше хлопотал об экспроприации термина в свою пользу, во 1-х, не имел успеха; во 2-х, умер и потому посягать на общее достояние больше не будет; в 3-х, не оставил, кажется, ни одного последователя. Это – главный затаскатель термина. Зачем, в числе лиц, считаемых г. Южаковым за народников, были такие, которые дальше экономии ничего не видели. Спрашивается, достаточное ли это основание для того, чтобы какое-либо направление общественной мысли отказалось от «удачного» и привычного наименования, и настолько ли идейно слабы гг. Михайловский, Южаков и К°, чтобы без борьбы уступить «прекрасный», по их квалификации, термин лицам, которых даже не стоит называть?

Достаточно поставить эти вопросы, и сделается ясно, что мотивы, приводимые г. Южаковым для оправдания своего отречения от рассматриваемого термина, имеют такое же значение, как и мотивы, на какие ссылался волк в споре с овцой о том — должен ли он ее пожирать; т.е. у г. Южакова, как и у г. Михайловского, имеется другой, полускрытый для него самого мотив к уничтожению того внешнего признака, который так пригвождает именуемого к определенному направлению, что ни для кого не остается сомнений относительно приличествующей ему системы общественно-политических воззрений. Если наше заключение правильно, то указанное настроение почтенных писателей служит признаком происходящей в их сознании перестройки практического миросозерцания, унаследованного от 70-х годов, и свидетельствует о том, что новейшая эволюция их взглядов идет в направлении отрицания благовременности той системы воззрений, которая так «удачно», по их мнению, характеризуется термином «народничество». Мы в этом убедимся, если рассмотрим некоторые другие новейшие заявления данной группы писателей.

Г. Михайловский утверждает, что по существу он ничего не имеет против применения к себе термина, от которого он отрекается; по содержанию своих воззрений, он — народник. Теперь, спрашивается, может ли г. Михайловский говорить о своей системе воззрений как о ряде взаимно согласованных положений, объединяемых известной идеей, обосновываемых рядом умозаключений от некоторых общих посылок, словом, говорить о *теории* направления, к которому он принадлежит. А насколько это направление окрашивается цветом идеи «народ», — не будет ли эта теория охватывать г. Михайловского и как народника, не будет ли она теорией народничества г. Михайловского? Если на все эти вопросы должен быть дан утвердительный ответ, то что же значит заявление автора, что, «может быть, мы выиграем, если на некоторое, по крайней мере, время оставим вовсе в стороне разные народнические теории, а постараемся прежде всего с достаточной ясностью установить смысл того коренного слова, от которого “народничество” есть только производное, — смысл слова “народ”» («Русское Богатство», 1893 г., № 4). Не всегда г. Михайловский отличался такой филологической, так сказать, щепетильностью или непонятливостью и как сам, так и его товарищи по оружию, смело употребляли этот термин, не возбуждая никаких недоумений.

«Пожелаем тому доброй ночи, — писал когда-то народнический поэт, — чьи работают грубые руки, предоставив почтительно нам по-

грузаться в искусства, науки, предаваться мечтам и страстям»⁴. Достаточно было возбудиться искреннему чувству к народу, чтобы у поэта, не заботящегося об определениях, явились такие характерные черты класса, которые делают совершенно излишним употребление термина «народ». Труд для поддержания собственного существования и для того, чтобы обеспечить нам привилегированное сравнительно с ним положение – разве эта характеристика класса недостаточно определена для того, чтобы можно было говорить о народе как о чем-то особом от не народа? Такими вопросами и теперь не задаются лица, которым нужно выяснить, а не запутать свою мысль. Не задается им, при подобных условиях, и г. Михайловский, рекомендуя г. Бельтову⁵ вместо термина «производители» употреблять слово «народ» («Русское Богатство», 1895 г., № 1). Не задавался этим вопросом названный писатель и в 70-х годах, когда развивал темы народнического характера. Все наше *profession de foi*, говорил 20 л[ет] назад г. Михайловский, может быть исчерпано двумя словами: «русский народ». Не угодно ли! Тогда одним словом «народ» определялось все *profession de foi*, а теперь для определения одного этого слова нужно написать ученую диссертацию. Мы вряд ли ошибемся, сказав, что причина этой перемены отношения между г. Михайловским и термином, о котором идет речь, а вместе с тем, конечно, и мирозерцанием названного писателя 70-х гг., лежит не в изменении значения термина, а в переменах, происшедших в самом авторе. При этом мы даже не имеем основания сказать, какие именно отдельные идеи г. Михайловского претерпели за последние 20 л[ет] существенное изменение. Мы думаем, что таких существенных перемен в идеях и не произошло, и, тем не менее, факт остается фактом: то, что прежде было ясно, теперь сделалось темно. <...>

Яркий народнический отпечаток прогрессивной части интеллигенции 70-х гг. объясняется, как мы разъясняли, сознанием того, что наличных социально-культурных сил недостаточно для разрешения выдвигаемых жизнью вопросов и что пришло время образования направления, специально и систематически представляющего интересы народа. Последнее обстоятельство вытекает из того, что на почве реформированной России успели выделиться классы с более или менее ясно сознанными, и в значительной степени отличными от народных, интересами, и эти классы стремятся эксплуатировать в свою пользу все средства культуры. Для правильного течения общественной жизни необходимо, чтобы такое же объединение произошло и среди дру-

гих слоев нашего общества; а так как трудящаяся масса народа находится в стороне от того, что называется исторической жизнью, то систематическую защиту ее интересов должна взять на себя интеллигенция; она должна выделить из себя народническое направление.

Отрицание современности народничества для новейшего времени логически предполагает, напротив того, признание, что в нашей стране, в противоположность тому, что наблюдается в Западной Европе, совершается теперь не дифференцирование классов и интересов, а их слияние; что у нас нет направлений, защищающих интересы крупного землевладения и капитала, и не предстоит, поэтому, надобности в специальной защите интересов народа, и это дело может быть предоставлено добровольцам из просвещенных людей, не имеющим специальной партийной окраски. Вместе с тем это мнение как бы считает за истину, что прогрессивные слои современной России обладают вполне достаточной силой для разрешения выдвинутых жизнью задач, и постановка предыдущим поколением вопроса об организации новых социально-культурных элементов, — как главной задачи переживаемого момента, — не имеет корней в действительности.

Но можно ли серьезно настаивать на такой характеристике переживаемого нами момента? Не видим ли мы, напротив того, что воззрения, прямо или косвенно благоприятствующие владеющим классам, стремятся укрепить свои позиции и практикой, и теорией; что лица с неустановившимся мирозерцанием именно в теории, и надеются найти прочное для него основание; и что в виду такого требования со стороны молодежи так энергично и распространяются идеи неомарксизма, столь беспощадные к крестьянской массе и ее идеологическим представителям? Давать в такое время совет погодить с обоснованием народничества — не значит ли обнаружить полное непонимание переживаемого момента, характерная черта которого заключается в том, что жизнь не дает лицу решающих впечатлений, не предъявляет ему захватывающих требований. В такие периоды энергическая теоретическая защита известной идеи представляет весьма важный фактор для оживления общественной мысли вообще и может многое сделать для того, чтобы эта мысль не подчинилась стихийно на нее влияющим течениям, представляющим грубый, но хорошо сознающий свои цели и близкий обществу интерес. Отсутствием теоретического обоснования направлений, органически выросших на нашей почве, в значительной степени объясняется факт распространения у нас идей, составляющих теоретическую основу немецкого социал-демократизма, на борьбу с

которыми выступил и г. Михайловский. Главнейшую силу этой доктрины в сознании нашего интеллигента составляет ее теоретическая законченность и видимая обоснованность; а главнейшее отрицательное условие, благоприятствующее распространению у нас этой доктрины, было – отсутствие других, систематически обоснованных систем воззрений, – скажем определеннее, – отсутствие достаточно обоснованных систем народнического характера, – ибо будем думать, что после всего прошлого наша прогрессивная молодежь может быть воодушевлена к общественной работе только идеей, центральным пунктом которой является трудящаяся масса населения!

Итак, Н. К. Михайловский не отказывается от принадлежности к тому потоку мысли русского общества, который можно назвать и называется народническим. Теперь спрашивается, какова была роль этого писателя в развитии рассматриваемого направления? Никто не усомнится ответить, что эта роль была – роль теоретика, обосновывающего положения, подкрепляющие известные практические требования. Г. Михайловский не был и, по складу своего ума и научному интересу, не мог быть исключительно публицистом партии и потому не дал законченной теории, оправдывающей известную программу. В семидесятых годах не было и надобности в такой законченной теории, потому что сама жизнь влекла людей в известном направлении. Но Н. К. Михайловский разрабатывал отдельные темы социальной философии в согласии с решениями соответствующих вопросов, даваемыми работой практической мысли, и в этом смысле он должен быть признан одним из теоретиков того направления, которое приняло наименование народничества.

Приняв все это во внимание, мы не можем не выразить крайнего недоумения по поводу положения, занятого г. Михайловским по отношению к народничеству в № X «Рус[ского] Бог[атства]» за 1893 г.⁶ По общему тону своего отношения к народничеству г. Михайловский имеет в этой статье вид отрекающегося от него не как от термина, а как от системы воззрений и отрекающегося не от народничества определенного толка, а от народничества вообще, без указания на существующие его расчленения, без напоминания о том, что есть истинное народничество, представляемое (или представлявшееся?) Н. К. Михайловским, горевшим когда-то желанием потонуть в сермяжной массе со светочем истины в руках. Имея в виду, что уважаемый публицист нигде не отрекался от прежних своих воззрений, как от грехов молодости, и заявлял, что по существу он и теперь народник –

его как бы отречение от этого направления в названной выше книге «Русского Богатства», – причем он старается представить народничество в возможно карикатурном виде – мы не можем не считать своего рода lapsus'ом, непростительным для публициста, даже не народника, пишущего в наши дни, когда идея народа и народного подвергается совершенно неожиданным нападениям; когда ее бьют и с точки зрения буржуазии, и с штанд-пункта⁷ социализма, причем представительство этой идеи в литературе изъято историей из рук самого народа и возложено на интеллигенцию привилегированного класса.

Равнодушие старых писателей к своему прежнему знамени доходит до того, что они ни единым словом не обмолвились по поводу брани, сыпящейся на народничество вообще, без различия фракций, и своим молчанием как бы одобряют нижеследующие, напр., выходы, внушенные их двусмысленным поведением. «Характерно, что теперь вся редакция “Русского Богатства” in corpore⁸ устами г. Михайловского формально отреклась от всякой солидарности с народничеством» («Русская Жизнь», 1893 г., № 311). «И после этого гг. народники (все?) изумляются, почему наиболее порядочные представители интеллигенции (сотрудники “Рус[ского] Бог[атства]”?) так тщательно выгораживают себя от сообщества с нами!». Для убеждения в том, что в данном случае речь идет не об одном г. В. В., а о народничестве как направлении, когда-то господствовавшем, достаточно пробежать всю цитируемую статью. Там мы узнаем, что народничество заняло «такую же позицию к современным прогрессивным течениям нашего общества, какую заняло славянофильство 50–60-х гг. по отношению к прогрессивным течениям западничества: и у того, и у другого было свое время расцвета, после которого наступил период упадка и разложения... Мы присутствуем при последних судорогах этого кочевающего трупа» («Русская Жизнь», 1893 г., № 286 «Публицистические заметки»). Ответственность за такую характеристику господствующего направления 70-х годов падает всецело на группу писателей, «Русское Богатство». Эта группа молчаливо признала правомерность унижения ее старого знамени, не сделав и попытки отвести удар от того *настоящего* народничества, которое на словах она еще в себе сохранила. На словах... но не в мыслях!

Указанная двусмысленность поведения почтенных публицистов, дающая основание людям противоположного направления зачислять их в свои ряды, происходит, по нашему мнению, оттого, что и они, подобно своим сверстникам, оказались засыпанными сыпучими пес-

ками и не в силах освободиться от их иссушающего действия. Указанным настроением сотрудников «Рус[ского] Бог[атства]» объясняется их упорное стремление освободиться от такого характерного наименования, как слово «народник», по собственному их сознанию, хорошо отвечающее основному тону их общественно-политического миросозерцания.

Чем же предполагается заменить это славное знамя? Ответ на этот вопрос дает ближайший товарищ Н. К. Михайловского.

Отвергая вместе с последним наименованием своего направления «удачным» термином «народничество», г. Южаков предлагает для его замены сочетание двух слов: «этико» и «социологический», сочетание тоже «удачное», но уже в ином смысле. Первый термин удачен тем, что характеризует партию, т.е. определенное и яркое практическое миросозерцание. Второй удачен потому, что скрывает партию, а выдвигает философскую школу, к которой принадлежит большая часть народников. Эта забота о затушевании в кличке ярких черт программы соответствует серой окраске практических воззрений лиц соответствующего направления. <...>

А. С. Пругавин

Частная инициатива в деле народного образования (К вопросу о расплате с народом)⁹

Народное образование, – вот к чему, в последнем выводе, сводится теперь все. Его успехами будут отныне измеряться все наши успехи. Без образования народных масс мы не можем ступить шагу, и всякие улучшения будут мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, действительными.

Кавелин

...У нас в России дело народного образования создавалось главным образом правительством, в руках которого оно всецело находилось вплоть до введения земских учреждений; хотя, разумеется, еще задолго до введения земств, русское образованное общество, в лице своих лучших представителей, стремилось приложить свои силы на пользу народного образования. <...>

Характерной чертой последнего времени является сильный прилив общественного внимания к вопросам, связанным с делом народного образования. Журналы, посвященные вопросам народного просвещения, заметно оживились. Частная инициатива в области народного образования, несмотря на всевозможные препятствия, начинает мало-помалу делать все более и более заметные и значительные успехи. В виду этого будет весьма интересно поближе посмотреть на проявления этой инициативы в тех областях народного образования, которые в предыдущих наших статьях остались недостаточно освещенными.

I

Культурно-просветительское движение в русском обществе

С глубоким, горячим сочувствием следим мы за тем разрастающимся общественным движением, которое поставило на своем знамени содействие великому делу народного развития и просвещения и которое все сильнее и шире захватывает самые разнообразные слои русской интеллигенции и мало-помалу проникает даже в наиболее отдаленные, глухие концы и углы России.

В городе Тамбове Е. Д. Нарышкин, — «обер-камергер и действительный тайный советник», — на собственные средства выстраивает учительский институт и вполне обеспечивает его содержание, затратив на это дело около полумиллиона рублей; институт этот ежегодно дает десятки подготовленных учителей для народных училищ. <...>

Другой представитель родовитой знати В. Г. Чертков, вместе с графом Л. Н. Толстым, создает известную фирму «Посредник», поставившую себе целью издание книг для народа, фирму, которая за время своего существования выпустила в свет более сотни книг состоящих преимущественно из произведений лучших русских писателей. Баронесса В. И. Иксуль, являясь деятельным членом С.-Петербургского комитета грамотности, на собственные средства устраивает библиотеки при народных училищах в некоторых уездах Смоленской губернии и затем издает целую серию народных книг. Князь Д. И. Шаховский, побуждаемый горячим желанием лично работать на пользу народного просвещения, выступает в скромной роли заведующего хозяйственной частью народных школ в одном из уездных земств. <...>

Далее мы видим целые организованные общества и комитеты, члены которых столь же отзывчиво относятся к делу умственного просветления народа и одушевленно работают в этом направлении: от-

крывают воскресные и вечерние школы, устраивают народные библиотеки, читальни и публичные чтения, издают книги для народа и т.д.

Первое место из этих обществ, бесспорно, принадлежит Петербургскому комитету грамотности, состоящему при Вольном Экономическом Обществе. Начиная с половины 80-х годов, в деятельности этого комитета, благодаря примкнувшим к нему в то время новым, свежим силам, замечается особенное оживление. <...>

Одною из главных задач Петербургского комитета является распространение в народе полезных книг и устройство народных библиотек и читален. <...>

В конце 1893 года комитет открыл подписку на учреждение, при посредстве земств 100 бесплатных народных читален или библиотек, всего на сумму 25,000 рублей. Сбор пожертвований идет довольно успешно, хотя преобладают мелкие взносы, идущие от людей, видимо, не богатых и даже совсем бедных, но сочувствующих делу народного развития. <...>

Следом за Петербургским комитетом грамотности ожил, после продолжительной и глубокой спячки, и Московский комитет грамотности. <...>

Комитет решил на первых порах заняться составлением каталога для школьных библиотек, посредничеством между школами и книгопродавцами по выписке книг и, главное, даровою рассылкою библиотек по сельским училищам.

Деятельность Московского комитета по устройству школьных библиотек развивается с каждым годом: в 1890 году им было устроено 19 библиотек, в 1891 – 32, в 1892 – 41 и в 1893 году – 157 библиотек. На составление этих библиотек затрачено комитетом около 4,500 рублей. <...> Число книжек средней библиотеки 80–84. Затем комитет каждый год выпускает «Ежегодники», в которых помещаются критические обзоры вышедших за год книг для народного чтения^{а)}. <...>

Харьковское общество распространения грамотности в народе, недавно отпраздновавшее 30-ти летие своего существования, в последние годы также обнаруживает заметную деятельность. Оно содержит на собственные средства несколько школ, устраивает библиотеки, как городские, так и сельские, организует народные чтения, а с прошлого года приступило к изданию народных книг, причем за это время выпустило в свет около 20-ти книжек разнообразного содержания, ча-

^{а)} «Московский комитет грамотности» П. Ш-ва, «Рус[ские] Вед[омости]» 1894 г. [№ 226].

стью беллетристических, частью научного и практического характера, ценою в 1–2 копейки <...>. Харьковское общество грамотности, без сомнения, самое богатое из всех русских обществ подобного характера, не исключая и столичных комитетов грамотности: оно имеет четыре каменных дома, из которых в трех помещаются его школы, а четвертый, вновь отделанный, стоящий не менее 100,000 рублей, предназначен на доставление постоянных доходов обществу. <...>

Возникшее в 1887 году в Нижнем Новгороде Общество распространения начального народного образования продолжает устраивать народные чтения с туманными картинками¹⁰, распространяет полезные книги в народе при посредстве главного книжного склада в Нижнем Новгороде и 200 отделений склада во всех уездах Нижегородской губернии, открытых обществом при народных школах, содержит бесплатную библиотеку для учителей и учительниц начальных училищ, устраивает уличные библиотеки и т.д. В обществе этом состоят в настоящее время: действительных членов 203, сотрудников 214 и почетных членов 15. <...>

«Общество для содействия распространению народного образования в г. Ставрополе-Кавказском» состоит более чем из 200 членов и располагает капиталом в 12,000 рублей. На средства этого Общества содержатся два начальных училища, в которых обучается до 130 детей обоего пола, а также две воскресных школы – мужская и женская – с двумястами учащихся. <...>

В далекой, дореформенной Сибири также разрастается общественное движение, имеющее целью служить интересам народного просвещения. Возникшее в 1882 году и избравшее своим девизом: «ни одного неграмотного!» Общество попечения о начальном образовании в г. Томске за время своего существования много сделало для развития народного образования в городе. <...>

За время своего существования Общество дало на дело народного образования в городе деньгами и имуществом около 100,000 рублей; но как ни значительна эта сумма для такого города, как Томск, нравственная польза от существования Общества, несомненно, еще более ценна: в рядах членов Томского Общества числятся сотни человек: идея всеобщего и обязательного начального образования год от году делается популярнее, и школа давно уже завоевала себе симпатии всех лучших людей местного общества. <...>

Благотворное влияние этого Общества и поучительный пример томских инициаторов не остались без подражания и распростране-

ния. И в других городах Сибири, при содействии лиц, преданных просвещению, начали учреждаться мало-помалу такие же Общества. В настоящее время подобные Общества имеются в следующих городах Сибири: Красноярске, Омске, Иркутске, Енисейске, Семипалатинске, Тюмени, Каинске, Барнауле и Минусинске. <...>

Возвращаясь в Европейскую Россию, мы замечаем, что за последнее время в разных местах России продолжают возникать новые общества, которые ставят своею целью содействие делу начального народного образования в той или иной форме. <...>

Частная инициатива в деле народного образования не исчерпывается деятельностью разных обществ и комитетов грамотности, о которых мы только что говорили. Наряду с этими обществами в разных местах России происходит оживленная деятельность совершенно частных кружков, не получивших никакой официальной санкции, а также отдельных частных лиц, одиноко, но упорно и с одушевлением работающих на поприще народного просвещения.

Благодаря деятельности этих кружков, в нескольких губернских и уездных городах были устроены общественные библиотеки, а также бесплатные читальни для народа. Затем во многих городах – как мы уже видели – этими кружками были организованы публичные народные чтения, на которые стекаются тысячи слушателей из среды серого люда. Но еще более осязательные и плодотворные результаты достигнуты были этими частными кружками в деле устройства воскресных школ.

Как известно, воскресные школы впервые появились у нас в начале 60-х годов. К сожалению, они просуществовали тогда лишь самое короткое время: быстро и неожиданно возникли разные, столь обычные у нас «печальные недоразумения», которые, все разрастаясь и осложняясь, вскоре привели к окончательному закрытию всех воскресных школ. Прошло около 10 лет прежде чем воскресные школы начали вновь возникать. В 1870 году в Петербурге открылась Владимирская женская воскресная школа, основанная г-жою Старынкевич. В том же году была официально восстановлена женская воскресная школа Х. Д. Алчевской в г. Харькове. <...>

С начала 80-х годов воскресные школы по образцу Харьковской начали мало-помалу возникать и в других местах России, особенно же быстрое увеличение числа воскресных школ замечается с 1887–88 гг. Открытие воскресных школ повсюду встречалось самым со-

чувственным образом той частью населения, для которой собственно предназначались эти школы: едва успевали в каком-нибудь губернском или уездном городе открыть воскресную школу, как ученики и ученицы являлись в нее толпами и обыкновенно через несколько дней приходилось уже отказывать в новых приемах за недостатком помещения. Если же в некоторых городах, как например, в Воронеже, воскресные школы вскоре же после своего открытия принуждены были прекратить свою полезную деятельность, то виною этому были опять-таки те же «печальные недоразумения», возникновение которых объясняется совершенно излишней, ничем не вызываемой подозрительностью и придиричностью лиц, призванных по закону наблюдать за ходом подобного рода учреждений.

В настоящее время воскресные школы имеются в следующих городах: в Петербурге – 14 школ, из которых 12 содержатся городской думой, и 2 на частные средства, в Москве – 8 воскресных школ – все содержатся частными лицами и на частные средства, затем, в Одессе, Казани, Харькове (2), Астрахани (2), Орле, Саратове (2), Симбирске, Чернигове, Тифлисе, Тамбове, Кишиневе, Ставрополе-Кавказском (2), Рязани, Оренбурге, Полтаве, Нижнем Новгороде, Курске, Томске (2), Тобольске, Баку, Выборге, Риге, Минске, Екатеринодаре, Ростове (Ярослав[ской] губ.), Вышнем Волочке, Уржуме, Новгород-Северском, Старом Осколе, Черкассах (Киевской губ.), Севастополе и друг.

Почти все эти школы открыты по инициативе женщин, и учительский персонал их состоит также по преимуществу из женщин. <...>

Только что приведенные факты показывают, какую видную роль играют у нас женщины в том культурно-просветительском движении, которое происходит теперь в русском обществе.

Стремление работать на пользу народного образования, пробудившееся в последнее время в разных слоях русского общества, заставило, между прочим, обратить внимание на положение школ грамотности. К сожалению, переворот, совершившийся в судьбе этих школ, благодаря правилам 4-го мая 1891 года, отразился крайне печально на положении школ грамотности и на отношении к ним общества. Можно сказать, что правила эти положили конец существованию «вольных крестьянских школ» <...>; место их занимают «школы грамоты». Земство, устраненное этими правилами от всякого участия в деле устройства и наблюдения за этими школами, волей-неволей, вынуждено было прекратить о них свои заботы. Между тем духовенство, на которое теперь всецело возложено заведование этими школами, со-

всем не уделяет им должного внимания – за недостатком времени и средств, по равнодушию к школьному делу и другим причинам.

Тем не менее, отдельные частные лица пытаются придти на помощь школам грамотности, стремясь хотя сколько-нибудь организовать их, подготовить для них учителей, снабдив их учебными пособиями и т.д. В некоторых отдельных случаях, при наличности благоприятных местных условий, деятельность эта, – как показывает известный опыт А. А. Штевен, – может дать блестящие результаты. <...>

Затем, в числе задач, которые преследует происходящее в русском обществе культурно-просветительское движение, одно из видных мест принадлежит заботам о предоставлении народу возможности читать действительно полезные книги. Изданием книг для народа заняты некоторые комитеты грамотности, как, например, Петербургский, Московский, Харьковский, далее редакции нескольких журналов: «Русской Мысли», и «Русского Богатства» (прежней редакции) и, наконец, целый ряд частных лиц и отчасти кружков. Наибольшую деятельность обнаруживают «Посредник» и сравнительно недавно возникшая новая издательская фирма В. И., известная под девизом «Правды». Затем изданием книг для народа занимаются: М. М. Ледерле, А. М. Калмыкова и г. Клюкин – все трое в Петербурге, г. Маракуев, г-жа Муринова, «Начальная школа» Тихомировой и П. К. Прянишников – в Москве, г. Жирнов – в Рязани, братья Гудковы-Беляковы в Вологде, и т.д.

Мы указали здесь все те проявления и формы, в которых выражается в России частная инициатива в деле распространения просвещения в среде народа. Подводя итоги деятельности разных обществ и частных лиц в области народного просвещения, мы должны установить следующие положения.

Частная инициатива в деле народного образования составляет в русской общественной жизни явление сравнительно новое и недавнее. Несмотря на это, она заявила себя созданием целого ряда в высшей степени полезных просветительных учреждений, имеющих целью распространение грамотности и внесение знаний в народную среду. За последнее время в области частной инициативы в деле народного образования обнаруживается заметное оживление, которое с каждым годом разрастается все сильнее и сильнее. Но если мы переведем на цифры те результаты, которые достигнуты частной инициативой в деле внешкольного образования народа, а с другой стороны примем во внимание численность населения России, ее пространство

и раскиданность областей, ее составляющих, то для нас будет вполне ясно — насколько незначительны и даже можно прямо сказать — насколько ничтожны эти результаты.

Не подлежит никакому сомнению, однако, что общественное движение это развилось бы с несравненно большею силою, дало бы неизмеримо более богатые и плодотворные результаты, если бы движение это встречало на своем пути побольше простора, если бы лица, отдающие с полной готовностью свои силы, свое время и свои средства на служение этому делу, встречали побольше доверия к себе со стороны правительственных сфер, если бы деятельность этих лиц не подвергалась зачастую всевозможным стеснениям, придиркам и заподозриваниям со стороны местных властей. О, с каким энтузиазмом, с каким увлечением отдалось бы интеллигентное русское общество этому просветительному движению, если бы на пороге к нему не стояли и не отпугивали его энергию всякого рода преграды, тормозы, бесчисленные формальности и ограничения.

Поэтому тщательный пересмотр законоположений, относящихся до учреждений, имеющих целью внешкольное образование народа, вызывается насущной и настоятельной необходимостью. В интересах развития народного просвещения, в котором так страшно нуждается наша страна, наш народ, необходимо пожелать, чтобы пересмотр этот повлек за собою отмену тех многочисленных ограничений и стеснений, которыми обставлена теперь деятельность образованной части русского общества по устройству библиотек, читален, воскресных школ, книжных складов, народных чтений и т.д.

Задачи народного просвещения и воспитания так велики, серьезны и сложны, что как бы много ни делало государство в этой области, — для частной инициативы здесь всегда найдется обширное поле для деятельности, найдется целая масса работы. И действительно, мы видим широкое и активное участие частной инициативы даже в тех странах, где на дело народного образования со стороны государства обращено самое глубокое внимание, где для него делается все возможное, где на это дело расходуются казной громадные средства. <...>

Сравнивая размеры и результаты, достигнутые этим движением в разных странах Европы и Америки, с тем культурно-просветительным движением, которое происходит теперь в русском обществе, нам невольно делается обидно и больно за нашу родину с ее стоимиллионным народом.

II Необходимость организации

На наших глазах в жизни народа происходит крупный перелом, совершается серьезный кризис. Старые устои деревенской жизни рушатся, рушатся старые верования, старые взгляды и обычаи народа. Патриархальная чистота нравов исчезает. Индивидуализация, проникающая в жизнь крестьянской массы, начинает все сильнее и сильнее сказываться на взаимных отношениях членов крестьянской семьи и общины. Расшатанный, подорванный, старый строй народной жизни под влиянием новых общественных условий заметно разлагается. Между тем на смену ему жизнь не выработала и не создала еще ничего определенного, твердого и прочного: ни нового мирозерцания, ни новых форм жизни. И вот настало тяжелое, смутное, переходное время.

В жизни крестьянства замечаются печальные явления, свидетельствующие о том, как постепенно и мало-помалу деморализация захватывает село и деревню под влиянием все более и более разрастающегося капиталистического строя, с его «купоном», фабрикой, трактиром, кулачеством во вкусе Колупаева, Разуваева *et tutti quanti*¹¹. Из разных мест идут жалобы на разнузданность деревенской молодежи, все чаще и чаще слышатся сетования на упадок религиозного и нравственного чувства в народной среде.

Переживаемый народом настоящий исторический момент налагает на образованную часть русского общества особые важные и серьезные обязанности. В самом деле, что же мы, интеллигенция, противопоставим с своей стороны этому напору деморализующих явлений? Неужели мы будем покойно, сложа руки, сидеть и ждать, как этот разлив затопит деревню и село, оставленные нами на произвол судьбы? Неужели мы не придем на помощь тем добрым элементам, тем светлым стремлениям, которые всегда жили и живут в народе и которые борются за существование? В народной душе всегда таилось и таится стремление к свету, стремление к идеалу и никакие невзгоды и лишения не могли заглушить этой Божьей искры.

Едва ли не ярче всего эти искания идеалов выражались и до сих пор выражаются в поисках «правой веры», в тех поисках, которые красною нитью проходят чрез всю историю умственной жизни народа.

В поисках за «правою верой», за духовною, умственною пищей народная мысль мечется из стороны в сторону, то и дело попадая из одной крайности в другую. Прислушайтесь к сектантским стихам

или песням, и вы поймете эту тоску, это томление о духовной деятельности. В известном стихе беспоповцев поется:

«Душа пищи своей дожидается.

Душе надо жажду утолити,

Потщися душу свою гладну не оставити...»

Еще сильнее, еще заметнее бьет эта жилка в учении так называемых «духовных христиан». Вот эта-то неудовлетворенная, страстная жажда духовной умственной деятельности, жажда нравственных, человеческих впечатлений толкает народ в раскол и заставляет его создавать новые учения, секты, толки. Отсюда понятно, почему в раскол идут люди, наиболее одаренные духовными талантами, наиболее способные и даровитые. <...>

Все это было бы необходимо прежде всего иметь в виду лицам и учреждениям, принявшим на себя трудную задачу борьбы с расколом и сектантством.

Если в столицах и в некоторых из наиболее крупных центров городской жизни кое-что сделано для удовлетворения умственных, духовных потребностей народной массы, зато почти вся сельская, деревенская Русь решительно оставлена в этом отношении на произвол судьбы. Библиотеки, театры, музеи, концерты, журналы, газеты, — все это доступно лишь для самого ничтожного меньшинства.

По этому поводу невольно вспоминаются слова, высказанные как-то Гл. Ив. Успенским: «кроме кабака, мы решительно ничего не придумали вообще для всего нашего народа в качестве способа душевного и физического отдохновения»¹². Несмотря на всю свою резкость, отзыв этот, к сожалению, очень близок к истине... Но неужели же так будет продолжаться и впредь? Неужели же мы все, сознающие на словах свой долг перед народом, ничем не отзовемся на эту кровную потребность, растущую с каждым годом, с каждым днем? <...>

В предыдущих статьях мы видели, что благодаря деятельности земских и городских учреждений, а также частных обществ, кружков и отдельных лиц, в последнее время во многих городах и селах начинают устраиваться библиотеки, читальни, книжные склады, народные чтения и др. учреждения, вносящие свет и жизнь в слои населения, которые до сих пор оставались чуть ли не в «доисторическом мраке». Но если мы примем во внимание всю массу населения, то увидим, что и до сих пор целые десятки миллионов народа остаются совершенно вне этой деятельности... Как монотонно-безотраднa жизнь этих миллионов людей!.. Они до сих пор лишены даже возможности обучиться простой грамотности. Подворная статистическая

перепись, произведенная в Курской губернии, обнаружила, что в этой губернии существуют *целые поземельные общины, в которых нет ни одного грамотного. И таких общин в губернии оказалось 823!*^{a)} Не ужасно ли это?

Что же делать?!... Старый, но вечно новый вопрос! Пред каждым поколением, пред каждым отдельным человеком неизбежно встает этот вопрос и неумолимо требует разрешения. <...>

С этим же самым вопросом несколько лет тому назад обратились молодые девушки из Тифлиса к графу Л. Н. Толстому. Ответ знаменитого писателя на этот вопрос известен.

«Вы спрашиваете дело, – писал Лев Николаевич. – Кроме общего всем нам дела, – стараться уменьшить те труды, которые употребляются другими на поддержание нашей жизни, сокращая свои потребности и делая своими руками, что можешь сделать для себя и для других, – у приобретающих знания есть еще дело: поделиться этими знаниями, вернуть их назад тому народу, который воспитал нас»¹³. <...>

Постараемся осветить еще одну сторону затронутого нами вопроса. «В настоящее [тяжелое] время, – писал несколько лет тому назад один искренний поборник народных интересов, – задача нашей интеллигенции, или, вернее, той ее части, которая сознает свой долг перед народом, заключается в следующем. Сама по себе эта часть интеллигенции слишком малочисленна, слишком количественно ничтожна, чтобы ее мнение могло влиять на ход общественных дел и различных реформ. Это мнение игнорируется и будет игнорироваться до тех пор, пока оно не будет опираться на мнение низших классов общества и народа. Но мнение народа будет солидарно с мнением лучшей части интеллигенции лишь тогда, когда у народа установится истинное понимание своих интересов, когда уничтожится эта отчужденность народа от всего интеллигентного, когда наш народ научится различать среди интеллигенции друзей своих от своих врагов, а это будет лишь тогда, когда он хотя несколько просветится. Но как просветить его, когда начальные школы не дают и при современном положении дел, не зависящем от интеллигенции, и не могут дать почти ничего более, кроме одной простой грамотности?... И, ведь, надо предвидеть, что еще долго, очень долго эти школы не будут в состоянии давать много более того, что они теперь дают[!]... Где же выход из этого?... Выход представляется лишь в просвещении народа

^{a)} [Вернер И. А., Добротворский Н. А.] «Курская губерния». Итоги статистического исследования [Курск, 1887. С. 199].

посредством книги, путем самостоятельного чтения по выходе из школы, путем саморазвития и самообразования выдающихся людей из народа и во влиянии их на окружающую их среду»^а.

Отсюда вся колоссальная важность вопроса о предоставлении народу возможности воспитывать свою мысль и чувство на чтении хороших, разумных, полезных книг.

В настоящее время, <...> народно-лубочная литература находится под двумя совершенно противоположными влияниями: с одной стороны, она начинает испытывать влияние «интеллигентной» литературы, от которой она заимствует произведения Пушкина, Льва Толстого, Островского и т.д.; с другой стороны – она все сильнее и сильнее подпадает влиянию той особенной «литературы улицы», которая свила себе гнездо в Москве на Никольской и которая известна под именем «лакейской». Это последнее влияние, <...> самым деморализующим образом отражается на характере лубочной литературы.

Повторяем, лубочники сделали свое дело: как бы то ни было, худо ли, хорошо ли, но они в течение долгого-долгого времени доставляли народу возможность читать печатное слово, поддерживали в народной среде грамотность, которая без них легко могла совсем исчезнуть в этой среде. Наряду с разными нелепыми изданиями, они распространяли также немало хорошего и полезного: азбуки, буквари, священное писание, ветхий и новый завет, картины и т.д. В этом их бесспорная и положительная заслуга. Но теперь их роль должна быть окончена. Теперь из их рук важное дело снабжения народа умственной пищей должна взять в свои руки интеллигенция, обладающая знаниями, образованием, развитием и готовностью бескорыстно служить народу, который воспитал ее. Да, пора, наконец, дать народу те книги, которые действительно вносили бы в его среду:

Разумное, доброе, вечное...

Это прямой долг, это священная обязанность людей интеллигенции. Пожелаем же от всей души, чтобы поскорее было приступлено к выполнению этой обязанности теперь же, не откладывая дела в долгий ящик. Дело не ждет: быстро, с каждым годом растет масса грамотного люда по нашим селам и деревням, и в среде этой массы с каждым днем все сильнее и сильнее назревают потребности духовной, умственной жизни, которые – увы! – до сих пор остаются без ответа, без отклика, без удовлетворения... Все, что сделано нами для

^{а)} А. Мичурин: «В защиту книги “Что читать народу?”» Тифлис, 1887 г. [С. 5–6].

удовлетворения этих запросов, так мелко и ничтожно сравнительно с тем, что предстоит сделать, что мы обязаны сделать...

Пред нами огромное, грандиозное дело, в котором каждый может принять участие, каждый может приложить свои силы. Конечно, такое большое, сложное дело всего удобнее и целесообразнее было бы делать сообща, по заранее составленному плану, выработанному наиболее знающими, опытными людьми. Поэтому в высшей степени желательно, чтобы лица, уже работающие на разных поприщах народного образования и желающие начать работу в этой области, сплотились бы в одно общество, которое могло бы задаться широкой программой деятельности. <...>

Позволяем себе наметить здесь, хотя бы в самых общих и кратких чертах главные составные части той программы деятельности, которая должна лечь в основу проектируемого нами Общества.

I. Издание книг и картин для народа при участии и содействии наиболее компетентных представителей литературы, науки и искусства. <...>

II. Распространение книг и картин в народе путем: во-1) устройства в городах, селах и деревнях книжных складов для продажи народных изданий; во-2) чрез офеней¹⁴, ходябщиков, коробейников и т.д., и 3) путем организации особых артелей книгонош для разносной торговли народными изданиями на железных дорогах, пароходах и пристанях, по городам и селам, по ярмаркам, базарам и т.д. В Москве, как естественном центре России, должен находиться главный центральный склад книг и картин для народа.

III. Устройство библиотек и читален при школах, а также при волостных правлениях, фабриках, больницах, тюрьмах и т.д. Устройство уличных передвижных библиотек в пунктах наибольшего скопления народных масс.

IV. Собираение точных и подробных сведений о ходе начального народного образования в России: о числе и положении школ (казенных, земских, городских, полковых, частных, воскресных, фабричных, церковно-приходских, школ грамотности), библиотек, читален, о ходе народных чтений, о всех нуждах и запросах в области начального народного образования.

V. Знакомить общество с положением начального народного образования в России и за границей; неустанно будить и поддерживать в обществе интерес и живое сочувствие к делу народного образования и развития путем издания ежегодных обзоров и отчетов, от-

дельных брошюр и книг, чтения публичных лекций, устройства выставок и т.д.

VI. Снабжение беднейших школ учебными пособиями и руководствами.

VII. Устройство подвижных библиотек для учителей и учительниц народных школ.

VIII. Особенное попечение о частных крестьянских (неофициальных) школах, так называемых «домашних школах грамотности».

IX. Устройство воскресных школ.

X. Устройство *постоянных* народных чтений, по возможности, с теневыми картинками, как в городах, так и в селах, на фабриках и заводах; устройство *временных* народных чтений на ярмарках, базарах, во время престольных праздников и т.д. Организация *передвижных* народных чтений, которые могли бы кочевать с одного места на другое.

XI. Издание ежемесячного журнала и ежедневной газеты, приуроченных к потребностям грамотного люда из народа, причем стоимость каждого из этих изданий не должна превышать 3-х – 4-х рублей в год. Издание ежегодников, в виде календарей для народа, ценою от 5 копеек и до рубля.

XII. Изыскание и привлечение материальных средств на дело народного образования: на издание книг и картин для народа, на устройство библиотек, читален, книжных складов и т.д.

Но где же взять средства на все это? – слышу я вопрос читателя. «Где взять средства? – вот роковые слова, которыми встречают у нас каждое указание на какое бы то ни было полезное общественное дело, – говорит одна из искренних поборниц народного образования М. К. Цебрикова. – Но мы их не слышим, когда речь идет о приглашении какой-нибудь каскадной певицы, балерины, о проведении железнодорожной линии по палестинам, по которым, говоря словами Щедрина, повезут одну воблу. На непроизводительные расходы у нас всегда есть средства, и это – печальное знамение общественного уровня. Мы не далеко ушли от дикарей, которые, навесив на себя блестящие побрякушки, воображают, что исполнили все, требуемое благопристойностью. Народ – жертва нищеты, невежества, тьмы, а мы отказываемся дать ему свет, который хотя отчасти облегчит его жизнь»^{а)}.

Признаемся, мы не совсем разделяем в этом случае пессимизм почтенной писательницы. Мысль о необходимости придти на помощь

^{а)} «Народные библиотеки», статья М. К. Цебриковой. «Новости» 1887 г., № 204.

делу народного образования все глубже и глубже проникает в сознание общества и в последнее время все чаще и чаще приходится слышать о более или менее значительных пожертвованиях на дело народного образования. Жертвуют на гимназии, на технические училища, на женские курсы, на университеты. <...>

Подобные факты дают полное право надеяться, что за материальными средствами дело не остановится, раз в обществе вполне созрел сознание крайней, неотложной и вопиющей необходимости скорейшего удовлетворения умственных запросов стомиллионной массы русского народа. Думать иначе – значило бы прямо оскорблять общество, не верить в присутствие в нем лучших сторон человеческого духа.

*Dum spiro, spero!*¹⁵

Наша уверенность в этом случае тем более имеет оснований, что дело издания народных книг и картин, – с которого собственно и следует начинать, – совсем не потребует каких-нибудь особенно крупных и значительных расходов и затрат, – пример лубочников как нельзя лучше доказывает это. Наконец, все затраты на это дело могут легко покрыться, раз предприятие будет поставлено серьезно, с полным и всесторонним знанием дела и если лица, которые ведут дело, не будут бояться черного труда и примут во внимание многочисленные и поучительные уроки прошлого...

Я. В. Абрамов

Малые и великие дела¹⁶

I

Время от времени в нашей печати неведомо по какой причине раздаются озлобленные голоса против так называемых «малых дел» и людей, выполняющих эти малых дела. Обыкновенно никто не восстает ни против деятельности народного учителя, ни против лиц, заботящихся об умножении школ и других народно-просветительских учреждений, ни против работы деревенского врача, фельдшерицы, акушерки, ни против агронома или техника, посвящающих себя распространению технических сведений в народе, подъему производительности народного труда, ни против народно-просветительной, организационно-врачебной и иного вида культурной деятельности земских учреждений. Да и странно было бы восставать против всего это-

го, столь необходимого для народной жизни, вызываемого насущнейшими потребностями этой жизни. Но вот неожиданно время от времени те самые писатели и те самые органы печати, которые стоят и за народное образование, и за организацию врачебной помощи для народа, и за подъем производительности его труда, и т.д., начинают говорить с чрезвычайным озлоблением против «малых дел», из которых и слагается все то, за что эти писатели и эти органы печати только что ратовали. Самый термин «малые дела», изобретенный этими писателями, ясно показывает, с каким пренебрежением и озлоблением относятся они к данному явлению нашей жизни. «Малые дела» – ведь это, очевидно, нечто совершенно ничтожное, не стоящее серьезного внимания серьезных людей. «Малые дела», конечно, предполагают существование других, «великих дел», и нападающие на «малые дела» обыкновенно дают понять, что действительно такие великие дела имеются и что «малые дела» именно и мешают этим «великим делам» появиться на свет Божий.

Это удивительное отношение некоторых господ к тому, что составляет основу культурной работы, к тому, без чего немислимо движение нашего народа вперед, к великой, требующей любви, самоотвержения и высоких качеств характера, деятельности людей, беззаветно отдающихся служению народным нуждам, давно заслуживает надлежащей характеристики и оценки. И такая оценка, наконец, дана г. Чеховым в его новом произведении «Дом с мезонином» («Русская Мысль», 1896 г., № 4). В этом маленьком рассказике (всего 16 страничек) талантливый художник изобразил с замечательной рельефностью тип гонителя «малых дел», изобразил беспощадно, со всеми истинными качествами этого типа и показал наглядно всю пустоту и бессмысленность этих модных нападков на то, что, казалось бы, должно вызывать к себе только глубокое уважение.

II

Обыкновенно когда кто-нибудь выступает с осуждением «малых дел», мы не видим самой фигуры говорящего. Очень естественно требовать, чтобы тот, кто понял всю бесполезность и даже вредность «малых дел», кто с таким презрением относится к проповедникам и исполнителям «малых дел», – чтобы такой господин делал сам что-нибудь покрупнее «малых дел». И так как такой господин не обязан отчитываться публично в том, что сам-то он делает, то всегда остается место предположению, что он и действительно делает что-то такое

великое, пред чем, в самом деле, должно казаться совершенно ничтожным дело какого-нибудь земца, отдавшего себя всецело подъему культурного состояния населения своего уголка, или какой-нибудь девушки, ушедшей на тяжелый труд народной учительницы. Такое положение для господ гонителей «малых дел» весьма удобно, так как дает им возможность облекаться в тогу величия и безнаказанно фыркать на «маленьких людишек». К счастью, такое поведение малопомалу теряет кредит, так как, сколько мы ни живем, мы все не видим тех великих дел, которые должны бы совершаться этим сортом людей. Как ни скромна деятельность тех, которые занимаются «малыми делами», она уже дает результаты, которых не видят только те, кто нарочно старается изображать из себя слепого; но что делают и чего достигают противники «малых дел», этого до сих пор еще никому не удалось заметить. Почему же это так? Да просто потому, — отвечает г. Чехов своим рассказом, — что господа эти ничего не делают, да и делать ничего не способны по своей полнейшей дрянности, и их фыркание против «малых дел» от того и происходит, что они сами ровно ни к какому делу неспособны.

Выведенный г. Чеховым гонитель малых дел — человек, лишенный способности к какому бы то ни было труду. Г. Чехов не дает нам подробного послужного списка своего героя, но он и не нужен, так как его не трудно восстановить каждому. Неведомо зачем и почему, господин этот взялся за живопись и пишет пейзажи. Но и для этого дела он оказывается решительно непригоден, ибо и для этого дела требуется вера в свое дело, а наш герой именно ни к какой вере не способен. Единственно, к чему его влечет натура, это полное ничегонеделание, и он добросовестно предается этому занятию. Но так как просто лежать на боку <...> не особенно красиво, то является потребность обставить свою праздность какими-нибудь красивыми словами. <...> И вот <...> мы слышим от нашего героя самое удивительное объяснение его шалопайства:

«Если уж лечить, то не болезни, а причины их. Устраните главную причину — физический труд, и тогда не будет болезней. Не признаю я науки, которая лечит. Науки и искусства, когда они настоящие, стремятся не к временным, не к частным целям, а к вечному и общему, — они ищут правды и смысла жизни, ищут Бога, душу, а когда их пристегивают к нуждам и злобам дня, к аптечкам и библиотечкам, то они только осложняют, загромождают жизнь. У нас много медиков, фармацевтов, юристов, стало много грамотных, но совсем нет биологов, математиков, философов, поэтов. Весь ум, вся душевная энергия ушли на удовлетворение временных, преходящих нужд... У ученых, писателей, художников

кипит работа, по их милости удобства жизни растут с каждым днем, потребности тела множатся, между тем до правды еще далеко, и человек по-прежнему остается самым хищным и самым нечистоплотным животным, и все клонится к тому, чтобы человечество в своем большинстве выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность. При таких условиях жизнь художника не имеет смысла, и чем он талантливее, тем страннее и непонятнее его роль, так как на поверку выходит, что работает он для забавы хищного нечистоплотного животного, поддерживая существующий порядок. И я не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится в тартарары» (стр. 12–13).

Не правда ли, какой блестящий фейерверк громких слов! Г. Чехов замечательно удачно передал характер громких и в то же время совершенно туманных, содержащих весьма мало той простой вещи, которая называется смыслом, тирад, которые так часто противопоставляются призыву, обращенному к нашей интеллигенции, – работать для удовлетворения реальнейших нужд нашего народа. Прежде всего поражает полное отсутствие связи между содержанием тирады и выводом, который из нее делается. В самом деле, оказывается, что люди попали на ненастоящий путь; они занимаются пустяками, мелочами, временным, а главное-то и забыли, о главном-то и не думают, главным не занимаются. Вывод отсюда может быть только один: нужно заняться этим главным, да и других побуждать заняться тем же. И вдруг вместо этого естественного вывода – полнейшая несообразность: все громкие слова оказываются нужными только для того, чтобы показать, что мое ничегонеделание не есть простое лежебокство, а нечто идейное, результат высших соображений. <...> И героиня рассказа Лида дала наилучший ответ, какой только может быть дан на подобные рассуждения:

– «Подобные милые вещи говорят обыкновенно, когда хотят оправдать свое равнодушие. Отрицать больницы и школы легче, чем лечить и учить».

И в самом деле, кто мешает этим господам искать правды и Бога? Причем тут аптечки и библиотечки, чем они мешают такому исканию правды? <...>

И, наконец, отчего не выражаться яснее, чтобы можно было, наконец, понять, что собственно хотят люди сказать? Что же собственно нужно делать для того, чтобы человек мало-помалу перестал быть «хищным и нечистоплотным животным»? Люди, занимающиеся устройством «аптек и библиотек», именно и полагают, что они работают над обращением человека из «хищного и нечистоплотного животного» в более высокий тип, и если они не правы, то отчего же не разъяснить толком, почему нужно считать их неправыми, и какой путь нужно избрать вместо того, какого они держатся. Можете ли вы это сделать, гонители «малых дел»?

III

Во всяком случае, противники «малых дел» пытаются это сделать, пытаются обосновать свое отрицательное отношение к «малым делам». Но попытки эти также мало удачны, как и попытки оправдать свое ничегонеделание. Вот к чему, в сущности, сводится вся аргументация этих господ:

«По-моему, медицинские пункты, школы, библиотечки, аптечки при существующих условиях, служат только порабощению. Народ опутан цепью великой, и вы не рубите этой цепи, а лишь прибавляете новые звенья, – вот вам мое убеждение» (стр. 10).

«Мужицкая грамотность, книжки с жалкими наставлениями и прибаутками и медицинские пункты не могут уменьшить ни невежества, ни смертности, так же, как свет из ваших окон не может осветить этого громадного сада. Вы не делаете ничего, вы своим вмешательством в жизнь этих людей создаете лишь новые потребности, новый повод к труду» (стр. 11).

«Грамотность, когда человек имеет возможность читать только вывески на кабаках, да изредка книжки, которых не понимает, – такая грамотность держится у нас со времен Рюрика, гоголевский Петрушка давно уже читает, между тем деревня, какая была при Рюрике, такая и осталась до сих пор. И не грамотность нужна, а свобода для широкого проявления духовных способностей. Нужны не школы, а университеты» (стр. 12).

Не правда ли, читатель, как все это типично! Сколько раз вам приходилось читать подобные рассуждения в глубокомысленных статьях разных публицистов! Г. Чехов только несколько окарикатурил эти рассуждения, но суть их осталась неприкосновенною... <...>

Не больше смысла и в том, что противники «малых дел» противопоставляют им, в том, как они решают вопрос: что делать? <...>

«Нужно освободить людей от тяжелого физического труда. Нужно облегчить их ярмо, дать им передышку, чтобы они не всю жизнь проводили у печей, копыт и в поле, но имели бы также время подумать о душе, о Боге, могли бы пошире проявить свои духовные способности. Призвание всякого человека в духовной деятельности – в постоянном искании правды и смысла жизни. Сделайте же для [н]их ненужным грубый животный труд, дайте почувствовать им себя на свободе, и тогда увидите, какая, в сущности, насмешка (?) эти книжки и аптечки. Раз человек сознает свое истинное призвание, то удовлетворять его могут только религия, наука и искусство, а не эти пустяки» ([стр.]11).

Конечно, нет надобности останавливаться на странном противопоставлении «книжек» – «религии, наукам и искусствам». Герой наш, очевидно, воображает, что в книжках, предлагаемых народу, заключается что-то вроде бульварных романов, и не подозревает того, что эти книжки затем и несутся в народ, затем и учреждаются школы и библиотеки, чтобы познакомить народ с «религией, науками и искусствами». Но оставивши в стороне это обстоятельство, как резуль-

тат незнакомства нашего героя с тем, о чем он берется говорить (опять замечательно верная черта, так как противники «малых дел», выступающие со своими нападками, обнаруживают поразительное незнакомство с сущностью и условиями той великой культурной работы, которую они так презрительно величают «малыми делами»), — нельзя не удивиться тому, что наш герой проповедует приведенные истины тем, кто знает их, во всяком случае, лучше его. «Нужно освободить людей от тяжелого физического труда», надо дать им возможность «подумать о душе» и «проявить свои духовные способности», «призвание всякого человека в духовной деятельности»: все это совершенно верно. Но, спрашивается, зачем же это проповедовать тем, которые поставили эти истины в основе своей деятельности, тем, кто посвятил свою жизнь на то, чтобы облегчить людям от тяжести их материального положения и дать возможность им жить духовною жизнью? Зачем валить с больной головы на здоровую? Ведь если кто нуждается в усвоении приведенных истин, то именно господа проповедники вроде нашего героя. Ведь это им надо, наконец, понять, что обязанность каждого интеллигентного человека состоит в том, чтобы работать над облегчением материальной нужды народной массы и духовного просветления ее, а не в том, чтобы говорить праздные речи и довольствоваться этим празднословием. Наконец, надо же понять, что дело вовсе не в том, чтобы излагать такие трюизмы, как тот, что «нужно освободить людей от тяжелого физического труда» и дать им возможность «пошире проявить свои духовные способности», — кто же не знает этих истин? Вся задача человеческой цивилизации в том и состоит, чтобы освободить человека от зависимости от материальных условий существования и дать простор его духовным способностям. Дело заключается в том, чтобы найти путь, каким всего вернее можно достигнуть этой цели. Вы находите, что тот путь, которым сторонники «малых дел» идут, не верен; ну так покажите нам более верный путь. Знаете ли вы его?

IV

Обыкновенно противники «малых дел» показывают вид, что они хорошо знают этот путь, но говорить о нем не говорят. Это, конечно, очень удобно. Слушателю или читателю предоставляются предполагать все, что ему угодно. И иной наивный слушатель или читатель, пожалуй, и в правду вообразит, что за молчанием наших проповедников таится настоящий кладезь мудрости. Но зато, когда проповедники не утерпят и изложат эту мудрость, то приходится только рука-

ми развести от удивления. Именно образчик такой удивительной мудрости г. Чехов влагает в уста своему герою. Вот эта мудрость:

«Возьмите на себя долю их труда. Если бы все мы, городские и сельские жители, все без исключения, согласились поделить между собою труд, который затрачивается вообще человечеством на удовлетворение физических потребностей, то на каждого из нас, быть может, пришлось бы не более 2–3 часов в день. Представьте, что все мы, богатые и бедные, работаем только по три часа в день, а остальное время у нас свободно». <...> ([стр.] 11–12).

Вот и вся мудрость! Мы не будем останавливаться на странности утверждения, будто если к девяти человекам, занятым физическим трудом, присоединится и десятый, ныне от этого труда свободный, то на земле воцарится настоящая Аркадия: ведь, кажется, слишком ясно, что уменьшение труда на одну десятую еще не Бог знает какое облегчение. Каждый человек, несомненно, должен принять на себя долю выпадающих на человечество тягостей, в том числе и тягости физического труда; но это лишь вопрос личной нравственности, а не разрешение великой общественной проблемы¹⁷. Когда все люди примут на себя свою долю физического труда, его все-таки будет еще слишком еще много. <...>. Не будем останавливаться и на других странных утверждениях и замечаниях, из которых состоит мудрость нашего героя. Мы спросим только: неужели же сказать, что нужно, чтобы все принялись за физический труд, значит разрешить вопрос? Ведь дело не в том, чтобы сказать эту мудрость, а в том, чтобы указать способ, как осуществить ее. Как сделать, чтобы все действительно приняли на себя свою долю физического труда? <...> И, в конце концов, вся эта мудрость обращается в самую заурядную маниловщину, в которой фигурирует даже закаливание детей против холода по цыганскому рецепту!

Но оставим в стороне все эти курьезы и остановимся только на серьезной части речи нашего проповедника. Серьезная сторона состоит в мысли о необходимости облегчения труда путем технического улучшения его приемов и посвящения возникающего отсюда досуга на всеобщее занятие науками и искусствами и в особенности на отыскивание «правды и смысла жизни». Но ведь именно этим и занимаются те, к кому вы адресуете свои упреки, ведь в этом и состоят те «малые дела», к которым вы относитесь так презрительно. Задача в том и состоит, чтобы сделать технические усовершенствования, улучшенные приемы труда общим достоянием, а это возможно только путем распространения образования, путем устройства школ и библиотек, путем распространения книг, т.е. тем путем, по которому

и идут люди, занимающиеся «малыми делами». Точно так же кажется слишком очевидно, что для того, чтобы люди могли все заниматься науками и искусствами, чтобы они могли отдаваться отыскиванию «правды и смысла жизни», они должны выйти из состояния дикости, в котором пребывают, а для этого им опять-таки неизбежно пройти через ту же вышучиваемую вами грамотность, они должны воспользоваться все теми же школами, библиотеками и книжками, над которыми вы так издеваетесь. Спрашивается, неужели же вы не понимаете, что вы вооружаетесь именно против того, что сами проповедуете, и что в минуты просветления вы указываете, как на идеал, именно на то, к чему стремятся не на словах только, как вы, а на деле, те самые проповедники «малых дел», которые вам так ненавистны?

V

Г. Чехов не заставляет свою Лиду, являющуюся антагонистом нашего героя-проповедника, даже возражать на его проповедь. Она не считает нужным терять время и труд на то, чтобы разубеждать человека, которому в сущности все равно, который может только предаваться приятному бездействию, да для развлечения себя, а частью и от досады на свою дряблость и жизненность встреченного им человека дела, изливать свои злостные филиппики, мало заботясь о их смысле. Лучшим ответом таким господам и на такие нападки должно служить самое дело. И Лида и отвечает делом, отвечает своею работою. Она учит крестьянских детей, оказывает врачебную помощь больным, объединяет лучшие силы уезда для борьбы с кулаками и, в конце концов, отнимает от рук последних земские дела уезда. И здесь г. Чехов снова остается замечательно верен действительности. И в действительности те, кто работает для пользы народа, весьма мало обеспокоены нападкам, которые раздаются против их «малых дел». Они спокойно идут своею дорогою, зная хорошо, что лучшим ответом на все эти нападки служат и должны служить их дела. И пока господа, вроде героя г. Чехова, довольствуются тем, что презрительно фыркают на «аптечки и библиотечки», сами влача жалкое существование и не зная, что делать с тем досугом, о котором они мечтают как о необычайном благополучии для всех, и которым они обладают в такой изобилии, — в это время во всех уголках России идет тихая, малозаметная, но великая по своим последствиям культурная работа, тихо, незаметно делаются «малые дела», которые должны облегчить жизнь нашего народа, и просветить его сознание.

К характеристике нашего времени¹⁸

Многие из наших читателей, которым нет еще и 35–40 лет, помнят, конечно, то время, когда и в литературе, и в жизни общие вопросы настолько преобладали над частными и личными, что писатели, не имевшие определенных общественных идеалов и не вкладывавшие в свои произведения идейного содержания, подвергались насмешкам и приравнивались к пустоплысам; а общественные деятели старались возможно выше держать знамя общественного служения и следили за тем, чтобы у кого-нибудь не зародилось даже тени подозрения, что они могут подчинять это служение личным интересам. Конечно, и тогда были люди, не имевшие достаточно ясных и широких собственных взглядов и довольствовавшиеся чужими убеждениями, а также люди, прикрывавшие личные интересы общественными, но уже одна необходимость предъявлять известное *credo* и прикрывать, хотя бы фиговым листком, личные интересы может указывать на господствовавшее тогда настроение. Общие вопросы многих настолько поглощали, что они не придавали надлежащего значения практическому их разрешению и оказывались, нередко, на практике такими профанами, которых проводили дельцы; но общее настроение, все-таки, было возвышенным, и общественные вопросы и интересы наполняли собою журналистику, общественные собрания, салоны, даже семейную жизнь, и мы видели немало примеров действительно беззаветного и самоотверженного служения обществу.

Теперь положение вещей значительно изменилось и замечается, напротив, упадок интереса к общим и общественным вопросам и преобладание всюду вопросов частных и личных. Печать, за редкими исключениями, коренных вопросов не только не ставит, но даже не касается и ограничивается рассмотрением отдельных явлений и мероприятий; а в обществе идут толки преимущественно о своих делах; отсрочках платежей в банках, курсе бумаг, местах и окладах, о зарубежных поездках, теноровых партиях в опере, служебных перемещениях и назначениях, о сенсационных слухах и случаях, о спорте, шахматах, именинниках и именинных пирогах, – вообще, о чем хотите, что поддерживает и разнообразит культурное существование, только не о том, что поднимает общественный дух. Земское и городское самоуправление, где наиболее сосредотачивается общественная жизнь, постепенно не досчитывается гласных в заседаниях; жела-

тельные люди, сплошь и рядом, не идут на выборные должности, и последние замещаются кем случится или по назначению; случайные люди действуют, а наиболее живые либо совсем удаляются от дел, либо начинают заниматься в одиночку каким-нибудь маленьким душеспасительным делом: устраивают ночлежные и работные дома, приюты, ясли, пожарные дружины, воскресные чтения и т.п. Конечно, подобно тому, как маленькая рыбка лучше большого таракана, так и маленькое хорошее дело лучше большого безделья и пустословия, но все-таки оно остается маленьким и пользу приносит лишь ограниченную, да и самому, занимающемуся им, не дает настоящего удовлетворения и утешения. Хотя мы и знаем, что маленькие организмы совершают, во многих случаях, огромную работу, но для этого, во 1) их должно быть очень много, а во 2) они должны одинаково функционировать, т.е. действовать биологически в одном направлении. Еще в большей степени, то же самое может относиться и к маленьким человеческим делам, с тем необходимым добавлением, что они только тогда могут дать значительный результат, когда будут входить составною частью в сознательный общий план деятельности; между тем, хотя число таких людей и возрастает за последние годы, оно, все-таки, сравнительно, очень еще не велико, и деятельность их крайне разбросана и разобщена. Эта разобщенность, помимо внешних причин, обуславливается и одною из характерных внутренних черт современного культурного человека: его отвычкой, неумением, а может быть, и несклонностью действовать согласно с другими, его нетерпимостью к чужому мнению и чисто бюрократическим отношением, даже к самым близким людям. Вполне вероятно, что все это привито ему жизнью и воспитанием, что все это испытано им на себе, и теперь только переносится на других; но от этого не легче. За последние годы, у нас не осталось, кажется, ни одного города, где интеллигенция не перессорилась бы и не рассказывала бы друг про друга самых возмутительных вещей, где не было бы пущено в ход клеветы, грубости, а иногда и попросту кулаков и палок. Даже вышеупомянутые пожарные общества кишат счетами самолюбий и низменными дрызгами. Если возможны разногласия и споры даже по таким вопросам, как вопрос о розге, о необходимости законности в жизни, о битье учеников в школах и т.п., то чего же можно ожидать по вопросам, менее ясным. Словом, и разномыслие полное, и люди, берущиеся соединить такие элементы в нечто целое, сплошь и рядом трудятся над столь же трудной задачей, как витье из песка веревок. Обуславливается это, с

одной стороны, долгим отсутствием правильной и свободной общественной жизни, которая есть лучшая школа общественности, а с другой, — недостатком достаточно широкой общей цели, которая могла бы духовно объединить людей. Когда приходится читать и слышать о возникновении, там и сям, кружков саморазвития и самообразования, об устройстве чего-нибудь, вроде потребительных обществ, общественных библиотек, народных читален и т.п., то, радуясь и таким скромным начинаниям, невольно задаешься вопросом: надолго ли это устраивается, не вырастет ли тотчас же какого-нибудь внешнего препятствия, или не погубит ли дело внутренний раскол? Хотя такого рода начинания, сравнительно, напр., с земской деятельностью, представляются чем-то в роде подготовительного класса, но как же быть без такого рода школ; к тому же, и в Европе, где общественная жизнь гораздо более развита, такие общества существуют, и существуют в неизмеримо большем количестве, чем у нас.

За все время, в какое произошла указанная перемена, в литературе были лишь неудачные попытки идейно объединить и направить общество по вновь намечаемым путям. Попытки эти свидетельствовали прежде всего об усилиях людей, пытавшихся изобрести что-нибудь новое, и об усталости общества, и сыграли, в сущности, разъединяющую и реакционную роль, по отношению к увлечению общественными вопросами. Одна из этих попыток, наиболее ранняя, состояла в том, что единственным средством изменить неудовлетворительное положение вещей была провозглашена необходимость внутренне изменить самого человека, при предположении, что в несовершенстве и недостатках его и заключается все зло, причем, первым шагом к такому совершенствованию личности, было поставлено совершенно пассивное отношение ко всякому иному, внешнему злу. Другая попытка, близкая к ней, но перешедшая скоро в карикатуру, ставила для человечества целью смутные метафизические задачи и закончилась декадентством в искусстве, науке и философии. Третья попытка, в противоположность последней, но с не меньшей серьезностью и основательностью провозгласила, что человечество управляется исключительно желудком и экономическими отношениями, что старания что-либо изменить в этом порядке будут совершенно бесплодны и что, под влиянием экономического фактора, все само собою сделается к лучшему, так что образованным людям остается только сидеть и ждать этих наилучших результатов. Нигде, может быть, не сказала так ярко слабость нашей культуры, как в этих попытках, в сущности даже не самостоятельно

созданных и совершенно ни к селу, ни к городу, т.е. ни ко времени, ни к месту примененных к нашей жизни. Жизнь их не приняла и не примет, пока в человечестве не исчезнет стремление его духа к свободе и не погаснет чувство долга и справедливости относительно ближнего. Но любопытнее всего в этих попытках то, что они не дают ни малейшего движения вперед: мысль совершила совершенно бесплодные полеты, описала круги и опять очутилась около того же места, которое послужило ей точкой отправления. Перед нами опять те же вопросы, от которых одни думали отделаться метафизикой, а другие успокоением, что все само собою делается.

Но не эти, разумеется, попытки о которых я и упомянул лишь, между прочим, были причиной упадка в обществе интереса к общественным делам и вопросам. Эти попытки сами были только следствием того, что общество устало топтаться на месте, при невозможности разрешить наболевшие вопросы частными мерами и неспособности его, в главной своей массе, — отрешиться от личных интересов. — Отсюда же и вышеупомянутая распря среди самого культурного общества, вовсе не ограничивающаяся борьбою отдельных лиц и маленьких групп, а выражающаяся в таких крупных формах, как раз[л]ад между бюрократией и обществом. Чиновник любит общество только в клубах и разных экстренных случаях, а в обыденной жизни видит в нем только помеху правильному течению канцелярских дел. Он думает, что может во всем его заменить и дать ему все то, чего ему не достает и чего само оно достигнуть не может. Конечно, это ошибка, но ошибка, которую общество понимает только наполовину — относительно себя, так как и оно одобряет опеку над мужиком, и не только одобряет, но и само желает его опекать. А при таком половинном понимании, предмет никогда не будет иметь надлежащей ясности, точно так же, как половинные желания не могут иметь надлежащей убедительности и неотложной необходимости.

Что чиновник, как канцелярский и оторванный от жизни человек, может ошибаться на счет общественных и народных нужд и потребностей, это едва ли есть надобность доказывать, в виду обилия и частой повторяемости такого рода фактов. Гораздо интереснее примеры, относящиеся к народной жизни, в которых в одно и то же время сказываются и указанная слабая сторона решения вопросов, и отношение печати и общества к таким вопросам. За примерами ходить недалеко.

Недавно у нас были напечатаны статьи по двум серьезным, текущим вопросам — о происходящем пересмотре положений о крестья-

нах, которое находится в самом удобном фазисе для обсуждения мнений губернских совещаний по разным отраслям крестьянской жизни, и о новых учреждениях мелкого крестьянского кредита. – По первому вопросу, заключения губернских совещаний отпечатаны, высшая администрация выразила желание знать о них, а, следовательно, и о самом предмете, мнение печати, а печать, между тем, молчит и занимается обмелением Волги, донскими гирлами¹⁹, новыми нефтяными источниками и т.п., точно обсуждается не коренной вопрос всей нашей жизни, а нечто второстепенное и менее важное, чем волжские перекаты. Правда, вопрос поставлен в известные рамки и можно находить эти рамки слишком тесными, но можно точно также быть и совершенно равнодушным к самому вопросу. Чем, в данном случае, руководится большинство молчащей о нем печати, мы сказать с уверенностью затрудняемся. С другим вопросом еще лучше. Ссудо-сберегательным товариществам, как известно, был приостановлен кредит из государственного банка, и новые товарищества утверждались лишь с большими затруднениями. Приостановка эта приурочивалась к пересмотру устава государственного банка и тянулась несколько лет; наконец, устав был пересмотрен, и были также пересмотрены уставы прежних товариществ и выработан устав совершенно новых учреждений мелкого кредита²⁰. Все готово, есть и капитал, для кредита, а между тем проходит почти два года, и никто не идет на трапезу, никто не основывает сельских банков и не обращается за кредитом. Опять вопрос, что это значит: сложность ли устава и обилие и стеснительность контроля, или равнодушие общества, и опять-таки какое и чем обусловленное равнодушие: тем ли, что общество, после многолетних ожиданий и отказов, махнуло, наконец, на дело рукой, увидав неудачный и стеснительный устав, или совсем перестало интересоваться устройством крестьянских кредитных учреждений? Есть и другие, не менее серьезные, в принципиальном отношении, вопросы, о которых печать также молчит. Таков, напр., вопрос о возникающих там и сям домах трудолюбия. Будут ли эти дома учреждениями, помогающими людям, оказавшимся в трудном положении, честно перетерпеть нужду и приобрести опять хозяйственную самостоятельность, или разновидностью тюрем, так сказать, санкционирующих пролетариат, – большая разница, а между тем, печать опять молчит. Совсем не то было, когда нынешнею же весною был поставлен на очередь дворянский вопрос. Вот что сообщало по этому поводу «Новое Время»:

«Петербург переполнен дворянским вопросом... В канцеляриях усиленно и спешно подбираются нужные справки и материалы. В газетах каждый день по несколько статей о дворянском вопросе. В здешних политических салонах трактуются, соображаются и пускаются в ход миллионы комбинаций, в том числе, главным образом, о переменах в личном составе высшей администрации, – комбинаций, сооружаемых на почве дворянского вопроса и открывающих широкий простор для фантазии, подогретой весенним теплом и солнцем. С нетерпением все ожидают вестей о действиях особого совещания...²¹. Состоялось собрание петербургского дворянства, посвященное дворянскому вопросу. Даже в здешних клубах дворянскому вопросу посвящаются рефераты, вызывающие оживленный обмен мнений, как, напр., в “клубе экономистов”, где главными участниками прений выступили гостиные в Петербурге представители поместного дворянства. Словом, дворянский вопрос вызвал в Петербурге давно небывалое оживление»...

Если общество, в главной своей массе, обнаруживает столь различное отношение к таким вопросам, то на передовой интеллигенции лежит прямая обязанность употреблять все силы к тому, чтобы изменить это, хотя бы ради одного только поднятия достоинства самого общества.

В. П. Воронцов

Идеи неомарксизма и русская действительность²²

В то время как формула: социальная революция, осуществляемая *народом* – теряла престиж в широком понимании ее деятелями семидесятых годов – она возрождалась в умах русской интеллигенции в виде учения, провозглашавшего задачу осуществления социализма *пролетариатом*. В его практическом выражении это учение продолжало традиции 70-х годов, ставя, как и последние, своей задачей организацию трудящихся масс. Этой своей стороной социал-демократизм стоял ближе к семидесятым годам, чем публицисты, на словах выступавшие в защиту последних. Возрождение идеи «организация народа» в форме «организация пролетариата» только подтверждало истину изречения, что гони природу в дверь – она влетит в окно. Без организации народных сил не был возможен никакой новый широкий шаг в прогрессивном развитии нашей страны; и нужно считать совершенно естественным и целесообразным возникновение течения,

стремившегося к организации городской части народа. Если бы эта идея, навеваемая самой жизнью, не была узурпирована определенной идеологией – организация пролетариата сделалась бы исходной точкой более широкого организационного движения. «Все трудящиеся России – соединяйтесь» – таков естественный лозунг русской демократии, провозглашенный в семидесятых годах и ставший боевым кличем в настоящий момент активной борьбы с деспотизмом. Но тощей идеологии неомарксизма было не по силам это ярко-красное знамя, – единственное, обеспечивающее победу демократии в России; и она выкинула бескровный в данный момент лозунг: «Пролетарии всех стран – соединяйтесь», звучавший насмешкой над русским рабочим классом, совершенно разрозненным и зажатым в полицейском кулаке.

Придет время и протiwоестественный (с точки зрения целесообразности) факт преобладания в недавнем прошлом среди нашей молодежи учения неомарксизма получит надлежащее освещение и оценку. В этой же заметке мы сделаем лишь несколько замечаний по данному предмету. <...>

Характерной чертой так наз[ываемой] марксистской легальной и нелегальной русской литературы служит то, что и по своему характеру, и по направлению она противоречит теоретическому марксизму, насколько таковой представляется личностью самого Маркса. Согласно духу учения М[аркса], – с чем согласны и писатели, о которых идет речь, – определенные суждения о судьбах и направлении эволюции какой-либо страны позволительно высказывать лишь после научного исследования данного явления, а не путем приложения к одному обществу шаблона, выработанного теоретически или на основании данных, относящихся к странам, развивавшимся при значительно отличных условиях. Поэтому и первые научные применения марксизма к толкованию экономической жизни России должны бы состоять в производстве исследований, одновременно опирающихся и на многочисленный фактический материал, и на теоретические положения экономической науки; и лишь после того как, таким образом, будут прочно установлены некоторые обобщения, касающиеся отдельных категорий явлений, можно будет приступить к научному построению общей формулы экономической эволюции страны²³. Лица же, особенно громко провозглашающие знамя марксизма, будто бы ими водворяемого в России, поступают совершенно обратнo тому, чему сами учат, как характерной черте дорогого им историко-философского учения. Они начали прямо с применения к нашей стране

конкретной формулы экономической эволюции, окончательно формулированной Марксом – после обширнейшего и детальнейшего изучения в течение нескольких десятилетий упорного труда, – экономической истории Западной Европы вообще и преимущественно классической страны капитализма – Англии; формулы, примененной затем теоретиками немецкой рабочей партии к экономической эволюции Германии, причем в практических интересах своей партии ими было допущено такое расширение исторического значения этой формулы, какое вовсе не следовало из научных оснований, и какое находилось в противоречии с историко-философской теорией Маркса. <...>

...События последних 10–15 лет показали, однако, что условия, делавшие практически уместным распространение формулы экономической эволюции, всецело приложимой, кажется, к одной только стране европейского материка (собственно Англии), на весь цивилизованный мир, – что эти условия исчезают и что научное обоснование демократического движения в Европе должно себе искать другого выражения. С одной стороны, аграрное движение в Ирландии (а впоследствии и в некоторых других европейских государствах, напр., в Италии) свидетельствует о том, что земледельческое население в массе имеет такие интересы, которые могут его побудить к массовому движению (хотя бы и несоциалистического характера), вследствие чего со стороны различных партий Европы, в том числе и рабочей, сделаны были попытки привлечения крестьян к совместной борьбе на политической почве. С другой стороны, объединение фабричного пролетариата сделало такие успехи, что настало время подумать о привлечении к организации других рабочих элементов (мелких мастеров и особенно крестьян), без чего политическая сила рабочего класса не будет в состоянии перевесить силу соединенных представителей капиталистического режима. В силу указанных обстоятельств в последнее время представители рабочих партий во Франции, Бельгии, Италии, Германии и др. странах делают попытки агитации в деревне, для чего они входят в рассуждение относительно тех групп крестьянства, какие было бы желательно привлечь к союзу с городскими рабочими, и вносят соответствующие изменения в свои программы. Но на пути этого, диктуемого жизнью, движения стоит идеология социал-демократической партии, согласно которой мелкий сельский хозяин подлежит исчезновению и не должен быть поддерживаем, а предоставлен своей собственной судьбе. Поэтому мы имеем право сказать, что эта идеология перестает соответствовать усло-

виям дальнейшего развития европейской демократии, что естественное политическое развитие трудящихся классов Европы обогнало эту неподвижную доктрину и что в интересах дальнейшего объединения этих классов необходимо изменение господствующей теории западной социал-демократии или игнорирование этой теории в практическом отношении путем включения в программу партии пунктов относительно поддержания мелких сельских хозяев и способствования организации мелкого земледельческого производства в крупное некапиталистическое. На этот путь действия и выступают более или менее интеллигентные представители рабочих партий в различных европейских странах (Франции, Бельгии, Италии и др.).

Из сказанного следует, что принятие теории транскapиталистической эволюции общества в той форме, которая близка к полному ее осуществлению лишь в одной европейской стране, – собственно Англии, – принятие этого учения как основного теоретического положения для построения практической программы у вновь выступающих на арену социального развития народов – не только противоречит, как выше сказано, общему смыслу марксизма, но и не соответствует интересам демократического течения этих стран, так как земледельческое население в этих последних составляет несравненно больший процент, нежели в старых европейских государствах, большая часть промышленных рабочих не порвала окончательно с землей, а специально фабричный пролетариат образует ничтожную долю населения.

Известно, что Маркс был решительным противником буржуазии и что он всю свою жизнь посвятил теоретической и практической борьбе с капитализмом. Но случалось, что иногда, при некоторых обстоятельствах, он высказывался в пользу желательности более быстрого развития капитализма в странах, несомненно, выступивших на этот путь экономической эволюции и где совершенно отсутствовали зачатки экономической организации (напр., земельной общины), позволяющей надеяться на возможность параллельного развития некапиталистической социализации промышленности. В противоположность этому, наши последователи Маркса главной своей литературной задачей сделали борьбу с направлением общественной мысли, принципиально враждебным капитализму и в своей экономической программе стремящимся к облегчению настоящего положения трудящихся масс вообще и к прогрессивному развитию нашей промышленности на почве сохранения связи производителя с орудиями его труда. Этой последней идее нападающая сторона проти-

вопоставляет капитализацию как не только, по ее мнению, исторически неизбежную фазу развития, но и как единственно возможное прогрессивное и, следовательно, желательное явление в России, причем с особенной ненавистью она относится даже не к подворному крестьянскому, а к общинному владению землею в России. В силу сказанного, главнейшим общественным результатом литературной деятельности внутри России данной группы марксистов естественно является реабилитация капиталистической формы во мнении той части русского общества, которая до сих пор была ей, безусловно, враждебна, и обращение в верных слуг капитализма колеблющихся элементов, влекомых на службу буржуазии своими инстинктами и материальным положением и воздерживавшихся от безусловной преданности своим патронам живым сознанием того, что им приходится принимать участие в поддержании порядков, которые ими считались и вредными, и несправедливыми. Такое обуржуажение мирозерцания прогрессивных элементов русского общества не может не быть выгодным современной буржуазии, устраняя принципиальные препятствия к осуществлению всех ее вожеланий. И если передовая часть общества признает прогрессивное значение и желательность более быстрого развития у нас капитализма, то буржуазным ученым и фактическим деятелям капитализма нет надобности тратить силы на опровержение мнений своих принципиальных противников и на защиту идеи капиталистической эволюции. За них исполняют это дело российские марксисты. <...> Недаром же наши буржуазные экономисты (напр., гг. Янжул, Головин) так благосклонно отнеслись к книжке г. Струве²⁴, а реакционный орган печати («Русское Обозрение») основательно высказал названному марксисту, что, хотя по своим взглядам на отдаленное будущее он и расходится с журналом, но так как его мысли о ближайших задачах экономического развития России («пойдем на выучку к капитализму») совпадают со взглядами буржуазии, то журнал имеет полное основание практически считать его своим союзником.

Широкое распространение в нашем современном обществе теории немецкой социал-демократии, играющей на русской почве роль обоснователя идеи закономерности, прогрессивного значения и желательности господства капитализма, обусловлено тем, что эта теория отвечает очень разнообразным настроениям и интересам нашего культурного общества.

Она благоприятствует интересам буржуазии и потому охотно принимается той частью буржуазной молодежи, которая, будучи дос-

таточно просвещена для того, чтобы не считать капиталистическую эксплуатацию рабочего совершенно законным (с социально-этической точки зрения) явлением, — не настолько, однако, предана идее справедливости и коллективизма, чтобы решиться сейчас же разорвать со своим привилегированным положением и вступить в борьбу с капиталистическим режимом. <...>

Если водворение в России капитализма есть неизбежное и прогрессивное явление, и переживаемая нами эпоха является временем этого водворения, то прогрессивными деятелями, и притом самыми нужными в данный момент, должны быть признаны и лица, так или иначе участвующие во внедрении капитализма; а потому человек, отдающий свои знания и таланты на службу буржуазии, может считать себя работающим на пользу русского прогресса, даже на пользу социализма, и он охотно согласится с теорией, дающей такую возвышенную окраску его продажности.

Это — одна категория мотивов и настроений, благоприятствующих широкому распространению в современном обществе учения о транскапиталистической эволюции промышленности. Но есть и другие!

Хотя по смыслу учения, о котором идет речь, цивилизованные общества движутся по направлению к коллективизму, но последний может быть осуществлен лишь после того, как капитализм приготовит для него материальные условия и воспитает пролетариат для роли водворителя новых порядков. До тех же пор, пока совершится эта подготовка, излишне прибегать к мерам сознательного революционного приближения желательного лучшего, каковые меры, конечно, имеют менее всего смысла в России как в стране, наименее подвинувшейся в деле капитализации ее промышленности и, следовательно, наименее подготовленной к коллективизму. Таким образом, естественная эволюция, а не быстрые искусственные перевороты — вот вывод из рассматриваемого учения, которое по этому одному располагает к себе общество, утомленное многими годами бурных волнений и политических экспериментов.

История Западной Европы последних 25 лет представляет комбинацию быстрого развития капитализма, организации рабочего класса и политической свободы. Мы связываем все эти явления причинной связью, и так как сами всего больше страдаем от бесправного положения, то склонны, игнорируя всю совокупность условий нашего исторического развития, принимать, что успешное развитие капитализма принесет и нам обеспечение свободы личности, и тем более принимать

ту теорию транскапиталистической эволюции, которая еще научает, каким образом добьемся мы того, о чем так страстно тоскуем.

Учение о транскапиталистической эволюции России, соответствующая, с одной стороны, буржуазной струе в русском обществе, связывает в то же время свою основную идею с идеей того демократического течения, которое определилось у нас в 70-х годах, и дает новую идеологию этому течению, не изменяя его существенного содержания, а лишь суживая сферу применения активной энергии общества. И хотя этой своей стороной, ведущей к ограничению контингента лиц, отдающих свои силы на служение народу, названное учение, по сравнению с другими, — как предыдущими, так и обращающимися ныне в обществе идеологиями — должно считаться шагом назад; но этот его реакционный характер не особенно бьет в глаза в настоящее время, когда общество еще только просыпается от недавней спячки, и в полной мере обнаружится лишь впоследствии. Теперь же, благодаря тому обстоятельству, что оживление общественного настроения сопровождается распространением названного учения, последнее явление многими считается причиной первого, а благодаря сравнительно еще незначительному кругу лиц, захваченных практически движением, отрицательные стороны представляющей движение идеологии не замечаются, и она очаровывает активные элементы общества тем положительным содержанием, которое в ней заключается.

Игнорирование нашими «марксистами» основного положения Маркса об относительности всякой идеологии и о необходимости построения последней на основании научного исследования подлежащих явлений — было главной причиной ошибок господствующей группы наших марксистов при практическом приложении интеллектуально исповедуемых ею принципов.

Так, игнорируя ту конкретную обстановку, в какой вынужден развиваться наш капитализм, лица, о которых идет речь, не заметили господствующего тона эволюции нашей крупной обрабатывающей промышленности, заключающегося в преимущественном развитии технической стороны производства и в весьма слабом привлечении к нему (производству) новых рабочих, результатом чего неизбежно должна явиться сравнительная (с западноевропейской) малочисленностью фабрично-заводского рабочего класса и, следовательно, сравнительно ничтожная роль последнего в социальном развитии страны.

Они не придали надлежащего значения и той особенности нашего экономического быта, обусловленной климатическими и географиче-

скими факторами, согласно которой сельскохозяйственное население большей половины России (при 6-месячном сельскохозяйственном сезоне), даже при полном насыщении его рабочей способности сельскохозяйственным трудом, — не может обеспечить себе сносное существование работой исключительно в области сельского хозяйства и вынуждено либо на месте заниматься подсобными промыслами, либо — при разрушении последних капитализмом — искать заработков в городах и на фабриках. Они не заметили и того, что при постоянно растущем малоземелье крестьянина такой исход представляется естественно необходимым, вследствие чего наши города и фабрики переполнены крестьянами, не разрывающими связь с деревней, обыкновенно периодически посещающими свои места рождения для сельскохозяйственных работ и для свидания с родными и постоянно посылающими туда часть своих заработков.

Совершенно было упущено из виду и то обстоятельство, что благодаря существованию у нас общинного землевладения и господствующему среди мелких подворных собственников обычаю равного раздела земли между сыновьями, те крестьяне, которые в данный момент бросили деревню для города или для фабрики, — сохраняют право на землю; что с постоянно возрастающей ценностью земельных угодий, с одной стороны, и при необеспеченности внеземледельческих заработков — с другой, это право с течением времени становится более и более привлекательным; что при незначительной стоимости сельскохозяйственного инвентаря крестьянина в большей части России, приобретение такового, при сколько-нибудь успешном заработке на стороне, не представляет особых затруднений; и что эта комбинация экономических условий поддерживает в фабричных рабочих из крестьян надежду когда-нибудь опять сесть на землю или как-нибудь иначе воспользоваться выгодами землевладения, — что служит новым препятствием полному разрыву между городом и деревней и окончательному выделению обширного класса фабрично-заводских рабочих.

Таким образом, лица, о которых идет речь, упустили из виду, что наш фабрично-заводской класс не только не может составлять того процента, какой принадлежит ему по отношению ко всему населению в крупных государствах Европы, но и не представляется настолько дифференцированным, чтобы быть окончательно отрезанным от деревни и противопоставляться крестьянам как совершенно особый класс чистых пролетариев. Перенесение к нам идеологии, в основе которой лежит презумпция о широком развитии такого именно пролетариата,

поэтому так же не соответствует нашим отношениям, как противоречила бы им идея, исходящая из предположения наличности у нас тех же политических условий и той же степени умственного развития, какие свойственны, напр., Англии, Франции или Германии. <...>

Западная городская демократия жалуется на полный разрыв города с деревней, на полное непонимание ими друг друга, доходящее до антагонизма, каковое обстоятельство стоит на пути успешного распространения идей из города на сельское население. В этом отношении условия русской жизни, как видно из того, что говорилось на предыдущих страницах, совершенно обратны западноевропейским. Между городом и деревней, между фабрично-заводским и сельским населением существует не только постоянное фактическое взаимодействие и общение, но и связь экономических интересов. Отдельные лица того и другого в массе не представляют двух разных, ничем между собой не связанных классов; в таком положении находится меньшинство городских рабочих. Относительно же большей их части и относительно значительной доли сельского населения необходимо признать, что они образуют один класс трудящихся, имеющих общие интересы как в деревне, так и в городе. Городская часть этого класса заинтересована в аграрных отношениях, потому что их члены участвуют во владении землей; сельская часть его заинтересована в лучшем вознаграждении фабричных рабочих, часть доходов которых посылается в деревню и в положении которых на более или менее продолжительное время становятся многие из тех, кто в данный момент отдает свои силы сельскому хозяйству.

Из сказанного, в связи с предшествовавшим, следует, что если для успеха демократических идей в России, более чем где-либо в Европе, необходимо единение города и деревни, то такое единение представляется и гораздо более возможным, идея его сама собой напрашивается в сознание всякого, даже невнимательного наблюдателя жизни русского народа, и правильная теория русского демократизма не может игнорировать этого явления, а должна дать ему место в своих абстрактных построениях. И только при полном отчуждении от трудящегося класса или даже при совершенном фактическом разрыве с русской жизнью возможно появление идеологии, претендующей на титул демократической по преимуществу и в то же время остающейся в стороне десять десятых демоса.

Представители трудящегося населения в Европе придают весьма важное значение политическим условиям, как представляющим бóль-

шую или меньшую возможность организации рабочего класса для легальной защиты его интересов.

При этом между ними обнаруживается разногласие лишь относительно важности организации экономической (корпоративной и кооперативной) и политической. Что же касается действительного хода дел, то в разных странах, — соответственно всей совокупности исторических условий, — на первый план выступили то корпоративное и кооперативное, то политическое движение. В Англии, где политические условия прежнего времени не благоприятствовали политической организации рабочего класса, последний объединился путем корпоративных и кооперативных союзов. В Германии, где развитие политической жизни обогнало экономическое, и где вскоре по водворению парламентаризма введена была всеобщая подача голосов, рабочее движение характеризуется не столько корпоративным, сколько политическим объединением.

Социальные условия России допускают в настоящем существовании лишь кооперативных союзов. Мир, товарищество, артель — вот единственные формы возможного легального и потому допускающего широкое распространение единения трудящихся. Поэтому стремление интеллигента к поддержанию и дальнейшему развитию существующих союзов этого рода и к ознакомлению населения с новыми формами коопераций — даже при отрицании за этими учреждениями серьезного значения и при отношении к ним только как к средству для развития самосознания производителя — это стремление должно быть призвано имеющим для России гораздо большее значение, нежели для остальной Европы. Казалось бы поэтому, что и всякое общественное течение, признающее практическую важность юридических условий и считающее главнейшей задачей современного момента развитие самосознания производителя, должно бы было особенно приветствовать всякий новый шаг в этом направлении, особенно бережно относиться ко всякой бытовой форме, кроющей хотя бы только зачатки кооперации, указывать современникам на необходимость пытаться развить эти зачатки и расширить сферу применения идеи артели. Обращаясь же к позиции, занятой по отношению к данному вопросу нашим идеологическим марксизмом, мы увидим, что последний не только не поддерживал существующего в нашей стране кооперативного движения, но принимал все находящиеся в его распоряжении средства для дискредитирования этого движения в общественном мнении. Названное направление начало с того, что обру-

шилось на бытовые формы кооперации русского народа, виновные в том, что они были распространены исключительно среди крестьянского населения (на месте и в отхожих промыслах), и в порыве рабочего усердия в следовании воспринятой узенькой догме вышло за границы дозволенного даже исповедуемой теорией: клеветало на общераспространенную среди русского народа форму коллективного владения землей, представляя ее то очагом реакционного настроения, то орудием эксплуатации бедного населения кучкой богатых; смеялось над ничтожными экономическими средствами артели, в случаях, когда она применялась беднейшими кустарями, и позорило как кулаческие те кооперации, которые составлялись из работников, не настолько обедневших, чтобы не иметь, напр., кое-каких средств для ведения самостоятельного промысла. Вместе с тем, оно предавало насмешке лиц, стоящих за целесообразность применения кооперации для удовлетворения различных потребностей трудящегося населения и, — не имея средств бороться с этим направлением на почве фактов и рассуждений, — стремилось обесславить его как мелкобуржуазное, а заодно и самому оправдаться в борьбе, с этим течением, борьбе имевшей характер противопоставления ему принципов крупнобуржуазной организации.

П. А. Соколовский

О союзах кооперативных обществ²⁵

В настоящее время по сведениям С.-Петербургского Отделения Комитета о ссудо-сберегательных товариществах действует названных товариществ 703; затем Особенной Канцелярии по кредитной части к 1 января 1897 г. доставили сведения о своей деятельности 262 сельских банка и 575 волостных вспомогательных касс. Преследуя одну и ту же цель — доставление членам доступного и дешевого кредита, учреждения эти действуют отдельно друг от друга, не имея между собой никакой связи. При благоприятных условиях эта особенность не влечет за собой особенно невыгодных последствий. Если в составе членов есть лица, понимающие устав, если заведование делами находится в опытных руках, если Совет внимательно следит за действиями Правления, наконец, если в кассу товарищества обильно приливают дешевые вклады, — то товарищество имеет возможность с успехом выполнять свое назначение. История ссудо-сберегательных товариществ

представляет немало примеров благотельного их влияния на быт не только членов, но и посторонних лиц. Не одна тысяча земледельцев и ремесленников сохранила свою хозяйственную самостоятельность, благодаря вовремя полученным ссудам. Одним эти ссуды давали возможность приобрести материал и орудия производства, не прибегая к кредиту ростовщиков, другим они помогали переждать невыгодное время для продажи хлеба и вообще продуктов труда. Спасая таким образом от тяжелой участи наемных рабочих своих членов, правильно действующие ссудо-сберегательные товарищества косвенно оказывали услугу и всему остальному населению. Существуют многочисленные доказательства влияния товариществ на понижение размера процентов по ссудам у частных заимодавцев, причем бывали случаи совершенного прекращения ростовщичества в районах действия товариществ. Наконец, представляя собой доступную сберегательную кассу, товарищества дали возможность многим батракам, путем постепенных сбережений, обзавестись собственным хозяйством.

К сожалению, благоприятные условия для деятельности учреждений мелкого кредита встречаются далеко не везде. Большинство членов товариществ совершенно не знакомо с их целями и организацией и смотрит на товарищество, как на частную ссудную кассу. Не имея возможности получать *на месте* указания, как вести дело, правления теряются при всяком затруднении, нарушают устав и делают непорядимые ошибки. В числе органов управления товариществ есть, правда, Совет, который обязан следить за правильностью действий Правления, но он или совсем не наблюдает за ходом дел товарищества, полагаясь вполне на Правление, или ограничивается поверхностной проверкой годового отчета. Бывали случаи сознательного нарушения устава, полного произвола Правления при выдаче ссуд, искусственного расширения оборотов с целью получения высокого дивиденда, растрат и вообще злоупотреблений. Следствием всего этого являлись невыполнение ни членами, ни самими товариществами своих обязательств, подрыв кредита и, наконец, полное расстройство дел.

Но при известных обстоятельствах даже и наиболее опытные и честные распорядители товариществ не могли избежать нарушения устава и вести дело согласно устава в интересах членов. Так, в тех случаях, когда само товарищество для усиления своих оборотных средств принуждено заключать, вследствие дороговизны в местности денежных капиталов, займы на тяжелых условиях, оно по необходимости должно взимать высокий процент по ссудам, несоразмерный с

доходностью предприятия, на которое эти ссуды берутся. Вследствие этого заемщик бывает вынужден выплачивать проценты не из дохода, а из самого капитала, вложенного в хозяйство, что рано или поздно ведет к расстройству последнего и несостоятельности заемщика. Уставы ссудо-сберегательных товариществ разрешают, как известно, лишь краткосрочные ссуды; между тем по условиям своего занятия члены-крестьяне нередко нуждаются в долгосрочном кредите, и необходимость заставляла распорядителей делами товариществ выдавать ссуды на такие хозяйственные обороты, которые не могли быть окончены в срок, определенный уставами для возврата ссуд. Ссуды в действительности и не возвращались, и в предупреждение неизбежного расстройства хозяйства заемщика и даже потери товариществом выданных в ссуду денег, Правление принуждено было допускать переписку долговых обязательств. За перепиской по уважительным причинам следовали переписки по произволу Правления. При общих же бедствиях переписка эта становилась поголовной, и деятельность товарищества фактически прекращалась.

Принимая в 1871 г. на себя руководство делом народного кредита в форме ссудо-сберегательных товариществ, Комитет и его С.-Петербургское Отделение не могли не сознавать пользы местного руководства и объединения их действий, и с первого же раза Отделением был предпринят ряд мер в этом направлении. Комитет и Отделение выработали образцовых устав ссудо-сберегательных товариществ, который затем был постоянно дополняем и изменяем согласно указаниям опыта. Вследствие ходатайства Отделения было издано в 1895 г. особое Положение об учреждениях мелкого кредита. В видах установления однообразия ведения счетов товариществ, Отделение издало Правила счетоводства и отчетности и снабжало товарищества счетными книгами и бланками. Убедившись с первых же лет, что товарищества не могут найти среди местного населения достаточно вкладов и займов у частных лиц, Отделение исходатайствовало для них в 1872 г. право на кредит в Государственном Банке. Затем оно вело и продолжает вести постоянные сношения с товариществами, отвечая ежегодно на 500–600 запросов по поводу тех или других недоразумений, встречаемых Правлениями при применении уставов и правил счетоводства, наблюдает за своевременным составлением и доставлением годовых отчетов и проверяет эти отчеты, возвращая их затем в товарищества исправленными, с объяснениями исправлений и замечаниями для руководства на следующее время. Издавая еже-

годно печатные отчеты и сообщения и рассылая их во все Правления товариществ, Отделение давало последним возможность знакомиться с положением дел в других товариществах. Эти усилия установить связь между товариществами не остались бесплодными и оценены многими товариществами. Но опыт 26 лет убедил Отделение, что одного руководства его для распространения и развития товариществ недостаточно. Это особенно стало заметно в последнее время, когда из состава Правления и советов стали выбывать по разным причинам опытные люди, уступая свое место лицам, часто совершенно неподготовленным к ведению такого трудного дела, каким неизбежно является всякое кредитное учреждение. *Необходимо наблюдение и руководство действиями товариществ на месте.* Здесь идет речь не о правительственном надзоре и ревизиях для обнаружения злоупотреблений. Такой надзор уже существует как со стороны Министерства финансов, получившего по Положению 1 июля 1895 г. об учреждениях мелкого кредита право ревизировать ссудо-сберегательные товарищества, так и со стороны земских начальников, которым 37-ой статьей Положения 12 июля 1889 г. предоставлено право надзора за сельскими кредитными учреждениями. Признавая правительственный надзор над товариществами бесспорно полезным, Отделение убеждено, что он не может заменить местного руководства. Правительственные ревизии 1) не могут быть частыми уже по их дороговизне, как и показал опыт: с 1 июня 1895 г. по 1 января 1897 г. ревизоры, посылаемые Кредитной канцелярией, успели обзреть всего 40 товариществ и одну кассу, между тем для правильного хода дел желательны ревизии более частые; 2) в действительности наблюдаются не столько злоупотребления, сколько отступления от уставов, происходящие от недостаточного понимания основных начал, положенных в основу организации товариществ. Для предупреждения таких отступлений нужен местный орган, на обязанности которого лежало бы производство ревизий, разъяснения встречающихся недоразумений, как органам управления, так и членам самих товариществ, помощь тем и другим советами и знаниями и, в необходимых случаях, защита, где нужно, интересов товариществ.

Если бы такие местные руководящие органы образовались одновременно с товариществами, подобно тому, как это было в Германии, то без сомнения, многие из закрывшихся товариществ продолжали бы существовать и в настоящее время. Находясь под постоянным наблюдением опытных руководителей и имея возможность всегда

пользоваться их указаниями, эти товарищества своевременно вышли бы из затруднений, приведших их к гибели; наблюдение обеспечило бы также доверие местного населения и прилив в виде вкладов необходимых для оборотов товариществ денежных средств. Правильно организованное местное руководство, несомненно, уменьшило бы число и неосуществившихся товариществ. Таких случаев, когда учредители, получивши утвержденные уставы, за неумением приступить к делу или за недостатком средств, не открыли действий, насчитывается к 1 января 1898 г. до 207.

Необходимость постоянного местного наблюдения давно уже признана за границей, где почти все товарищества объединены в союзы с целью взаимной периодической ревизии и иногда заимообразной помощи друг другу денежными средствами. В Великобритании все потребительные общества, действующие по рочдельской системе, т.е. продающие товар по умеренной рыночной цене и распределяющие прибыль не только по паям, но и по сумме забора, объединены в союзы – Английский и Шотландский. Кроме экономических союзов, существуют еще и руководящие органы. Те и другие действуют с блестящим успехом. В Германии громадное большинство товариществ принадлежит к союзам^{а)}. Во Франции существует союз потребительных обществ.

Ввиду успешных результатов, достигнутых благодаря такой организации контроля и ревизии на Западе, Отделение в 1895 г. приступило к разработке вопроса о мерах к объединению и взаимному наблюдению товариществ друг за другом. Результатом этих работ был «Проект Положения о союзах учреждений мелкого кредита, обществ потребителей, промышленных товариществ и о съездах их представителей». По этому проекту все кооперативные товарищества, какие бы цели они ни преследовали, соединяются в местные союзы, входящие в свою очередь в общий союз. Периодически представители союзов собираются для обсуждения общих дел на съезды.

Не отрицая пользы союзов однородных учреждений, Отделение полагает, что кооперативные товарищества разных типов, будучи основаны на одном начале взаимопомощи и составляя как бы отдельные части одного целого, будут развиваться с большим успехом, если войдут между собой в постоянные деловые сношения. Так, ссудо-сберегательные товарищества, войдя в соглашения с потребительными

^{а)} О Германских союзах см. статью г. Лунца в «Русской мысли» (1898. № 2).

ми обществами, могли бы обеспечить своим членам покупку нужных им предметов на наиболее выгодных условиях, потребительные же общества в свою очередь имели бы постоянных покупателей на наличные деньги. Часть своих товаров потребительные общества могли бы заказывать производительным обществам. Наем ревизоров, страхование движимого и недвижимого имущества, взаимный обмен денежными средствами – все это могло бы производиться на более выгодных условиях, если бы в местные союзы объединились товарищества разных типов. Без сомнения, и союзы однородных учреждений, как, например, ссудо-сберегательных товариществ, принесут существенную пользу, особенно если в местности существует значительное число их и если в союз вступают учреждения, находящиеся не в дальнем друг от друга расстоянии. Такие союзы ссудо-сберегательных товариществ в настоящее время вполне возможны, например, в губерниях Таврической, Псковской, Воронежской и некоторых других.

Упомянутый выше проект Отделения был затем представлен на обсуждение Торгово-Промышленного Съезда в Нижнем Новгороде в 1896 г. Внеся некоторые изменения и дополнения в проект Отделения Съезд признал его вполне соответствующим своему назначению и, вместе с другими своими постановлениями, представил на рассмотрение Министерства финансов, где он в настоящее время и находится.

Переходя к содержанию проекта Положения, я ограничусь изложением лишь наиболее существенных статей его. По проекту, союзы могут образовываться как из однородных, так и из различных по целям обществ, лишь бы они были основаны на начале взаимопомощи. Проект не требует, чтобы вступившие в союз учреждения находились в одной местности, так как иногда может представить выгоды соединение учреждений, действующих в различных местностях и при различных условиях, но желательно, особенно ввиду предполагаемого установления связи учреждений мелкого кредита с земствами, чтобы союзы образовывались из учреждений одной губернии. Цель союзов содействовать образованию и укреплению постоянных отношений между входящими в их состав учреждениями, а также развитию совместной деятельности, направленной к наиболее успешному достижению их задач.

Важнейшей из этих задач следует без сомнения признать поддержание истинно товарищеского направления деятельности кооперативных учреждений, совершенно чуждого каких-либо барышнических целей. В этих видах союзы:

I) *собирают сведения о деятельности входящих в их состав учреждений, издают периодические органы, посвященные обсуждению* нужд товариществ, *организуют совместные обсуждения* вопросов, касающихся круга деятельности участников союза, устраивают музеи, выставки, специальные библиотеки. Располагая обширным материалом в виде уставов различных учреждений, их постановлений, отчетов, записок и т.п., союзы будут поставлены в возможность содействовать изменению и дополнению уставов, если они окажутся несоответственными условиям занятий членов или местности. Союз может также содействовать скорейшему утверждению Правительством уставов вновь образующихся товариществ и давать им указания как начать дело.

II) Но недостаточно составить устав, надо принять меры к предупреждению как бессознательных, так и намеренных отступлений от него. Это может быть достигнуто организацией периодических *ревизий* делопроизводства и счетоводства учреждений, входящих в состав союза. Ревизии эти производятся через посредство особых лиц, выбранных союзом. Они могут своевременно обнаружить ошибки в ведении дела и дать таким образом распорядителям возможность или устранить их в зародыше, или по крайней мере ослабить их вредные последствия. Вообще периодической ревизии со стороны союзов Отделение *придает особое значение*. В правильном ведении дел товариществ заинтересованы не только члены их и участники союзов, но и посторонние лица; члены товариществ несут круговую ответственность по обязательствам товариществ, посторонние же лица вверяют им свои сбережения. Наконец, злоупотребления и ошибки одного учреждения подрывают доверие ко всем остальным.

Кроме указанных нравственных задач союзы могут еще преследовать и экономические цели и прежде всего:

III) *удешевление кредита*. Опыт показывает, что отдельные товарищества с трудом находят нужный им кредит, особенно в первые годы своей деятельности; соединяясь же вместе, они найдут этот кредит через посредство союза скорее и на более выгодных условиях, чем действуя в одиночку. Проектируемый Центральный Банк и другие кредиторы, зная, что ищущие кредита учреждения находятся под постоянным контролем и руководством союза, будут относиться к ним с большим доверием.

Наиболее удобным способом к обеспечению участников союза необходимыми средствами было бы, однако, не посредничество по

заклучению займов по их поручению и по мере возникновения нужды в кредите, а устройство *постоянно действующих местных касс*. Главнейшею задачей этих касс был бы прием денег от одних товариществ, где они временно оказываются излишними, и выдача их в ссуду другим, испытывающим надобность в оборотных средствах. Такие кассы особенно будут полезны для учреждений молодых, еще не успевших приобрести доверие местных владельцев сбережений. В настоящее время деньги, оказывающиеся в товариществе временно ненужными, или помещаются в государственные сберегательные кассы, или обращаются в процентные бумаги – и в том, и в другом случае они отливают из деревни, а такое сокращение запаса денег неизбежно влечет за собой дороговизну их, т.е. повышение процента по займам, что, конечно, крайне невыгодно отражается на товариществах, поставленных в необходимость искать займов. Подобные кассы возможны, однако, лишь в случае, если участники союза примут на себя ответственность за сохранность помещаемых в них денег.

IV) Затем, по проекту, союзам предоставляется принимать на себя *посредничество* по всем видам *страхований* в земствах и частных страховых обществах, притом по поручениям не только самих учреждений, но и членов их. Едва ли следует останавливаться на разъяснении важности этого рода деятельности союзов. Известно, как высоки премии, взимаемые частными страховыми обществами при страховании имущества и жизни отдельными учреждениями и лицами; известно также, что при коллективном страховании премии эти значительно ниже. Конечной целью, однако, здесь должно быть взаимное страхование, выгоды которого не требуют особого объяснения.

V) Громадные выгоды, доставляемые покупками товаров большими партиями из первых рук и продажей местных изделий на отдаленные рынки, минуя торговцев-посредников, в достаточной степени объясняют, почему в круг задач союзов включена *организация совместных закупок предметов, нужных членам товариществ, и совместной продажи произведений их труда*. Эта деятельность возможна, однако, лишь в тех случаях, когда в состав союзов входят учреждения, получившие право производить означенные выше операции.

VI) Наконец, могут быть случаи, когда союзы предпримут *организацию каких-либо производительных операций*, например, сооружение и оборудование заводов и мастерских для изготовления земледельческих орудий, искусственных туков и т.п., почему проект предоставляет союзам право производить и эти операции.

Выполнение изложенной программы возлагается проектом на два органа: *Собрание уполномоченных* от каждого учреждения и избираемое им из своей среды *Правление*, действия которого проверяются ревизионной комиссией.

Если бы опыт показал, подобно тому, как это было в Великобритании, что союзы при этой организации не обеспечивают кредита своим участникам и не объединяют их настолько, чтобы они могли вести сношения с поставщиками товаров, с займодавцами, со страховыми обществами и пр., в таком случае изложенная организация могла бы быть дополнена предоставлением союзам права производить за *свой счет* кредитные, торговые и промышленные операции. Такие союзы должны будут составлять паевой и запасный капиталы, а участники их — нести круговую ответственность по обязательствам союза.

Союзы с паевым капиталом могли бы выдавать ссуды и сельским обществам на тех же основаниях, на каких такие ссуды разрешено выдавать обществам взаимного кредита, преимущественно на покупку дорогих орудий, улучшенных семян, мелиорации и т.п.

В паевых союзах с круговым ручательством круг ведения Собрания и Правления должен быть несколько шире. Расширение операций вызывает необходимость установления и более деятельного контроля, почему в этих союзах предполагается ввести Совет.

Для укрепления связи, как между союзами, так и между входящими в их состав учреждениями, периодически созываются Императорским Московским Обществом Сельского Хозяйства местные и общие съезды представителей этих учреждений.

На съездах обсуждаются предложения правительственных учреждений, рассматриваются вопросы, возбуждаемые союзами и отдельными учреждениями.

Из сказанного видно, что союзы, по проекту, составленному Отделением Комитета, имеют целью руководство входящими в их состав учреждениями с целью развития всего кооперативного дела, ревизию и содействие, в качестве посредников, своим участием к облегчению сношений с другими учреждениями и вообще к наиболее успешному выполнению поставленных ими задач.

Но Союзы будут достигать своих целей более успешно, если они вступят друг с другом в близкие деловые сношения, и если во главе их будет стоять центральное учреждение. Таким учреждением мог бы служить проектируемый Центральный Банк кооперативных учре-

ждений. Его задача руководить деятельностью союзов и исполнять их поручения, что, несомненно, доставит мелким хозяйствам при заключении займов, покупке материалов, орудий производства и сбыте продуктов те выгоды, какими в настоящее время пользуются лишь крупные предприятия.

Представляя на обсуждение Съезда проект союзов кооперативных учреждений, Отделение не сомневается, что к мысли об объединении представители товариществ отнесутся с полным сочувствием. Без периодических ревизий, без руководства в затруднительных случаях развитие товариществ будет идти крайне медленно и с большой потерей труда и времени; но из всех видов ревизий и руководства наиболее удобным и целесообразным представляется наблюдение на месте со стороны лиц, имеющих возможность постоянно следить за ходом дел и вовремя указать на ошибки и злоупотребления. Те незначительные издержки, которые потребуются от отдельных обществ для покрытия расходов на ревизоров, вознаградятся уже одним удешевлением кредита.

Л. Е. Оболенский

Народники и марксисты (Критическая заметка)²⁶

Славянофилы наши указывали, между прочим, как на важнейшую ошибку Петра Великого, на то, что они называли «средостением», т.е. говоря проще, перегородкой между правящим классом и народом. Эту перегородку они видели в чиновничьей бюрократии, пересаженной к нам с тогдашней западной почвы, почти как раз около того времени, когда там она начала падать. С этого времени на Западе развивается единение с народом интеллигенции и правящих классов, единение, напоминающее старую Русь; у нас же, наоборот, развивается все большее разъединение, разрыв, результатом которого являются крайне своеобразные и печальные ненормальности. Те же славянофилы, а также Достоевский и некоторые народники, указывали на то, что наша интеллигенция, оторванная от народа, живет как бы в облаках, а «народ совсем покинут» (Достоевский, в Дневнике, 1880 г.). «Правда, — говорит наш великий романист, — у народа много начальства, так много, что на каждого человека приходится чуть ли не по десятку начальников», а, тем не менее «народ одинок, потому что это — только начальство»...²⁷.

Когда, при Александре II, было введено земство, русские старообрядцы писали ему: «в новизне твоей наша старина чувствуется». И они не ошибались: в земстве, хотя отчасти, возрождалось старинное единение. Возрождалось оно отчасти и в печати, насколько печать успевала отразить действительные нужды, чаяния и душу народа. Но, как известно, и эта малая замена прошлого единства была с самого начала встречена опасениями. Поэтому она не могла в достаточной мере выполнить своего назначения, и вот разрыв интеллигенции с народом рос и развивался.

Однако, интеллигенция всегда чувствовала мучительно этот роковой разрыв. Она всегда напоминала у нас знаменитый Платоновский миф о происхождении мужчины и женщины, которые сперва были половинками одного целого, но потом разорвались. И вот эти половинки ищут друг друга. Так и интеллигенция вечно искала общения с народом. Она создала обширную и неоцененную, так называемую «народническую» литературу, в которой народ изображался, изучался, воспевался, как самый дорогой возлюбленный, с которым разлучили его другую половину. Это стремление к народу доходило до обожания, до преклонения перед народом, до состояния, напоминающего религиозный экстаз. Народники готовы были положить за народ и жизнь, и душу, готовы были нести ради него какие угодно жертвы. Был создан в 60-х годах не только догмат о «долге народу цивилизованных классов», но многие, – как, напр., Юзов, а впоследствии Толстой, – видели в народе единственного носителя истины, нравственности, государственной мудрости и т.д., у которого нужно учиться интеллигенции, т.е. образованным классам, воспитанным в духе и на идеях Западной Европы.

Что понималось этими народниками под цивилизацией и духом Западной Европы? Прежде всего ее экономический строй, который обыкновенно называется «капиталистическим» и «буржуазным». Англия являлась в то время самым типичным представителем этого строя.

Но для того, чтобы понять, за что именно и почему стояло «народничество», мы должны вкратце ознакомиться с историей английского буржуазного капитализма и его последствиями. Только при таком знакомстве читатель поймет, например, такие стремления народников 60-х годов, как освобождение крестьян с землею, и не только с землею, но и с общинным землевладением.

Дело в том, что западноевропейский капитализм, создав гигантское развитие промышленности и торговли, создал и величайшие народные бедствия.

До наступления в Англии эпохи капитализма, – которую в науке недаром называют «промышленной революцией», вся английская промышленность – мануфактурная, горная и земледельческая – была делом ручной работы человека, пользовавшегося весьма несложными орудиями. Она велась множеством мелких капиталистов (хозяев), которые часто сами работали вместе со своими наемными рабочими. Так как еще не существовало крупных фабрик, то производство велось, по большей части, в домах рабочих, целыми семьями, – как работают теперь русские «кустари», – при домах имелись клочки земли, где семья вела небольшое хозяйство.

Переход от этой системы домашнего производства к новейшей системе машинной промышленности, с применением силы пара, каменного угля, разделения труда и могучих машин, отличался внезапностью и насильственностью (was sudden and violent, как выражается историк английской промышленности Гиббинс). Это был настоящий лихорадочный взрыв (feverish burst). <...>

С внешней стороны результаты были блестящи, почти невероятны: Англия представляла из себя настоящий вулкан, извергающий товары... <...>.

Посмотрим теперь не на внешние, а на внутренние плоды этого явления.

Прежде всего, началось изгнание лордами-землевладельцами почти всех людей, снимавших у них землю (фермеров) и занимавшихся ее обработкой: стало гораздо выгоднее обратить эти земли в пастбища для овец, шерсть которых бралась по высокой цене на фабрики. <...> Народ был оторван от земли и брошен в города, а что из этого вышло... <...>

...Англия убила у себя внутренний рынок, оторвав людей от земли, и образовала миллионный пауперизм: $\frac{1}{4}$ работающего населения содержит $\frac{3}{4}$ неработающего. Без занятий в Англии было по переписи 1891 года девять миллионов! Теперь в Англии начинаются судорожные попытки вернуть голодные массы на землю, экспроприируя небольшие участки земли для рабочих (Small Holding Act, 1892 года). Но это, очевидно, паллиативы: легко было отлучить земледельцев от их труда, обратив в городских жителей и фабричных рабочих, но не так легко – произвести обратное, т.е. обратить городского человека в усердного и умелого, сильного и выносливого пахаря! К этому люди приспособляются веками... <...>

Если мы примем во внимание, что развитие буржуазного капитализма влечет такие же последствия и в других странах, то нам станет

понятным, почему наши народники еще в 60-х годах боролись в литературе с поборниками западного капитализма, с помощью которого эти последние надеялись поднять нашу промышленность, нашу культуру и цивилизацию и даже улучшить правовое наше положение: ведь, в Западное Европе оно де достигнуто в эпохи господства капитализма. На это народники возражали, что, во-первых, оно там было достигнуто до эпохи капитализма^{а)}, оно было одним из условий его развития, потому, что буржуазия, добившись политических прав и участия в законодательстве, именно и поддерживала, и сама составила те законы, которые отдавали под ее полный произвол народные массы; под видом «свободного договора» между нанимателем и нанимаемым, и посредством принципа невмешательства власти в эти «свободные, юридические» отношения (принцип *laissez faire*), и было достигнуто экономическое рабство западных рабочих! Во-вторых, народники доказывали, что свобода рабочего фиктивна, так как он вынужден избирать или голодную смерть с семьей, или соглашаться на какие угодно условия^{б)}.

Защита крестьянского землевладения, и именно общинного, теперь вам вполне понятна: без земли освобожденный народ явился бы семидесятимиллионным пролетариатом, отданным в полное экономическое рабство каждого, кто имеет или собственный клочок земли, или капиталец для устройства промышленного предприятия. Если бы при этом в России дело капитализма могло хотя немножко уподобиться его течению на Западе, то введение машин и других усовершенствований, как в земледелии, так и в промышленности, заменяя тысячи рабочих рук одной машиной, создало бы у нас уже целые десятки миллионов безработных пауперов-бродяг, что просто ужасно себе представить, и что было бы величайшим абсурдом внутренней политики! Наконец, сохранение общины было необходимым потому, что без него мелкая собственность не могла бы выдержать конкуренции ни с какой более крупной земельной собственностью; крестья-

^{а)} Так, в Англии политическая свобода была достигнута за несколько столетий до эпохи капитализма; в ее приобретении гораздо большую роль играло сектантство (Кромвель); во Франции она была завоевана во второй половине XVIII в., а развитие там капитализма относится к XIX столетию и т.д.

^{б)} Знаменитый английский поэт Соути, в письме 1833 г., говорит: «невольничья торговля по сравнению с этим кажется самым милосердием». Леклерк говорит: «в ту эпоху (1841 г.) самое существование английской нации подвергалось такой опасности, какую еще ни разу не грозил ей ни один завоеватель» («Воспитание» и общ[ество] в Англии, [СПб., 1899] стр. 447).

нам пришлось бы продавать свои участки почти даром. Наконец, никакое правильное хозяйство немислимо на участке в 2–3 десятины, без лугов, без общего пастбища и проч., т.е. без общины.

Но, помимо всего этого, была надежда, что с развитием народного образования крестьяне поймут важное значение своей общины, — что они станут пользоваться своей общинной землей артельно и, таким образом, в состоянии будут вводить те же улучшения, какие вводятся и в крупных хозяйствах, т.е. в состоянии будут конкурировать с ними, а, следовательно, не только сохраняться, но и процветать, развиваться в высшие экономические формы сотрудничества. Это казалось тем более возможным, что русский крестьянин уже при крепостном праве выработал к себя привычку к труду сообща, которую западному рабочему нужно было еще выработать в себе, скопляясь на фабриках. Наконец, в общине народники видели и воспитательное средство, развивающее в людях чувство солидарности, сотрудничества, взаимопомощи, способности заведовать своими общественными делами, интересоваться ими и проч., и проч.

В то же время уже было известно народникам учение знаменитого экономиста Карла Маркса, стоявшего одно время во главе «международного общества рабочих». Во многих своих выводах и надеждах народники опирались отчасти и на учение Маркса, хотя и не на все; кроме того, не все положения Маркса принимались народниками.

Но здесь я должен вкратце изложить учение Маркса и пункты несогласия с ним народников, чтобы читателю было понятно последующее.

II

В основе учения Маркса лежит учение о ценности товаров. <...>

...По закону ценности <...> рыночная цена рабочей силы должна тяготеть, как и цена всякого товара, к общественно-необходимому времени труда, затраченного на ее производство^{а)}. А рабочий затрачивает на производство своей силы ежедневно тот продукт, который он потребляет или изнашивает в день, чтобы продлить свое существование. Положим, что ему нужно употребить на это пять часов труда в день. За это он и продает свою силу. Но капиталист употребляет эту силу в дело в течение, положим, десяти часов. Значит, он за уп-

^{а)} Не мешает заметить одно из важных отличий труда, как товара, от других товаров: если он не продан сегодня, то вся затрата на его производство, сделанная в этот день рабочим, пропала навсегда.

лаченные пять часов получит продукт десятичасового труда, который и на рынке должен иметь цену, тяготеющую к десяти часам. То есть, он получит пять часов лишних. Предположим, что из этих пяти часов два часа идут на покрытие расходов по приобретению материала, один час – на покрытие тех трат, которые претерпевают машины и орудия производства, делаясь более ветхими, т.е. три часа идут на покрытие издержек производства. Капиталисту остается все же лишних два часа труда; этот остаток Маркс называет «прибавочной стоимостью». Из нее и только из нее может происходить, следовательно, возрастание капитала. Ведь постоянный капитал (машины, орудия, материалы) не дает прибыли; он только окупается. Прибыль дается только трудом рабочего (переменным капиталом, по терминологии Маркса). Прибыль есть реализованная на рынке прибавочная стоимость. <...>

Какой же отсюда практический вывод?

Если капитал есть создание только труда, т.е. рабочего, то он и должен принадлежать рабочему. Но это возможно лишь в том случае, если орудия и материалы производства будут принадлежать самому же рабочему.

А как же этого достигнуть?

Это сделает, по мнению Маркса, сам же капитализм: он имеет свойство скопляться все в меньшем и меньшем числе рук, так как имеет свойство побеждать в конкуренции более мелкие, слабые или непредприимчивые предприятия. (Так дело шло, действительно, когда писал Маркс, но затем этот «закон» был изменен самой жизнью, так как мелкие капиталисты стали образовывать огромные акционерные общества). И вот Маркс предсказывал, что, в конце концов, капитал сосредоточится у двух-трех капиталистов-мамонтов. А так как против них будет все остальное общество, то оно легко экспроприирует (т.е. отберет) у них эти капиталы^{а)}.

В подкрепление этого экономического учения Маркс создал философско-историческую теорию, называемую обыкновенно «экономическим материализмом» (а также «диалектическим материализмом»). Теория эта состоит в том, что в основе всех явлений истории лежат экономические отношения^{б)}. Эти экономические

^{а)} Опровержение этого предсказания было сделано бельфастским профессором Вильямом Грэм.

^{б)} Право, мораль, философия, даже наука – суть лишь «надстройки» над разными последовательными ступенями экономических отношений.

отношения (рабство, крепостной труд, домашнее производство, буржуазно-капиталистическое производство) следуют друг за другом с неизбежностью законов природы, однако, там, где для этого существуют известные условия. Сам Маркс, в письме к Салтыкову (Щедрину), по поводу одной статьи Н. К. Михайловского²⁸, говорит, что он вовсе не считает капитализм неизбежным для всех стран, времен и условий. Он полагает даже, что Россия могла бы его избежать, если бы, с момента освобождения крестьян, не сделала многих шагов по пути к водворению у себя капитализма. Но она сделала в этом направлении уже так много, что поворот назад для нее, по его мнению, невозможен, и она должна будет испытать судьбу западных стран.

Теперь посмотрим, с чем не соглашались у Маркса народники.

Одни из них совершенно не признавали неизбежности капитализма в России, доказывая, что он и теперь держится только покровительственной системой^{а)}. Они утверждали, что не только наша община, но и артели кустарей, если их поддержать кредитом, если в них будут внесены технические и экономические знания, разъясняющие значение усовершенствований, разъясняющие важность артельного начала и страшной народной беды от развития капитализма etc, etc, – будут способны настолько конкурировать с капитализмом, что не допустят его развития. Таким образом, Россия явится совершенно своеобразной страной в своем экономическом развитии и строе.

Некоторые же признавали возможность развития капитализма, однако, все же совершенно оригинального: так как русский рабочий останется и земельным общинником, то у него будет в земле (не отчуждаемой, общинной, а потому и непобедимой капиталистическим всезахватом) прочная опора против экономического порабощения, западноевропейского пролетариата и пауперизма. Даже те неудачники-земледельцы, которым не повезло на земле и которые ушли на фабрику, способны будут, поправив свои дела этим «отхожим» промыслом, возвращаться к земле, когда на фабрике им будет тяжело. Этим будет поддерживаться известная высота заработка. Она будет поддерживаться и сильными внутренними рынками, так как обширные массы крестьян-общинников будут надежными потребителями. Этот взгляд представляется очень практичным (он развивается, между прочим, и профессором Менделеевым). Фабрика является с этой точки зрения чем-то вроде временного экономического госпиталя,

^{а)} То есть высокими пошлинами на товары, ввозимые к нам из-за границы. <...>

куда идут временно экономически захудалые элементы, чтобы возвращаться к земле с возобновленными экономическими силами и давать место тем, кто в это время успел захворать экономически. <...>

Еще менее было склонно наше народничество согласиться с экономическим материализмом Маркса. У нас до второй половины девяностых годов пользовалась особой популярностью так называемая субъективная теория^{а)} развития или прогресса. И этой теории держались почти все «народники», хотя я думаю, что можно быть марксистом, не будучи субъективистом, и можно быть народником, являясь в то же время экономическим материалистом. Таков был, например, один из самых крайних народников, Юзов, делавший, однако, из экономического материализма совсем противоположные выводы, сравнительно с марксистскими.

Несколько лет тому назад, почти одновременно, вышли в свет две книжки (Бельтова²⁹ и Струве³⁰), в которых с необыкновенной резкостью, глумлением, презрительными шутками и насмешками сделано было нападение главным образом на субъективизм наших народников. Их теориям противопоставлялся «экономический материализм»^{б)}. При этом делались выводы о необходимости наступления у нас стадии капитализма, без которого де не мыслим никакой дальнейший прогресс. Лучшее будущее достижимо только переходом через капиталистическую стадию. Поэтому все, что мешает этой последней (в том числе община, кустарные промыслы, артели etc.), не только вредно для прогресса, не только является противодействующим прогрессу, но и осуждено погибнуть по естественному ходу вещей, по закону развития экономических отношений. Поэтому де народники, стремящиеся охранить эти отжившие, неизбежно гибнущие и уже погибшие на Западе остатки старины, не понимают, что делают, напрасно морочат и себя, и людей... Надежда народников на то, что можно поддержать эти остатки прошлого, вдохнув в них новую живую душу, есть утопия и ре-

^{а)} Субъективисты полагают, что не экономические отношения создают идеи, право, мораль и т.д., а, наоборот, сами эти отношения создаются человеческими стремлениями, а, стало быть, и идеями, идеалами. Прогресс создается самим человечеством в его стремлении к своим идеалам. У прогресса нет иного критерия, кроме наибольшего блага личности, состоящего в ее всестороннем развитии. Из борьбы личностей (индивидуальностей) за свои особенности и создается прогресс. Мерилом прогресса или формулой его считалось наибольшее развитие личности (наибольшего числа личностей) в физическом, умственном и нравственном отношениях.

^{б)} См. объяснения этой теории выше.

зультат их непонимания исторического процесса: прогресс создается не личностями, а борьбой классов, выступающих постепенно на попроще истории со своими классовыми (экономическими) интересами.

– Правда, – прибавляли марксисты, – в личности могут зародиться всякие идеи и утопии, но берется из них историей только то, что назрело в потребностях и сознании классов. Только такие идеи могут прививаться и побеждать. Поэтому надежда на то, что идеи народников будут кем-либо поддержаны среди современного общества, в котором на очереди стоят совсем иные «классовые интересы», такая надежда – чистое заблуждение. Русское общество настолько охвачено капиталистическим течением, что все деятельные симпатии окажутся на его стороне, и оно победит, поэтому, неизбежно. И об этом нечего печалиться, этому надо радоваться, так как это и есть тот путь, которым мы придем к светлому будущему, и т.д.

С этого и началась борьба. Сперва она была только книжной и журнальной, но мало-помалу охватила и практические вопросы, коснулась и живой народной жизни. Так, все попытки народничества в направлении практического осуществления его идей, например, к охранению общины, к поддержанию кустарных артелей кредитом, к образованию новых артелей – земледельческих и промышленных, вообще всякие попытки народников помочь тем или другим способом земледельческому труженику, вызвать те или другие мероприятия в его пользу, или мероприятия, способные замедлить развитие капитализма, вышучивались, опровергались и статьями, и целыми трактатами, в которых цифры и факты подбирались тенденциозно, часто неправильно (см., например, разбор, сделанный Каблуковым³¹, в февральском №№ «Русских Ведомостей» [за 1899 г.], докторской диссертации доцента университета Туган-Барановского³²).

Из этого краткого изложения взглядов наших неомарксистов читатели могут видеть, что случилось снова то, что уже не раз случилось в истории нашего развития, вследствие более столетней оторванности русской интеллигенции от жизни народа: в то время, как во многих губерниях крестьяне изнемогают от недорода, питаются хлебом с мякиной, а иногда и такого хлеба не имеют, – в то время, как они сняли даже соломенные крыши со своих изб, чтобы кормить скот и, тем не менее, во многих губерниях насчитывают до 35% и более безлошадных, т.е. не способных к труду, в то время как, прежде всего, необходима существенная помощь сельскому труженику, поддержка и развитие его производительных сил, его общины, его кус-

тарных промыслов и артелей и преобразование их в высшие, более научные формы, – в это время огромная часть нашей интеллигенции пересаживает целиком с Запада тамошние теории и программы деятельности, совершенно не замечая безграничной разницы условий там и у нас: подражая западным марксистам, отрицающим помощь благосостоянию сельского труженика, и наш марксизм отрицает всякую помощь сельскому населению и советует все силы интеллигенции обратить на деятельность в пользу рабочего класса. Но так как тут, на первых же шагах, он натывается на противоречие между чужой программой и русской действительностью, то выходит целый ряд самых невероятных последствий. А именно: на Западе уже образовался огромный класс пролетариев, могучий своей численностью, и своей классовой сознательностью; там капитализм, в своем высочайшем развитии, а у нас еще не может ходить без помочей протекционизма; там – рабочий класс уже составляет политическую силу, принимая участие в парламентах; там существует свобода сходов, печати, ассоциаций и союзов; наконец, там – этот класс почти большинство населения страны. У нас все это противоположно. Что же остается делать? Как применить чужую программу деятельности к тому, что совершенно противоположно? Приходится и ее вывернуть наизнанку.

На Западе марксисты борются с капитализмом, организуют обширные союзы рабочих и союзы союзов, устраивают митинги, конгрессы, издают газеты для рабочих etc, etc. У нас приходится неомарксистам, наоборот, умолять капитализм: «голубчик, развейся поскорее в России! Какой же ты лентяй! Дайте нам западных капиталистов на разводку! Допустите их полную свободу скупать у нас земли, рыть наши скрытые горные богатства, рубить леса и строить фабрики!». Одним словом, идейный марксизм обращается в самый пламенный капитализм, какого даже и на Западе не бывало. Ведь, там люди, стремясь по этому пути, имели в виду личную выгоду, экономический интерес. У нас эти «теоретические» неокapиталисты одушевлены идеей совершенно бескорыстной, идеей будущего рая пролетариев. <...>

...Из практической теории, опирающейся на науку, каковым он является на Западе, тот же марксизм у нас становится почти религиозной сектой, со всеми признаками подобных сект: у него есть всемогущее и вездесущее средство, под именем «закона экономических отношений», есть священные книги, цитируемые без всякой критики, подобно тому, как наши старообрядцы цитируют свои книги; у него есть свои пророки, за которыми бегают, которым «внимают», как

оракулам; у них есть страх соблазна со стороны «нечестивых», есть, наконец, фанатическая нетерпимость к чужому мнению, не позволяющая им говорить о других теориях иначе, как с укорами, озлоблением, осуждением и презрением; свою «истину» они считают безусловной; своих пророков – непогрешимыми...

Подобное обращение западных, практических теорий в некоторое подобие религиозных верований весьма характерно для русской молодёжи интеллигенции не только в данном случае, но и вообще. Я уже упоминал, что и народничество доходило почти до религиозного обоготворения крестьянина. Объясняется это также (отчасти) оторванностью интеллигенции от народа, невозможностью близко знать реального народа или рабочего, с его житейскими недостатками; невозможностью свободно обсуждать вопросы его жизни и практически работать для них. Запрет на некоторые идеи, на свободное сближение и единение с массой, приводит к тому, что эти идеи и это единение покрывается туманом таинственности, приводящей почти к религиозному мистицизму. А если являются и жертвы, то это еще более усиливает мистический престиж, устраняя всякую возможность критического отношения. <...>

IV

Я до сих пор рассматривал идеи неомарксизма с точки зрения политико-экономической и отчасти философско-исторической. Не желая растягивать своей статьи, я не войду в более подробное опровержение экономического материализма. Достаточно немножко знать историю, чтобы понять его насильственную подогнанность к мечтам о будущем рае. Каждый знает, что экономические потребности играли роль в первобытном состоянии человечества. Но даже и у дикарей, – как заметил Спенсер, – «украшающее предшествует полезному», и дикарь лучше будет голодать несколько дней, чем выйдет к знакомым без известной раскраски и татуировки своего тела.

По мере культивирования людей, выступают все больше и больше на первый план потребности нравственные, умственные, религиозные, общественно-национальные и т.п. Леонид Спартанский, Муций Сцевола, мученики религии, мученики науки, мученики общественных идей, совершенно чуждые личных или классовых интересов, например, наши раскольники самосожигатели, «белые голуби», раскольники, зарывавшиеся живыми в землю, наконец, те наши народники и марксисты, которые готовы принести в жертву все, лишь бы

служить родному народу в его целом или только одной его фракции (городских рабочих), – какие экономические или классовые интересы двигают ими? Сами они – не крестьяне и не рабочие, а просто русские интеллигенты. Руководит ими не корысть, ибо их желанный рай придет, даже по их расчетам, только после их смерти! Ими руководит инстинкт симпатии, та мука оторванности от народа, то его искание, та страстная, почти религиозная любовь к нему, о которой я говорил вначале (другой вопрос, почему эта любовь принимает фантастическое направление и пересаживает целиком чуждые программы, – об этом я также говорил, – это также плоды нашего исторического разрыва с народом).

Итак, обходя эту часть задачи, как чересчур очевидную, коснусь более практического вопроса.

Наш неомарксизм отвергает работу среди земледельческих тружеников на таких основаниях, которые до известной степени понятны и естественны на Западе, но которые, когда пройдет время молодого экстаза, когда опыт разобьет quasi-религиозное верование, охватившее некоторые умы, – покажутся невероятными, немислимыми самим проповедникам такой программы. Я уже не говорю о грядущем поколении...

Это последнее будет с изумлением спрашивать себя: как же эти люди не видели тех выводов, к которым их должны бы привести даже самые общие цифры статистики, например, отношение в России ремесленных тружеников к земледельческим? Как они могли рассчитывать, что 2% на 100 могут победить этих 100?! <...> Правда, они надеются, что, если дать право общинникам продавать кому угодно свои земельные наделы, то отношение пролетариев к земледельцам будет очень скоро иное. Но какое же? Если мы возьмем мерилom Францию, где капитализм процветает уже более 100 лет, <...> то увидим, что эти надежды марксистов на капитализацию земли (т.е. на переход ее от крестьян к капиталистам) доказывают только их полное незнание с фактами науки, которые им неудобны. <...>

Если тоже вычисление применить к России <...>, то время обезземеливания нашего крестьянства на половину совершится <...> через 700 лет после того, как им дано будет право разделить общинную землю и стать личными собственниками своих участков^{а)}.

^{а)} Нужно ли пояснять, что эти вычисления далеко не серьезны. Я в них пародирую обычные вычисления марксистов, делающих «законы» и предсказания из двух, трех фактов или цифр.

Это так долго, что никто из неомарксистов до тех пор не доживет. А, если считать, что у нас все подобные настроения интеллигенции держатся не более 10 лет, допуская даже больше, 30–35 лет, то до тех пор явится еще 20 и более направлений, быть может, так же враждебных марксизму, как он теперь враждебен народничеству.

Но едва ли когда-нибудь устареет народничество. Не устареет оно уже потому, что народ останется, пока останется Россия, с ее обширными пространствами земли, из которых еще безграничные пространства ждут возделывателя, русского крестьянина.

Забота о земледельце останется центральной заботой русского государства и русского общества, и чем больше мы будем причастны к просвещению, к лучшим плодам европейской цивилизации, тем эти заботы будут выше, разумнее, сильнее, как это мы видим в таких высококультурных странах, каковы Швеция и Норвегия. Наша промышленность должна стать и будет, конечно, лишь подспорьем земледелию³³. А чтобы она стала таким подспорьем, а не разрушением его, она будет не буржуазной, а либо артельной, либо национальной, питающей, а не разоряющей великий русский народ.

С. Н. Кривенко

Крестьянское дело и канцелярское творчество³⁴

«Поменьше бюрократического схематизма, поменьше административной опеки, больше личной свободы, больше общественной самостоятельности, больше просвещения – и русское сельское хозяйство, и с общиной, и без нее, сумеет подняться, выйти из того застоя, в котором прозябает ныне».

А. А. Чупров³⁵

I

Крестьянский вопрос необыкновенно надоел чиновному Петербургу своею бесконечностью... Решенный в 1861 году спешно, в экстренном порядке, он вскоре потребовал разных охранительных дополнений и поправок и превратился в такую департаментскую головоломку, каких и в Китае еще не делалось. Сколько за это время было о нем переговорено и переписано бумаги, сколько раз его считали окончательно решенным (а мужика благоустроенным) и отодвигали

на второй план перед другими вопросами (дворянским, железнодорожным, банковским, о крупной промышленности и т.д.), а он, между тем, опять вылезал и бесцеремонно становился на первое место. Оказывалось, что все эти вопросы, так или иначе с ним соприкасаются, и какой из них ни тронь – затрагиваешь и его. Сколько раз на него налагались даже запреты, напр., воспрещалось говорить о малоземелье и переселениях; а в ответ на это являлись сотни тысяч самовольных переселенцев и опять начинались разговоры об организации переселенческого дела, о переселенческих бюро, о переселенческих чиновниках и т.д. Сколько употреблено было стараний и создано разных учреждений и должностных лиц для урегулирования или, вернее, локализации его по частям, на местах, а он все-таки так или иначе пролезал в Петербург и опять надоедал и беспокоил. В последний раз, наприм., он проник в Петербург даже не под своим именем, а под видом «оскудения центра». Сперва многие не понимали, что это за вопрос такой и почему вдруг оскудел центр? А потом оказалось, что это все тот же докучный крестьянский вопрос, да еще развернувшийся во всю свою ширину. И опять пришлось говорить о крестьянском правопорядке, землепользовании, чересполосице, общине, волостном суде, обычном праве и т.д. Из ответов местных комитетов относительно упадка сельского хозяйства образовалось целых 59 томов новых материалов по крестьянскому делу, которые обсуждались в особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности³⁶, а теперь, с закрытием его, перейдут в новое особое совещание об укреплении крестьянского землевладения под председательством г. И. Л. Горемыкина^{а)37}.

Нельзя сказать, чтобы в этих материалах было особенно много нового, о чем раньше не говорилось бы в печати или чего нельзя было бы найти в прежних трудах комиссий, напр., Кахановской, сенатора Любошинского, в земских статистических сборниках, в отчетах податных и фабричных инспекторов и т.п. Материалов этих у нас много, и среди них есть очень ценные, только, к сожалению, все их постигает одна общая участь: после того, как их соберут и некоторое время о них поговорят, их переносят в архивы, где и предают забвению; практические же мероприятия не только с ними не соотнобразовываются, но сплошь и рядом идут даже в разрез с добытыми данными.

^{а)} В замен первого совещания (состоявшегося под председательством С. Ю. Витте) вторым некоторые органы печати (наприм., Русск[ие] Вед[омости]) видят только перемену названий <...>.

Настоятельные нужды и требования жизни остаются, таким образом, неудовлетворенными, и этим, конечно, и объясняется, что столько лет подряд перед нами стоят все одни и те же вопросы: о малоземелье и обременительности податной системы, о разобщении крестьянской жизни от земской и слишком ограниченном представительстве крестьян, о недостаточности школ и юридической беспомощности, об излишестве опеки и недостатке законности, а отсюда о бесправии и зависимости, с одной стороны, и об избытке усмотрения, произвола и самоуправства, с другой. Между тем чиновничество добрых 40 лет работало над благоустройством крестьянской жизни по собственным соображениям: усиливалась губернаторская власть и поднимались стеною между Петербургом и провинцией губернские присутствия, создавались присутствия по крестьянским делам, в свою очередь служившие стеною между земской деятельностью и крестьянской жизнью, и получались таким образом клетки, в которых, казалось, легче будет управлять; вводились земские начальники и урядники, уничтожался выборный мировой суд, урезывалось земство и усиливался в нем сословный характер, регулировались семейные разделы и переделы земли, изменялось продовольственное дело, медицинская часть и т.д., причем архивы вновь наполнялись целыми возами докладных записок и протоколов заседаний разных комиссий. И все это, как теперь оказывается, было в лучшем случае бесплодным бюрократическим времяпрепровождением, а в худшем — коверканьем жизни, которая не принимала канцелярских нововведений. Заслуживает особого внимания, что в Высочайшем манифесте 26 февраля 1903 года и в Высочайших указах 8 января 1904 г. и 12 декабря 1904 г. относительно пересмотра крестьянского положения, везде говорится, что пересмотр этот должен происходить «на почве главных начал преобразований 1861 года». Что это значит? А то, что в 1861 г. было сделано по крестьянскому вопросу нечто положительное, может быть незаконченное, несовершенно и даже в частностях ошибочное, но, во всяком случае, нечто положительное; а все, что делалось потом гг. Толстыми, Пазухиными, Плеве и прочими контрреформаторами, должно быть выкинуто, как совершенно неприемлемое жизнью. Все, что было сделано в реакционную эпоху, не только не усваивается жизнью, но и лежит на ней мертвым, инородным телом и осложняет общее положение вещей. Лишь недавно было указано комитетом министров на два таких закона, из которых один — устав лечебных заведений 1893 года — «после длительных не-

доразумений» пришлось приостановить впредь до его пересмотра, а другой – Положение 12 июня 1902 года о ветеринарно-полицейских мерах – прямо решено было подвергнуть новой переработке. То же самое, вероятно, ждет и новый продовольственный устав. Установленные меры борьбы против эпидемий таковы, что и врачи и земства всюду от них открещиваются. Положение о земских начальниках, судя по газетным сведениям, также решено пересмотреть. Переселенческий закон 1889 года, в основу которого легли правила 1886 г. гр. Д. А. Толстого³⁸, «диаметрально противоположные» тому, что предлагалось сведущими людьми, уже пересматривались и дополнялись, а теперь и дополнения также нуждаются в пересмотре, потому что и они главным образом имеют в виду не надлежащую организацию переселенческого дела, а «сдерживание переселения». Вся тщетность попыток втиснуть сложные жизненные процессы в прокрустово ложе законом санкционируемых схем, – говорит г. Чупров, – видна и на законе о переделах 1893 года: «участь этого закона, как еще раз с полною очевидностью обнаружилось в комитетах, самая плачевная: фактически он не применяется. Почему? Да потому, что “для страны незаходящего солнца нельзя предписывать тушить огни, когда в центральном месте ложатся спать”^{a)}. Выхватив из жизни несколько случайных норм, закон 8 июня 1893 г. попытался навязать их всем, не спрашивая, подходят они к жизненным условиям или нет»^{b)}. И т.д. <...>

...Мы имеем много оснований утверждать, что Петербург очень плохо знает Россию и что через одних губернаторов и других чиновников и нельзя хорошо ее знать. Губернаторы, прошедшие молодость в столичных канцеляриях, сами сплошь и рядом не знают тех губерний, куда назначаются. Сегодня они здесь, завтра там. В таком же положении находятся и другие чиновники. В большинстве случаев они – люди чужие, пришлые, ничем не связанные с землею и местными интересами. Это – настоящие номады³⁹, на казенный счет кочующие по России, причем несколько несправедливо прогоны рассчитываются им по почтовой гоньбе, а не по воловьему аллюру. Коллегиальные учреждения, в роде губернских и уездных присутствий, с участием ничтожного числа местных элементов, прошедших через горнило административных утверждений, мало помогают делу.

a) Слова г. Плевако в Козловском у[ездном] комитете.

b) «Нужды деревни» [по работам комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Сб. ст.: в 2 т. СПб., 1904]. Т. II. С. 230.

Столь же мало пользы и от так называемых сведущих людей, от времени до времени приглашаемых в Петербург, по рекомендации губернаторов <...>

Когда мы читаем в «Зап[иске] по кр[естьянскому] делу»⁴⁰, что большинство комитетов выражает пожелание «отменить обычай, как источник материального права, и нормировать частноправовые отношения крестьян правом общегражданским», то опять являются те же вопросы: 1) как смотрят на это крестьяне, и 2) что они при этом получают и что потеряют? Сочувствуя расширению гражданских прав, мы, однако, еще не видим в гражданском праве, самом по себе, таких безусловных преимуществ и гарантий для личности и общего правопорядка, о каких в таких случаях говорится. Достаточно вспомнить, что гражданское право прекрасно уживалось и может уживаться с политическим бесправием, отражающимся на всей жизни и на всех отношениях, а затем, что на почве его очень быстро развивается экономическая неправопорядочность и зависимость. Между тем, по-видимому, более всего желательно «нормировать» общегражданским законом именно «имущественные отношения крестьян» (стр. 72): такой, по крайней мере, характер носит настойчивое и повторяющееся указание на то, что Положения о крестьянах 19 февраля 1861 г. им были «дарованы общегражданские права», но неправильным сенатским толкованием надельная земля «была изъята от действия общегражданского закона» и «введен был вместо этого обычай, вследствие чего «в результате крестьянин оказался лишенным возможности ликвидировать свое имущество при выходе из общества» (стр. 44) ... Не имея возможности производить такую ликвидацию «в порядке, обеспечивающем юридическую силу договора», крестьяне изобретают разные обходные пути, что ведет «к сильному понижению продажной стоимости имуществ». – Можно подумать, что если бы сделки совершались нотариальным порядком с уплатою крепостных пошлин, то «продажная стоимость» или вернее цена на землю возросла бы, и крестьяне могли бы если не разбогатеть, то очень хорошо устроить свои дела. Чтобы думать так, нужно совершенно не обращать внимания на несоответствие продажных и арендных цен с доходностью земли и на то, что цену на землю поднимали крестьяне, что покупателями жалких надельных клочков и полосок могут быть только они же и что всякое увеличение предложения земли может вызвать понижение цен и возможность скупки ее кулаками или еще более простое отобрание за долги. Относитель-

но частнопроводных отношений нельзя также не заметить, что на крестьян и теперь по всем главным видам индивидуальной деятельности распространяются общегосударственные законы: они имеют право производить торговлю, открывать фабрики, промышленные и торговые заведения, записываться в цехи и гильдии, поступать на службу, переходить в другие сословия, отдавать детей в общие учебные заведения, вступать в договоры, обязательства и подряды, как с частными лицами, так и с казною, а также приобретать в собственность движимые и недвижимые имущества, закладывать их, завещать и вообще распоряжаться ими, на основании X тома [Свода Законов Российской Империи], как им заблагорассудится.

Если они совсем не пользуются или пользуются только в исключительных случаях этими правами, то это по другим причинам: вследствие бедности, недостаточного образования и тех административно-финансовых путей, которыми связана вся их жизнь. Причины эти не имеют никакого отношения к обычному праву, и сколько бы мы его ни заменяли гражданским кодексом, они останутся, пока против административных стеснений не будет политических гарантий, против безграмотности общедоступных школ, а против бедности – такого решения социального вопроса, при котором или совсем не будет бедных, в нынешнем смысле слова, или, по крайней мере, бедность их не будет сопровождаться таким, как теперь, бесправием. Искать же корень зла в обычном праве, по меньшей мере, странно, а еще более странно настаивать на уничтожение его одним почерком канцелярского пера, не справляясь с мнением народа. Как бы ни было велико число высказывающихся в этом смысле комитетов, не нужно забывать, что число это ничтожно, сравнительно с многомиллионной массой крестьян, которые не навязывают своих обычаев другим сословием и не требуют уничтожения X тома. <...>

II

С вопросом об обычном праве тесно связан вопрос об общине и неотчуждаемости крестьянской наделной земли. <...>

Местные комитеты рисуют общинные порядки в самых мрачных красках: есть обширные районы, «где община совершенно прекратила уравнивательные порядки» (стр. 83); «предмет общего владения является не источником выгод, а источником споров, розни и экономической неурядицы» (стр. 84); «общинное владение менее всего воспитывает общественные чувства; напротив того, порождает скорее

эгоизм и, что еще хуже, индифферентное, почти апатичное отношение к делу» (ibid⁴¹); «в общинной среде происходит дифференциация: большинство беднеет, а самая незначительная часть богатеет путем хищнической эксплуатации земли и своих однообщественников и сосредотачивает в одних руках значительную и лучшую часть надела» (стр. 86); а с другой стороны, запустившие свои хозяйства, «по неумению, лености и нерадению», «стремятся пожить за счет более хозяйственных, пустив их наземные полосы в передел, или являются послушным орудием в руках кулаков» (стр. 87). Неустойчивость владения и зависимость «от произвола случайно составившегося большинства голосов воспитывают неуважение к чужим правам и порождают взаимное между членами общины недоверие, а иногда и острую вражду». Большинство же, «от которого зависит не только право владения отдельных крестьян, но и порядок пользования, является по самому существу своему косным, а иногда и прямо регрессивным» (ibid.). Словом, вместо правильного человеческого общежития выходит какой-то бедлам или разбойничий вертеп.

Разумеется, все это нуждается в проверке, но мы охотно допускаем, что в действительности все так и есть, как говорят комитеты, и несколько этому не удивляемся. Тут может быть один только вопрос: насколько справедливо возлагать все эти недостатки и смертные грехи на общину, а не на те условия, в каких она столько лет находилась и находится? Условия эти таковы, что нужно удивляться, как мало еще людей уходит из деревни и как до сих пор не началось еще массового бегства <...>

Земельные наделы, как известно, отводились в 1861 г. крестьянам не особенно щедро. Преобладали наделы средние, но, кроме таковых, были еще наделы малые и четвертные, а часть крестьян (бывш[ие] дворовые) и совсем были отпущены без земли. За 45 лет количество земли осталось тоже, а население с тех пор удвоилось, а в некоторых местах даже утроилось. И вот что мы читаем относительно этого: «право каждого рождающегося на одинаковое с другими земельное обеспечение ведет к быстрому измельчанию отдельных владений; повсеместно указывается, что надел не в состоянии ни прокормить, ни занять рабочих рук живущей на нем семьи; уже во многих местностях измельчание владений отдельных хозяйств заставляет вспомнить образное выражение об обращении земли в пыль; в недалеком будущем, согласно приводимым расчетам, явление это получит широкое распространение» (стр. 82). Печать давно уже твердить об этом

явлении, которое в особенности сказывается в центре («оскудение центра»), на западе и юге России. Средние статистические цифры, в которых обыкновенно выражаются размеры крестьянского землевладения, не дают еще понятия о цифрах ниже средних, а, следовательно, не могут давать и надлежащего представления об обострении земельной нужды. Это – нечто вроде «приходящихся в среднем на двор $\frac{1}{4}$ лошади и $\frac{1}{4}$ коровы», над чем останавливался в одном из своих очерков Гл. И. Успенский: как на $\frac{1}{4}$ лошади нельзя пахать и $\frac{1}{4}$ коровы доить, потому что их у кого-нибудь нет, так и относительно земли у известной части населения оказывается так ее мало, что при существующей системе хозяйства нельзя на ней хозяйничать. Но, конечно, и средние цифры все-таки дают общее представление о предмете: если в 1861 г. бывшие помещицы крестьяне, в числе 10.750,000 душ мужского населения, получили 37,1 милл. дес., то это составляло в среднем около $3\frac{1}{2}$ дес. на душу, а в настоящее время душевой надел равняется только 1,1 дес.

Затем, в отношении землепользования, Положением 19 февр[аля]. 1861 г. «чрезмерной регламентации общинной жизни не допускалось», а она между тем «существует в настоящее время, благодаря правилам о переделах и предоставленным учреждениям по крестьянским делам праву контролировать и отменять любой приговор сельского схода» (стр. 88). Регламентация эта очень стеснительна, а насколько она не достигает цели, «достаточно вспомнить, что правила о переделах, имевшие целью устранить слишком частое поравнение земли, вызвали общие коренные переделы в тех местностях, где их никогда ранее не было, и привели к крайней неустойчивости прав пользования в других местностях, где общинники не могут прийти к соглашению о переделах на тех основаниях, которые признаны этими правилами обязательными: в этом случае споры об условиях новой разверстки тянутся годами, и передела можно ожидать каждую минуту» (стр. 89). Указав затем, что «эта регламентация и дискреционное право⁴² вмешиваться в хозяйственную жизнь общины, предоставленное земским начальникам, в корне противоречит Высочайшему пред-указанию о неприкосновенности общины и совершенно лишает ее свойств частноправового союза», автор говорит, что при современном положении община «имеет многие черты публично-правовой организации, невольно напоминающие о военных поселениях» (ibid.).

Ограничение семейных разделов, действительно, представляет собою в высшей степени тягостное вмешательство в домашнюю, ин-

тимную жизнь... Многорабочие семьи, состоящая из нескольких взрослых поколений, при уменьшении земельного простора, не находят приложения всем своим силам и, при тесноте жилищ, чувствуют себя прескверно; но гр. Д. А. Толстой подобными вещами не стеснялся: он находил, что эти условия особой роли не играют, тогда как такие семьи представляются более достаточными и дисциплинированными стариками, и, вскоре по принятии поста министра внутренних дел, вошел в Государственный совет с проектом ограничения семейных разделов. Н. Х. Бунге, бывший тогда министром финансов, привел против проекта весьма характерные данные, свидетельствовавшие, что местности, в которых наиболее развиты семейные разделы, оказываются наиболее исправными в податном отношении, и это послужило поводом к возвращению проекта Толстого, но последний этим не смутился – внес его вторично и настоял на том, чтобы он был принят. Многосемейные дворы, конечно, представляются более достаточными, тем более по внешнему виду: у них и скота, и хлеба больше, часть работников уходит на сторону и приносит и присылает заработки и т.д. Благодаря этому, и малоземелье не так обостряется или, лучше сказать, не проявляется в такой наглядной форме, как при разделах. Но продолжите и развейте этот порядок несколько дальше: усильте паспортную систему, стесните переселение и отход на дальние заработки (чтобы на местах было побольше рабочих рук), присоедините к большим семьям еще по несколько брачных пар из подрастающих поколений и скучьте все это население на маленьком наделе и в одной избе, и вы увидите, как хороша будет при таких условиях жизнь. Ничего нет удивительного в том, что это будет не жизнь, а настоящий «домашний ад» (стр. 97), из которого люди начнут бежать куда попало. Не естественны ли в такой обстановке домашние ссоры, попреки, обиды невесткам, у которых мужья на заработках и положение которых мало чем отличается от положения солдаток, самодурство старших и хитрость, утаивание заработка и озлобление со стороны младших. Представьте на минуту культурную семью в таком же положении, под главенством какого-нибудь прадедушки, и вы увидите, что будет то же самое. Молодое поколение всегда стремится к самостоятельности и к тому, чтобы обзавестись своим хозяйством; но ошибочно было бы думать, что молодые односемейные дворы, сколько бы сил они не употребляли и как бы ни старались быть исправными в податном отношении, могут хорошо устроиться на тех еще более крошечных клочках земли, ко-

торые приходится на их долю. А затем, разве земельная, семейная и мирская теснота и неприятности – единственные причины трудностей крестьянской жизни, разве ими и ограничиваются крестьянская зависимость и подчинение? Помнится, как перед введением института земских начальников, когда в петербургских канцеляриях и в *Моск[овских] Ведом[остях]* так много говорилось о безначалии, одна из газет (тогдашняя *Русь*) стала было перечислять крестьянское начальство, т.е. все те инстанции и всех лиц, которые могут обращаться к крестьянству с теми или иными требованиями, то насчитала 34 инстанции, да еще не кончила, а поставила «и т.д.». Возьмите одну процедуру взимания податей и так называемого «выколачивания» недоимок, когда платежи сплошь и рядом превышают обыкновенную доходность земли; возьмите натуральные повинности и целый ряд самых неприятных обязанностей с административными и судебными за них карами, а затем целый бесконечный ряд больших и мелких произволов, при полной юридической беспомощности и бесправия. В некоторых селах, преимущественно трактовых или где помещаются волосные правления и особенно деятельные должностные лица, жизнь действительно напоминает военное поселение, с тою лишь разницей, что там надзора было, пожалуй, меньше. Повторяем, разве можно все это сваливать на общину, а между тем, как только заходит речь о положении крестьян, так обо всем этом забывается, и противники общины сосредотачиваются на одной мысли, на одной точке – на необходимости раскрепостить и освободить население от этого варварского института. И действительно, говорит г. Чупров, получается такое впечатление, что стоит лишь уничтожить общину, и Россия будет спасена. Не гораздо ли естественнее и проще начать с другого конца: освободить крестьян от внешней, бюрократической опеки, сравнять их в правах с другими сословиями, дать подрастающему поколению землю, освободить от непосильного податного бремени, дать возможно больше школ, а затем внутреннюю жизнь предоставить самим крестьянам. Захотят они жить в общине – пусть живут, не захотят – есть закон, благодаря которому они всегда могут переделить землю и перейти к подворному владению. Восстановите ст. 165⁴³ для отдельных домохозяев, желающих выйти из общины, с точным, строго-юридическим определением порядка выдела земли и выкупа ее миром, причем можно быть уверенным, что вопрос этот, в таком случае, всегда будет разрешаться полюбовным соглашением спорных сторон, как ему и надлежит разре-

шаться. Вообще, чем меньше вмешательства во внутреннюю обывательскую жизнь, тем лучше, и канцелярскому творчеству в этой области давно пора положить предел, хотя бы в виду горького опыта, какой у нас имеется. <...>

Наш крестьянин беден потому, что у него мало земли, потому что он безграмотен, потому что стеснен в передвижении и часто не находит другого заработка, потому что платит большие налоги и несет разные другие повинности, но об этом при обсуждении крестьянского вопроса мы также или совсем не слышим, или, во всяком случае, гораздо реже слышим, чем о лени, пьянстве и вреде «общинной правовой конструкции». Только разве впоследствии, очень долго спустя, начинают и в комиссиях говорить, что при освобождении земли крестьянам зачастую отводились похуже и в неудобных границах, что выкупные платежи настолько превышали их действительную ценность, что даже в 80-х годах это превышение составляло «от 5 до 68%», что во многих местах было «сильное стремление бросить наделы» и что «во многих районах» даже «происходило массовое бегство с земли»^{а)}, так что удерживать людей на земле приходилось разными искусственными и принудительными мерами.

Та опека над крестьянской жизнью, тот надзор и вмешательство, которые так ее связывают и так ей мешают, с этой точки зрения, также оказываются не столько повинны, как община, которая буквально во всем виновата — и в дурном хозяйстве, и в крестьянской лени и бедности, и в неуважении к чужой собственности, и в социалистических грехах, и в пожарах (скученность построек) и даже в том, что у помещиков идет плохо хозяйство! Можно с уверенностью сказать, что, при взгляде на крестьянский вопрос с этой точки зрения, он никогда не будет решен правильно, и что вся работа над ним, сделанная помимо крестьянства и не особенно даже интересуясь его мнением, будет бесплодной.

В заключение нельзя не сказать следующего. При таком всестороннем пересмотре правового и экономического положения крестьянства, какой был намечен, нельзя оставлять нетронутыми некоторых вопросов первостепенной важности: нельзя, напр., ограничиваться рассмотрением одной только правовой стороны землевладения, не касаясь малоземелья, народной промышленности, податной системы, сословного или классового представительства (раз существуют и

^{а)} Записка по крест[ьянскому] делу», стр. 74–5.

имеют своих представителей другие классы и сословия) и, наконец, вопроса о чисто политических гарантиях личности. Между тем, в «Записке по крест[ьянскому] делу» вопросы эти отсутствуют <...>.

Л. Е. Оболенский

Что я пережил в провинции в дни смуты⁴⁴

Развитие того общественного движения в России, которое теперь принято называть «революционным», представляет величайший научный интерес.

Конечно, выводы из фактов этого развития сделает будущий историк, социолог или общественный психолог. Но для этих выводов необходимо сохранить малейшие детали совершавшихся явлений, со всеми их бытовыми, психологическими и внешними чертами, с их сменявшимися настроениями, борьбой, надеждами, верой и разочарованиями.

Однако чтобы все эти черты сохранились для грядущего, необходимо, чтобы наивозможно большее число лиц записало свои наблюдения, свои впечатления, как от общего течения этого редкого в истории процесса, так и от его подробностей. <...>

Вот почему, решившись напечатать мои наблюдения и впечатления, вызванные новейшим движением в провинции, я придал им форму почти беллетристическую, форму образов и картин, настроений и волнений, как они переживались мною и людьми, окружавшими меня. Ближайшим предметом моих наблюдений был один из губернских городов южной России⁴⁵. Но на его движении отражалось, несомненно, то, что происходило в Петербурге и других городах, все слухи, привозимые приехавшими, сообщаемые газетами, телеграммами, даже прокламациями. В виду этого, для полноты картины приходится подчеркивать и этого рода явления, насколько они отражались на местном процессе. <...>

IV

...Учреждение так называемой «булыгинской комиссии»⁴⁶ подняло среди интеллигенции вопрос: «следует ли в ней участвовать, если пригласят?» Устраивались для обсуждения этого вопроса небольшие собрания в частных домах. Такие же собрания устраивались в столицах и ближайшем университетском центре. Некоторые местные ора-

торы ездили туда и возвращались с чем-то вроде программ, носивших сперва умеренно-конституционный характер в духе журнала Струве «Освобождение». Программа комиссии Булыгина в них решительно отвергалась. Участие в работах этой комиссии признавалось чем-то почти позорным. Требовалось, чтобы будущий собор имел не только совещательный, но и решающий голос, право законодательной инициативы, контроля министров, рассмотрения бюджета и тому подобное. Требовалась предварительная амнистия, свобода слова, печати, собраний и неприкосновенность личности.

Если кто-нибудь на таких собраниях пытался доказывать, что собором, каков бы он ни был, необходимо воспользоваться для проведения тех самых «свобод», которые требовались от правительства, как предварительные гарантии, на того сыпались презрительные заподозривания и обвинения в реакционерстве, так что весьма редкие смельчаки решались защищать мысль о необходимости удержать синицу, которую уже дали в руки, а не ожидать, что дадут журавля, еще летающего в небе. Самый веский довод, состоявший в том, что странно и противоречиво ожидать или требовать окончательных реформ от бюрократии, неспособность которой доказывается тут же и теми же ораторами, пропускался как-то мимо ушей, не встречая возражений. Вообще, слушать и обсуждать возражения более практических людей, опиравшихся на условия окружающей действительности, а не на готовые доктрины и программы, просто не хотели. От них отделялись намеками на то, что представители рабочего движения, имеющего в своих руках громадные силы, станут во враждебные отношения ко всякой «уступчивости», «постепеновщине», что реформы нужно «брать», а не «просить» их, что реформа, если она дана, может быть и взята обратно, что подобная реформа, дав правительству некоторую опору в народном представительстве, — совершенно де мнимом и фальсифицированном, — укрепит его реакционные намерения и т.д.

На собраниях являлись ораторы, говорившие от имени рабочего класса и объявлявшие, что этот класс признает только самые радикальные меры и реформы, которых само правительство не может дать, и никакие соборы не дадут, а только затормозят их; они должны быть взяты иным путем и будут взяты рабочим классом: «кто не за нас, тот против нас!» — объявляли эти ораторы. Обыкновенно это были совсем юноши.

Уверенность, с какой они пророчили победу радикализма, если не убеждала, то подавляла и терроризировала некоторую часть интелли-

генции. У меня на глазах были поразительные примеры: люди разумные, серьезные, обладающие крупной эрудицией и достаточным красноречием, с большим успехом отстаивали сперва более умеренный и постепенный образ действий на местных собраниях интеллигенции. Но вот тот же оратор не решался возражать, когда выступал оратор из крайней «молодежи». Если этот мирный человек ехал в столицу, посещал тамошние собрания, то по возвращении был неузнаваем: он из умеренного становился ультрарадикальным и теперь разбивал то, что доказывал раньше сам. Но прежде у него были солидные доводы «из жизни», были исторические справки и ссылки; теперь же он строил свои доказательства исключительно на слухах, надеждах и гипотезах, которым, очевидно, глубоко верили все в столичных собраниях. Насколько раньше он был человеком «реальных условий», реальной жизни, видя эту жизнь и народ вблизи, как обитатель провинции, — настолько теперь он являлся доктринером-теоретиком, рассматривавшим все вопросы, вызываемые предстоящими реформами, с точки зрения отвлеченных идеалов абсолютно-совершенного государственного устройства, какого нет даже ни у одной из более культурных западноевропейских стран. Мне это представлялось как бы гипнозом, психической эпидемией, охватывающей постепенно всех и все.

Особенно выдвигалась вперед, как настоящий символ веры, формула выборов, названная кем-то впоследствии «четырёххвосткой» (т.е., что выборы должны быть «прямые, равные, тайные и всеобщие»). Каждый, кто пробовал делать какие-либо возражения, хотя бы самого практического свойства, против «четырёххвостки», казался отсталым реакционером, становился отщепенцем, ренегатом. Казалось, что вся жизнь России, исцеление всех ее бедствий, неурядиц и ужасов зависят от этой магической четырёххвостки, и все напасти растают, «как воск от лица огня». Это было магическое слово, которым все начиналось, и которым все кончалось. Впоследствии такую же роль играла амнистия за все политические и религиозные преступления, свобода печати, слова, собраний и сходов. Вот лозунги, которые слышались везде, где собирались «сливки интеллигенции», начиная с литераторов, врачей и адвокатов и кончая гимназистами и гимназистками... Все вопросы реальной жизни были забыты, забыты грядущий голод в деревнях и опасность, грозящая оттуда, забыто невежество крестьянства и городских масс, их полная неподготовленность даже к менее крайним и сложным формам избрания; забывалось вре-

мя, необходимое для проведения этой формулы; забывались вопросы, связанные с войной на Востоке, с возвращением войск домой, в голодные деревни, забывались раненые и необходимость обеспечить их, забывалась опустошенность казны и пр. и пр. Или, говоря точнее, все это не забывалось и даже указывалось, когда заходила речь о негодности старой формы управления (бюрократии), но забывалось в том смысле, что практически, т.е. деловым образом, всех этих вопросов совершенно не обсуждали, они все должны были решиться только в будущем после осуществления все той же магической четырехвостной формулы... Никому и в голову не приходило, как же будет жить разоренная, опустошенная, лишенная финансов страна до той поры, когда осуществится магическая формула, и сколько времени может пройти, судя по истории других народов, пока она осуществится легально или путем революции.

Я должен пояснить только что сказанное более подробным изложением своих мыслей об этом удивительном, почти гипнотическом состоянии общества. Оно представляет замечательную общественно-психологическую задачу.

Когда я говорю «все общество», я, в сущности, допускаю ту же невольную иллюзию, какую на каждом шагу допускали почти все органы печати, как реакционные, так и радикальные, восклицавшие: весь народ требует амнистии, свободы слова и пр., или наоборот: весь народ требует, чтобы это не было дано.

Но я сознаю ясно ту невольную ошибку, какая заключается в моих словах «все общество», и потому должен раскрыть эту иллюзию, т.е. показать, что я подразумеваю под словами «все общество».

Для этого необходимо напомнить, что, ведь, тут дело идет не о каком-нибудь западноевропейском, а о русском обществе, которое до самого последнего времени в своем огромном большинстве ни о чем никогда серьезно не думало, а только играло в карты, справляло именины, крестины, свадьбы, похороны, ело пироги и пило водку, наливки, ликеры, шампанское. В виде десерта оно острило или рассказывало полупешепотом анекдоты и стихи о высокопоставленных особах, вообще втихомолку будировало, но, в сущности, не ударяло пальцем о палец для каких-либо положительных действий в области желательных реформ или нужд текущей, практической жизни. Исключение составляли некоторые земцы и земские группы, да и их было немного в России. Но никогда исключение не бывает правилом.

В сущности, общество спало, или, говоря точнее, его у нас и не было, если не считать маленькой группы лучших людей. Были отдельные «человеки», почти исключительно типа чеховских героев; они тянули свои служебные, деловые, земские, врачебные, адвокатские, педагогические и профессорские лямки, получали жалование или доходы с имений, ели, пили, спали и от этих великих трудов отдыхали, но решительно ни о чем не заботились, кроме сохранения своего благополучного и мирного бытия, да разве еще повышений по службе; не прочь они были помечтать о повышении доходности своих имений, фабрик, но без всякого труда для этого. Эти люди заспались и разленились до последней степени. Им было лень не только что-нибудь делать, но и думать серьезно. Они привыкли верить, что за них должно думать и все делать вездесущее и всеведущее правительство, как они привыкли, чтобы в их имениях, заводах все делали за них управляющие, а в канцеляриях – столоначальники и их помощники. Они же только «принимали» и «критиковали».

Случится ли голод, о нем заботиться должно было правительство; недоставало помещикам их доходов на широкую и привольную жизнь, об их благоденствии должно было заботиться правительство; фабриканты и заводчики не имели кредита и заказов, – кредит и заказы должно было дать им правительство. Правда, их несколько оправдывало то, что само правительство в течение сотен лет приучало их к лени и самонедетельности, к хождению на его помочах, к жизни под его полной опекой. Если что-нибудь было плохо, русский «культурный» человек умел только ворчать: «и чего смотрит наше правительство!?» В церкви, школе – везде думало и действовало правительство; оно устраивало нравственность, оно насаждало религию и сельскохозяйственную культуру, оно оберегало крестьянство от образования, обсуждая в разных комиссиях способы для подъема его благосостояния... Это был Фигаро, относительно которого можно было сказать: «Figaro-ci? Figaro-là!»⁴⁷.

И вдруг японская война стала обнаруживать, – как обнаружила когда-то война севастопольская, – что хотя русский Фигаро поспевает и *ci* и *là*, но никто не может сделать все и «объять необъятное», а потому он хотя и делает все, но через пень колоду, и это довело Россию до того, что ее разбила вдребезги крохотная Япония, – что хлопоты вездесущего Фигаро о флоте и артиллерии, сооружении крепостей на Дальнем Востоке, стоившие миллиарды, уничтожены и в своей гибели уничтожили русскую казну, – что заботы Фигаро о насаж-

дении крупной промышленности кончились развитием у нас грозного социального и пролетарского вопроса, — что хлопоты о благосостоянии крестьянина привели к безземелью крестьян и страшному аграрному вопросу, — что его заботы о просвещении привели к остановке школ средних и высших по всей стране etc, etc.

Русское общество, которое и всегда-то ворчало на своего Фигаро, — впрочем, исподтишка, потому что знало о силе и тяжести его кулаков, — теперь стало ворчать громче. Правительство, бравшее на себя все, оказалось и виноватым во всем перед Ильей Ильичем Обломовым. Оно же должно было исправить и все обнаружившиеся прорехи и разрушения. А общество-барин продолжало только ворчать, браниться и требовать. Как прежде для этого барина-Обломова все делал его Фигаро-Захар, и делал очень скверно, потому что сам был обломовского склада, так и теперь тот же Фигаро должен был сочинить для Обломова конституцию и непременно «высшей марки», с голосованием прямым, всеобщим, равным и так далее, каких нет и в Европе. На меньшее русский барин не согласен. Уж если давать, так давать все сразу. И тот же Фигаро должен был дать и свободу слова, и свободу собраний, и обеспечение личности... и т.д., и т.д. Удивительно еще, как от него не потребовали, чтобы он уж устроил русскому обществу республику, а себя сослал куда-нибудь в Камчатку или даже казнил. До этого не дошло, но многие требования были положительно на границе этого абсурда. <...>

Я прошу извинения у русского интеллигентного общества за вышеприведенное сравнение. Я готов прибавить, что эта обломовщина значительно шире, чем к гончаровского героя, потому что в ней есть кое-что и гоголевское, напоминающее и Манилова и Тентетникова, есть кое-что и тургеневское, напоминающее Рудина, etc. Но, по существу, это тот же обломовский тип, только перенесенный в XX век.

Если мы позволим себе теперь забежать вперед, в эпоху осенних (1905 г.) погромов помещичьих усадеб, то, увидим и последний акт истории Обломова: январские (1906 г.) торопливые попытки продать поскорее и за что угодно обломовские земли крестьянскому банку, т.е. опять-таки прибегнуть к Захару! Но, увы, это случилось уже в то время, когда у Захара (т.е. ни у банка, ни у казны) не было денег, и даже занять их было негде.

Но вернемся снова к вопросу: что же я понимаю под словами: «этого желало все русское общество»? И почему я думаю, что в этой фразе скрывается если не ложь, то иллюзия?

Я думаю это по весьма простой причине: никто из нас не знает и не может знать, чего хочет и что думает все русское общество. Оно в своем целом ничего не думает, а чего оно желает, это давно сказал Щедрин: «Не то конституции, не то севрюжины с хреном!». Во всяком случае, гораздо больше севрюжины с хреном, так как о конституции оно имеет самое туманное понятие, и если у него спросят, желает ли оно собора, думы или положения усиленной охраны и даже военного положения, оно, быть может, пожелает последнего или отвергнет смиренно: «как прикажет начальство!». Ведь, немалое число дворянских и земских собраний, как и городских дум и 141 член группы 17 октября в московском февральском собрании⁴⁸ ходатайствовали о сохранении в их местностях военного положения и положения усиленной охраны. <...>

Итак, очевидно и фактически неоспоримо, что то, что в газетах называют «всем русским обществом», которое «ждет и даже требует» того-то и того-то, есть вовсе не все русское общество и даже не большинство его, а сравнительно незначительное меньшинство. И вот, когда я говорю «все общество», я имею в виду только это меньшинство, эти наиболее культурные верхушки его, задетые правовыми и освободительными идеями и настроениями нашей эпохи.

И когда я говорил, что русское общество, в сущности, это обломовский тип в широком смысле, я имел в виду некоторую часть только культурного меньшинства. Ведь, Обломов Гончарова, как и Маниловы, и Тентетниковы у Гоголя, как Бельтов у Герцена и Рудин у Тургенева, отнесенные еще Добролюбовым к обломовскому типу, были не худшими, а, пожалуй, лучшими людьми русского общества своего времени, были его идеалистами, его «культурными вершинами», его интеллигенцией. И, тем не менее, это были Обломовы, не приспособленные ни к какой практической, живой, целесообразной деятельности, а в лучшем случае – теоретики и доктринеры, по чувствам и идеям своим, очень гуманные, хорошо чувствующие, честные, недурно и горячо говорящие, и все же Обломовы немощные и неспособные по своему историческому воспитанию в самостоятельности...

Конечно, среди этого культурного меньшинства в современной России есть и некоторые исключения – люди практические, люди настоящего живого дела. Но их, сравнительно, очень немного. Доктринерство и теоретичность губят нашу лучшую интеллигенцию, которая десятками лет жила только теоретической, умственной жизнью, европейскими книжками, европейскими идеями, оторванная от жиз-

ни народа и от всякой живой практической деятельности на ниве народной. Ничего нет удивительного, что, когда свобода была уже почти в руках у этих людей, они отнеслись к ней, не как люди дела, не как цепкие и рабочие европейцы, а как теоретики, доктринеры, как идеалисты, не видящие действительности из-за своих идеалов. И это бы ничего. А беда в том, что и в путях достижения идеала они требуют математически прямой, т.е. идеальной линии, и не хотят знать никаких временных компромиссов. Их обломовщина сказывается ясно в том, что они надеются все эти идеалы получить привычным путем от правительства, т.е. от своего Захара, а если этот не даст, то от другого нового Захара-пролетария!

Все эти мысли я передумал и перестрадал на тех собраниях интеллигенции, где обсуждались вопросы дня, вопросы о всяких бойкотах: сперва булыгинской комиссии, а впоследствии и Государственной думы по манифесту 17 октября. Я пережил эти мысли и во время моего приезда в Петербург на одно из собраний литераторов; наконец, те же мысли мучили меня, когда я читал наши сами передовые газеты. Газеты же не передовые мучили меня противоположным доктринерством, не знающим жизни, и, в конце концов, я перестал их читать совершенно. Я предвидел еще год тому назад и говорил многим из близких мне людей, что доктринерство русской интеллигенции, ее упорная и слепая теоретичность погубят освободительное движение в России и породят много бедствий, еще небывалых до сих пор, и все мои предвидения сбылись^{а)}. А предсказания эти сделать было вовсе не трудно: достаточно было для этого видеть ясно, как видел каждый, знающий Россию (между прочим, Трубецкие, Родичевы, Шиповы), в каком взаимном соотношении находятся у нас различные общественные группы и представляемые ими общественные силы. Вся разгадка лежит в том определении конституции какой-либо страны, которое было сделано Фердинандом Лассалем⁴⁹, а именно: «конституция страны есть взаимное соотношение в ней ее сил». Этого-то реального соотношения не видела та часть общества, которую я считал нашей культурной вершиной. Не видела же она этого соотношения потому, что судила о нем не на основании строго, тщательного наблюдения над жизнью, а на основании все тех же своих доктрин, теорий, желаний, надежд, мечтаний и книжек. Так и Манилов не видел перед собой действительности, а видел то, что ему

^{а)} На днях Леруа Болье в письме к М. М. Ковалевскому высказал тот же взгляд «Мало принципов, нужно иметь в виду и факты», и т.д. Авт[ор].

подсказывала его мечтательная фантазия Обломова, у которого от «неделания» было много времени мечтать и много привычки принимать мечты за действительность. То, что мною сказано в этой главе, резюмирует мое впечатление, вынесенное из многих собраний или митингов нашей интеллигенции, как в нео-Манчестере⁵⁰, так и в столицах. Поэтому дальше я не буду описывать этих собраний и митингов в частности. Все они были похожи один на другой, как две капли воды, и моя общая характеристика их, по-моему, не нуждается в примерах и иллюстрациях.

В заключение этой главы повторяю еще раз то, что уже сказано выше: среди этой доктринерской интеллигенции были и личности иного типа, понимающие положение дел. Но у некоторых из них не доставало мужества идти против потока, другие сознали опытом, что это бесполезно, наконец, третьи возражали против доктринерства, но их встретило отвержение, остракизм, и они, оставшись верными себе, тли уединились и стали только созерцателями, или же попробовали собрать и организовать вокруг себя группу людей, мыслящих одинаково с ними. <...>

В. П. Воронцов

**Заключительные строки к книге
«От семидесятых годов к девятисотым»⁵¹**

Если признать правильными те соображения относительно последовательности развития нашей общественной мысли, с одной стороны, и форм общественной деятельности прогрессивных слоев русского общества – с другой, которые высказывались на предыдущих страницах, то нетрудно сделать правильную в общих чертах оценку и того исторического момента, который мы переживаем и который не без основания именуется некоторыми великой русской революцией.

Если русский народ вступил в революционный период с тем политическим мирозерцанием, какое было характеризовано в первой статье настоящего сборника⁵² и при котором он не может сделаться активным сознательным участником движения, то естественно ожидать одного из двух следующих течений революции. Или последняя добьется политического освобождения страны без участия народных масс; или первыми крупными шагами революции будут не радикаль-

ные преобразования политического строя, а преобразование политического мирозерцания народа, по мере успехов которого будет расти реальная политическая сила, способная противостоять бюрократии. Мало кто, кажется, сомневается теперь в том, что без участия народных масс нельзя упразднить бюрократический режим. А если так, то главную задачу переживаемого момента нужно видеть в организации реальной политической силы, которая могла бы служить опорой освободительному движению. Действительная же победоносная борьба с господствующим строем (если он не развалится сам собою) еще впереди. Задача образования реальной оппозиционной силы совпала с моментом борьбы за свободные политические учреждения, потому что крушение государственного строя назрело у нас ранее, чем образовались силы, способные осуществить преобразование полицейского государства в правовое. Поэтому же в переживаемое нами время на первом плане фигурируют явления разрушения, а не созидания.

Близость крушения полицейского государства ранее всего отразилась на настроении наиболее сознательного слоя русского общества — интеллигенции, а затем передовых слоев рабочего класса. Эта интеллигенция, в лице студенчества, литераторов и лиц других свободных профессий, и, наконец, передовых земцев, стала открыто протестовать против господствующего режима еще задолго до того, как его негодность получила непрерываемое фактическое подтверждение в разгроме наших военных сил на Дальнем Востоке. Оппозиционная деятельность этих элементов усилилась и распространилась в течение того времени, когда продолжающиеся поражения наших войск яснее и яснее доказывали несостоятельность господствующего режима. Более или менее ясно или смутно сознание этой несостоятельности распространилось в самых разнообразных слоях населения — от самой бюрократии до народных масс. Со стороны бюрократии это выразилось в ослаблении натянутых вожжей, сдерживавших проявление оппозиционного настроения. Этим прежде и более всего воспользовались интеллигентные слои, организовавшие в политические союзы и громко выражавшие требования политических преобразований. Крушение полицейского строя отразилось затем на настроении владеющих классов, — в лице некоторых земских и городских собраний, биржевых комитетов и съездов промышленных деятелей, высказавшихся в пользу политических реформ. Оно отразилось на настроении широких рабочих масс петербургской манифестацией 9 янв[аря] 1905 г. и следующей затем эпидемией забастовок.

Его почувствовали и крестьянские массы и выразили соответствующее настроение аграрными движениями весной 1905 г. На окраинах тот же факт отразился началом настоящей партизанской борьбы с властью. Правительство почувствовало себя утратившим моральную поддержку всех классов общества, даже тех, интересы которых оно всегда поддерживало.

Кульминационным пунктом проявления революционного настроения общества, с одной стороны, и правительственной растерянности с другой – была октябрьская политическая забастовка и конституционный манифест 17 октября. Русское общество не могло, однако, воспользоваться растерянностью правительства для более прочных политических завоеваний, потому что не обладало реальной силой для активной борьбы и оказывало влияние на власть единым выразителем одного и того же требования. Когда правительство уразумело это обстоятельство и вновь обрело моральную поддержку владеющих классов, – напуганных аграрными движениями и рабочими забастовками – оно стало действовать решительнее и почти прекратило открытые проявления массовых протестов. Оборвать все движение оно не имело, однако, возможности, потому что последнее глубже и глубже проникает в народные массы и находит там готовый материал для организации реальной общественно-политической силы.

До сих пор мы не видим [в] русском обществе агента (вне правительства), совмещающего материальный и моральный факторы, комбинацией коих единственно и создается действительная политическая сила. По известным историческим причинам самостоятельную политическую роль не могли играть классы наших крупных собственников или буржуазии; и потому, ни тот, ни другой не могли сделаться (как на Западе) преемником бюрократии как правителя государства. Русская интеллигенция обладала политическим сознанием и революционным настроением, но лишена была другого, материального фактора действительной политической силы. Трудящиеся классы сильны своей массой, но не обладают политическим развитием, без которого нет и политической силы.

Глубокий смысл переживаемого момента заключается в приобретении народными массами политического развития, обращающегося их потенциальную политическую силу в реальную⁵³.

Приобретение этого развития или, говоря иначе, распространение в массах свободных политических идей, совершается постепенно и

как бы расширяющимися концентрическими кругами. Каждый такой круг лиц, впервые затронутых освободительными идеями, переживает естественную психологическую эволюцию, заключающуюся в нарастании оппозиционного настроения, возбуждающего к протесту в той или другой форме против господствующего порядка вещей.

Этот подъем оппозиционного настроения выражается более или менее решительными «выступлениями», которые – будучи частичными – легко разбиваются властью или прекращаются вследствие собственного бессилия произвести всероссийский переворот. Следующие за этим репрессии, как бы фатально ни отзывались на судьбе и настроении участников данного движения, не имеют значения в качестве меры обуздания революции, потому что в то время, когда власть празднует победу над одним кругом протестантов, распространение освободительных идей подготавливает другой круг, переживающий то же нарастание оппозиционного настроения и готовящийся к новому выступлению^{а)}. Это непрерывающееся нарастание новых и новых революционных (понимая это слово в самом широком смысле, отнюдь не ограничивая его понятием о вооруженном восстании, которому в современной борьбе мы не приписываем решающего значения) сил делает русскую революцию, в ближайшем, по крайней мере, будущем, неискоренимой и объясняет бесплодность ужасных мер правительства для прекращения освободительного движения. Но эта же постепенность нарастания боевой народной силы, оберегая освободительное движение от опасности быть сразу разбитым в решительном столкновении, лишает его и возможности выставить против врага все свои ресурсы. Сказанным выше объясняется характер текущей политической борьбы, состоящей в частичных и разрозненных выступлениях народа и столкновениях с властью, в карательных экспедициях, – и отсутствие общего решительного столкновения борющихся.

Распространение политического сознания в народных массах не поддается сколько-нибудь полному наблюдению и точному учету. Действующие организации лишены, поэтому, надежных данных для суждения о размере наличной оппозиционной силы и находятся в по-

^{а)} Интересной иллюстрацией сказанного служит наблюдение бывшего депутата Думы, [С. П.] Аникина, что в селениях крестьян, переживших оппозиционное настроение, заметен упадок в данный момент духа, а в селениях, только что ознаменовавшихся с освободительными идеями, наблюдается, напротив того, подъем настроения.

стоянной опасности предпринять меры, не соответствующие положению дел и обреченные на неудачу. Такими нецелесообразными действиями у нас были воззвания о вооруженном восстании, бойкот первой Думы (ввиду ожидавшегося черносотенного ее состава), выборгское воззвание⁵⁴, приглашение населения, после роспуска Думы, к захвату земель и смещению властей, объявление неудавшихся политических забастовок и т.п. К числу этого рода явлений относится и ожидание массового протеста населения после роспуска Думы. Это отсутствие точных данных о настроении народных масс и близкой связи с последними организованных партий лишает эти последние возможности не только осуществлять свои программы, но и более или менее целесообразно за них бороться. Недаром самые крупные явления нашей революции – насколько в них участвовали сознательные организации – были продуктом беспартийных политических или профессиональных союзов. Значение наших партий в данный момент освободительного движения обуславливается, поэтому, не особенностями их программ и партийных тактических приемов, самих по себе, а той ролью, какую они играют в деле развития политического самосознания народа.

Каким образом осуществиться победа народа и дойдет ли дело до всеобщего возмущения – сказать невозможно⁵⁵. Но, судя по тому, что в войсках свободные политические идеи распространяются (судя по многочисленности случаев протеста, неповиновения и прямых восстаний солдат) не менее быстро, чем в остальном народе; что солдаты прежних призывов замещаются более и более новобранцами, находившимися уже под влиянием освободительных идей; и что власть, посылающая войска против народа, не представляется в глазах всех носителей государственной идеи, способной оправдать в глазах солдат возбуждаемое ею междоусобие, – можно с большой вероятностью предположить, что крушение старого порядка произойдет путем утраты им той материальной силы, на которую он опирается⁵⁶. Признаком разрушения этой силы, – кроме фактов проявления революционного (в широком смысле этого слова) настроения в войсках – служат факты самостоятельного контрреволюционного выступления отдельных войсковых частей. Поэтому-то власть (мы не говорим о правительстве: такового мы не видим) и стремится на замену войска организовать боевые черносотенные отряды и спешит – пока она еще распоряжается войском – мерами террора обуздать революцию.

Крушение нашего полицейского строя в гораздо большей мере поэтому является результатом его собственной гнилости, чем натиска революционного потока. Роль ликвидатора старого режима играет историческая Немезида⁵⁷. Полное напряжение народных сил понадобится для творческой, созидательной работы. Трудность выполнения этой роли обуславливается, с одной стороны, громадностью и многочисленностью задач, сразу потребовавших разрушения; с другой – отсутствием тех общественных сил, которые подготавливались в Западной Европе для выполнения очередных реформ тем самым историческим процессом, который приводил в негодность старые формы и поддерживавшие их силы. Те социальные силы, которые одна за другой выдвигались историческим процессом в Западной Европе, и неспособны разрешить задачи, предъявленные историей русскому народу. Эти задачи вытекают не только из процесса естественной эволюции нашей страны, пережитой в свое время и народами Западной Европы. В них сконцентрировались также отрицательные стороны международной капиталистической эволюции хозяйства, клубок тех затруднений последней, которые грозят кризисом капиталистическому строю и главные проявления коих капиталистические нации успевали до сих пор перекладывать на плечи менее цивилизованных народов. России предстоит учесть не только свои собственные, но и чужие неурядицы; и для разрешения поставленных перед нею, в том числе и совершенно новых задач, требуются и совершенно новые исторические силы. Таковые мы можем найти лишь в массах трудящегося населения, с одной стороны, и во внеклассовой интеллигенции – с другой. Ни тот, ни другой фактор, однако, не подготавливался историческим процессом к выполнению этих задач. И кто не поглощен всецело перипетиями текущей борьбы и имеет время для размышления над громадностью предстоящих нам задач, тот не может не остановиться в раздумье перед вопросом о ближайшем будущем России.

В переживаемый ныне период крушения старых форм быта русскому народу приходится не только выполнять роль каменщика, но и учиться, насколько нужно это разрушение и как его добиться. Такое же обучение предстоит ему и в период возведения на месте разрушенного нового здания. Но старое здание разрушается не только (и не столько) под ударами кирки каменщика, но и от собственной ветхости. Можно ли надеяться, что и в период созидательной работы сознательные усилия общественных организаций будут поддерживаемы естественными, стихийными творческими процессами?

Несколько слов о культурной работе⁵⁸

Никогда еще народное разорение не достигало таких размеров, как в последние три-четыре года. Тяжелая и продолжительная война, повторные неурожаи и внутренние неурядицы, надорвав народное благосостояние, понизив, а в иных случаях, и приостановив хозяйственную и промышленную производительную деятельность, поставили миллионы людей лицом к лицу с наиболее тяжкими проявлениями крайней нужды. Бедствия безработных в промышленных центрах, систематическое недоедание в деревне, потрясающие нужды детей в голодных губерниях – все это ежедневно сообщают нам газеты почти всех лагерей и направлений, обо всем этом настойчиво свидетельствуют факты текущей жизни.

А наряду с этим – полное «шатание» мысли, поразительная моральная неустойчивость. Старое мировоззрение массы населения шатается, как одинокая тростинка в бурю, а новое еще не выяснилось, не установилось. В народе идет грандиозная переоценка ценностей. Самой жестокой и неумолимой критике подвергается все – и религия, и мораль, и государство, и власть, и все «незыблемые основы», на которых, как на сказочных китах, держалось официально благоденствующая страна. В наступившем хаосе борьбы мнений и воззрений – то глубоких и продуманных, то детски-легкомысленных и безумно смелых, то возвышенных, то своекорыстных, то практичных, то наивно-мечтательных, – столько скользких позиций, столько соблазнительных исходов, что удержаться на действительно разумном пути и избежать ошибок – нередко самых роковых и ужасных – до чрезвычайности трудно даже для людей, вооруженных знаниями и привычных к критической мысли. Между тем, масса темного, безграмотного и малограмотного народа предоставлена в этом огромной важности процессе смены старых воззрений новыми – самой себе, своим собственным усилиям, да агитации крайних и левых партий. В борьбе политических страстей активные деятели думали больше всего о разрушении, об уничтожении врага. Одни говорили: нужно подавить революцию и тогда приниматься за реформы, а другие утверждали: нужно сломить старый порядок и тогда готовить творческую работу. В ослеплении политических страстей, люди разных полюсов копировали друг друга, действуя по одному шаблону, идя по одной проторенной дорожке.

А жизнь шла и идет своим особым путем. Вымирает голодающее и безработное население, разрушаются старые идеалы, а на место их становится каприз, несдерживаемое высшей мыслью болезненное желание и случайное побуждение; разрушительные инстинкты принимают размеры и формы эпидемических психозов, вроде пресловутого хулиганства, а для высшей творческой социальной и политической работы, действительно способной вывести население на прямую и открытую дорогу, по-прежнему нет сил, нет знаний, умений, опыта, привычки. Все это было сведено старым режимом до минимума, а предвозвестники новой жизни, в порыве борьбы, стали на старую точку зрения своих врагов: сначала разрушить, а потом запастись средствами для созидания.

При наличности отмеченных переживаний в стране, спасение ее — в обновлении, основанном на творческой работе, в мобилизации сил для этой работы, в спешной и основательной их подготовке.

Когда в шестидесятых годах, только что учрежденные земства в раздумье стояли перед вопросом о том, как создать земскую школу, не имея кадров подготовленных учителей, известный в то время деятель по народному образованию барон Корф решительно и энергично перешел от слова к делу. Он учреждал курсы для народных учителей при уездных и других училищах, созывал съезды их, устраивал собеседования, сам посещал школы и, привлекая к работе всех желающих, в короткое время создал в одном из южных уездов десятки новых народных училищ, прекрасно поставленных и послуживших прототипом для земских школ последующего времени.

Этот пример наглядно доказывает, что при известном подъеме настроения в стране, подготовка работников по ее обновлению может идти параллельно с самим обновлением, что, при нужде, живые творческие силы мобилизуются быстро и успешно.

При этом условии, а также при том исключительно быстром развитии бедности массы населения и при прогрессирующем моральном разложении ее, не только задерживать, но даже прямо не спешить с обновительной работой просто преступно.

Страна нуждается в крупных и коренных социальных преобразованиях, в политической реформе и в целом ряде других разнообразных мероприятий общего характера. Со всеми ими, чтобы спасти народ от гибели, следует спешить и спешить.

Но нужно совсем не знать жизни, или смотреть на все в узких доктринерских шорах, чтобы добиваясь или ожидая возможности

крупных и коренных преобразований, игнорировать то, что обычно называют малыми делами, культурной работой.

Жизнь так разнообразна, людские потребности так различны, а нужды так необъятно обширны, что даже при самых крупных социальных преобразованиях остается огромное поле деятельности для всех видов культурной работы, направленной к благу и отдельных лиц, и групп их и, даже обширной массы населения.

Добиваться осуществления хороших законов и даже осуществить их – это значит сделать еще только полдела. Нужно еще, чтобы их узнала и поняла самая нуждающаяся в них неграмотная и подавленная часть населения. Нужно, следовательно, чтобы помимо начальной школы, население располагало другими образовательными учреждениями, подготавливающими его к сознательному отношению в области творческой государственной работы; нужно, чтобы эти учреждения удовлетворяли не одним только казенным и общепринятым шаблонам, а и свободному развитию человеческой мысли; нужно, чтобы кто-нибудь взял на себя труд распространять свободную школу и вводить население в круг правовых понятий; нужно разыскать нуждающихся в этом, оказать им поддержку, подать им надежду, возбудить их энергию, самостоятельность. Никакая армия чиновников не одолеет этого дела. Оно посильно только живым общественным силам, только одухотворенным бескорыстной идеей служения народу, высшей правде и культуре, добровольным деятелям. Им предстоит огромный труд, а – в наших условиях общественной работы – иногда – и не малый подвиг.

Для народа недостаточно еще написать хороший продовольственный закон. Нужно также применить его, и не официально и формально только, а мобилизовать добровольных деятелей, вызвать у них сострадание и чувство долга, организовать их, сообщив им необходимые сведения и выработав самые формы помощи, соответствующие данным потребностям.

Для народа мало даже разрешить аграрный вопрос, в смысле расширения площади его землевладения, или передачи ему всех земель. Это лишь одна сторона дела. Наряду и одновременно с ней нужно еще помочь народу в разумном использовании земли, нужно посодействовать в организации «подмоги», нужно устроить хозяйство, не отрывая от земли, и слабосильному старцу, и вдове, и малолетним сиротам; нужно организовать взаимопомощь, самостоятельность и т.д., и т.п.

В массе предстоящей работы необходимо разобраться. Если всякое дело следует освещать общим идеалом и направлять в соответствии с ним, то тем необходимее это для культурных дел. Разумеется, в этом смысле, можно в некоторой мере не принимать в расчет, так сказать, экстренной работы в экстренных бедствиях, вроде голодовок, во время которых приходится спасать от медленной и мучительной смерти, не раздумывая о принципиальных основах, определяющих частности работы. Затем, необходимо различать те виды культурной работы, которые одинако[во] нужны для всех сторон человеческого прогресса. Такова, напр., работа по широкой постановке народного образования, медицины и проч. Но за всем этим, особое значение должна получить работа в ближайших целях того именно идеала, которому служить сам культурный работник.

Не входя в рассмотрение этого идеала, нельзя, однако, не отметить, что, противопоставляясь, как всякий идеал, современной печальной действительности, он не может не касаться прежде всего важнейших болячек современного строя: экономической обездоленности народных масс, их правовой, интеллектуальной и моральной беспомощности и некультурности. С этой точки зрения, и культурная работа во имя идеала, т.е. работа высшего порядка, непременно должна быть направлена на эти стороны жизни нашей страны и подготовить в ней переход к таким формам общежития, в которых не будет уже места этим болячкам и которые приблизят общественный строй к общечеловеческому идеалу.

В этих видах, особенно необходимо культивирование тех зачатков лучшего будущего, которые в той или иной форме встречаются в современной действительности. К числу их в экономической области принадлежат некоторые хозяйственные организации, более или менее незаинтересованные в важнейших, приносящих трудящейся массе наибольшую сумму зла, особенностях современного производства: в неограниченной спекулятивной погоне за наживой и в настойчивой тенденции к понижению расценки труда, т.е. рабочей платы. Из такого рода организации можно указать, стоя на беспартийной точке зрения, с одной стороны, на общины различных наименований, а с другой, на кооперации и артели, а также общественные, частные и государственные предприятия и учреждения, по существу своему, не преследующие целей извлечения предпринимательских доходов. Если на практике это последнее и не всегда наблюдается, то лишь в виду явного извращения основных принципов

указанных предприятий. По существу же, стремление к спекуляции и наживе совершенно противоречит основаниям общественного хозяйства и не должно иметь в нем места. Такое хозяйство необходимо всецело построить на интересах работника и потребителя. При этом условии, в нем отпадет и спекуляция, и борьба за расценку труда, и само оно может быть противопоставлено хозяйству ныне преобладающего типа.

Общественно-хозяйственная и кооперативная формы производства и промышленной деятельности не чужды русской жизни. Наше государство имеет обширные заводы и фабрики, которые при желании легко могут быть приспособлены к указанным выше целям. Крупные муниципальные предприятия, вроде железно-конных дорог, водопроводов и т.п., еще ближе к тем же целям; а некоторые земские подобные же начинания, как, напр., суджанская земская сапожная фабрика и др., уже практически осуществляют важнейшие задачи обобществленного производства. Ряд сельских общинных предприятий, вроде общественной разработки леса, общественных кирпичных заводов, запашек, мирских кабаков, лавок и т.п. преследуют в малом масштабе те же цели и, при известных условиях, могут получить правильную постановку и широкое распространение. Известны также попытки частного почина в этой области. Таковы, например, попытки организовать склады для продажи кустарных изделий, так называемые, трудовые пункты, разнообразные виды кооперации и проч.

Формы обобществленного производства, и особенно кооперации, помимо своего экономического значения, очень важны в общественно-воспитательном отношении. Они создают привычку к самоуправлению, воспитывают в терпимости, в уважении к человеческому достоинству, в альтруизме и готовят естественный переход к высшим формам социального строя. Естественным дополнением к ним являются профессиональные рабочие союзы и вообще союзы трудящихся, которые, помимо отмеченного выше значения, очень важны для правовой защиты тех слоев населения, которые наиболее нуждаются в ней, а равно для развития мер, направленных к поднятию в массах сознательности и общего их умственного и морального уровня. Конечно, работу в этом направлении могут и должны принять на себя не одни только союзы трудящихся, а и все идейные работники, но массовое значение и прочную основу она получит, толь-

ко опираясь на эти союзы, на желание и твердую волю трудящихся миллионов.

Направляясь на указанные стороны, культурная работа будет служить лучшим вспомогательным средством в общей работе по обновлению социального и политического строя и лучшим же способом для организации масс, в целях скорейшего осуществления будущего, намеченного высшими идеалами. И, вместе с тем, она создаст почву для сближения и слияния нашей современной интеллигенции с народом, от которого ее отстранил и оторвал наш старый отживший режим.

В наше время интеллигентному культурному человеку, даже занятому полезной и важной для трудящегося населения работой, невозможно оставаться одиноким, беспочвенным, лишенным опоры в массе населения, в широких народных кругах и не имеющим в них личных связей. Нельзя сохранить в себе печать великого народа, будучи оторванным от него, лишенным постоянного, живого и притом морального – во всех случаях культурной работы – общения с ним. Жить так изолированно от населения, как жила наша интеллигенция последние сорок лет, уже невозможно. Нужно, в конце концов, прийти к тому, чтобы интеллигенция стала народом, а народ – интеллигенцией. Это сознают теперь все искренние поборники народных прав. Все они желают опереться на народ, все стремятся завязать с ним прочные и постоянные связи, укрепить в нем свое положение, и, в конце концов, слиться с ним. Но этого удастся достигнуть только тем, кто обоснует свои связи с народом делом, истинно полезной и необходимой для него культурной работой. Без этой же последней, как и без общей работы по коренному переустройству политического и социального строя, – нет выхода из современной тяжелой действительности, нет надежды на прочное лучшее будущее...⁵⁹ <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ Интеллигенция (от лат. *intelligens* – понимающий, мыслящий, разумный) – особая социальная группа – носители контркультуры или новой культурной парадигмы, чуждой традиционному сознанию большинства населения страны; продукт ускоренной модернизации страны.

² Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – видный народнический публицист, социолог, литературный критик и общественный деятель; лидер левого крыла легального народничества 1880–1890-х гг., сторонник политических преобразований страны.

³ *Profession de foi* (фр.) – «исповедание веры»; изложение своих взглядов.

⁴ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1909. Т. 3. Стлб. 738.

⁵ Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России : 1783–1883. М., 1986. С. 238.

⁶ См.: Мокин Г. Н. «Культурное» или «культурническое» народничество? (О значении понятий в истории отечественного народниковедения) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, История. 2016. № 1.

⁷ Троцкий Л. Д. Сочинения. М. ; Л., 1927. Т. 21. С. 180.

⁸ Современные исследователи считают, что использование термина «либеральное» народничество для обозначения правого (нереволюционного) крыла народничества не совсем корректно, т.к. он затемняет принципиальное различие между либералами и народниками. Если первые стремились к приоритету свободы человеческой личности, то вторые, в конечном счете, пытались подчинить личность интересам коллектива.

⁹ Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 10. С. 110.

¹⁰ Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. М., 1997; Мокин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. Историю изучения темы подробнее см.: Он же. Народники-культурники в трудах дореволюционных и советских исследователей // В. Ф. Антонов. Памяти учителя: воспоминания и статьи. М., 2015. Он же. Народники-культурники в отечественной историографии конца 1970-х – 2000-х гг. // Народники в истории России : межвуз. сб-к науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 2013.

¹¹ «Неделя» (1866–1901) – еженедельная литературно-политическая газета (С.-Петербург). При редакторстве П. А. Гайдебурова (с 1876 г.) газета превратилась в главную цитадель культурно-народнического направления.

¹² «Русское богатство» (1876–1918) – ежемесячный литературный и научный журнал (С.-Петербург) народнического направления; с 1883 по 1891 гг. издавался и редактировался Л. Е. Оболенским, с 1892 г. – С. Н. Кривенко и В. П. Воронцовым, с 1895 г. во главе редакции – Н. К. Михайловский.

¹³ Термин «культурное» народничества также имеет более позднее происхождение. См., например: *Корсаков И.* Заметки социалиста о текущем // *Голос*. 1906. № 14 (некролог С. Н. Кривенко).

¹⁴ *Мордовцев Д. Л.* Знамена времени. М., 1957. С. 312.

¹⁵ Письма А. И. Эртеля. М., 1909. С. 243.

¹⁶ [Червинский П. П.] П. Ч. Отчего безжизненна наша литература? // *Неделя*. 1875. № 44. Стлб. 1431.

¹⁷ [Каблиц И. И.] Юзов И. Основы народничества. СПб., 1882. С. 316, 319–323.

¹⁸ Аполитизм (от греч. отрицания “а” и politikos – государственный, общественный) – отказ от политической борьбы (участия в политической жизни) и резкое противопоставление друг другу политических и социальных преобразований.

¹⁹ [Абрамов Я. В.] Интеллигенция в деревне // *Неделя*. 1891. № 24. Стлб. 740.

²⁰ *Абрамов Я.* Малые и великие дела // Книжки «Недели». 1896. № 7. С. 227. Об успехе статей ведущего публициста «Недели» у ее читателей свидетельствует неуклонный рост числа подписчиков газеты. Всего за одно десятилетие (с 1885 по 1895 г.) оно увеличится с 8 до 15 тыс. чел.

²¹ Теория «малых дел» – теория, доказывающая необходимость отказа от непосредственного введения социализма в пользу постепенного улучшения общественных отношений; возникла на рубеже 1870–1880-х гг. в среде легальной народнической интеллигенции; сторонники (И. И. Каблиц, Л. Е. Оболенский, Я. В. Абрамов) призывали молодежь идти в деревню, в земские школы и больницы, чтобы служить народному благу.

²² См.: *Мокшин Г. Н.* Что такое «абрамовщина»? (К истории одного мифа о Я. В. Абрамове) // *НаукаПарк*. 2015. № 10.

²³ Шелгунов Николай Васильевич (1824–1891) – видный публицист и литературный критик, последователь Н. Г. Чернышевского; в царствование Александра III отстаивал программу консолидации интеллигенции вокруг идеи политической демократизации страны.

²⁴ [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // *Русская мысль*. 1891. № 4. С. 186.

²⁵ *Кривенко С.* По поводу культурных одиночек // *Русское богатство*. 1893. № 12. С. 174; [Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* На культурной работе. Очерки и воспоминания. СПб., 1907. С. 8.

²⁶ «Синтетическое народничество» – направление в легальном народничестве первой половины 1880-х гг., представляемое Л. Е. Оболенским, попытавшимся примирить крайности «поборника народа» И. И. Каблицы и защитника интеллигенции Н. К. Михайловского.

Раздел I

¹ Неделя. 1875. № 44. Стлб. 1427–1433. Подпись: П. Ч.

² Отрывок из «Фауста» Гете (нем.) – Ах! Если кабинетом скован, Мир видишь в праздник, и едва, В подзорную трубу, издалика такого, Как убедят мои слова?

³ «Отечественные записки» – литературно-политический журнал демократического направления, выходивший в 1839–1884 гг. в С.-Петербурге. До 1868 г. издавался А. А. Краевским, затем перешел в руки Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. З. Елисеева. После смерти Некрасова (1877) в редакцию вошел Н. К. Михайловский.

⁴ Палладиум (др.-греч. *παλλάδιον*) – священная статуя-оберег, изображавшая Афины-Палладу; в переносном смысле – талисман, сакральный предмет, приносящий удачу владельцу.

⁵ Имеется в виду немецкий исследователь Август Гакстгаузен (1792–1866), посетивший Россию в середине 1840-х гг. с целью изучения земельных отношений у крестьян. В 1847–1852 гг. он издал 3-х томное «Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений в России», где была высказана идея о том, что крестьянская община может помешать возникновению в стране пролетариата.

⁶ «Гражданин» – газета-журнал «политики и литературы» консервативного направления. Издавался в С.-Петербурге в 1872–1879 и 1882–1914 гг. Основатель, издатель и главный автор – князь В. П. Мещерский.

⁷ *Raison d'être* – фр. словосочетание, означающее разумное основание; смысл (существования чего-либо).

⁸ *Épitaphe, épitaphe, tout est épitaphe* (фр.) – эпитафия, эпитафия, все эпитафия.

⁹ Отрывок из «Фауста» Гете (нем.) – От них не более чем от ветра толка, Что шелестит в сухой траве.

¹⁰ *Энгельгардт А. Н.* Артельные сыроварни // Отечественные записки. 1872. № 2.

¹¹ [Соколовский П. А.] П. С-кий. Исторический очерк кооперативных учреждений в России // Отечественные записки. 1871. № 11, 12.

¹² *Wie soll man sie durch Überredung leiten?* (нем.) – Как вести их путем убеждения?

¹³ Статья П. П. Червинского «Наша национальная особенность» была опубликована в газете «Неделя» в 1875 г.

¹⁴ *En passant* (нем.) – мимоходом, между прочим.

¹⁵ *Terram incognitam* (с лат.) – «неизвестная земля»; что-либо непонятное, непостижимое.

¹⁶ [Воронцов В. П.] В. В. В семидесятих годах // В. В. От семидесятих годов к девятисотым : сборник статей. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза»,

1907. С. 5, 8–11, 19–26. Под оригинальным названием опубликовано: Вперед! 1876. № 31.

¹⁷ Рапсода – странствующий певец.

¹⁸ «Вперед!» – революционный журнал; издавался в 1873–1877 гг. под редакцией П. Л. Лаврова сначала в Цюрихе, потом в Лондоне.

¹⁹ Статья В. П. Воронцова вызвала нелицеприятный отклик со стороны издателя газеты «Вперед!» (Лондон, 1875–1876 гг.) П. Л. Лаврова. По его словам, основной тезис неизвестного корреспондента газеты о «будто бы монархическом мирозерцании русского народа» означает, что «социальная революция в России невозможна не только в настоящую минуту, но даже в ближайшем будущем». Лавров назвал подобные суждения ошибочными, заметив, что опровергать их обязан всякий социалист-революционер или он должен оставить свой лагерь. См.: [Лавров П. Л.] Народное мирозерцание и социальная революция // Вперед! 1876. № 31. Стлб. 194–196.

²⁰ Неделя. 1880. № 10. Стлб. 308–313. Б/п.

²¹ Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской истории. СПб., 1870. С. 96.

²² Беллюстин [И. С.] Все это одно суеверие // Новое время. 1880. № 1436 (об убийстве колдуна).

²³ Охальничать (от охальник – наглец) – вести себя нахально, озорничать, бесчинствовать.

²⁴ [Каблиц И. И.] Юзов И. Социологические очерки. Основы народничества. СПб.: Тип. А. М. Котомина и К°, 1882. С. 29–39. Впервые опубликовано: Неделя. 1880. № 21.

²⁵ Спенсер Герберт (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников позитивизма и органической школы в социологии; идеолог либерализма.

²⁶ Современные исследователи рассматривают выводы И. И. Каблицы о необходимости соответствия среднего уровня развития личности и общественных форм как социологическое обоснование теории «малых дел».

²⁷ «L'état c'est moi» (фр.) – «Государство – это я».

²⁸ Неделя. 1880. № 31. Стлб. 981–986. Б/п.

²⁹ [Златовратский Н. Н.] Оранский Н. Народный вопрос в нашем обществе и литературе // Русское богатство. 1880. № 6. С. 20.

³⁰ Полонский Леонид Александрович (1833–1913) – писатель и журналист. С 1880 г. издавал собственную политическую газету «Страна».

³¹ Дон Карлос Луис (1818–1861) – претендент на королевский престол Испании; в конце 1846 г. опубликовал манифест, в котором призвал своих сторонников к вооруженной борьбе.

³² [Полонский Л. А.] Передовая статья // Страна. 1880. № 56.

³³ Мысль. 1880. № 9. С. 82, 85–86, 87–90, 91, 92, 96. Подпись: Л. О.

³⁴ См. прим. № 28.

- ³⁵ Л. Е. Оболенский говорит о своем близком друге И. И. Каблице.
- ³⁶ [Каблиц И. И.] Что такое народничество? // Неделя. 1880. № 31. Стлб. 986.
- ³⁷ Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) – величайший русский писатель и мыслитель, философ и публицист в духе почвенничества.
- ³⁸ Журнальные заметки // Мысль. 1880. № 12. С. 236–245. Подпись: *N. N.*
- ³⁹ [Оболенский Л. Е.] *N. N.* Беллетристика в журналах 1880 г. // Мысль. 1880. № 11.
- ⁴⁰ Отрывок из стихотворения Н. А. Добролюбова «Еще работы в жизни много...» (1861 г.).
- ⁴¹ Тверской П. А. – литературный псевдоним Петра Алексеевича Дементьева (1850–1919) – в 1873–1878 гг. предводителя дворянства и председателя земской управы Весьегонского уезда Тверской губернии.
- ⁴² Status quo (с лат.) – существующее положение вещей.
- ⁴³ Щедрин Н. – псевдоним Салтыкова Михаила Евграфовича (1826–1889), известного писателя-сатирика, публициста, одного из редакторов «Отечественных записок».
- ⁴⁴ Толстой Лев Николаевич (1828–1919) – великий русский писатель и мыслитель почвеннического направления; создатель теории непротивления злу насилием.
- ⁴⁵ «Что может быть доброго из Назарета!» – еврейская пословица, упоминаемая в Евангелие от Иоанна Богослова.
- ⁴⁶ Тверской П. А. Издалека и вблизи. Деревенские очерки // Вестник Европы. 1880. № 10. С. 551.
- ⁴⁷ Там же. С. 560–561.
- ⁴⁸ Там же. С. 561.
- ⁴⁹ Юханцев К. Н. – кассир Общества взаимного кредита, мошенник, растративший более 2 млн. руб.
- ⁵⁰ Крестовский В. – литературный псевдоним писательницы Надежды Дмитриевны Хвоцинской (1822–1889).
- ⁵¹ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. СПб.: Наука, 1999. С. 358, 359–360, 363–364, 365–369, 372, 373, 377–378, 379–380, 385, 386, 387, 389–393. Впервые опубликовано: Отечественные записки. 1881. № 2.
- ⁵² Прихотник (устар.) – человек, у которого много прихотей.
- ⁵³ Мысль. 1881. № 3. С. 415–421. Подпись: *Редакция*. Статья опубликована в траурном оформлении – черной рамке.
- ⁵⁴ Кривенко С. Н. Собр. соч. : в 2 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. С. 107–111, 112–113. Впервые опубликовано: По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1881. № 11. Название отрывка взято из аннотации к внутреннему обозрению Кривенко, составленному издателями посмертного собрания сочинений публициста. Статья Кривенко является ответом на нападки на русскую демократическую интеллигенцию со стороны консервативной печати после царевубийства 1 марта 1881 г.

⁵⁵ Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – журналист, писатель, публицист. Издавал в С.-Петербурге консервативную газету «Новое время». Вопросу об интеллигенции посвящены три его статьи в № 1991, 2033 и 2063 за октябрь–декабрь 1881 г.

⁵⁶ Губонин Петр Ионович (1825–1894) – купец 1-й гильдии, промышленник и меценат.

⁵⁷ [Суворин А. С.] Незнакомец. Недельные очерки и картинки // Новое время. 1881. № 2033.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Бокль Генри Томас (1821–1862) – английский историк и социолог-позитивист; автор книги «История цивилизации Англии» (СПб., 1862–1864. Т. 1–2).

⁶⁰ Кривенко С. Н. Собр. соч. : в 2 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. С. 114–120, 124–125, 126. Впервые опубликовано: По поводу внутренних вопросов // Отечественные записки. 1881. № 12. Название отрывка из внутреннего обозрения Кривенко принадлежит издателям посмертного собрания сочинений публициста.

⁶¹ Абсентеизм (лат. *absentis* – отсутствующий) – одна из форм сознательного бойкотирования избирателями выборов.

⁶² Верещагин Николай Васильевич (1839–1907) – выдающийся деятель и теоретик сельскохозяйственной кооперации в России; основатель первых русских сыроварен на артельных началах (с 1866 г.); инициатор крестьянского «артельного маслоделия», выросшего в крупнейшее кооперативное движение России.

⁶³ Цинциннат Луций (519–439 до н. э) – известный римский политический деятель, живший в скромных условиях, работая на своей маленькой вилле; считался образцом простоты и добродетели.

⁶⁴ Н-ский уезд – Борисоглебский уезд Тамбовской губернии.

⁶⁵ В более позднем описании истории борисоглебского кружка народников-культурников С. Н. Кривенко называет его душой некую «г-жу Д.». См.: Кривенко С. Н. На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки). СПб., 1895. С. 99.

⁶⁶ Прозелит (греч. *proselytes* – пришелец) – новый и горячий сторонник чего-либо (учения, движения и т.п.).

⁶⁷ В 1871 г., опасаясь преследований, С. Н. Кривенко и его товарищи перенесли свою деятельность на Кавказ, где в районе Туапсе была устроена земледельческая колония «Аше».

⁶⁸ [Воронцов В. П.] В. В. Предисловие // В. В. Судьбы капитализма в России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. С. 1–7.

⁶⁹ Народное производство – мелкое производство (крестьянские общины, артели, кустарные промыслы), преподносимое народниками как антипод капитализма и основа особого пути модернизации страны.

⁷⁰ Русанов Н. Против экономического оптимизма // Дело. 1880. № 12. С. 69.

⁷¹ Там же. С. 74.

⁷² Особое впечатление на современников произвело высказывание Василия Воронцова о том, что благодаря невозможности развития в России капиталистического производства ее историческая миссия заключается «в осуществлении равенства и братства, если уж ей не суждено бороться за свободу». См.: [Воронцов В. П.] В. В. Судьбы капитализма в России. С. 124.

Раздел II

¹ Историко-революционный сборник. Т. 3. М. ; Л., 1926. С. 203–207. Б/п. «Основные тезисы народничества» – программа кружка Н. Н. Златовратского, принятая на съезде его сторонников (В. П. Воронцов, В. Н. Маркуев, А. С. и В. С. Пругавины и др.) в Москве в 1885–1886 гг. Авторство установлено В. И. Харламовым путем сравнения текста «тезисов» с рукописью Златовратского «Кредо» [о народничестве], хранящейся в его архиве в РО ИРЛИ (Пушкинский дом). См.: Харламов В. И. Кружок Н. Н. Златовратского и Товарищество И. Д. Сытина (Страницы идейно-философской истории издательских начинаний московских народников 80-х гг. XIX в.) // Харламов В. И. Книга. Библиотека. Культура: Аспекты теории и истории. М., 1998. С. 265. Но возможно, что у «основных тезисов», как документа программного характера, были и другие авторы.

² «Несть эллин и иудей, несть раб и свобод» – слова Апостола Павла из Послания к Колоссянам (Библия, Новый завет) о равенстве между христианами перед Богом; обычно толкуются в смысле равенства всех людей между собой.

³ Критическое отношение народников-самобытников к различным проявлениям «деспотизма» – это их реакция на попытки либералов и народо-вольцев освободить народ «сверху», руководствуясь принципом «для народа, но без народа».

⁴ Современные исследователи относят московский кружок Н. Н. Златовратского к представителям «почвеннической» ветви народничества, испытавшей на себе влияние идей Ф. М. Достоевского и особенно Л. Н. Толстого. В феврале 1885 г. А. И. Эртель в письме к А. Н. Пыпину сообщал о деятельности кружка: «Создается, как будто, особое течение... Изобретены какие-то новые “устои”, должныствующие поворотить мир, посредством твердой и совершенной нравственности и широкого общения все со всеми. Пахнет и Христом, и Руссо, и Прудоном... Но все же не Византией, и не апостолом Павлом». Цит. по: Харламов В. И. Кружок Н. Н. Златовратского и Товарищество И. Д. Сытина. С. 263.

⁵ От редакции // Неделя. 1884. № 43. Стлб. 1419. Б/п.

⁶ Pro domo sua (с лат.) – «за свой дом»; в защиту себя и своих дел.

⁷ В апреле 1884 г. правительство закрыло «Отечественные записки» и фактически приостановило выход «Дела», арестовав К. М. Станюковича (его руководителя), после чего с радикальной журналистикой было покончено.

⁸ «Простите за правду». Письмо редактора журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенского Н. К. Михайловскому. 1885 г. // Исторический архив. 2003. № 4. С. 188–189, 195–199.

⁹ См.: Русское богатство. 1885. № 1–2.

¹⁰ Катков Михаил Никифорович (1818–1887) – публицист консервативного направления, издатель-редактор журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости».

¹¹ Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) – публицист, князь. Основал и издавал консервативно-монархическую газету-журнал «Гражданин».

¹² Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Десница и шуйца Льва Толстого» (Отечественные записки. 1875. № 5–7).

¹³ Н. К. Михайловский посвятил разбору «Изучения социологии» Г. Спенсера специальную статью в «Записках профана» (Отечественные записки. 1875. № 2).

¹⁴ Неделя. 1885. № 32. Стлб. 1121–1125. Б/п.

¹⁵ «Русская Медицина» (1883–1895) – еженедельный журнал медицины и гигиены, выходящий в С.-Петербурге.

¹⁶ «Вестник Промышленности» (1884–1886) – ежемесячный журнал фабрично-заводской промышленности, кустарного промысла и ремесла, выходящий в Москве.

¹⁷ Ламентации (от лат. lamentation – плач, стенание) – сетования, жалобы.

¹⁸ Призыв Я. В. Абрамова к новому «хождению» интеллигенции в народ (настойчиво повторяемый и в других его статьях), вызвал многочисленные отклики не только в прессе, но и рядовых читателей «Недели». «В вашей газете, – обращался к редактору бывший воспитанник московской консерватории С. А. Кирьяков, – я прочел воззвания к труду в провинции, в деревне. Вполне соглашаюсь, что столицы и губернские города переполнены предлагающими свои услуги всякого рода, так что многие остаются без дела, не имея возможности быть победителями в борьбе за кусок хлеба...». Далее он сообщал о своем желании переселиться в деревню в качестве учителя рисования и игры на фортепьяно, искренне полагая, что станет там «драгоценностью для родителей и воспитателей, желающих дать (детям. – Г. М.) серьезное, законченное художественное образование...». См.: Кирьяков С. А. Письмо к редактору // Неделя. 1886. № 7. Стлб. 270–271.

¹⁹ Внутреннее обозрение // Русское богатство. 1886. № 3. С. 215–219. Подпись: В. Б-чь.

²⁰ Синекюра (от лат. sine cura – без забот) – «теплое место», т.е. хорошо оплачиваемая должность, не требующая большого труда.

²¹ Приклонский С. А. Очерки самоуправления земского, городского и сельского. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1886. С. 121–122, 124, 125–133, 134–135, 137, 141, 144–145, 147, 149, 150–151, 152–155.

²² Отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828 г.).

²³ Колония Кремье основана выходцем из Латвии переводчиком и писателем Германом Розенталем (1843–1917) в Южной Дакоте в 1882 г. Названа в честь бывшего президента Всемирного еврейского союза. Просуществовала до 1885 г.

²⁴ Парии (от санскр. *paṇatīja* – горный житель) – отверженные, бесправные.

²⁵ Салопница (устар.) – женщина из мещанской, обедневшей среды, ходящая в изношенном салопе и просящая на бедность.

²⁶ Орлов Василий Иванович (1848–1885) – известный российский статистик, автор образцовых трудов по статистическому описанию Московской губернии; организатор земской статистики в Тамбовской, Курской, Воронежской, Орловской, Самарской и др. губерниях России.

²⁷ Корф Николай Александрович (1834–1883) – известный русский общественный деятель, педагог и публицист, организатор земских школ.

²⁸ Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934) – один из крупнейших в России издателей и книготорговцев; просветитель и меценат; учредитель книгоиздательского товарищества «И. Д. Сытин и К^о» (1883), владевшего двумя самыми крупными в Москве типографиями.

²⁹ Маракуев Владимир Николаевич (?–1921) – педагог, просветитель, составитель и издатель народных книг, основатель издательства «Народная библиотека» (1882).

³⁰ «Посредник» – книжное издательство просветительского характера; основано в 1884 г. в С.-Петербурге Л. Н. Толстым и В. Г. Чертковым. Основной принцип издательства состоял в издании доступной для народа по цене художественной и нравоучительной литературы.

³¹ Неделя. 1886. № 47. Стлб. 1545–1548. Б/п.

³² Северный вестник. 1888. № 1. С. 76–78, 81–84, 87–89. Подпись: *Виктор Пругавин*.

³³ Дарственники – бывшие крепостные крестьяне, получившие в результате крестьянской реформы 1861 г. дарственные наделы ($\frac{1}{4}$ высшего для данной местности).

³⁴ Гарнец, гарнцев – старинная русская мера = $\frac{1}{8}$ четверика (3,2789 литра).

³⁵ И. И. Каблиц в одном из писем к Л. Е. Оболенскому 1888 г. с удовлетворением констатировал, что если редакция «Северного вестника» решилась напечатать статью Виктора Пругавина рядом с «глупыми глумлениями» Н. К. Михайловского над «мнениями народа», то, следовательно, народничество успело вторгнуться в «самую цитадель враждебного лагеря». Теперь «они», писал Каблиц, могли только враждовать с выразителями народнических воззрений, но не с самими воззрениями. «Удивляться

этому нечего, и мы оба, вероятно, в глубине души веровали в свое дело и в его будущность больше, нежели в самих себя. Народничество – стихийная сила, а мы только его первые представители». – РГАЛИ. Ф. 1384. Оп. 1. Д. 395. Л. 3.

³⁶ Неделя. 1888. № 29. Стлб. 903–906. Б/п.

³⁷ [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. № 5. С. 135.

³⁸ Заушение (устар. – удар по уху) – грубая угроза, оскорбление.

³⁹ [Шелгунов Н. В.] Н. Ш. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. № 5. С. 136–137.

⁴⁰ Статья Я. В. Абрамова «Мрачные и светлые явления», видимо, больно задела Н. В. Шелгунова. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. он посвятит критике выступлений Абрамова в защиту культурнической деятельности интеллигенции в деревне целую серию статей. По мнению самого Шелгунова, главная задача интеллигенции заключалась не в ее слиянии с народом (они отталкиваются друг от друга как масло от воды), а в утверждении в сознании народа и общества «широких» демократических идеалов.

⁴¹ Неделя. 1888. № 51. Стлб. 1640–1647. Подпись: Д. Ж.

⁴² [Лаврский К. В.] Д. Ж. Практика «своего труда» в деревне // Неделя. 1888. № 18, 19, 21, 28. В позднейшей автобиографии Константина Лаврского есть интересное замечание по этому поводу. «Под конец, уже в половине 80-х годов писал я больше на тему о том, что интеллигенция должна идти в деревню, должна “сесть на землю”. Тут я действительно попал в больное место нашей интеллигенции, всегда к этому тяготевшей, и эти мои статьи имели, кажется, значительный успех, о котором я и не подозревал». – РГАЛИ. Ф. 602. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 20.

⁴³ Успенский Глеб Иванович (1843–1902) – писатель народнического направления, один из главных представителей «мужицкой беллетристики» 70–80-х гг. XIX в.

⁴⁴ Есмь (устар.) – являюсь.

⁴⁵ Etc – сокращение лат. выражения *et cet̃era*, означающего «и так далее».

⁴⁶ Контагий (лат. *contagium* – зараза) – возбудитель инфекционной болезни.

⁴⁷ Неделя. 1891. № 16. Стлб. 498–502. Подпись: Я. Абрамов.

⁴⁸ Толстовцы – участники социально-философского и нравственно-религиозного движения, возникшего в России в 80-е гг. XIX в. на основе учения Л. Н. Толстого. Проповедовали «всеобщую любовь», непротивление злу насилием и нравственное самосовершенствование как средство преобразования общества; создавали земледельческие общины, отказывались от уплаты податей и военной службы.

⁴⁹ См.: Тарасов И. Т. Интенсивное хозяйство и сельскохозяйственная политика. СПб., 1886.

⁵⁰ Ксендз (польск. *ksiadz*) – польский католический священнослужитель.

⁵¹ Наполнение бочки Данаид (из др.-греч. мифа о 50 дочерях царя Даная, которые за убийство своих мужей должны были в царстве Аида вечно наполнять водой бездонную бочку) – бесплодная, нескончаемая работа.

⁵² Попытки обоснования народничества // Русское богатство. 1892. № 2. С. 40–45; № 3. С. 69, 76–77; № 6. С. 139–140, 144–146, 148. Подпись: В. В.

⁵³ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – известный исследователь русской литературы и общественности; в 1880–1890-е гг. с либеральных позиций критиковал взгляды И. И. Каблицы-Юзова и В. П. Воронцова.

⁵⁴ [Каблицы И. И.] Юзов И. Социологические очерки. Основы народничества. СПб., 1882.

⁵⁵ *Pia desideria* (с лат.) – благие пожелания, намерения.

⁵⁶ Речь идет о русском марксизме.

⁵⁷ Очерки народной литературы (Посвящается Глебу Ивановичу Успенскому) // Русское богатство. 1893. № 7. С. 146, 151–157. Подпись: С. А. Ан-ский.

⁵⁸ Елисеев Григорий Захарович (1821–1891) – публицист, демократ; сотрудник журнала «Современник», один из редакторов журнала «Отечественные записки»; автор статей по крестьянскому вопросу.

⁵⁹ Глеб Иванович Успенский. Вступительная статья Н. К. Михайловского // Сочинения Глеба Успенского : в 2 т. СПб., 1889. Т. 1. С. VII.

⁶⁰ Русское богатство. 1893. № 12. С. 160–163, 164–165, 166, 168–178, 179, 191–192. Подпись: С. Кривенко.

⁶¹ Сикофанство (с греч.) – доносительство, клевета.

⁶² *Спенсер Г.* Принципы этики (The Principles of Ethics, 2 vol., 1892–1893).

⁶³ Едимово – село Тверской губернии, Корчевского уезда, где Н. В. Верещагин в 1871 г. основал школу молочного хозяйства.

⁶⁴ Штевен Александра Алексеевна (1865–1933) – известная в России просветительница; с 1885 – до конца 1890-х гг. открыла в Нижегородской губернии около 50 крестьянских школ, несколько библиотек, организовала курсы для подготовки учителей народных школ; создательница самобытной традиции обучения крестьянских детей грамоте.

⁶⁵ Неделя. 1894. № 37. Стлб. 1179–1181. Подпись: Я. Абрамов.

Раздел III

¹ [Воронцов В. П.] В. В. От семидесятых годов к девятисотым : сборник статей. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1907. С. 86–92, 95, 96–99, 100–104.

² Южаков Сергей Николаевич (1849–1910) – социолог и публицист, один из видных теоретиков легального народничества; в 1893–1898 гг. член редакции «Русского богатства».

³ С. Н. Южаков имел в виду «идеалы справедливости, свободы и просвещения», которые современные народники (В. П. Воронцов и С. Н. Кривенко), по его словам, отодвигали на задний план «ради тех или иных экономиче-

ских задач». См.: Южаков С. Н. Из современной хроники // Русское богатство. 1895. № 2. С. 177.

⁴ Сокращенная цитата из стихотворения Н. А. Некрасова «Ночь. Успели мы всем насладиться» (1858 г.).

⁵ Бельтов – псевдоним Плеханова Георгия Валентиновича (1856–1918) – одного из первых теоретиков и пропагандистов русского марксизма.

⁶ Статья Н. К. Михайловского была посвящена критическому разбору «народничества г-на В. В.». По мнению Николая Михайловского, роковая ошибка В. П. Воронцова состояла в том, что свой экономический тезис (о невозможности полноценного развития капитализма в России) он возвел в ранг социологической доктрины, отрицающей значение борьбы за политические свободы, будто бы выгодные только буржуазии. О формуле новейшего народничества (по «В. В.») Михайловский пишет, что она ставит этого публициста в один ряд с И. И. Каблицем. Оба идеолога народничества преклоняются перед коллективной мыслью и желаниями народа, идеализируют выработанные им общественные формы (общину и артель) и соответственно не доверяют русской интеллигенции роли учителя трудящихся масс. См.: Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. : в 10 т. СПб., 1909. Т. 7. Стлб. 650, 654, 660–661, 673, 679–682.

⁷ Штанд-пункт (нем. Standpunkt) – точка зрения, позиция.

⁸ In corpore (лат.) – «всей корпорацией», в полном составе, в целом.

⁹ Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. С. 458, 459, 461–464, 465, 466, 467–468, 474, 475, 476, 477, 481–483, 484–485, 489–491, 495–496, 497, 499–500, 501–504, 505–507, 510.

¹⁰ Туманные картинки – изображения, получаемые с помощью проекционного фонаря.

¹¹ Et tutti quanti (ит.) – и всякие другие; и пр. и пр.

¹² Успенский Г. И. Письма с дороги. IX. Рабочие руки // Собр. соч. : в 9 т. М., 1957. Т. 7. С. 448.

¹³ Толстой Л. Н. N. N. «Тифлисским барышням» (17 декабря 1886 г.) // Собр. соч. : в 22 т. Т. 19–20. Письма 1882–1910 гг. М., 1984. С. 125.

¹⁴ Офеня – бродячий торговец-разносчик, в том числе и книгами (тоже, что и ходячий, корабейник).

¹⁵ Dum spiro, spero (лат.) – пока дышу, надеюсь.

¹⁶ Книжки «Недели. 1896. № 7. С. 214–218, 219–220, 223–224, 225–227. Подпись: Я. Абрамов.

¹⁷ В действительности идея привлечения основной массы населения к физическому труду была популярна и у народников, особенно в 1870-е гг., ибо, по их подсчетам, тогда в России «производительным» трудом, а именно полевыми работами, занималось немногим более половины трудоспособного населения. «Если бы я был человеком могущественным в

Европе или даже в какой-нибудь отдельной стране, то я, – писал в 1877 г. один из тогдашних публицистов С. Н. Кривенко, – не задумываясь, сделал бы физический труд обязательным для каждого гражданина и был бы уверен, что страна моя скоро достигнет громадного материального могущества, выиграет в личной свободе и достигнет такой умственной высоты, какой еще не видел мир». Причем приучать население к физическому труду надо было со школьной скамьи. См.: *Кривенко С. Н.* Физический труд как необходимый элемент образования. 2-е изд. СПб., 1887. С. 145, 232.

¹⁸ Сын отечества. 1897. № 233. 28 августа. Подпись: *Глазов*.

¹⁹ Гирло (укр.) – название рукава или протоки в дельтах крупных рек, впадающих в Черное и Азовское моря.

²⁰ Образцовый устав ссудо-сберегательного товарищества принят в 1896 г.

²¹ Особое совещание по делам дворянства начало свою работу 10 мая 1897 г. Оно должно было разработать меры, направленные на упрочение экономических и политических позиций дворянства. Действовало до 1901 г.

²² [Воронцов В. П.] В. В. От семидесятых годов к девятисотым : сборник статей. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. С. 114–115, 116–119, 120–122, 127–129. Впервые опубликовано: «Летучий листок» Фонда вольной русской прессы. 1897. № 41.

²³ Этот же аргумент (отсутствие у марксистов убедительного анализа цифр и фактов действительности) использован В. Воронцовым в январе 1894 г., во время дебатов с В. И. Лениным на одном из конспиративных собраний молодежи в Москве. Но тогда он не произвел на присутствующих должного впечатления, т.к. русские марксисты были молоды и просто не успели обзавестись серьезными трудами по экономическому развитию пореформенной России. См.: *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 74.

²⁴ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, социолог, философ, общественный деятель. В августе 1894 г. опубликовал книгу «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», которая открыла эпоху борьбы русского марксизма с народничеством и стала «символом веры» социал-демократов в России.

²⁵ О союзах кооперативных обществ (Читано в заседании Всероссийского Съезда представителей Ссудо-сберегательных Товариществ в Москве 26 марта 1898 г.) // Кооперация. Страницы истории : избранные труды : в 3 т. М.: Наука, 2001. Т. 1. Кн. 2. Ч. 2. С. 458–465. Впервые опубликовано: Сельскохозяйственный журнал. 1898. № 4 (июль).

²⁶ Исторический вестник. 1899. № 4. С. 221–223, 224, 226, 227–228, 229–236, 240–243. Подпись: *Л. Е. Оболенский*.

²⁷ Неточное цитирование «Дневника писателя» на январь 1881 года. См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. Л., 1984. Т. 27. С. 17.

²⁸ Имеется в виду статья Н. К. Михайловского «Карл Маркс перед судом г. Ю. Жуковского» (Отечественные записки. 1877. № 10). В русской ле-

гальной печати письмо Маркса, кстати, так и не отправленное адресату, было опубликовано в октябре 1888 г. в журнале «Юридический вестник».

²⁹ [Плеханов Г. В.] Бельтов Н. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. СПб., 1895.

³⁰ См. прим. № 24.

³¹ Каблуков Николай Алексеевич (1849–1919) – экономист народнической школы, земский статистик; отстаивал идею устойчивости мелкого крестьянского хозяйства.

³² Туган-Барановский Михаил Иванович (1865–1919) – русско-украинский экономист, историк, видный представитель «легального марксизма»; автор работ по истории и теории социализма.

³³ Отказ большинства народников от идеи индустриализации России, превращал их программу самобытной модернизации в аграрную утопию. С этой точки зрения урбанистическая программа марксистов больше соответствовала объективным потребностям развития страны – созданию современной промышленности, как ведущей отрасли национальной экономики.

³⁴ Русская мысль. 1905. № 6. С. 124–127, 129, 145–146; № 9. С. 1, 9–13, 23–24. Подпись: С. Кривенко.

³⁵ Чупров Александр Александрович (1874–1926) – теоретик статистики, в 1902–1917 гг. профессор Петербургского политехнического института.

³⁶ Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности – учреждено в январе 1902 г.; для «выяснения нужд» и «соображения мер» образовано 618 местных комитетов (82 губернских и 536 уездных), охвативших более 12 тыс. чел. (первый в России массовый опрос населения); распущено в марте 1905 г., так и не выработав окончательных рекомендаций.

³⁷ Особое совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством бывшего министра внутренних дел И. Л. Горемыкина работало с марта по август 1905 г. без видимых результатов.

³⁸ Толстой Дмитрий Андреевич (1823–1889) – министр внутренних дел и шеф жандармов в царствование Александра III; один из главных проводников политики «коррекции реформ» 1860–1870-х гг.

³⁹ Номады (от греч. nomados – кочующий) – кочевники, бедуины.

⁴⁰ «Записка по крестьянскому делу» председателя Высочайше утвержденного особого совещания о нуждах сельскохозяйственной комиссии, статс-секретаря С. Ю. Витте. СПб., 1904. Сноски на «Записку» даются в тексте статьи в круглых скобках.

⁴¹ Ibid, ib (лат. сокращение от ibidem, «то же место») – там же.

⁴² Дискреционное право – широкие полномочия, дающие возможность действовать по своему личному усмотрению.

⁴³ Статья 165 «Положения о выкупе» 19 февраля 1861 г. позволяла члену общины досрочно выкупить свой надел и выделиться из общины. Действие статьи отменено в 1893 г.

⁴⁴ Исторический вестник. 1906. № 5. С. 444, 445, 467–475. Подпись: *Л. Е. Оболенский*.

⁴⁵ Речь идет о Екатеринославе (с 1926 по 2016 гг. – Днепропетровск).

⁴⁶ «Булыгинская комиссия» – особое совещание, созданное по указу Николая II от 18 февраля 1905 г. под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина; совещание должно было подготовить закон о созыве Государственной думы на условиях полного сохранения в России самодержавия.

⁴⁷ Figaro-ci? Figaro-là! (ит.) – Фигаро здесь? Фигаро там!

⁴⁸ Имеется в виду I Всероссийский съезд партии «Союз 17 октября», который проходил в Москве 8–12 февраля 1906 г.

⁴⁹ Лассаль Фердинанд (1825–1864) – нем. философ, юрист, экономист и политический деятель; один из основоположников европейского социализма.

⁵⁰ Нео-Манчестер – Екатеринослав.

⁵¹ [Воронцов В. П.] В. В. Заключительные строки // В. В. От семидесятых годов к девятистам : сборник статей. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. С. 231–236.

⁵² См.: Воронцов В. П. По вопросу об условиях революции в России. Название данной статьи в сборнике 1907 г. – «В семидесятых годах».

⁵³ Более подробное обоснование тезиса о начале пробуждения политического сознания народа под влиянием революции 1905 года будет дано В. П. Воронцовым в статьях: Крестьянское движение в 1905–6 гг. // Вестник Европы. 1909. № 5; Причины крестьянских движений 1905–6 гг. // Вестник Европы. 1911. № 1; Крестьянские волнения 1905–06 гг. // Современник. 1911. № 5.

⁵⁴ Выборгское воззвание – обращение группы депутатов первой Государственной думы к гражданам России (10 июля 1906 г.) в знак протеста против роспуска Думы.

⁵⁵ Сборник статей В. П. Воронцова вышел до царского манифеста 3 июня 1907 г., символизирующего поражение первой русской революции.

⁵⁶ Предположение В. П. Воронцова о решающем значении для победы революции ее поддержки со стороны армии подтвердилось в феврале 1917 г.

⁵⁷ Немезида – в древнегреческой мифологии крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм.

⁵⁸ [Максимов Е. Д.] Слобожанин М. Несколько слов о культурной работе (Вместо предисловия) // Слобожанин М. На культурной работе. Очерки и воспоминания. СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1907. С. 3–11.

⁵⁹ Позднее взгляды Е. Д. Максимова на задачи культурной работы получают развитие в статьях: Культурная работа. Общий характер культурной работы // Слово. 1908. № 665; К вопросу о классовой культурной работе // Слово. 1909. № 696; К вопросу о демократизации школы // Слово. 1909. № 802; и др.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамов Яков Васильевич (1858–1906)

Публицист и статистик, один из главных теоретиков культурного народничества 1880-х гг. Из ставропольских мещан. Учился в Кавказской духовной семинарии и Медико-хирургической академии в С.-Петербурге (оставил по болезни). В 1878 г. привлечен по делу о «распространении книг преступного содержания» и выслан из столицы. В 1880 г. возвращается обратно. Сближается с сотрудниками народнических журналов «Отечественные записки», «Слово», «Устой». Начинает публиковать в них рассказы из народной жизни и статьи по сектантству. В середине 1880-х гг. переходит в газету «Неделя». На ее страницах организует агитационную кампанию по переселению безработной интеллигенции в деревню, вызвавшую продолжительную полемику в прессе. Разрабатывает и активно пропагандирует практическую программу «культурной работы» в народе. С 1890 г. жил в Ставрополе, продолжая сотрудничество в столичных и провинциальных изданиях («Неделя», «Новое слово», «Русская школа», «Приазовский край» и др.). В 1895–1906 гг. гласный городской думы, деятельный член Общества для распространения народного образования.

Основные соч.: В поисках за правдой: Сб. рассказов. 2-е изд. (СПб., 1884), Что сделало земство и что оно делает (СПб., 1889), Наши воскресные школы. Их прошлое и настоящее (СПб., 1900).

Ан-ский (Раппопорт) Семен Акимович (1863–1920)

Писатель, публицист и общественный деятель народнического направления. Из мещан. Получил традиционное еврейское религиозное образование в Витебске. В 1880-е гг. попал под влияние народнических идей и отправился проповедовать их в народ. Несколько лет жил среди шахтеров. На рубеже 1880–1890-х гг. по совету Г. И. Успенского занялся беллетристикой. Опубликовал в «Русском богатстве» ряд очерков из народной жизни, а также свои исследования в области русского и украинского фольклора (вошедшие потом в книгу «Очерки народной литературы»). В 1892 г. выехал за границу, где стал личным секретарем П. Л. Лаврова. Как его секретарь поддерживал связи с представителями всех народнических групп русской эмиграции. После манифеста 17 октября 1905 г. вернулся в Россию, продолжив литературную деятельность. В последние годы занимался изучением еврейского быта.

Основные соч.: Очерки народной литературы (СПб., 1894), Собр. соч.: в 5 т. (СПб., 1911–1913), Народ и книга. Опыт характеристики народного читателя (М., 1913).

Бирюкович Владимир Васильевич (1856–1906)

Публицист, сотрудник столичных газет и журналов либерально-демократического направления «Голос», «Страна», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Северный вестник». Из семьи священника. Учился в Минской и Виленской гимназиях. В 1879–1880 гг. – юнкер военно-топографического училища в Петербурге. В 1880 г. арестован на 3 месяца за хранение революционной литературы. В 1883 г. вышел в запас рядовым. Жил в Петербурге, занимался журналистикой. В «Русском богатстве» Л. Е. Оболенского вел раздел «Внутреннее обозрение». В своих публикациях противопоставлял «реалистическое» мышление «восьмидесятников» «утопизму» людей шестидесятых годов, пытавшихся насильственно подтолкнуть прогресс общественных форм. В 1893 г. поступил на службу в департамент торговли и мануфактуры. До этого времени находился под негласным надзором полиции.

Основные соч.: Бумажные деньги. Исследование законов бумажноденежного обращения (СПб., 1888), Сельскохозяйственная техника. 2-е изд. (СПб., 1903).

Воронцов Василий Павлович (1847–1918)

Экономист, социолог и публицист. Один из ведущих теоретиков правого народничества 80–90-х гг. XIX в. Из дворян Екатеринославской губернии. Окончил курс в Медико-хирургической академии в Петербурге. Во время учебы дважды арестовывался полицией за участие в студенческих волнениях. Был близок к чайковцам. В 1874–1882 гг. работал земским врачом на Севере и в Поволжье. В 1876 г. опубликовал статью в газете «Вперед!», предложив интеллигенции «налечь» на развитие экономического мирозерцания народа. С конца 1870-х гг. сотрудничал в «Отечественных записках» и др. народнических изданиях. Занимался вопросами экономического положения пореформенной деревни. Выдвинул теорию «мертворожденности» русского капитализма, доказывая тем самым необходимость укрепления «народного производства». В середине 1880-х гг. сблизился с народническим кружком Н. Н. Златовратского. Участвовал в издании журнала «Эпоха» (1888 г.). В начале 1890-х гг. в «Русском богатстве» пытался возродить главную, по его мнению, идею движения 1870-х гг.: превращение народа в новую общественную силу путем «умственного подъема массы». После раскола редакции журнала публиковался в редактируемых С. Н. Кривенко «Новом слове» и «Сыне отечества». Активный участник полемики народников с марксистами 1890-х гг. Революцию 1905 г. встретил настороженно, считая, что она началась раньше, чем созрели силы, необходимые для преобразования «полицейского государства в правовое».

После появления легальных политических партий примкнул к трудовикам. В последние годы жизни в основном занимался разработкой аграрной программы народничества.

Основные соч.: Судьбы капитализма в России (СПб., 1882), Очерки кустарной промышленности в России (СПб., 1886), Крестьянская община (СПб., 1892), Наши направления (СПб., 1893), Артельные начинания русского общества (СПб., 1895), От семидесятых годов к девятисотым: сб. ст. (СПб., 1907).

Гайдебуров Павел Александрович (1841–1893)

Издатель, журналист, публицист. В начале 1860-х гг. был связан с революционным подпольем, потом перешел в лагерь легального народничества. Родился в семье священника. По окончании в 1857 г. Херсонской гимназии, поступил в С.-Петербургский университет (исключен за участия в 1861 г. в студенческих беспорядках). В 1860-е гг. сотрудничал в «Современнике», «Русском слове», «Искре», «Деле». Писал статьи по внутренним вопросам русской жизни, а также художественные рассказы и повести. С 1869 г. член редакции газеты «Неделя». Помещал в каждом ее номере передовые статьи и вел отдел «Литературно-критических заметок». В 1875 г. пригласил к участию в газете П. П. Червинского и К. В. Лаврского. С 1876 – редактор-издатель «Недели». При нем газета окончательно превратилась в главную цитадель культурно-народнического направления.

Основные соч.: Реформы и русское общество (Русские общественные вопросы. СПб., 1872), Из прошлого «Недели» («Книжки “Недели”»). 1893. № 1–2).

Златовратский Николай Николаевич (1845–1911)

Известный писатель-народник, автор повестей «Крестьяне-присяжные» (1874), «Золотые сердца» (1877), романа «Устой» (1883), представлявших идеализированную картину народной жизни. Родился во Владимире в семье мелкого чиновника. В 1864 г. окончил местную гимназию. Состоял вольнослушателем Московского университета, затем стал студентом С.-Петербургского технологического института. Однако из-за материальных трудностей был вынужден оставить учебу. В 1866 г. приобщается к литературе, став одним из главных представителей крестьянской беллетристики 1870–1880-х гг. В 1876–1884 гг. был тесно связан с редакцией журнала «Отечественные записки», войдя в круг публицистов-народников (С. Н. Кривенко, В. П. Воронцов, А. М. Скабичевский). В 1880 г. в журнале «Русское богатство» публикует программную статью «Народный вопрос в нашем обществе и литературе» (сочувственную народовольцам),

вызвав критику со стороны публицистов «Недели». В 1884 г. переезжает в Москву, где организует кружок «народников-самобытников» (В. П. Воронцов, В. Н. Маракуев, А. С. и В. С. Пругавины и др.). В 1885–1886 гг. участники кружка собрали съезд, на котором были выработаны «Основные тезисы народничества», точнее, его особой ветви, испытавшей на себе воздействие Л. Н. Толстого. С 1890-х гг. активно выступал с публицистическими статьями в журналах «Семья и школа», «Вестник воспитания»; участвовал в создании «Настольного энциклопедического словаря» братьев А. Н. и И. Н. Гранат.

Основные соч.: Устои: История одной деревни: повесть: в 4 ч. (М., 1884), Кредо [о народничестве] (1884), Собр. соч.: в 8 т. (СПб., 1912–1913).

Каблиц (Юзов) Иосиф Иванович (1848–1893)

Народнический социолог и публицист, больше известный под псевдонимом Юзов. Первый сложившийся идеолог культурного народничества. Из дворян Ковенской губернии, лютеранин. Образование получил в Киевской гимназии и на историко-философском факультете Киевского университета (курса не окончил). Активный участник революционно-народнического движения 1870-х гг., ярый бакунист, «вспышкопускатель». С 1878 г. – постоянный сотрудник «Недели». Вначале намеревался пропагандировать на ее страницах идеи землевольцев. С образованием «Народной воли» отошел от революционного подполья, обвинив сторонников политической борьбы с самодержавием в насилии над мнениями и чувствами народа. Свое понимание «истинного» народничества (смотреть на задачи русской жизни «глазами мужика») изложил в статье «Что такое народничество?» (1880 г.) и более подробно в книге «Основы народничества» (1882 г.). Доказывал не только нравственное, но и умственное превосходство народа над интеллигенцией. Один из пионеров теории «малых дел». В тоже время к просветительской деятельности в деревне относился скептически, полагая, что главная функция интеллигенции – развитие самобытной общинной культуры русского крестьянства. В 1883 г. арестован полицией по обвинению в революционной деятельности, но вскоре выпущен на свободу «за недостатком улик». До 1886 г. находился под гласным надзором полиции. В последние годы жизни служил в госконтроле. Труды Юзова получили неоднозначную оценку в обществе, особенно его обвинения интеллигенции в том, что она есть «худший и опаснейший враг» народа, т.к. стремится переделать его по своему образу и подобию.

Основные соч.: Русские диссиденты: староверы и духовные христиане (СПб., 1881), Интеллигенция и народ в общественной жизни России (СПб., 1886), Основы народничества. 2-е изд. Ч. 1–2 (СПб., 1888–1893).

Кривенко Сергей Николаевич (1847–1906)

Известный публицист и общественный деятель народнического направления. Один из главных теоретиков культурничества 1890-х гг. Из дворян Тамбовской губернии. Окончил Воронежский кадетский корпус и 1-е военное Павловское училище. Участник борисоглебского кружка народников-культурников (1869–1871 гг.). В 1870-е гг. занимался организацией опытной земледельческой колонии близ Туапсе. С 1873 г. публиковался в «Отечественных записках» в основном по вопросам развития кооперации. В конце 1870-х гг. сближается со сторонниками политических реформ. За связи с народовольцами в 1884 г. ссылается на 5 лет в Сибирь. В 1892 г. совместно с В. П. Воронцовым приобретает журнал «Русское богатство», стремясь консолидировать вокруг него все наличные силы народничества на основе теории «органической культурной работы». После раскола редакции журнала редактировал «Новое слово» и «Сын отечества». В начале 1900-х гг. отошел от активной журналистской работы и уехал на Кавказ. В период революции 1905 г. главной задачей интеллигенции по-прежнему считал не борьбу за политическую власть в стране, а мобилизацию сил и средств для удовлетворения насущных потребностей народа, для чего «народничество» должно было объединиться с легальным земством.

Основные соч.: Физический труд как необходимый элемент образования (СПб., 1879), На распутье (Культурные скиты и культурные одиночки) (СПб., 1895); Собр. соч.: в 2 т. (СПб., 1911).

Лаврский Константин Викторович (1844– после 1920)

Публицист и общественный деятель, статистик, юрист. По признанию современников, народник «по настроению» и «полутолстовец». Сын священника. Учился в Нижегородской семинарии и Казанском университете (в 1864 г. исключен за участие в т.н. «Казанском заговоре» студентов и сослан на каторгу). В 1872 г. основал и редактировал «Камско-Волжскую газету». В 1875 г., как литературный обозреватель «Недели», принял активное участие в дискуссии о роли провинции в пробуждении общественного самосознания. В 1884 г. под влиянием А. Н. Энгельгардта поселился на своем хуторе в Свияжском уезде, сделавшись сельским хозяином. В 1885–1888 гг. поместил в «Неделе» ряд критических статей по вопросу о стремлении интеллигенции «сесть на землю». Впоследствии «на почве этики и в культе “народа”» сближается с Л. Н. Толстым. В 1906 г. как представитель «трудовой группы» избран членом Первой государственной думы.

Основные соч.: Почвенные вопросы («Неделя». 1885. № 17, 20, 25, 30), По вопросу об устройстве земледельческой колонии (Казань, 1888), Из воспоминаний (Казань, 1930).

Максимов Евгений Дмитриевич (1858–1927)

Публицист и общественный деятель народнического направления, земский статистик, экономист, действительный статский советник. Из семьи почтового служащего. Учился в Московском техническом училище, но в 1879 г. (за год до окончания) отказался от карьеры инженера, чтобы посвятить себя просвещению народа. Работал сельским учителем в Курской губернии. Затем избран земским гласным Суджанского уезда (откуда родом), участвовал в его статистическом обследовании. С 1888 г. служил податным инспектором во Владикавказе. После назначения в 1895 г. начальником благотворительного отделения Хозяйственного департамента МВД поселился в Петербурге. Сотрудничал в изданиях правых народников «Новое слово» и «Сын отечества». В 1900–1905 гг. – управляющий делами Комитета попечительства о домах трудолюбия. Активный участник набиравшего тогда силу кооперативного движения. Сторонник теории «органической культурной работы». Первый биограф С. Н. Кривенко. В 1918 г. – председатель Совета Всероссийского съезда по производству и сбыту кустарных товаров. Впоследствии занимался преподавательской деятельностью.

Основные соч.: Земские финансы (СПб., 1885), Происхождение нищенства и меры борьбы с ним (СПб., 1901), Из истории и опыта земских учреждений в России (СПб., 1913).

Оболенский Леонид Егорович (1845–1906)

Философ, публицист и литературный критик, один из идеологов правого народничества. Из дворян. Учился в Орловской гимназии, затем в Медико-хирургической академии в Петербурге и Московском университете. В 1866 г. арестован по делу Д. В. Каракозова и выслан из столицы под надзор полиции в Костромскую губернию. В 1870–1878 гг. проживал в Орле, занимался адвокатской практикой. С конца 1870-х гг. обосновался в Петербурге. Сотрудничал в журналах «Свет» и «Мысль». С 1883 по 1891 г. – издатель и редактор журнала «Русское богатство», на страницах которого разрабатывал идеологию «синтетического народничества», близкого к народничеству И. И. Каблицы. Один из пионеров теории «малых дел». В середине 1880-х гг. сблизился с Л. Н. Толстым, впоследствии во многом с ним полемизировал. После продажи «Русского богатства» работал в ряде столичных и провинциальных изданий («Неделя», «Новое слово», «Исторический вестник», «Приднестровский край», «Одесский листок» и др.).

Основные соч.: Л. Н. Толстой, его философские и нравственные идеи. Критический этюд. (СПб., 1886), Изложение и критика идей нео-марксизма (СПб., 1899), История мысли. Опыт. Критической истории философии (СПб., 1901).

Приклонский Сергей Алексеевич (1846–1886)

Писатель и публицист, в 1880-е гг. близкий по своим взглядам к теоретикам умеренно-правого народничества. Сын московского священника. Окончил Вифанскую духовную семинарию и юридический факультет Московского университета. С 1869 г. служил по ведомству МВД в Олонецкой и Владимирской губерниях. В 1879 г. уволен в отставку за близкое общение с политссыльными. Проживал в Москве под секретным надзором полиции. В 1-й пол. 1880-х гг. сотрудничал в народнических изданиях «Русское богатство», «Неделя», «Северный вестник», преимущественно по вопросам народной жизни и быта на Севере. Последовательно отстаивал идею минования Россией капиталистической фазы развития. Участвовал также в ряде либеральных газет и журналов, особенно успешно в «Русской мысли», где с 1882 г. вел отдел «внутренние обозрения». В 1886 г. статьи в «Неделе», «Земстве» и «Русской мысли» вышли отдельным изданием под заглавием «Очерки самоуправления земского, городского и сельского».

Основные соч.: Хроника рабочего труда в России («Дело». 1883. № 1), Наше кулачество («Неделя». 1884. № 35), Народная жизнь на севере (М., 1884).

Пругавин Александр Степанович (1850–1920)

Публицист-народник, историк, известный в России исследователь старообрядчества и сектантства. Сын штатного смотрителя народных училищ Архангельской губернии. С 1869 г., после окончания местной гимназии, учился в Петровской земледельческой и лесной академии в Москве. В 1871 г. привлекался по процессу нечаевцев и в том же году выслан под надзор полиции в Архангельскую губернию. В 1879 г. освобожден от надзора и переехал в С.-Петербург. С 1877 г. изучал старообрядчество. Опубликовал по этой теме множество статей в «Русской мысли», «Вестнике Европы», «Историческом вестнике», «Неделе». Но их отдельное издание 1882 г. было изъято цензурой. В 1888 г. обратился к изучению народной грамотности, издав «Программу для собирания сведений о том, что читает народ». На основе собранных материалов в 1890 г. опубликована книга «Запросы народа и обязанности интеллигенции», в которую вошли материалы о вольных крестьянских школах, лубочной литературе, публичных чтениях для народа и т.д. В начале XX в. вернулся к теме раскола. После октябрьского переворота 1917 г. уехал в Уфу. Сотрудничал с Белым движением. В марте 1920 г. был арестован большевиками. Умер в тюрьме от сыпного тифа.

Основные соч.: Раскол внизу и раскол вверху. Очерки современного сектантства (СПб., 1882), Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд. (СПб., 1895), О Льве Толстом и толстовцах. Очерки, воспоминания, материалы (М., 1911).

Пругавин Виктор Степанович (1858–1896)

Экономист, земский статистик, один из идеологов правого народничества. Брат А. С. Пругавина. Родился в Архангельске. Учился в местной гимназии. Во 2-й пол. 1870-х гг. – студент Петровской земледельческой и лесной академии в Москве. Там же увлекся народническими идеями и в 1878 г. попал под надзор полиции по подозрению в принадлежности к «партии социалистов-агитаторов». В 1880-х гг. занимался исследованием кустарных промыслов Владимирской губернии. Публиковал статьи по экономическим вопросам в «Юридическом вестнике», «Русских ведомостях» и «Русской мысли». Выступал убежденным защитником общинного крестьянского землевладения. С 1884 по 1886 гг. был заведующим статистического бюро Екатеринославского земства. Последние годы своей жизни находился на излечении в психиатрической лечебнице в Москве.

Основные соч.: Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда Владимирской губернии (М., 1884), Русская земельная община в трудах ее местных исследователей (М., 1888).

Соколовский Павел Александрович (1847–1906)

Историк и экономист народнического направления, деятель кооперативного движения. Сын священника Самарской губернии. Выпускник Московского университета 1870 г. В 1870–1874 гг. преподавал историю и географию в мужской гимназии во Владимире. В 1872–1906 гг. – библиотекарь исторического отделения Императорской публичной библиотеки в Петербурге. Сотрудник «Журнала Министерства народного просвещения», «Слова», «Исторического вестника» и др. Изучал историю сельской общины и экономического быта крестьянства. Занимался разработкой практических вопросов: развитие артелей, учреждение сельских ссудо-сберегательных товариществ и т.д. С 1890 г. – секретарь Петербургского отделения Комитета сельских ссудо-сберегательных товариществ, редактор изданий Комитета.

Основные соч.: Очерк истории сельской общины на Севере России (СПб., 1877), Ссудо-сберегательные товарищества по отзывам литературы (СПб., 1889), Опыты культурной деятельности земства в области сельского хозяйства (М., 1899).

Червинский Петр Петрович (1849–1931)

Народнический публицист, земский статистик. Один из первых народников-культурников. Родился в г. Чернигове. Из дворян. Получил военное образование, но в 1868 г. поступил в Земледельческий и лесной институт в Петербурге. В 1871 г. за участие в студенческих волнениях на 5 лет сослан в Холмогоры. Летом 1875 г. вернулся в Петербург и закончил институт. В 1875–1876 гг. опубликовал в газете «Неделя» несколько статей, где были сформулированы новые задачи интеллигенции, основанные не на ее теориях, а на насущных потребностях народа. Статьи «П. Ч.» вызвали оживленную полемику по вопросу о «деревне» (с участием Н. К. Михайловского, П. Н. Ткачева, А. Н. Пыпина и др. известных публицистов). В 1876–1877 гг. работал земским статистиком в Черниговском губернском земстве. С 1881 г., как член губернской управы, заведовал статистическими работами Черниговского земства. С 1891 г. состоял на службе в экономическом отделе министерства путей сообщения. После Октябрьской революции до 1928 г. работал на опытной сельскохозяйственной станции близ Вятки.

Основные соч.: Наша национальная особенность («Неделя». 1875. № 31), Отчего безжизненна наша литература? («Неделя». 1875. № 44), От себя или от деревни? («Неделя». 1876. № 2), Земледельческая программа... для оценки земельных угодий (Чернигов, 1881).

Энгельгардт Александр Николаевич (1832–1893)

Публицист-народник и ученый-агрохимик. На страницах «Отечественных записок» в письмах «Из деревни» защищал идею особого некапиталистического пути развития России. Из дворян Смоленской губернии. По окончании в 1853 г. Михайловской артиллерийской академии служил в Петербургском арсенале, где руководил отливкой пушек для Севастополя и заведовал химической лабораторией. Преподавал химию в Александровском лицее. С 1864 г. профессор химии в Петербургском земледельческом институте. В 1870 г. за распространение среди студентов демократических идей был арестован и в начале следующего года выслан под надзор полиции в Батищево. Организовал в своем имении образцовое хозяйство со школой для подготовки «интеллигентных земледельцев». Призывал интеллигенцию «сесть на землю» для преобразования сельского хозяйства на научной основе.

Основные соч.: Из деревни. 12 писем. 1872–1887. 3-е изд. (СПб., 1897).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Б/п – Без подписи
г., г-н – господин
г-жа – госпожа
греч. – греческий
Д. – Дело
д., дер. – деревня
др.-... – древне...
Ед. хр. – Единица хранения
ит. – итальянский
Л. – Лист
лат. – латинский
М. – Москва
нем. – немецкий
Оп. – Опись

с., сел. – село
санкр. – санскритский
СПб. – Санкт-Петербург
ст. – статья
ст. – столетие
стлб. – столбец
т-ва – товарищества
Тип. – Типография
у. – уезд
укр. – украинский
Ф. – Фонд
фр. – французский
хут. – хутор
четв. – четверть

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамов Я. В. 3, 6, 10, 11, 13, 133, 161, 172, 187, 212, 225, 256, 332, 338, 340–342, 346

Аксаков И. С. 101

Александр II, император 8, 156, 289

Александр Николаевич – см. Александр II

Александр III 7, 332, 344

Алексей Михайлович, царь 19, 27

Алчевская Х. Д. 246

Андреев В. В. 40, 334

Аникин С. П. 322

Ан-ский (Раппопорт) С. А. 3, 206, 341, 346

Антонов В. Ф. 331

Белинский В. Г. 18, 183

Беллами Э. 188

Беллюстин И. С. 41, 334

Белова 69, 70

Бельтов – см. Плеханов Г. В.

Бирюкович В. В. 3, 139, 338, 347

Блан Луи 32

Бокль Г. Т. 103, 186

Болье Л. 318, 336

Борхман, доктор 135

Бродский 101

Брут М. Ю. 73, 74

Булыгин А. Г. 312, 345

Бунге Н. Х. 308

В. Б-чь – см. Бирюкович В. В.

В. В. – см. Воронцов В. П.

Верещагин Н. В. 107, 223, 336, 341

Вернер И. А. 252

Витте С. Ю. 301, 344

Воронцов В. П. 3, 4, 6, 8, 11, 13, 112, 134, 135, 194, 208, 211, 212, 230, 241, 269, 319, 332–337, 341–343, 345, 347–350

Гайдебуров П. А. 3, 127, 331, 348

Гакстгаузен А. 333

Галилей Г. 57

Герцен А. И. 317

Гете И. 333

Гецевич В. П. 215, 224

Гиббинс Г. 290

Гинцбург Г. О. 101

Глазов – см. Кривенко С. Н.

Глазунов А. И. 101

Гоголь Н. В. 158, 317

Годунов Б. Ф. 19, 26

Головин К. Ф. 273

Гончаров И. А. 317

Горемыкин И. Л. 301, 344

Гранат А. Н. 349

Гранат И. Н. 349

Григорович Д. В. 158

Грэм В. 293

Губонин П. И. 101, 336

Гудковы-Беяковы, издатели 248

Д. Ж. – см. Лаврский К. В.

Данай, царь 341

Державин Г. Р. 143

Добролюбов Н. А. 64, 183, 317, 335

Добротворский Н. А. 252

Достоевский Ф. М. 3, 58, 62, 63, 68, 92, 97, 98, 183, 288, 335, 337, 343

Елисеев Г. З. 211, 333

Жирнов 248

Жуковский Ю. 343

Зверев В. В. 7, 331

Златовратский Н. Н. 3, 8, 9, 13, 119, 211, 212, 334, 337, 347, 348

Иксуль В. И. 243

Иоанн Богослов, апостол 335

Иоанн Грозный, царь 93, 94

Каблиц И. И. 3, 6, 8–11, 13, 35, 43, 50, 195, 196, 199, 200, 212, 236, 289, 295, 332, 334, 339, 341, 342, 349, 351

Каблуков Н. А. 296, 344

Кавелин К. Д. 242

Калмыкова А. М. 248

Каракозов Д. В. 351

Карлос Луис дон, инфант 52, 334

Катков М. Н. 128, 338

Кирьяков С. А. 338

Клюкин М. В. 248

Ковалевский М. М. 318

Кокорев В. А. 101

Кольцов А. 158

Корсаков И. 332

Корф Н. А. 158, 326, 339

Котомкин А. М. 334

Кошелев А. И. 101

Краевский А. А. 52, 333

Крестовский В. (*Хвоцинская Н. Д.*) 74, 335

Кривенко С. Н. 3, 4, 6, 7, 11, 13, 98, 104, 213, 264, 300, 332, 335, 336, 341, 343, 344, 347, 348, 350, 351

Кромвель О. 47, 291

Кулиш П. А. 27

Л. О. – см. Оболенский Л. Е.

Лавров П. Л. 334, 346

Лаврский К. В. 3, 176, 340, 348, 350

Лассаль Ф. 318, 345

Ледерле М. М. 248

Леклерк М. 291

Ленин В. И. 343

Леонид Спартанский, царь 298

Лермонтов М. Ю. 101

Лунц М. Г. 283

Любощинский М. Н. 301

Людовик XIV 49

Македонский М. С. 165

Максимов Е. Д. 4, 6, 325, 332, 345, 351

Маракуев В. Н. 158, 248, 337, 339, 349

Марков Е. Л. 101

Маркс К. 44, 45, 113, 270–272, 275, 292–295, 343, 344

Массе 218

Менделеев Д. И. 186, 294

Мещерский В. П. 129, 333, 338

Милютин 152

Миропольский А. И. 108, 112

Михаил Федорович, царь 19

Михайловский Н. К. 5, 11, 14, 101, 102, 128, 208, 211, 212, 232, 235–238, 240–242, 294, 331–333, 338, 339, 341–343, 354

Мичурин А. П. 253

Мокшин Г. Н. 2, 7, 331, 332

Мордовцев Д. Л. 8, 332

Морокин А. Ф. 101

Муринова А. М. 248

Нарышкин Е. Д. 243

Некрасов Н. А. 75, 158, 333, 342

Николай II 345

Никон, патриарх 40, 43

Оболенский Л. Е. 3, 4, 6, 7, 11, 13, 58, 64, 90, 128, 133, 288, 311, 332, 334, 335, 338, 339, 343, 345, 347, 351

Орлов В. И. 155, 156, 339

Островский А. Н. 253

П. Ч. – см. Червинский П. П.

Павел, апостол 337

Пантин И. К. 331

Пастер Л. 186

Петр I Великий, император 6, 19, 40, 43, 47, 95, 288

Плевако Ф. Н. 303

Плеханов Г. В. 238, 295, 342

Плимак Е. Г. 331

Полевой Н. А. 18

Полонский Л. А. 51, 52, 334

Поляков С. С. 101

Попов А. 47

Приклонский С. А. 3, 143, 339, 352

Пругавин А. С. 3, 242, 337, 342, 349, 352, 353

Пругавин В. С. 3, 8, 164, 337, 339, 349, 353

Прудон П. Ж. 337

Прянишников П. К. 248

Пугачев Е. И. 25, 32

Пушкин А. С. 158, 253, 339

Пущин 70

Пыпин А. Н. 194, 195, 337, 341, 354

Разин С. Т. 25

Розенталь Г. 339

Розенталь И. 147, 148

Русанов Н. С. 114, 336

Руссо Ж.-Ж. 337

Рюрик, князь 260

Салтыков М. Е. 67, 68, 101, 102, 255, 294, 333, 335

Самарин Ю. Ф. 101

С-ва, учительница 69

Сиэс, аббат 101, 102

Скабичевский А. М. 348

Скороходов И. Н. 242

Слобожанин М. – см. Максимов Е. Д.

Соколовский П. А. 3, 279, 333, 353

Сократ 183

Соути Р. 291

Спасович В. Д. 101

Спенсер Г. 46, 48, 49, 130, 131, 186, 218, 298, 338, 341

Старынкевич С. С. 246

Станюкович К. М. 338

Стасюлевич М. М. 101, 335, 336

Струве П. Б. 273, 295, 343

Суворин А. С. 101–103, 129, 336

Сцевола М. 298

Сытин И. Д. 158, 337, 339

Таиров А. А. 225

Тарасов И. Т. 189, 340

Тверской (*Дементьев*) П. А. 68–71, 335

Тихомирова Е. Н. 248

Ткачев П. Н. 354

Толстой А. К. 158

Толстой Д. А. 303, 308, 344

Толстой Л. Н. 67, 130, 158, 183, 187, 206, 208, 211, 212, 242, 243, 252, 253, 289, 335, 337, 339, 340, 342, 349–353

Троцкий Л. Д. 331

Туган-Барановский М. И. 296, 344

Тургенев И. С. 67, 317

Урусов А. И. 101

Успенский Г. И. 177, 178, 208, 211,
212, 251, 307, 340–342, 346
Утин Е. И. 101

Харламов В. И. 7, 331, 337
Хлопко Косолап 27
Хорос В. Г. 5, 331

Цебрикова М. К. 255
Цинцин[н]ат Л. К. 108, 336

Червинский П. П. 3, 9, 10, 14, 332,
333, 348, 354
Чернов В. М. 343
Чернышевский Н. Г. 9, 332
Чертков В. Г. 243, 339
Чехов А. П. 257–260, 262, 263
Чупров А. А. 300, 309, 344

Шарко Ж. М. 186
Шаховский Д. И. 243

Ш-в П. 244
Шелгунов Н. В. 11, 172, 173, 175,
176, 218, 332, 340
Шмидт 221, 222
Штевен А. А. 223, 224, 248, 341

Щедрин Н. – см. Салтыков М. Е.

Энгельгардт А. Н. 3, 13, 17, 76,
106, 108, 183, 193, 223, 333, 335,
350, 354
Эртель А. И. 332, 337

Южаков С. Н. 336, 337, 242, 341,
342
Юзов – см. Каблиц И. И.
Юханцев К. Н. 73, 335

Янжул И. И. 273

Н. Н. – см. Оболенский Л. Е.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абсолютизм** 124
Агрономы 10, 12, 84, 109, 110, 138, 154, 211, 256
Адвокаты 73, 110, 211, 313, 351
Акушерки 80, 82, 84, 143, 173, 211, 227, 256
Альтруизм 329
- крестьянской жизни 104, 201
Аракчеевщина 220
Артели, артельный 207, 214, 278, 279, 292, 295, 300, 328, 336, 342, 348, 353
- земледельческие 296
- сыроварни 17, 18, 36, 107, 333, 336
- промышленные 110, 192, 296
- фабрики 110
- кустарей 294, 296
- книгонош 254
- дух (народа) 114
Анархия 92
Аполитизм 10, 332
- Библиотеки** 126, 174, 186, 249, 251, 255, 285, 353
- народные 155–158, 174, 244, 245, 255, 260, 262, 263
- школьные 155, 243, 244, 254, 341
- земские 159
- городские (общественные) 174, 246, 266
- сельские 158, 159
- уличные (передвижные) 254, 255
Бог 62, 64, 68, 78, 81, 83, 93, 99, 121, 130, 143, 152, 210, 222, 258–260, 262, 337
Борисоглебский кружок народников 109–112, 336, 350
Братство 64, 123, 337
- Буржуазия** 32, 98, 102, 103, 131, 132, 231, 241, 271–274, 342
- европейская 101, 113, 117, 291
- русская 62, 100, 101, 117, 118, 207, 321
Бюрократия (бюрократизм) 9, 20, 197, 267, 288, 312, 314, 320, 321
- бюрократический 109, 265, 300, 302, 320
- Великие дела** 10, 72, 73, 90, 256, 257
Власть 53, 91, 92, 94, 96, 108, 291, 302, 323, 325
- государственная 27, 92, 95
- местная 215, 249
- и общество 95, 117, 118, 321, 322
- и народ 26–28, 95, 198, 321
- и буржуазия 118
Внешние условия (общественной деятельности) 51, 128, 129, 210, 215
Восьмидесятники 7, 11, 201, 233, 347
Врачи 10, 12, 134, 142, 143, 145, 159, 174, 214, 303, 347
- земские 134, 137, 149, 150, 191, 225
- вольные 186, 227, 256
- положение 133, 135–138, 158
- востребованность (в народе) 80, 136, 137, 148, 154, 211, 257
- отношение населения 149, 173
- Герои (геройство)** 71–73, 76, 93, 129, 214, 215, 228
- и безделье/бездействие 225, 229, 263
Голодовки (в деревне) 11, 76, 165, 219, 314, 325

Город и деревня 87, 108, 136, 139–141, 148, 184, 227, 276, 277

- на Западе 19, 23, 49

- в России 19, 23

Государство 34, 39, 40, 84, 99, 125, 196, 325, 327

- функции/роль 92, 118, 199, 202, 205, 217, 329

- полицейское 320, 347

- правовое 121, 320, 347

- и интеллигенция 39–42, 97, 140

- и народ 40, 249

Грамотность 79, 80, 82, 123, 248, 253, 352

- состояние 34, 89, 141, 156, 158, 251, 252, 258

- значение 33, 37, 155, 260, 263, 325

Гуманизм (гуманность) 91, 102, 204

- гуманист 120, 121

- гуманный 80, 85, 90, 122, 292, 317

Дворянство 40, 102, 118, 269, 343

- дворянский 26, 40, 268, 269, 301, 317

Декадентство 266

Демократия 239, 270, 272, 273

- европейская 272, 277

- русская 270, 277

- демократический 30, 48, 190, 271, 272, 275, 277

Деспотизм (деспотия) 122, 124, 130, 270, 337

- умственный 121

Дума 318, 322, 323, 345, 350

Духовенство (священники) 102, 247, 158, 189, 347, 348, 352, 353

- и народ 39, 40, 158

- и школа 151, 152, 223, 247

Европа (Запад) 21, 22, 44, 46, 63, 118

- общественная жизнь/движение 20, 62, 117, 266, 271–274, 277

- экономический строй 44, 45, 56, 192, 271, 289, 324

- положение народа 198, 289, 294

Еретики (отщепенцы) 66

Законы 31, 118, 131, 172, 293, 299

- социальные 38, 49, 74, 113

- экономические 113, 116, 118, 179, 292, 295

- истории 93

- природы 75, 185, 294

Законность (правосудие) 92, 112, 121, 203, 217, 265, 302

Западники (западничество) 62, 198, 208, 230, 241

- западнический 198, 200, 231, 234

Земля 34, 36, 77, 81, 262, 272, 276, 290, 297, 309, 310

- общинное владение 57, 125, 126, 273, 277, 279, 289, 292, 299

- власть над народом 19, 86, 208, 209

- источник благосостояния и независимости 78, 294

- малоземелье (теснота) 87, 114, 162, 166, 167, 170, 276, 301, 302, 307, 308, 310

- и интеллигенция («тяготение к земле») 82, 84, 89, 90, 108, 143, 146, 147, 176–178, 187–190, 192, 193, 225

- национализация 125, 126

Земельный/аграрный вопрос 56, 316, 327

Земледельческое производство

- мелкое 272

- крупное 163, 272

Земледельческий труд 89, 146, 167, 188, 208, 212

Земство, земская 8, 12, 17, 68, 70, 71, 105, 109, 110, 135–136, 140, 151–160, 166, 168, 174, 175, 186, 191, 192, 216, 225, 242–244, 251, 262, 264, 266, 286, 289, 302, 317

- медицина 70, 80, 135, 137, 143, 149–150, 227, 303

- школа 70, 80, 143, 223, 224, 247, 254, 326

- статистика 7, 10, 155, 139, 143, 156, 301, 339, 344, 346, 350, 351, 353, 354

- и крестьянская жизнь 160, 168, 169, 302

- и политические реформы 320

Земские начальники 216, 282, 302, 303, 307, 309

Знания 10, 33, 37, 40, 52, 56, 100, 102, 143, 171, 196, 252, 325

- специальные (технические и т.п.) 134, 138, 141, 144, 170, 294

- сила интеллигенции 52, 181, 202, 203, 253

- необходимость для народа 82, 104, 142, 155, 210, 229, 248

Идеалы 16, 63, 76, 98, 117, 120, 122, 264, 295, 313, 328

- высшие 76, 179, 330

- общечеловеческой правды 201, 328

- широкие и маленькие 73

- книжные/западные 18, 20–21, 42

- интеллигенции 60, 207

- 1860-х гг. 211

- народные 51, 207, 250

- кулаческие 85

Идеальные стремления 187

Идеи 31, 53, 54, 64, 66, 98, 230, 238, 269, 277, 296, 323

- 1870-х гг. 230

- 1880-х гг.

- революционные 24, 29–31

- освободительные 20, 322, 323

- демократические 277

- просветительские 29, 33, 117, 202

- религиозные 53, 54

Идеология 270, 271, 275–277

Индивидуализм 38, 56

- в крестьянстве 85, 114, 250

Интеллигентная безработица (отсутствие мест в городах) 133–136, 138, 144, 148

- интеллигентный пролетариат 176

Интеллигентность 147, 148, 180–182, 184

Интеллигентные деревни/колонии 83, 84, 106, 188

Интеллигентные земледельцы/пахари 83, 108, 143, 177, 178, 187, 190, 193, 354

- интеллигентные безземельные пролетарии 83

Интеллигентское мировоззрение 5

- вера в народ 5, 64, 289, 298, 299

- причины 64, 198, 298, 299

- народолюбие (демократизм) 55, 63, 64, 154, 232, 236

- причины 38, 231–232

- вера в прогресс 32, 63, 64, 75, 76, 105, 128, 172, 199, 230

- вера в особый путь России (антибуржуазность) 22, 208, 231, 294

- вера в идеалы (идеализм) 20–21, 76, 119, 132, 179, 180, 187, 201, 317, 318

- доктринерство 318, 319

Интеллигенция (самоидентификация) 5

- происхождение/история 39–41

- цели 33, 99, 199, 326, 330, 337

- задачи (служения народу) 58, 82, 169, 199, 210, 211, 261, 263, 320
- миссия/роль 119–120, 122, 124, 128, 199, 203, 250
- авангард и орудие прогресса 27, 199, 200
- «соль земли» 161
- стремление к власти 106
- и идеал самоуничтожения 32
- Интеллигенция (типология) 99
- буржуазная (западная) 201
- привилегированных классов 32, 100
- рабочая (*трудовая*) 10, 135, 148
- народная 32, 54, 208
- внеклассовая/общенародная 41, 324
- Интеллигенция и буржуазия (3-е сословие) 39, 101, 102, 132
- попытки отождествления 100–101
- Интеллигенция и народ 33, 42
- рознь/разрыв 35, 36, 38–42, 84, 103, 288, 289, 299
 - причины 35–43, 64, 98, 196–198
 - пути сближения 6, 55–56, 58, 104–106, 210, 252, 288, 330
- долг народу 9, 106, 210, 226, 232, 251–253, 289, 327
- тождественность их конечных идеалов 58, 207
- Интересы 14, 159, 230, 271, 296, 329
 - общечеловеческие/общие 217, 221
 - государственные 205
 - народные/трудящихся 122, 124, 125, 160, 194, 202, 204, 238, 249, 252
 - классовые (эгоистические) 55, 119, 296, 298, 299
 - буржуазии/капитала 204, 207, 230, 239

- рабочего класса 278
- крестьянские 142, 198, 199, 224
- интеллигенции 196
- личные 264, 267, 298
- Искусство 97, 212, 236, 238, 258, 260, 262–263, 266
- История 21, 26, 30, 32, 39, 47, 54, 58, 90, 93, 91, 119, 123, 187, 205, 274, 296, 314

Казачество 27, 30

«Капитал» (К. Маркса) 16

Капитализм 44, 112, 161, 209, 217

- прогрессивность (в Европе) 273, 274, 295

- искусственное насаждение (в России) 161, 209, 294

- возможность водворения в России 100, 113–117, 161–164, 209, 250, 294

- невозможность господства в России 116–118, 275, 276, 299

- возможность некапиталистической социализации промышленности 272, 294, 336

- и народ 85, 118, 163–164, 209, 250, 276, 291

Класс/ы 99, 116, 161, 288, 320, 321

- привилегированные 32, 100, 153, 170, 202, 208, 238

- землевладельческий/поземельных собственников 117, 125, 126

- буржуазный/средний 117, 148, 275, 276, 278, 297, 321, 312, 320

- культурные/образованные 50, 54, 198–200, 203, 289

- интеллигентные 78, 86, 144

- трудящиеся/низшие 252, 272, 277, 321

- рабочий 201, 270, 271, 274

- пролетариев 276, 297

- слияние (в Европе) 239

- дифференциация (в России) 239
- классовая борьба 124, 296
- Коллективизм 274
- Консерватизм, консерваторы 31, 51
- Кооперация 8, 13, 278, 279, 328, 329, 336, 343, 350
- ссудо-сберегательные товарищества 18, 36, 107, 108, 268, 279–284, 343, 353
- потребительные общества 18, 283, 284, 266
- Крепостничество 208, 209
- Крепостное право 15, 34, 87, 165, 208
- в Европе 23
- крепостной строй/порядки 19, 20, 204
- значение его отмены 19, 41, 53, 81, 104, 143, 144, 163, 197, 198, 205, 208, 289
- Крестьяне, крестьянство 17, 19, 37, 41, 42, 83, 109, 160, 164, 304
- право на свободное самоуправление 170, 171, 288, 307, 309
- положение хозяйства 17, 70, 77–79, 81–83, 85–89, 100, 101, 203, 310
- и интенсивные системы земледелия 170, 292
- духовная жажда 53, 250–251
- стремление к просвещению 82, 89, 155–157, 251, 253
- отношение к интеллигенции 40, 81, 98, 145, 149, 153
- Крестьянский вопрос 301, 302, 310
- Крестьянский мелкий кредит 83, 88, 192, 268, 279–286, 294, 296
- Кулак/и 36–38, 62, 77, 86, 88, 116, 117, 141, 142, 151, 152, 191, 226, 228, 263, 265, 304, 306
- Кулачество 113, 118, 209, 210, 250

- Культура 122, 123, 208, 210, 238, 266
- европейская 6, 19, 231, 234
- высшая 8, 145, 327
- сельскохозяйственная 315
- Культурная работа/деятельность 4, 6, 10, 12, 154, 155, 213, 226, 228, 256, 257, 261, 263, 325, 327, 328, 330, 332, 340, 345, 346, 353
- виды 328
- и малые/частные дела 10–11, 218, 223, 329
- высшего порядка 328
- результаты 11, 12, 142, 155, 206, 213, 215, 219, 220, 223, 246, 248, 249, 258, 265
- Культурная самобытность народа 9, 19, 21, 106
- Культурничество* 6, 350
- Культурные одиночки 213, 220, 226, 265
- Либералы 21, 32, 51, 52, 55, 56, 58–61, 65, 69, 70, 118
- и буржуазия 207
- Либерализм 31, 52, 59, 61, 62, 65, 117, 124, 130, 132
- Личность 43, 44, 55, 72, 119, 124, 159, 197, 208, 209, 220, 225, 319
- и общественные формы 43–48, 57
- и прогресс 295, 296
- необходимость ее совершенствования/развития 45, 64, 160, 266, 295
- необходимость политических гарантий ее прав 92, 120–122, 234, 274, 304, 311, 312, 316
- Малые дела 218, 219, 221, 223–263, 327, 332, 351

- происхождение термина *10, 11, 257*
- обоснование необходимости занятий ими *38, 48, 72–76, 218–219, 334*
- критика *11, 212, 218, 257, 260, 349*
- защита (народниками) *218–224, 258, 262–263, 326–329*
- Манифест 17 октября 1905 г. *318, 321*
- Марксизм *270, 272, 278, 297, 300*
 - неомарксизм *269, 270, 298, 299*
 - как религиозная секта *297–298*
 - и народники *200, 292, 294–295, 299*
- Марксисты *217, 273, 275, 288, 295–299*
 - неомарксисты *296, 300*
 - и капитализм *297*
 - и крестьянство *239, 273, 279*
- Мысль *30, 31, 33–35, 38, 55*
 - критическая, индивидуальная (интеллигенции) *27, 31, 33, 38, 202, 325*
 - коллективная (народа) *38, 55–60, 199, 200*
 - преимущество коллективной мысли над индивидуальной *38, 56, 69*
- Народ (как трудящееся население)** *5, 33, 42, 197, 232, 243*
 - теоретический (идея, образ) *61, 64*
 - реальный/конкретный *63–64*
 - бедность *10, 70, 78, 137, 191, 192, 209, 305, 310, 326*
 - угнетение *6, 26, 120, 122, 142*
 - невежество *10, 97, 152, 260*
 - умственное изуродование *27*
 - способность к критическому мышлению *35*

- привычка к труду сообща *292*
- и закон *134, 138, 302, 327*
- и власть земли *208, 209*
- и революция *25, 27*
- поиск «правой веры» *250*
- условия выхода на историческую арену *32, 172, 199, 202, 319–320, 324*
- Народники *51, 52, 55, 56, 58–62, 105, 119, 121–124, 126, 194–196, 212, 235–237, 240–242, 288, 289, 292, 294–296*
 - культурники *6–13, 331, 336, 354*
 - политики *8, 11, 13*
 - коммунитарии *13*
 - либералы *61, 62*
 - западники *62*
 - практики *212*
 - истинные/преимущественные *52, 55, 58, 58*
- Народничество *6, 7, 50, 55, 59, 60, 113, 119, 124, 125, 194–196, 198–200, 203, 208, 211, 212, 233, 235–237, 239–242, 295, 296, 298, 300*
 - культурное/культурническое *6–8, 11, 13, 331, 332, 346, 349*
 - революционное *6, 7, 349*
 - «истинное» *55, 212, 240, 241, 349*
 - 1860-х гг. *289, 291*
 - крайнее (1 пол. 1870-х гг.) *233*
 - политическое (конца 1870-х – 1880-х гг.) *232–235*
 - среднее течение (1890-х гг.) *199*
 - трудности определения *194*
- Народничество персонифицированное *7–8, 13, 211, 212*
 - Воронцова В. П. *196, 199, 203, 211, 241, 343, 347*
 - Златовратского Н. Н. *51, 52, 58–59, 119–126, 337, 347, 348*
 - Достоевского Ф. М. *62–63*

- Каблиця (Юзова) И. И. 9, 38, 50, 55–58, 59–61, 195–196, 199, 295, 349
- Оболенского Л. Е. 13, 59–60, 62–64, 96–98, 332, 351
- Энгельгардта А. Н. 89–90, 106, 108, 118, 193, 223, 333, 350, 354
- Народническое мирозерцание 116, 124, 194–196, 237, 242
- идеализация народа 298
- Народное мирозерцание 29, 38, 57, 112, 198, 204, 232, 250, 319, 320, 325
- консервативность 9
- монархизм 9, 30, 81, 96, 334
- религиозность 96, 250
- общинный дух 110, 114
- косность 84, 306
- предрассудки 9, 41–43, 97
- начало переоценки ценностей 232, 250, 325
- Народные движения 24–29, 320–321
- Разина и Пугачева 22, 25, 32
- крестьян (1905–6 гг.) 321, 345
- рабочих 312, 320, 321
- их характер 25, 26, 319, 320
- Народный вопрос 51, 52, 59, 334
- Насилие 47, 87, 95, 106, 120, 123, 124, 153, 171, 173, 179, 203, 335
- как движущая сила истории 12, 47
- его безнравственность 47–49
- последствия для общества 95, 124, 203
- Наука 24, 31, 39, 40, 82, 97, 100–102, 117, 142, 186, 212, 260, 262, 293, 299
- агрономическая 111
- общественные 38
- экономическая 270
- и народ 89, 98, 206, 254

366

- Нация 210
- английская 291
- русская 20, 76, 232
- капиталистические 324
- Невежество, невежественность 37, 55, 138, 155, 176, 211
- сельское/деревенское 150
- «Неделя» 3, 7, 9, 10, 19, 59–61, 67, 68, 127, 128, 135, 140–143, 218, 331–335, 337–342, 346, 348–352, 354
- о задачах печати 14–23, 127–128
- полемика со «Страной» о народничестве 59
- о переселении интеллигенции в деревню 3, 140–143
- полемика с Н. В. Шелгуновым о малых делах 172–176, 218
- Неделизм 9
- Нигилисты 12, 99
- Нищета (пауперизм) 191, 255, 290, 294
- Нравственность (мораль) 35, 269, 293, 295, 315, 325
- тип 98, 204
- высшие основы 119, 121
- потребности 53, 124, 248
- развитие 46, 48, 57, 122, 124, 128, 183, 212, 329
- народная 19, 23, 42, 55, 98, 250, 328
- кружковая 184
- и грамотность 37

Обобществление производства 329

Обскурантизм 194

Общественная жизнь (в провинции) 71, 172, 215–216, 313

- лень, апатия, безучастность 72, 128, 218, 234, 266, 275, 315

- пассивность 217

- неуживчивость и склонность к регламентации 220
- отрицание идеалов и принципов 73, 264
- обуржуажение (культурного общества) 273, 296
- «светлые явления» 173–176
- Общественная мысль 31, 115, 116, 154, 194, 195, 197–199, 203, 230, 231, 233, 239, 272, 319
- Общественное мирозерцание 114, 154, 194, 197, 230, 236, 239, 273
- Общественные запашки 164–169
 - отношение крестьян 166–167
 - и земство 168
- Общество 5, 41, 92, 95, 97, 217, 314–317, 321
 - культурное/цивилизованное 43, 196–198, 204, 208, 220, 230, 273, 274
 - цель существования 190, 266
 - задачи 18, 56, 57, 143, 213, 234, 248, 300, 324, 329
 - правильное развитие 15, 44, 74, 75, 95, 96, 216, 218, 220, 238
 - культурно-просветительское движение 6, 104, 143, 212, 243, 246–249, 327
- Общественное мнение 18, 51, 164, 189, 194, 204, 205, 217, 273, 278, 325
 - и направление жизни 216
- Община (крестьянская) 15, 57, 114, 126, 165–167, 169, 171, 203, 207, 252, 295, 305, 307, 309
 - землевладение 276, 289
 - солидарность, альтруизм 201, 292
 - помощь бедным 169
 - и производительность труда 177
 - и малоземелье 292
 - разрушение общинных связей 114

- дифференциация 306
- борьба общности и индивидуализма 114
- право выхода 309
- и народничество 6, 15, 55, 292, 296
- Обычное право 301, 305
- Освободительное движение 5, 11, 230, 231, 318, 320, 322, 323
- «Отечественные записки» 14, 17, 18, 101, 135, 232, 235, 333, 335, 336, 338, 341, 343, 347, 348, 350, 354
- полемика с «Новым временем» об интеллигенции 100–103
- Парламент/аризм 48, 49, 278, 297
- Партии 33, 50, 59, 60, 62, 96, 99, 114, 117, 124, 240, 242
 - революционная 24, 25, 27, 29–35
 - политические 50, 58, 63, 99
 - общественные 160, 231
 - народная 33, 116
 - рабочие (в Европе) 271, 272
 - социал-демократические 271, 272
 - в России 50, 323, 325, 345
- Патриот/изм 68, 91, 93, 95
- Печать/литература 14, 18, 20, 21, 23, 49, 58, 74, 75, 104, 106, 188, 204, 206, 207, 232, 241, 264, 268, 306
 - народная 206, 212, 253, 289
 - буржуазная 102
 - провинциальная 175
 - консервативная 15, 94, 273, 335
 - либеральная 51, 94
 - народническая 195
 - марксистская 270
 - 1860-х гг. 188, 20, 73, 74, 188, 190, 191
 - 1870-х гг. 188, 190, 191
 - задачи 202, 215, 266, 289

- культурная миссия 127
- влияние на общество 16, 18, 20, 22, 127, 266
- положение 24, 127
- Политика 6, 106, 112, 116, 235
- внутренняя 7, 232, 291, 344
- «народная» (Александра III) 235–236
- Политиканство 127, 235
- «Посредник» (издательство) 158, 243, 248, 339
- Постепеновщина 312
- Почвенники 10, 13, 335, 337
- Прогресс 18, 19, 37, 38, 48, 55, 63, 64, 66, 74–76, 105, 120, 128–130, 132, 145, 196, 206, 212, 274, 295, 328
- мировой 172
- промышленный 116, 118
- агрономический 69, 89
- критерии (формула) 295
- механизм 95, 203, 216–217, 232
- движущие силы (агенты) 27, 49, 200, 231, 296
- факторы 117
- и насилие 12, 47, 95, 123, 124, 203, 347
- и будничная/черная работа 74, 75
- Пролетариат 45, 217, 268–270, 274, 276, 291, 299, 318
- западноевропейский 56, 294, 297
- фабричный 271, 272
- городской 200
- интеллигентный 83, 134, 176
- пролетарский вопрос 316
- Промышленность 21, 92, 116, 146, 203, 204, 275, 291, 303
- капиталистическая 161, 209, 274, 289
- крупная (машинная) 115, 117, 163, 164, 290, 301, 316
- сельскохозяйственная 301, 303

- наша (отечественная) 162, 272, 291
- народная (некапиталистическая) 200, 272, 310
- промышленные ассоциации 109, 283, 284, 320
- Пропаганда 30, 35, 53, 122, 123
- революционная 29
- просветительская 33
- религиозная 53, 54, 123
- пропагандисты 29, 32, 35, 53, 342
- Просвещение 32, 40, 98, 104, 117, 205, 218, 274, 300, 316
- народа 8, 32, 89, 243, 245, 246, 248, 249, 252

Работники 17, 63, 140, 148, 220, 223, 279, 308, 326, 329

- земледельческие 147
- интеллигентные 135, 140–144, 178, 226, 227

- культурные 226–228, 328

Рабочее движение 32, 312

- в России 321

Рабочие 32, 99, 113, 116, 117, 126, 148, 162, 163, 209, 280, 293

- русские 115, 270, 275, 294

- городские 271, 277, 299

- фабрично-заводские 162, 275–277, 290

- железнодорожные 164

- положение (на Западе) 280, 290, 291

Рабочие ассоциации (союзы)

- западные 221, 297

- в России 329, 330

- «Международное общество рабочих» 292

Рабочий вопрос 17

Равенство 64, 119–121, 123, 337

- христианское 121, 122, 337

Разночинцы 125

Раскол 53, 54, 251, 334, 352, 353
 Раскольники (старообрядцы) 53, 54, 66, 298
 - интеллигенция народа 54
 - и свобода слова 54
 - и пути достижения идеала 181
 Революция 24, 25, 27–30, 34, 35, 93, 314, 322, 323, 325
 - социальная 24, 28, 32, 269
 - политическая 122
 - промышленная 290
 - великая русская 319, 322
 - революционный 25, 27, 29–35, 274, 311, 319, 321–323, 324
 - и желания народа 35
 Религия 26, 35, 260, 298, 315
 - религиозный 29, 33, 53, 54, 65, 123, 156, 157, 207, 250, 289, 297–299, 313
 Республика 316
 Реформы 33, 91, 132, 313, 314, 324, 325
 - Петра I 47
 - Александра II 15, 94, 95, 112, 207
 - крестьянская 1861 г. 41, 112, 139, 163, 205, 304, 307, 339
 - ее недостатки 207, 300, 306
 - положительные стороны 198, 302
 - земская [1890 г.] 216
 - городская [1892 г.] 216
 - политические 320, 326, 350
 - и народ 207
 - и общество 216, 217, 312
 - и интеллигенция 252
 - пореформенные годы 139, 163, 199
 Россия 16–18, 20, 22, 25, 28, 29, 47, 50, 53, 84, 90, 91, 94–96, 100, 110, 112, 113, 115–118, 127, 133, 136, 137, 139, 144, 147, 148, 157, 161–164, 170, 183, 192, 194, 200–

202, 204, 205, 221, 230, 231, 233, 238, 242, 243, 246, 248, 254, 263, 317, 318, 324
 - империя 136, 234
 - могущественная военная держава 40
 - земледельческое государство 84
 - оскудение центра 307
 Россия и Европа 19–23, 40, 62, 63, 115, 117, 198, 233, 266, 278, 324
 - подражательный период истории 19, 20, 22, 23
 - самостоятельное/самобытное развитие 19, 22, 23
 «Русское богатство» 7, 11, 13, 51, 55, 213, 235–242, 332, 334, 338, 341, 342, 346–348, 350–352
 - полемика о народничестве 51–52, 55
 - раскол середины 1890-х гг. 235–242

 Свобода 31, 51, 53, 81, 89, 105, 120, 122–124, 130, 178, 205, 219, 260, 267, 300, 313, 318
 - политическая 8, 30, 51, 53, 81, 89, 105, 120, 122, 123
 - слова 52–54, 99, 118, 125, 131, 312–314, 316
 - печати 24, 52, 54, 118, 127, 297, 312
 - сходов и союзов 125, 297, 313, 316
 - совести (веры) 53, 99, 125
 - личности 120–122, 274, 312, 316
 - образования 89, 125, 186, 205, 327
 - распространения идей 54, 99, 130
 - экономического развития 114, 205
 - самодеятельности 65, 99
 - передвижения 126

- и массы 122, 320, 321
- Сельское хозяйство 110, 163, 189, 193, 223, 228, 276, 277, 300
- крупное 162
- упадок 301
- Славянофильство 124, 230, 241
- славянофилы 208, 212, 288
- Смута 93, 250, 311
- в жизни интеллигенции 211
- в сознании общества 212
- Собственность 20, 57, 83, 125, 126, 167, 203, 291, 299, 305, 310
- собственники 117, 276
- Солидарность (принцип) 23, 45, 164, 201, 204, 292
- Социализм 9, 241, 269, 274, 332, 344, 345
- социалистический 6, 8, 29, 231, 271, 310
- социалисты 113, 332, 334, 353
- Социология 56, 131, 311, 334
- социологический 11, 113, 194, 201, 242, 334
- социологи 7, 44, 331, 334, 336, 341, 343, 347, 349
- Справедливость 45, 54, 55, 91, 99, 103, 122, 191, 198, 204, 267, 274, 341
- Средний человек (личность) 46–48, 71, 73, 74, 76, 334
- Статистики 7, 10, 344, 246, 250, 351, 353, 354
- Теории (учения) 17, 73, 130, 132, 161, 191, 200, 237, 239, 271, 272, 279, 295, 297, 298, 318
- народничества 337
- русского демократизма 277
- общинного социализма 6
- типов и степеней развития 22
- малых дел 10, 11, 332, 334, 351
- субъективного развития 295

- органического развития общества 44, 45, 95, 96
- *органической культурной работы* 11, 350, 351
- толстовщина (непротивления злу насилием) 187, 188, 212, 335
- *мертворожденности капитализма* 347
- Маркса 271, 293
- транскapиталистической эволюции 272, 275
- западной (немецкой) социал-демократии 272, 273
- Террор 91–93
- правительственный 91, 94, 323
- народный 92
- революционный 96
- Террористы 95
- и реформы 93
- Техники 133, 138, 141, 142, 215, 222, 227, 256
- Толстовцы 187, 193, 340, 350, 354
- отрицание прогресса и цивилизации 212
- Университет 69, 100, 106, 144, 146, 149, 179, 182, 183, 256, 260, 269, 296, 311, 348–353
- мужицкий 159
- и деревня 145, 149, 150
- и общество 145
- Устои 21, 22, 208–210
- народные 116, 207–209
- старые 250
- новые 337
- Утопии 106, 120, 122, 295, 296, 334
- Учителя (народные) 79, 80–82, 109, 134, 143, 174, 186, 202, 211, 214, 215, 219, 222, 227, 243, 245, 248, 255, 256, 326, 351
- мужицкие 80, 89

- земские 6, 191, 223, 224
- сельские 135, 139, 144, 150, 153–156, 159, 229
- положение 69–70, 80, 150–153, 158, 173, 215, 227, 258

Фельдшеры/фельдшерицы 80, 138, 143, 149–151, 158, 191, 256

Физический труд 148, 192, 212, 258, 260–262, 343, 350

Филантропия 37, 70

- филантропический 147, 168, 169

Философия 35, 240, 266, 293

- философский 46, 48, 60, 61, 119, 195, 197, 200, 242, 271, 298
- философы 258, 334, 335, 345, 351

Хождение/движение «в народ» 8

- первое 9
- второе 12
- третье 10, 338

Христианин/ство 39, 64, 65, 68, 120–122

- христианский 105, 121

Цареубийство 1 марта 1881 г. 3, 10, 90, 94

Царь, царский 26–28, 32, 81, 96

Цивилизация 23, 75, 98, 212, 289, 336

- европейская 22, 62, 198, 300
- наша (отечественная) 291
- народа 210, 324

Частная инициатива 137, 140, 192, 193, 242–249, 336

Человек (люди) дела 80, 159, 221, 318, 263

Читальни 244, 246, 251

- Чтения (народные)** 244–246, 249, 251, 254, 255, 352
- воскресные 265

Школы 37, 38, 72, 80, 148, 150–152, 155–157, 159, 174, 245, 254–256, 260

- грамотности 224, 247, 248
- воскресные 79, 174, 224, 245, 247, 249, 255
- вечерние 226
- мужицкие 79–82, 89, 247
- земские 70, 71, 80, 143, 152, 223, 224, 326
- технические и сельскохозяйственные 142, 192
- высшие специальные 144, 183
- недостатки 181–183, 191, 252, 260, 265, 302, 305, 315

Эволюция 270, 322

- общества 199, 200, 272
- общественной мысли 232, 233, 237
- экономическая (промышленности) 271–275, 324
- естественная 274, 324
- процесс 170
- механизм 231, 233

Эгоизм, эгоистический 72, 85, 190, 201, 306

- интеллигенции 55

- крестьян 85

Эксплуататоры 34, 73, 86

Эксплуатация 42, 85, 109, 125, 191, 126, 138, 146, 279

- человека (человеком) 37, 106
- народа (кулаками) 26, 116–118
- рабочих (буржуазией) 164, 231, 274

Юристы 44, 104, 110, 133, 134, 138, 143, 144, 154, 159, 222, 227, 258, 350

БИБЛИОГРАФИЯ

Общая

Балуев Б. П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков / Б. П. Балуев. – М., 1995. – 267 с.

Блохин В. Очерки истории народнической мысли второй половины XIX века / В. Блохин. – М., 2009. – 212 с.

Гордеева И. А. «Забытые люди». История российского коммунитарного движения / И. А. Гордеева. – М., 2003. – 240 с.

Дворкин В. З. Концепция интеллигенции в социальной философии народничества / В. З. Дворкин // Философия и освободительное движение в России : межвуз. сб. – Л., 1989. – С. 131–145.

Зверев В. В. Эволюция народничества : «теория малых дел» / В. В. Зверев // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 86–94.

Зверев В. В. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. От сороковых к девяностым годам XIX в. / В. В. Зверев. – М., 1997. – 366 с.

Зверев В. В. Русское народничество : учебное пособие / В. В. Зверев. – М., 2009. – 286 с.

Козьмин Б. «Народники» и «народничество» / Б. Козьмин // Вопросы литературы. – 1957. – № 9. – С. 116–135.

Лачаева М. Ю. Исторические представления народников / М. Ю. Лачаева // Историография истории России до 1917 года : учебник для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. – М., 2003. – Т. 2. – С. 334–369.

[Максимов Е. Д.] *Слобожанин М.* К вопросу о культурной работе в ее историческом развитии / М. Слобожанин // Жизнь для всех. – 1909. – Декабрь. – Стлб. 41–56.

Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции / Г. Н. Мокшин. – Воронеж, 2007. – 357 с.

Мокшин Г. Н. От теории «малых дел» к широкой «культурной работе» : эволюция легального народничества в 1880–1890-е гг. / Г. Н. Мокшин // Воронеж народниковедческий : сб. ст. – Воронеж, 2012. – С. 98–114.

Мокшин Г. Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. / Г. Н. Мокшин – Воронеж, 2010. – 298 с.

Оболонский А. В. Драма российской политической истории : система против личности / А. В. Оболонский. – М., 1994. – С. 178–185.

Поликарпова Е. В. Идеология народничества в России / Е. В. Поликарпова. – М., 2001. – 337 с.

Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. – Л., 1978. – 416 с.

Харламов В. И. О периодизации истории либерального народничества в России (Постановка вопроса, литература, задачи изучения) / В. И. Харламов // Проблемы истории СССР. – М., 1979. – Вып. 10. – С. 101–117.

Харламов В. И. Из истории развития либерально-народнической мысли в пореформенной России / В. И. Харламов // «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). – М., 2005. – С. 673–713.

К разделу I

Аптекман О. В. Зачатки культурного народничества в 70-х годах / О. В. Аптекман // Историко-революционный сборник. – М.; Л., 1924. – Т. 1. – С. 9–36.

Есафов В. И. А. Н. Энгельгардт. 1832–1893 / В. И. Есафов. – Екатеринбург, 2001. – 196 с.

Зенкова К. В. Взаимоотношения интеллигенции и народа и вопрос об идеалах в русской критике второй половины 1870-х годов / К. В. Зенкова // Учен. зап. Карельск. пед. ин-та. – Петрозаводск, 1967. – Т. 18. – С. 48–58.

Книгин И. А. Леонид Егорович Оболенский – литературный критик / И. А. Книгин. – Саратов, 1992. – 106 с.

Козьмин Б. П. Публицистическая деятельность П. П. Червинского / Б. П. Козьмин // От «девятнадцатого февраля» к «первому марта». – М., 1933. – С. 159–185.

Мокшин Г. Н. Вопрос об интеллигенции в легальной печати начала 1880-х гг. / Г. Н. Мокшин // Ист. записки : науч. тр. ист. ф-та ВГУ. Вып. 11. – Воронеж, 2005. – С. 17–30.

Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов в общественном движении 1870-х гг. / Г. Н. Мокшин // Общественная жизнь Центрального Черноземья России в XVII – нач. XX века : сб. науч. тр. – Воронеж, 2002. – С. 158–169.

Мокшин Г. Н. С. Н. Кривенко и Борисоглебский кружок народников (1869–1871 гг.) / Г. Н. Мокшин // Общественная жизнь в Центральной России в XVI – нач. XX вв. : сб. науч. тр. – Воронеж, 1995. – С. 104–118.

Пеньков А. И. В. П. Воронцов и возрождение народнического аполитизма в начале 1880-х гг. / А. И. Пеньков // История и историография правого народничества : сб. ст. – Воронеж, 2014. – С. 186–198.

Фирсов В. М. И. И. Каблиц о соотношении личности и общественной среды / В. М. Фирсов // Актуальные проблемы истории философии народов СССР : сб. ст. – М., 1983. – С. 31–39.

Харламов В. И. Теория «малых дел» Юзова в оценке читателей-современников / В. И. Харламов // Из истории общественно-политической мысли России XIX в. : межвуз. сб. науч. тр. – М., 1990. – С. 93–112.

Харламов В. И. Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70–80-х годов XIX в. / В. И. Харламов // Вестник Московск. ун-та. Сер. 8. История. – 1980. – № 4. – С. 39–53.

К разделу II

Балуев Б. П. Политическая реакция 80-х годов XIX в. и русская журналистика / Б. П. Балуев. – М., 1971. – 316 с.

Банк Б. В. Изучение читателей в России (XIX в.) / Б. В. Банк. – М., 1969. – 262 с.

Буланцев Х. С. Пионеры провинциальной печати. Первые шаги демократической прессы российской провинции второй половины XIX в. [К. В. Лаврский] / Х. С. Буланцев. – Л., 1981. – С. 50–78.

Головко В. М. Социально-философские идеи эволюционного развития в теоретическом наследии Я. В. Абрамова / В. М. Головко // История и историография правого народничества : сб. ст. – Воронеж, 2014. – С. 199–216.

Зверев В. В. «Теория малых дел» Я. В. Абрамова / В. В. Зверев // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. – Ставрополь, 2013. – С. 70–104.

Канаева Т. М. П. А. Гайдебуров (1841–1893) – общественный деятель и редактор «Недели» / Т. М. Канаева // Вестник МГУ. Сер. История. – 1982. – № 4. – С. 28–37.

Левин С. В. Земские статистики в общественной жизни страны / С. В. Левин // Вестник СурГПУ. – 2013. – № 4. – С. 31–40.

Михайлова Н. Н. Н. Златовратский и Л. Толстой (Идейные искания Н. Н. Златовратского в 80-е годы) / Н. Н. Михайлова // Русская литература. – 1969. – № 4. – С. 136–147.

Мокшин Г. Н. Л. Е. Оболенский как идеолог легального народничества 1880-х гг. / Г. Н. Мокшин // Вестник ВГУ. Сер. 1. Гуманит. науки. – 2003. – № 2. – С. 246–256.

Мокшин Г. Н. Что такое «абрамовщина»? (К истории одного мифа о Я. В. Абрамове) / Г. Н. Мокшин // НаукаПарк. – 2015. – № 10 (40). – С. 24–28.

Новак С. Я. Я. В. Абрамов – пионер «теории малых дел» / С. Я. Новак // Отечественная история. – 1997. – № 4. – С. 80–85.

Пашков А. М. Приклонский : от царского чиновника до народнического публициста / А. М. Пашков // Новый исторический вестник. – 2009. – № 20. – С. 105–115.

Пирумова Н. М. Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе / Н. М. Пирумова. – М., 1986. – 270 с.

Харламов В. И. Кружок Н. Н. Златовратского и Товарищество И. Д. Сытина (Страницы идейно-философской истории издательских начинаний

московских народников 80-х гг. XIX в.) / В. И. Харламов // Книга. Библиотека. Культура : Аспекты теории и истории. – М., 1998. – С. 260–272.

Харламов В. И. Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70-х – 80-х годах XIX в. / В. И. Харламов // Революционеры и либералы России : сб. ст. – М., 1990. – С. 163–185.

К разделу III

Балуев Б. П. Споры в конце XIX века о роли интеллигенции в исторических судьбах России / Б. П. Балуев // В раздумьях о России (XIX век) : сб. ст. – М., 1996. – С. 297–324.

Бокова В. М. Пругавин А. С. / В. М. Бокова // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 2007. – Т. 4. – С. 165–167.

Зверев В. В. Гипотеза или единственно верная научная теория? (марксизм в оценках умеренного крыла русского народничества в 90-е гг. XIX в.) / В. В. Зверев // История и историография правого народничества : сб. ст. – Воронеж, 2014. – С. 102–119.

Жвания Д. Д. П. А. Соколовский, народник-реформист и кооператор / Д. Д. Жвания // Кооперация. Страницы истории : избр. тр. российских экономистов, общественных деятелей, кооператоров-практиков : в 3 т. – М., 2001. – Т. 1. – Кн. 2. – Ч. 2. – С. 339–353.

Колеров М. Народническое наследие и русский марксизм : 1890-е годы / М. Колеров // История мировой культуры : традиции, инновации, контакты. – М., 1990. – С. 58–70.

Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов и Н. К. Михайловский (К истории раскола в народническом журнале «Русское богатство» в середине 1890-х гг.) / Г. Н. Мокшин // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Вып. 3–4. – Воронеж, 2001. – С. 63–67.

Мокшин Г. Н. В. П. Воронцов о развитии политического сознания крестьянства в период первой русской революции / Г. Н. Мокшин // Труды молодых ученых ВГУ. Вып. 1. – Воронеж, 1999. – С. 327–330.

Мокшин Г. Н. Идеи и жизнь «артельного человека» С. Н. Кривенко (1847–1906). 2-е изд. / Г. Н. Мокшин. – Воронеж, 2012. – С. 166–180.

Новак С. Я. Общественно-политическая деятельность Я. В. Абрамова в конце XIX – начале XX века // С. Я. Новак, Э. В. Кемпинский // Я. В. Абрамов в истории культуры и общественной мысли России. – Ставрополь, 2013. – С. 150–161.

Прокопенко З. Т. Е. Д. Максимов-Слободжанин и В. Е. Евгеньев-Максимов. Из истории российской науки / З. Т. Прокопенко. – Белгород, 2002. – 268 с.

Хорос В. Г. «Русское богатство» в середине 90-х годов / В. Г. Хорос // Вестник Моск. ун-та. Сер. Журналистика. – 1967. – № 6. – С. 29–40.

Учебное издание

**КУЛЬТУРНОЕ НАРОДНИЧЕСТВО
1870-1900-х гг.**

Хрестоматия

Издано в авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. Н. Мокшина*
Художественное оформление *Е. Ю. Бочарниковой*

Подписано в печать 20.07.2016. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 21,9. Уч.-изд. л. 23,5. Тираж 100. Заказ 523

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3